

Москва

9
2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Дмитрий АРТИС. Прямо как ты. <i>Стихи</i>	3
Анатолий САЛУЦКИЙ. От войны до войны. <i>Роман. Часть вторая</i>	9
Владислав ПОПОВ. Шиповник плакал... <i>Стихи</i>	93
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Всё к лучшему... <i>Рассказ</i>	96
Александр СЕГЕНЬ. Альпийские снега. <i>Роман. Окончание</i>	110
Александр ШАГАНОВ. Папа. <i>Рассказ</i>	169

ОЧЕРКИ И ПУБЛИЦИСТИКА

Антон КАРПОВ. Я помню этот день... <i>Окончание</i>	173
--	-----

КУЛЬТУРА

Галина ДЕРБИНА. Булгаковские шарады. <i>Литературное расследование</i> ..	192
Валерий КУЗНЕЦОВ. Служа таинственной Отчизне...	195
Двенадцать вопросов ВАСИЛЕНКО. <i>Беседа Михаила ПОПОВА</i> <i>с первым секретарем Союза российских писателей</i> <i>Светланой ВАСИЛЕНКО</i>	202
Астьер БАЗИЛИО ДА СИЛЬВА ЛИМА, Илья ОГАНДЖАНОВ. «Стихотворение, суровое, как сама война»	208

МОСКОВСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

<i>Рецензии на книги:</i> Оксана ВАСЯКИНА. Рана. — Дмитрий ДАНИЛОВ. Саша, привет! — Захар ПРИЛЕПИН. Собаки и другие люди. — Гузель ЯХИНА. Эйзен. — Ирина ШАТЫРЁНОК. Неизвестные автографы белорусских писателей-партизан	212
---	-----

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Александр ВАСЬКИН. Легенды Арбата.
«Круглый дом» Константина Мельникова 221

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Священник Георгий СЕЛИН. Царство антихриста внутри вас есть 232
Игорь БЖЕЗИЦКИЙ. Добрый Бог и смерть 238

Главный редактор В.В. АРТЁМОВ (495) 691-71-10	
Генеральный директор В.В. КОВАЛЁВ (495) 691-83-91	
Заместитель главного редактора М.М. ПОПОВ (495) 691-71-10	
Отдел прозы и поэзии	Н.В. БАЕВА (495) 691-68-01 И.А. ОГАНДЖАНОВ (495) 691-68-01
Домашняя церковь	С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01
Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84	
Корректор О.И. ИВАНОВА	
Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА	
Общественный совет:	
игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ, П.В. МУЛЬТАТУЛИ, А.С. САЛУЦКИЙ, <div>М.Б. СМОЛИН</div> (председатель), митрополит ТИХОН (ШЕВКУНОВ), А.В. ЩИПКОВ	

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Рукописи, присланные по электронной почте, рассматриваются.
Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 16.08.25. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная.
Тираж 1480 экз. Заказ
Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации
Подписные индексы: П2211 — «Почта России».
Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.
Электронная версия журнала: www.moskvam.ru; **e-mail:** priem@moskvam.ru
Соцсети: ВКонтакте. <https://vk.com/public180826834>
Одноклассники. <https://ok.ru/group/60690496159795>
Telegram. <https://t.me/moskvajournal>
Яндекс Дзен: <https://zen.yandex.ru/moskvam>

Отпечатано в АО «Красная Звезда». 125284, г. Москва, Хорошевское ш., 38. Тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62. Сайт: <http://www.redstarprint.ru>; e-mail: kr_zvezda@mail.ru.
ISSN 0131–2332
Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.
© Журнал «Москва» № 9, 2025

ДМИТРИЙ АРТИС

ПРЯМО КАК ТЫ

Нюансы

Нюансы — наше всё.
Для писателя нет ничего
важнее нюанса.

Пишем ли мы
о тефлоновой бабочке,
скользящей по ветру,
или о ратном подвиге
русских воинов —
нельзя забывать о нюансах.

Чем больше мелких деталей,
тем объемнее картина.
Но есть нюанс.
Только с ним картина
обретает истинный смысл.

Можно потратить
множество знаков,

Дмитрий Артис (настоящее имя Дмитрий Юрьевич Краснов-Немарский) родился в 1973 году в Калининграде Московской области (ныне Королёв). Окончил Российскую академию театрального искусства и Литературный институт имени А.М. Горького. Поэт, драматург, театральный деятель.

Печатался в периодических изданиях «Другие берега», «Москва», «Современная поэзия», «Российский колокол», «Дети Ра», «Зинзивер», «Литературная газета», «Нева».

Автор семи книг стихотворений.

Лауреат национальных и международных премий в номинациях «Драматургия», «Поэзия» и «Литературная критика».

Член Южнорусского союза писателей и Союза писателей Санкт-Петербурга.

Живет в Санкт-Петербурге.

устремляя вдохновение
в сторону мира во время войны.
Можно любить живые цветы,
можно искусственные.

Нюанс в том,
на чьей земле растут первые
и в чей венок вплетают
вторые.

* * *

Две тысячи двадцать четвертый.
Россия. Санкт-Петербург.
Средняя школа. Шестой класс.
Предмет «Обществознание».

Родители пожаловались на то,
что учительница травмировала детей,
показав на одном из уроков фильм
о немецких концентрационных лагерях
в период Второй мировой.
Великой Отечественной.

Теперь учительница осторожна.
Она ведь любит свою работу.
Не потерять бы...

Тема нового урока:
«Защитники Отечества».
Надо написать сочинение,
рассказать своими словами
об истории подвига,
какого-нибудь такого...

Учительница поясняет,
в скобочках поясняет,
что можно рассказать
об ученом или спортсмене.

В скобочках уточнение.
Важное уточнение.
Вслух не произносится,
но является ключом
для правильного понимания
школьного задания.

Вслух не произносится,
только она произносит —
какого-нибудь такого —
в скобочках поясняет,

подчеркивая, говорит,
что можно... чего боится.

Инфантилизм — это вирус.
Передается капельным
через мозг от родителей к детям,
от детей к учителям.

Зарази страну инфантилизмом
и делай с ней что хочешь.
Она сама для себя построит
концентрационные лагеря
из уважения к немцу.

Кап-кап. Кап-кап. Кап-кап.
Вода камень пробьет,
а голову и подавно.
Не так страшно.
Живут же люди
с пробитыми головами,
не помня прошлого,
не замечая настоящего,
не имея будущего.

Живут же люди,
да только те здравствуют,
у кого с иммунной системой
все хорошо.

Да здравствует
девочка-шестиклассница,
которая в две тысячи
двадцать четвертом
выведет в заголовок
школьного сочинения
последние слова
настоящего защитника Отечества:
«Встречайте, суки, папу!»

* * *

В детстве ездил на электричках зайцем.
Пролезал сквозь дырку в заборе,
запрыгивал на платформу,
влетал в тамбур и доставал из рюкзака
«Анну Каренину».

Детство было долгим.
Почти до самого ухода на войну.

В девяностых зайцы плодились
 неестественным путем.
 Размножались иначе.
 Недостаток средств на оплату проезда
 повышал демографию.

Зайцы носились по поезду,
 спасаясь от контролеров.
 Перебегали на остановках по улице
 из вагона в вагон.
 С глубоким состраданием
 наблюдал за ними,
 прижимая к груди «Анну Каренину»
 обложкой наружу.

В нулевых и десятых
 количество зайцев
 существенно снизилось.
 Остались избранные,
 преданные своей участи,
 хранящие традицию
 незапамятных времен.
 И я был с ними.

«Анна Каренина» не подводила,
 срабатывала всегда.
 Контролер в нашей стране —
 человек начитанный.
 А право выбирать себе смерть
 самостоятельно
 ценится выше всего.
 Выше принципов, на которых стоит
 его величество мироустройство.

Оценив человека с «Анной Карениной»,
 редкий контролер спрашивал
 о наличии проездного документа.
 Как правило, проходили мимо,
 участливо кивнув головой.
 А если спрашивали,
 ответа не дожидались.
 Да и каков ответ может быть?
 Человек молчит,
 когда говорит книга.

Теперь у меня есть социальная карта.
 Прикладываю к валидатору,
 терминалу или турникету,
 бесплатно прохожу
 и сажусь ближе к окошку.

«Анна Каренина» дома, в тепле и в уюте.
 Та самая «Анна...»
 в потрепанном переплете.
 Да хранит ее Бог,
 потому что умеет хранить.

* * *

Иногда лежишь и думаешь, вот бы лечь.
 Раздражаешься не по делу, но дел не ищешь.
 В этом году небо такое сильное,
 что земля кажется какой-то слабой,
 опрокинутой набок, разуверившейся в себе,
 шипящей от безысходности
 на задворках вселенной,
 прямо как ты.

* * *

Заказал топор на «Озоне».
 В хозяйстве понадобился.
 Пошел получил.

Вышел из пункта выдачи заказов.
 Иду мимо продуктового с топором.
 Захотелось сладенького.

Захожу в магазин, спрашиваю:
 «Где тут у вас полочка со сладеньким?»
 Глаза добрые, лицо улыбчивое,
 а топор-то крепко держу за рукоять.

Показывают.
 Беру торт «Чародейка».
 Смотрю дату изготовления.
 Не просроченный.

Иду на кассу.
 Глаза добрые, лицо улыбчивое.
 В одной руке «Чародейка»,
 в другой топор.
 А топор-то крепко держу
 за рукоять.

Положил «Чародейку» на ленту,
 достал телефон из кармана.
 Пробыли. Оплатил.
 Не обманули.
 Телефон убрал.
 Не выронил.

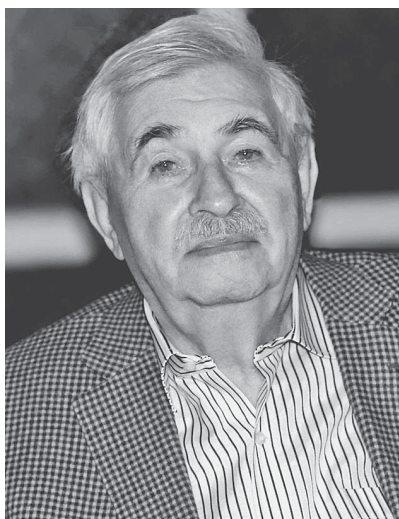
Поблагодарил за сладенькое.
За сладенькое да не просроченное.

Иду домой.
Счастливый.
Глаза добрые, лицо улыбочное.
В одной руке «Чародейка»,
в другой топор.
А топор-то крепко держу
за рукоять.

* * *

Пока еще не понимаю:
дом убивает меня
или вытягивает из той тьмы,
в которой оказался
по возвращении с войны.
Здесь точка, только точка.
Вопросительный знак
не поставишь.
Потому что констатация.
Метания между тьмой и светом
внутри ожидания
завтрашнего дня.

АНАТОЛИЙ САЛУЦКИЙ

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ

Анатолий Самуилович Салуцкий родился в 1938 году в Москве. Окончил Красноярский институт цветных металлов и золота. Писатель, публицист.

Работал сотрудником газеты «Комсомольская правда», заведующим отделом редакции газеты «Вечерняя Москва», первым заместителем ответственного секретаря «Литературной газеты», специальным корреспондентом отдела публицистики журнала «Советский Союз».

Публиковался в различных газетах и журналах. Автор сотен публицистических статей на политические и остросоциальные темы.

Академик Академии российской словесности. Первый заместитель председателя правления Российского фонда мира.

*Член Союза писателей СССР.
Живет в Москве.*

РОМАН

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Дневной жар свалил, было безветренно и уютно. Дмитрий Кедров сидел на шатком, скрипучем крыльце, тысячи раз обмытом дождями и талыми снегами, и душу его переполняли восторги.

Просторный пятистенок с шиферной крышей, кое-где уже тронутой зеленью мха, приютился на краю деревни, и сразу за дырявым тыном начиналось заброшенное поле с куртинами дикого бересклета. Сколько хватало глаз отсюда, с бугра, открывалось такое широкое раздолье-приволье, что дух захватывало. Ниже, у подножия пологого ската, радовал глаз невесть откуда набежавший сюда березовый перелесок — по грибы туда, наверное, с косой ходят! — за ним снова лежало широкое поле, а дальше до горизонта поднимались темные лесные увалы.

Кедровы закатились в эту глухую, вымирающую деревеньку случайно. Мечта о даче зацепила Ульяну после рождения Тимоши, о чем она объявила сразу по возвращении из роддома, однако за пять лет ни разу не обмолвилась на эту тему, понимая, сколь она болезненна для мужа, маявшегося от финансовой несостоятельности. Но однажды, уложив спать детей, накрыла на кухне скромный стол и после пары рюмок «Столичной» — они обожали эти посиделки без повода, балуя себя трогательной душегрейной беседой, — сказала:

— Димка, явилась мне мысль по дачному обустройству. Как говорит Кондрат Егорыч, «купила у нас притупила», всю жизнь будем за ценами гнаться. Вот и вздумалось: на кой пес нам дача? С кем равняться?

Продолжение. Начало — Салуцкий А.С. От войны до войны. Элита: измена в тылу. М.: Наше завтра, 2023. 400 с.

Купить бы какой-никакой домишко в дальней деревеньке, и вопрос решен. Что скажешь?

Принялись листать журнальчики объявлений и наткнулись на глухомань за Плещеевым озером. Так и написано — «глухомань», то бишь с намеком на «продам дешево». Дмитрий позвонил, ответила женщина, похоже, средних лет, которая предупредила, что со смотринами не просто. Дом выморочный, она едет туда в субботу — через знакомых удалось раздобыть «буханку» для вывоза мелкой мебели. Покупателей может захватить с собой, это самый удобный вариант, потому что выкроить еще один день ей сложно.

Дмитрий не растерялся, спросил:

— Сколько?

— Сколько дадите, — усмехнулась женщина.

— Да нет, спрашиваю, сколько человек можете взять?

— А-а... Хотите путешествовать с ребенком? — сообразила она.

— Желательно с двумя.

Если честно, Кедровы изначально не собирались залезать совсем уж в глухомань. Вариант в Батуристине был пробным, поездка планировалась как бы пристрелочная, вдобавок семейная, на потрепанной «пятерке», с экскурсионным заездом в Переславль-Залесский. «Буханка» этим планам не мешала, на смотрины можно было махнуть караваном, но Дмитрий хорошо знал свою жену: все равно заставит перезвонить и уточнить, можно ли в «буханке» с детьми.

И верно, Уля ухватилась за спартанский вариант.

На машине они доехали до улицы Павла Корчагина, где их ждала «буханка». Рядом стояла женщина увесистой комплекции, в очках. Одета просто, в приталенном платье цвета кофе со сливками, однако чувствовалось — не из простых: платье обычное, да очень уж подогнано по фигуре, как влитое, очки с шейной цепочкой, лицо ухоженное.

Путевые разговоры начались не сразу. Как заведено, продавец и покупатель присматривались друг к другу, обмениваясь дежурными эмоциями о погоде, благоприятствующей дальней поездке, о детях, которым летом лучше на природе. И Дмитрий прикидывал, что Лидия Ивановна — так она назвалась, — явно желающая сбыть с рук свою «глухомань», в не близкой дороге начнет прошупывать покупателя, дабы не слишком задрать цену, однако и своего не упустить, а потому примется нахваливать «товар». Однако, к его удивлению, сущностный разговор она повела не в свою пользу.

Оказывается, изба в Батуристине досталась ей по наследству, от тетушки, которую судьба обделила потомством.

— Тетя Христя называла себя эхом войны. — Достала из коричневой планшетной сумки брендовый шерстяной платочек «Domini», сняла очки и говорила, протирая их. — Овдовела уже в сорок первом да так и осталась с проседью в сердце, всех женихов война выбила. Корила себя, что убоялась строгих правил того времени, испугалась, глупая, родить безмужнее дитя, шутила горько, что не учла расписание жизни: часы идут, дни бегут, а годы-то летят. Старшая сестра, мама моя, уехала в Москву, я-то насквозь городская, а тетя Христя осталась в родных осинах, отцовский дом стерегла. Дом наш, он древний, с историей, на нем копоть веков. А уж последние лет пятнадцать я его тянула. — Закончила вводную совсем странно: — Теперь у меня головомка: отдать дом в хорошие руки.

Дмитрий с Уляной переглянулись: похоже, заламывать цену она и впрямь не станет, неведомое Батурино становилось привлекательным.

Но по пути случился еще один знак. Когда свернули с трассы и на берегу озера увидели легендарный ботик Петра Первого, Дмитрий и Ульяна, не сговариваясь, в голос взмолились остановиться. И после сумасшедшего детского восторга — корабль на земле! — снова многозначительно обменялись взглядами.

А уж когда в Батурине открылись их глазам великие русские дали, вопрос решился сразу и бесповоротно: едва сдерживая радостные улыбки, заговорщицки подмигнули друг другу. Ничто их уже не смущало: ни пять кэмэ песчаной дороги, где местами буксовала даже «буханка», ни избу-развалюха, они толком ее и не осмотрели: в нежилом доме сыро, затхло — скорее на воздух, на простор, где не оторвать глаз от грандиозного вида, который кружит головы и который они вознамерились «купить», чтобы прожить свой век в этой красоте.

Сторговались быстро. Лидия Ивановна и впрямь запросила умеренно. Однако оказалось, продажу дома она отягощает обременением. И когда коснулась самой важной для нее темы, тут Дмитрий и понял смысл ее путевых размышлений — она подспудно изучала покупателей: хороши ли руки?

Поддержав дружные восхищения Кедровых, сказала:

— Не знаю рода ваших занятий, поймете ли вы меня, но я, глядя на эти просторы, вспоминаю Бердяева, который писал о факторе русских пространств. — В очередной раз занялась очками. — Бердяев, понятно, имел в виду не зрительные эффекты, а величие державы, но здесь, на этом далекозорном бугре — кстати, местные его называют Алешин бугор, — меня всегда одолевают мысли о России. Приезжала навестить тетю Христю, садилась на лавочку с прислоном... Во-он она, за штакетником, в деревнях с таких лавочек, под стать завалинкам, смотрят на улицу, а здесь — в необъятные дали... Так вот, садилась на лавочку и упивалась волшебным видом. Какие только мысли высокие не наплывают, когда стяжаешь красоту великой русской природы! Здесь раньше зерновые сеяли, сразу за околицей и во-он до той рощицы — ее, кстати, кличут Дунькин лес, — и на ум знаете что приходило? В последние годы, в мареве девяностых... Слышали, возможно, «Над пропастью во ржи», книга? Там дети бегут среди высокой ржи и не ведают, что впереди пропасть. А мне на ум приходило другое: все мы теперь над пропастью во лжи и тоже не ведаем, какие ждут нас напасти.

Становилось ясно, что Лидия Ивановна и верно не из простых, что собеседники они соразмерные. Однако расчехляться, начинать разговор в тон, Дмитрию не хотелось, не до бесед, в душе теснилась радость: мой он, мой он будет, этот неповторимый, с волшебным, чарующим видом Алешин бугор! Сердце билось чаще, от полноты чувств дыхание перехватывало, он чуть ли не физически ощущал, как зарождается в душе предчувствие новой жизни, новых времен, которые наступят, когда они с Улей обоснуются здесь. Алешин бугор, с которого видны дальние дали, словно переносил его из сегодняшней России в завтрашнюю, очнувшуюся от морока девяностых. Она сказала «мареве девяностых»? Нет, «морок девяностых» лучше.

Он кивал головой, согласно отзываясь на размышления Лидии Ивановны, давая понять, что не расходится с ней во мнениях, и она после основательной подготовки несколько высокопарно изложила свое «обременение»:

— Понимаете ли, уважаемый Дмитрий, я вынуждена расстаться с домом не по денежным мотивам. В моем элегантном возрасте он в бытовую логику не вписывается, а дочь к этому месту равнодушна, потерялась она во времени и пространстве, утомленная жизнью к двадцати годам... — Сделала паузу, внимательно посмотрела на Дмитрия и продолжила с лег-

ким ударением: — Месту особому, как я считаю, месту силы. Для нее это просто глухомань со «скворечником» на дворе и одичавшей горькой яблоней. А без призора дом сгинет, он уже в запустении... Понимаю, жить в нем, да еще с детьми, не комфортно, вы его снесете, другой поставите. Но — на святом для меня месте! Да, да, это место для меня святое! Так вот... Понимаете ли, Дмитрий, обременение при продаже дома в том состоит, что хотелось бы договориться о следующем... — Снова сделала паузу. — Разрешите мне изредка приезжать сюда, чтобы упиваться этим видом. В моем понимании «хорошие руки» — это люди, способные понять мои чувства и умеющие держать слово.

Тут уж не выдержала Ульяна:

— Лидия Ивановна, о чем вы говорите! Мы за честь сочтем, если будете в гости навещать!

Она улыбнулась:

— Ваши слова, насколько я себе представляю, можно принять за старорусское «по рукам».

Но на этом удивления того незабываемого дня не кончились. В полумраке старого дома с тусклыми окнами Дмитрий не сразу разглядел старинный комод, за которым приехала Лидия Ивановна. Но когда вместе с шофером вытащили его на свет Божий, чтобы грузить в «буханку», стало ясно, что комод не просто старинный, а, похоже, с секретом. К пяти ящикам — два в верхнем ряду, три нижних — были привинчены допотопные ручки, но не шурупами, а, похоже, сквозными болтами с гайками внутри. И эти ручки замками средних размеров были скреплены с массивными скобами на основном теле комода. Иначе говоря, без ключей открыть ящики невозможно — только топором.

Дмитрий удивился:

— Ого! Настоящий сейф! Видимо, под замками хранится нечто весьма ценное.

Лидия Ивановна развела руками:

— Понятия не имею о содержимом этого, как вы говорите, сейфа. Тетя Христя при мне комод не открывала, а я не считала возможным любопытствовать. Мало ли что тетушка не хотела оставлять после себя, нельзя отнимать у человека право редактировать свою жизнь, перед тем как ее чтением займутся потомки. Надо полагать, здесь, — постучала по крышке комода, — некие семейные реликвии, но для меня он сам служит реликвией. Пусть семейное прошлое всегда будет со мной.

В «буханку» комод влез впритык, и на обратном пути пришлось поджимать ноги, сидя в неудобных позах. Дмитрию почему-то запомнилась даже эта микронная подробность первого путешествия в Батурино. И, глядя на великие русские просторы с крыльца дома — уже своего, уже отчасти обжитого! — он с тихой радостью думал о странностях того памятного дня, который изменил устройство его жизни, придав ей новые смыслы.

2

Времена настали смутные, тревожные, мглистые. Именно мглистые! Это словечко частенько сверлило сознание Арсения, заставляя до мигрени вдумываться в текущий день. Такие времена, как он считал, таят в себе хитрую тонкость. Он помнил знаменитое, 70-летней давности «Россия во мгле», считая, что в потемках, дабы не споткнуться, лучше всего притулиться в тихом жизненном закутке и ждать, когда забрезжит. Но мглистое

время это не слепая мгла; для острого ума, умеющего угадывать очертания событий, это полумрак, которого страшатся серенькие личности, и он дает отличный шанс сделать жизнь. А потому прочь пугливое безделье, надо искать и искать, чтобы ухватить свою пользу.

Он еще в 92-м понял, что в новой России проектное дело обречено на гибель, и мысль о подломе приговоре истории не давала покоя. На финише перестройки по дурацкой, постыдной для его возраста наивности он погряз в иллюзиях. Облученный пустозвонным витийством горбачевских прорабов, уверовал, глупец, что жарко чаемая свобода общения с границей позволит проектным институтам ринуться на мировой рынок: школа у нас классная, а технические нормы и стандарты всюду одинаковы. К тому же по части радения советские проектировщики, влачившие скудную жизнь за железным занавесом, всем фитиль вставят. И возьмут верх в ценовой конкуренции — лишь бы дорваться до долларов и евро, пусть по минимуму. Ох, мечты, мечты... На деле вышло с точностью до наоборот: открывшийся российский рынок мигом захватили турки, которым проложили путь славные демократические СМИ, до неприличия восторженно, как потом выяснилось, за мзду пиарившие их мастерство. Сытые времена лопнули с треском: институт сверстал портфель заказов только на 30 процентов, пошли задержки с зарплатой, и стало ясно, что к осени придется сократить каждого десятого. Трудовое право кануло в вечность вместе с СССР, резать штатное расписание предстояло чуть ли не по жребию и по живому.

Директора института Арсений считал архитектором своей карьеры, чуть ли не вторым отцом, который оценил его старания и вознес до начальственного уровня, включив в резерв на главного инженера. Шеф глаза вытарашил, когда его протеже вместо списка сокращаемых штатных единиц положил на стол «по собственному желанию».

— Поддал вчера лишнего? Иди проспись. — И после нудного разговора тяжело вздохнул. — С тебя отвальная.

Отвальных набежало три: в среду со своим отделом, в четверг со средним звеном института, в пятницу узким составом — шеф и главный инженер с замами — в тайной комнате отдыха при директорском кабинете.

Допивали поздно вечером вдвоем в старинном ресторане «Палкин» на Невском, где шеф, выслушав Арсения, поставил диагноз:

— Э-эх, дела наши грешные. Не знал, что ты авантюрист. В сорок лет менять профессию! Перед таким шагом положено позаботиться о хорошей обуви, чтобы в пути не переобуваться. А ты в новом деле, считай, босый. Смотри, как бы не переквалифицироваться в управдомы.

Уволившись, Арсений уехал «причесывать мозги» в отчий дом, до Москвы меньше 150 верст. Этот дом, где рос до восемнадцати, был его сакральным приютом, и раз в несколько лет он проводил здесь двухнедельный отпуск, подзаряжаясь жизненной энергией. Еще студентом, тоскуя в Ленинграде о родных краях, написал стиш, в котором каялся за измену:

Смотрит в поле деревушка.
На задворках дремлет тишь.
Эй, советская избушка,
Ну чего ты так грустишь?
Отвечают избы хором:
Поживи здесь — сам поймешь.
Будь он проклят — чудо-город,
Что так манит молодежь.

Где ж та удаль гармониста,
Страсть девичьих жгучих глаз?
Ночь теперь глуха и мглиста.
Часто сны пугают нас.

И уже по пути домой чувствовал, как множится в нем уверенность в завтрашнем дне. Пока на перекладных — поезда-автобусы теперь ходили вне расписания — добирался до родной деревеньки, заново перебрал в уме обстоятельства жизненного виража и докопался-таки до причины, побудившей швырнуть коту под хвост двадцать лет стажа. Нет, не блажь, не авантюра, охотно и дальше проектировал бы системы водоснабжения, но сработал врожденный инстинкт самосохранения. Словно сторожкий зверь, загодя учуял он опасность, исходящую от новых условий жизни, и ясно осознал, что в своей профессии, как ни крутись-вертись, он обречен на прозябание. Жевать кактус он не желал.

А где ухватить свою выгоду? Как рыбку съесть и косточкой не подавиться?

В родных пенатах мысли совсем успокоились. Старший брат Терентий, с которым они вечно собачились, пребывал где-то в сибирской тайге — формально по своей воле, но, похоже, из-за комбинации жизненных обстоятельств, — и ничто не мешало Арсению углубиться в размышления о наступивших мутных днях. В итоге он пришел к выводу, что вовремя включил мозги, ибо, вопреки образному суждению директора, отправился в путь не босиком — как минимум в сандалиях. Приняв судьбоносное решение, он три месяца — по будням вечерами, в выходные с утра до ночи — сидел в Публичке и листал дореволюционные журналы. Знаменитая Публичка на Невском, у Екатерининского сквера, когда-то называлась Императорской библиотекой и хранила в архивах историю бизнеса на Руси. В советские годы библиотеку нарекли Российской, царские архивы засекретили. После 91-го ее окрестили Национальной, и периодика столетней давности стала общедоступна. Арсений с упоением набросился на старые журналы, многие из которых были неразрезанными, и не без удивления обнаружил, что в его жизни возник новый интерес. В безмятежном деревенском покое, с любимым сызмальства птичьим перекликом, случайный поначалу интерес вырос до жгучего стремления ухватить за хвост Жар-птицу завтрашнего дня.

Как ни странно, этот порыв, на уровне азарта, придал его мыслям неведомое ранее направление.

Хотя крещен, в Бога он не верил, считая, что в силах обустроить жизнь без потусторонних подсказок. И все же, попросив мать в летнюю пору не жарко истопить печь, по детской памяти забравшись на теплую лежанку и под тихое пение сверчка обдумывая рискованный жизненный шаг, Арсений впервые задался вопросом: а сам ли он измыслил сей причудливый зигзаг судьбы, или же решение пришло через откровение Божие? Слишком дерзко, слишком поперечно прошлому вздумал он жить дальше, — без благословения страшновато. И внезапно в сознании яркой искрой мелькнула мысль о высшем Промысле...

Московское начало обнадежило.

Новенькая, с иголки Федеральная страховая служба, которую избрал Гайдар, размещалась в самом центре, в манежном истоке Тверской, в старинном здании рядом со спичечным коробком отеля «Националь». Порядки в ту пору были первобытные, простодушные, и охрана — в лице пожилого, изможденного милицейского чина — без расспросов, пряями-

ком направила Арсения в приемную главного начальника: второй этаж, кабинет номер 5.

Встретила его секретарша, напомаженная девица скучного вида в полупрозрачной кофте блекло-желтого цвета. Когда-то в Политехе о таких говорили: «Упала с самосвала, тормозила головой». Не спрашивая, кто и зачем пожаловал, объявила, что глава службы сможет принять не ранее чем через час: у него переговоры с иностранцами.

Арсений был поражен. Шагу не ступил по новой жизненной стезе, здесь он никто, нуль целых и хрен десятых, а уже угодил на прием к главному страховому начальнику. Дас ист фантастиш! Хороший знак! В голове застучало то, о чем не раз думалось: вот оно, странное, путаное, «мглистое время», дающее шанс. Но вдруг опять явилась недавняя мысль о высшем Промысле. Спроста ли ему дан час на раздумья? Явись он сюда вчера или завтра, мог бы войти в главный кабинет сразу, с ходу? А сегодня его слегка попридержали. Не велено ли пораскинуть умом?

Через много лет, обдумывая свое житье-бытье, Арсений пришел к выводу, что неспроста он обратился за Божьей помощью, попросив благословения. До той поры жизнь его протекала хотя в трудах-заботах, однако в «самолетном», крейсерском режиме. Все шло само собой: окончил гидрофак Политеха, проектировщиком мотался по большим стройкам, делал карьеру — о высшем Промысле не помышлял. Чего ради? Но, совершая личный подвиг, он потерял высоту, вошел в пике, из которого сумеет ли выбраться. У кого искать поддержки? Маму родную вспомнишь, да она лишь пожалеет-приголубит. И только Господь милостивый всегда на всепомощной вахте, только Он подбодрит и наставит.

По своим прежним правилам Арсений переждал бы часок, дабы предстать пред очами высокого начальника, — очень может стгодиться такое знакомство. Но в тот день его словно под бок кто толкнул: «Иди подумай!» И он попросил у секретарши разрешения ненадолго отлучиться, чтобы не мозолить ее очаровательные глаза.

На противоположной стороне Тверской кишкой кишела густая толпа. Она начиналась где-то далеко, возможно у памятника Юрию Долгорукому, а то и с Пушкинской, перед гостиницей «Москва» сворачивала за угол и мимо Большого театра змеисто ползла к Лубянке. Нырнув в пестрое людское скопище, Арсений с немалым удивлением оказался в старорежимной толкучке, каких вдоволь повидал в фильмах о разрухе времен Гражданской войны. Нескончаемым торжищем тянулись по тротуару продавцы всего и вся — от ношенной обуви и одежды до зонтов, хрустальных вазочек, палехских шкатулок, электроутюгов, кухонной дюралево-чугунной рухляди-утвари, столовой посуды, рюмок-стаканов, даже скобянки, строительных гвоздей и рулонов туалетной бумаги. Аж в глазах рябило. Обреченно, ни голосом, ни жестом не рекламируя товар, а держа его в руках или разложив на газетке, кинутый на асфальт, стоял в этом скорбном ряду бедно одетый, потертый жизнью, возрастной, а чаще пожилой люд, который вынес на продажу все, за что можно взять копейку. Изредка шныряли шумливые юберы в фирменных кепках-восьмиклинках, торговавшие краденым товаром и предлагавшие в обмен на рубли однодолларовые купюры. А мимо медленно текла плотная толпа ленивых зевак, мало покупающих, но не упускающих возможность пощупать или покрутить в руках нестандартный товар.

Он двинулся к Лубянке, разглядывая безделушки, которых было в избытке. Увлечшись, чуть не натолкнулся на брюхастого борова, который торговался с щуплым мужичком. Не в силах нагнуться, показывая паль-

цем на складной нож, лежавший на газете, фальцетом, неожиданным для его комплекции, требовал:

— А теперь эту фигню дай глянуть. Ну-ка. Это что?

— «Белка» с прямым лезвием, — протягивая нож, ответил мужичок, сидевший на фанерном ящике. — Для дельного человека вещь незаменимая, все режет, дерево строгает, как бритва.

Брюхастый, с выпирающим габсбургским подбородком, пару раз открыл-закрыл лезвие, вернул вещицу, снова указал пальцем:

— А это что?

— Рыбацкий тройник. Вещь! Цевье длинное, самое-самое, чтоб вываживать щуку на мелководье.

— Рыбак-охотник, что ль?

— Было дело на досуге. Пока не разгегемонили.

— Это как?

— А чего как? На Тушинском заводе полвека отработал, а теперь рабочий класс побоку.

Было ясно, торга не будет, но на барахолке и пустые разговоры в цене.

— На Тушинском? А ты, минуточку, уж не «Буран» ли клепал?

— Ишь, хитер монтер, все тебе скажи.

Арсений перестал вслушиваться, обогнул борова, вместе с толкучкой потек дальше, но вскоре его внимание привлек высокий, худой, живые мощи, старик, продававший фетровую шляпу федеру с тремя вмятинами. Резанул уши его звучный, низким тембром ответ кому-то:

— Главный вопрос, уважаемый, в том, за истину ли терпим?

Покупателя, тоже не из молодых, длинноволосого, видимо, интересовала не столько шляпа, сколько возможность посудачить. Он почесал в затылке:

— Этот вопрос батюшке задавайте. Я не с этой радости здесь толкусь.

— А при чем здесь батюшка? О вере не спорят. Вопрос мой в том, как бы в наших палестинах чего против веры не вышло. Идет отлив русской жизни... Туда ли нас взащей манят?

Длинноволосый воскликнул:

— Ишь, едят тебя мухи, как заговорил! Это другой разговор. Да, в народе тоска, сейчас все объясню...

Арсений изучающе оглядел старика со шляпой и двинулся дальше, сокрушаясь по поводу ужасающей житейской катастрофы, постигшей народ и заявившей о себе барахолкой в самом центре Москвы. Человеку, видевшему это отнюдь не стихийное бедствие, было о чем подумать. Неопрятная, разномастная толкучка обнажила изнанку эпохи, возвеличенной медийным бомондом за свободу нравов и обилие колбасы. Беспутное, горемычное время безжалостно швырнуло под колесо истории старшее поколение, превратив его в бесчеловечный секонд-хенд. Забракованных жизнью, этих людей ждала беспросветная бедность, ибо возраст не давал им шанса освоиться в новых бытийных реалиях... То была дьявольская политическая насмешка — в красочную обертку прав человека завернули горькую, ядовитую начинку.

Влившись в толпу, оглушенный, подавленный горестным шумом времени, он не заметил, как вместе с ней дошаркал до «Детского мира». Нескончаемая картина всеобщего бедствия заставила ужаснуться своей детской наивности: клонул на красивые речи! Было стыдно за себя, ай-яй-яй, как вдохновенно просиял в глупостях! А теперь висит на подножке жизни... В чувство его привел непривычный вид облысевшей площади Дзержинского — без памятника! Он видел по ТВ, как неистово толпа сбрасывала его с по-

стамента, но только сейчас, пройдя «через строй», где шомполами били по самолюбию и самооценке, с предельной ясностью осознал всё. Всё! Невольно вспомнилось где-то читанное: неужто настает конец времен и прекращение дней? И сразу ответ: нет, нет и не-ет! Жестко продиктовал себе: по жизни вспять не ходят, и он обязан оплатить свои глупости, свой кретинизм успешной карьерой в страховом деле. Обя-а-зан.

От этих мыслей очухался, заторопился назад, на Тверскую. Теперь ему было ясно, что делать: он не пойдет к главному начальнику — незачем! — а выяснит, где обучиться на страховщика.

Как пришло такое решение, Арсений не осознавал; увлеченный стихией барахолки, вроде бы и не раздумывал на эту тему, а вот же оно — твердо знает, как поступить. «Подсказано свыше», — мелькнуло в голове, когда он вторично предъявлял паспорт изможденному милиционеру чину в подъезде.

Курсы, где наспех готовили страховых агентов, приютил Финансовый институт, до которого, оказывается, рукой подать: пару остановок на троллейбусе, Настасьинский переулок, сразу за Пушкинской, вход с Дегтярного, через арку гостиницы «Минск». В ажиотаже успешного дня Арсений споро добрался, как мелькнуло в голове, до отправной станции в новую жизнь и оплатил две программы обучения — «Руководители страховых компаний» и «Актuarные расчеты». Что до «руководителей», здесь все ясно: «Целься в бога». Но, верный своим правилам, решил освоить и полевую профессию. Об актуариях, то бишь спецах по страховым тарифам, в ту пору слухом не слыхивали, — территориальные тарифы готовил Фининститут, — и в новом деле Арсений предпочел стать одним из первых. Задача, которую он сформулировал для себя, приобрела четкую форму: обогнать, не догоняя!

Поразительное было время. Спустя пару лет в начальники страховых контор уже не брали без кандидатского звания. А в 92-м свидетельство с правом возглавить агентство мог получить любой проходимец, прошедший трехнедельное обучение на курсах. Между тем человек со стороны Арсений Меланин, авантюрно меняющий профессию, наобум нырнувший в неведомую страховую стихию, чаемую клондайком, со свойственной ему самоиронией считал себя именно проходимцем. Как и сокурсников, слетевшихся «на жареное» из многих российских краев. Кстати, из Росгосстраха, преемника советского Госстраха, — никого! Бывшая служивая серость посчитала зазорным осваивать рыночные премудрости, хотя в стране мигом народились новые виды страхования — квартир, грузоперевозок, водных и воздушных судов, даже космических рисков и различных видов ответственности. «Навечно вчерашние», — думал о советских страховых агентах Арсений, мысленно посылая по трехбуквенному адресу тех, с кем придется конкурировать.

Полтора месяца — два курса! — он исправно посещал лекции, постигая прозу и поэзию страхового дела. Дважды в день проходил мимо длиннющей очереди в Макдоналдс на Пушкинской и нахваливал себя: эти универсальные потребители Стругацких, эти крошечные идиоты ломаются за картошкой фри — в жиру топленном ее жарят, вот радость! — а я учусь новому делу. И особо преуспел в актуариях: расчеты зачастую ведут на основе теории вероятности, но высшую математику Арсений изучал в Политехе и на лету схватывал формулы зависимости тарифов от текущей убыточности. А что до спартанских условий учебы — в аудитории столов не было, сидели на стульях, конспекты черкали на

коленях, — разве это проблема? Белая кость — налоговики и банковские операторы, которых обучали по соседству, тоже теснились стул к стулу.

Шла торопливая, конвейерная, с азов подготовка младшего комсостава для прорыва на новом рыночном фронте.

3

На Лубянке, в бывшем доходном доме страхового общества «Россия», кабинет Филиппа Бобкова не поражал размерами, но из него открывался широкий вид на площадь с памятником Дзержинскому, на гостиницу «Метрополь», за ней на «Москву», а в итоге взгляд упирался в далекую колоннаду Манежа. Когда Бобков переместился в стеклянный небоскреб на набережной, рядом с Белым домом, его кабинет стал меньше, но широкое окно выходило к реке и позволяло обозревать даль прямого, как струна, парадного Кутузовского проспекта. Теперь Бобкову отвели и вовсе скромные апартаменты, да и вида никакого — прямо под окном буйное, набитое машинами Садовое кольцо; чтобы увидеть приметные пилоны Крымского моста, надо сильно скосить глаза влево.

Впрочем, комфорт по части служебного бытования для него не имел значения. В молодости он сполна натрудился на фронтах Великой Отечественной, получив несколько ранений, в том числе тяжелое, и всю остальную жизнь только и делал, что шевелил мозгами, — в нем открылся дар аналитика. Но человеку, работающему мозгами, антураж не очень важен, было бы удобно. А Светлана Миронюк, с которой Филипп в тесной связке работал у Гусинского, прекрасно знала его аналитическую мощь. Возглавив РИА «Новости», она пригласила Бобкова в советники, с надлежащим почтением предложив условия, которые он посчитал достойными. И основным среди этих условий был уж точно не кабинет, а возможность создать «при себе» группу внештатных консультантов, мудрствующих над перспективными проектами Агентства.

А кого звать в сотоварищи?

Ясное дело, тех, с кем общался в прежние времена, — не служил на Лубянке, а именно общался по вопросам не секретного свойства. За десятилетия тысячи собеседников «прошли» через Бобкова, с кем-то встречался раз-другой, с иными был на связи годами и среди этого множества постепенно нащупал людей, близких по умению мыслить, склонных к аналитике. Из них и выбирал, первым пригласив в РИА «Новости» старого приятеля Ивана Семеновича Колесова, генерала, бывшего резидента в Бельгии и Штатах. Не забыл Кондрата Егоровича Кедрова, цеховского кадровика, которого в шутку называл человековедом и с которым сблизился в МОСТе. Позвал и ветерана газетных баталий Сурена Авакяна. Все они не у дел, свободного времени в избытке. К тому же, рассуждал Бобков, пенсионерам лишняя копейка не помеха.

В итоге компания подобралась еще веселее, чем в МОСТе у Гусинского. Вдобавок к ней порой присоединялся еще один аналитик крупного калибра — знаменитый Энвер Мамедов, начинавший переводчиком на Нюрнбергском процессе, видевший герингов и риббентропов, а закончивший карьеру замом главного на центральном ТВ. Миронюк и его пригласила в советники, мудрая женщина.

И теперь это был уже не Пиквикский клуб, как у Гусинского. Обдумывая текущее, приходилось прикидывать облик грядущего, а в этом дели-

катном вопросе раз за разом возникали расхождения с мнениями именитых экспертов, которые владычествовали на телевидении.

Бобков давно понял причины расхождений. В какой-то из книг вычитал любопытные мысли Эйнштейна о соотношении правды и истины. Суть в том, что у каждого своя правда, но истина всегда одна, она объективна. А применительно к теории относительности постулат звучал так: наблюдатель, находящийся на движущемся объекте, не может верно оценить происходящее на нем; понять, что происходит, может лишь тот, кто наблюдает за объектом со стороны, в масштабе Вселенной. Приложив мысль Эйнштейна к своей ситуации, Бобков пришел к простому выводу: именитые эксперты, правящие бал в СМИ, погружены в событийную текучку, то есть находятся на движущемся объекте, а он, Бобков, вышедший из Большой игры, — «наблюдатель со стороны», изучает «объект» в широком контексте.

Филипп утвердился в справедливости такого подхода, когда к власти пришел Путин. Гусинский, который «по-пацански» строил отношения с властью, не прислушался к его совету, не стал осторожничать, по привычке пошел в кавалерийскую атаку. В итоге оказался в Бутырке. Вспомнив о том случае, Бобков мысленно улыбнулся: в первую для Гусинского тюремную ночь у Бутырки слонялись десятки потрясенных, растерянных мостовцев и дежурил «мерседес» с номером «три двойки».

В полном составе консультанты собирались в маленьком кабинете Бобкова не часто, и такие сборы становились для них праздником души: после деловых обсуждений угощались чаем с лимоном, и начинался треп на общие темы, в котором бывшая советская номенклатура без стеснений давала прикурить нынешней. Но заглядывали они к Филиппу и по отдельности — пообщаться, излить душу, изнывающую по поводу очередных причуд власти. Чаше других заходил Кедров, обычно к концу рабочего дня, и были случаи, когда они шли домой вместе — степенно, прогулочным шагом. Жили-то неподалеку, в арбатских переулках, Бобков в Денежном, Кедров в Староконюшенном.

В какой-то раз шли по Кропоткинской, а навстречу — расфуфыренный господин лет сорока. Броский пиджак в черно-белую полоску, шейный платок всех цветов радуги узлом на груди, гладкая прическа с блеском бриолина. На фоне серенькой публики павлин выглядел чудовищно, его внешность била в глаза. А когда поравнялись, в нос ударил убойный запах шипра.

— Да-а, антиприродная сущность во всей красе, — комментировал Кедров.

Бобков поморщился:

— Парламентских выражений на него нет, будь он неладен... Другое тревожит, Кондрат: среди бела дня расхаживает сей господин по улицам, из кожи лезет, чтобы привлечь внимание. Всей сутью своей, от нарочито виляющей походки до радужной косынки, вызываяще вопит: «Я ге-ей!» Кондрат, мы же с тобой понимаем, что сие значит. Постели им уже мало, интимить тайком надоело, начинают на нравы замахиваться. Кстати, ребята из ФСБ говорят, что среди этой публики появились геи, зарабатывающие на жизнь громкими заявлениями и заплывами за буйки, вроде таких красочных прогулок.

Эта тема давно беспокоила Бобкова. Незаметно, без громких скандалов, наподобие яйцеприбивальщика, страдавшего на Красной площади, гендерная повестка украдкой вползала в повседневный обиход, все чаще напоминая о себе хитроумными намеками. В детских книжках и мультиках

радугой осеняли объятия однополых малышей, сетевые блудодеи навязчиво муссировали гендерные особенности личностей вроде Элтона Джона, смакуя душегубительную ересь и разогревая тему. Устроили пышную рекламу поганой фотографии двух целующихся милиционеров, с подтекстом назвав ее «Эра милосердия». На ТВ непомерно часто принялись насмеяться над западным секспросветом. Вроде бы с издевкой, однако Филипп помнил, как в 50-е годы эстрадные бичующие пародии познакомили зрителей с рок-н-роллом, который под видом лихого танцевального шаржа с киками — высоко поднятая нога — пропихнул в сознание молодежи ансамбль Игоря Моисеева. Тревожнее же всего было мягкое по форме, но железное упрямство, с каким в Агентстве, на нижних редакторских этажах, отсекали публикации против радужной клубнички. На профессиональном жаргоне это означало, что «тема на стопе». Голубое лобби втихую оккупировало СМИ. А эпатажный фронт, прилюдно, нагло козыряющий своим отклонением, эта вызывающая фронда, скликающая партнеров, похоже, следующий этап. Началось публичное продвижение бренда.

Но вести серьезный разговор о новой угрозе не хотелось. Филипп отшутился:

— Жаль, что этот срамной скоморох в одиночестве. Шли бы такие бесы втроем, было бы что-то вроде гей-парада. Наши мужички таким занимательным господам порадили бы от души, не дожидаясь милиции.

Однако в Кедрове этот мерзкий тип шевельнул нечто личное. Мрачно пробурчал:

— Они уже готовят свою структуру. В деревне у Дмитрия такая же перхоть завелась. Новосел наподобие этого перца гейскую малину держит, к нему из Москвы та еще публика наезжает. Глухой угол, людей почти нет, дрекольем их шугануть некому. Да и закон таких поганцев оберегает: отклонения, частная жизнь. Вот и держит голубое шапито.

— Кстати, тебе Дмитрий свою деревню показал?

— Был пару раз. Места красивые, раздольные, но жить пока неудобно, да и дорога так себе.

— А как Ульяна?

— Все лето на грядках, с утра до ночи. Говорит, дети в безлюдной деревне сами пасутся, пригляд почти не нужен. Я видел, она ими без устали командует: одно принеси, другое отнеси, это поддержи, а то подай. К труду приучает. Нас огородными деликатесами снабжает, на зиму банки с природной снедью закручивает. Грибочки, между прочим, у нее прекрасные, лисички, даже белые. Как-нибудь принесу.

— Имей в виду, если возникнет нужда, я ее в Агентство от души буду рекомендовать. Дмитрий-то воз тянет?

— С трудом. Но Ульяна себя детям посвятила, а на огороде подрабатывает. Между прочим, Филипп, не такая уж слабая подмога: все лето зелень-овощи на столе, да и зимой есть чем закусить. Капусту шинковать наловчилась, до Нового года тыквенной кашей балуемся, морковь, чеснок — все свое. Со следующего года яблони-кусты начнут плодоносить.

— Ты, смотрю, домашним натурфилософом заделался.

В Денежном они распрощались, и до Староконюшенного Кондрат плелся в одиночестве. Невеселые думы одолевали старого бойца.

Наглый фронт, осквернивший Пречистенку, заставил вспомнить позавчерашние сетования Ульяны, потрясенной нравами бесцеремонного новосела. Этот персонаж со странностями купил выморочный дом, — слава богу, на другом конце деревни — и привозит из Москвы мужиков, которые не только не скрывают голубых пристрастий, но и публично утверж-

дают новые забавы: взяли за моду в обнимку напоказ разгуливать по улице. Ишь, бесовня, дядьколюбы! Шабаш ведьм на Лысой горе! У них там что — свальный грех?

Гендерные проблемы для Кондрата были чужими, он их в расчет не брал, но вдруг за пару дней дважды о них споткнулся. В голове мелькнул любопытный рассказ академика Чазова о парных случаях в медицине: десять лет не было в деревне, чтобы топором руку рубанули; но если случилось, жди скорого повтора, такова статистика. А Чазов человек мудрейший, смысл рассказа сводился к тому, что неписанный медицинский закон парных случаев, похоже, имеет всеобщий характер.

Филиппу Кондрат выплеснул возмущение новым дрянным поветрием эмоционально, чего за ним не водилось. Человек советской выделки, да к тому же кондовый сибирский мужик, он бунтовал против тех, кто исподнюю интимность жаждет казать всему белу свету. Версию о разгуле развратных поползновений отдельных личностей он отбрасывал с порога — за гадостным гендерным безумием отчетливо проглядывал коварный политический проект, который продвигают недруги глубокого залегания. И Кедров, верный своим правилам, тоже пошел на глубину, мысли его обратились к бывшей советской интеллектуальной элите, которая вмиг стала элитой антисоветской.

Как в былые цековские времена, он «прокачивал ситуацию».

Вообще говоря, мгновенная метаморфоза, случившаяся в мозгах верхушки мыслящего слоя, его не удивляла. Он хорошо знал публику, которая суетилась вокруг партийных лидеров разного ранга в расчете на денежные должности, статусные премии или зарубежные вояжи. Ожидаемым было и то, с какой легкостью Запад приватизировал интеллигентскую элиту, которую за глаза даже в ЦК называли либеральной диссидентцией. В позднем СССР она жила двоемыслием, жаждала стать частью Запада и рвалась за границу, мечтая разбежаться по разным португалиям, все более отчуждаясь от страны. Кондрат вспоминал историю с прозападной перестроечной мафией, взращенной в «Проблемах мира и социализма», и с горечью думал о том, что чертово западничество — давняя болезнь русских умственных людей. На сей счет у Кедрова была своя историческая концепция. Марксизм пришел с Запада, но Сталин снял лозунг о мировой революции, и подспудно за его репрессиями против ленинской гвардии маячило глубинное недоверие к Западу. Но явился Хрущев, и в его устах лозунг «Догнать и перегнать!» обрел новый смысл: речь шла о зависти к изобилию западных прилавков. Народ предупреждал анекдотами: «Перегонять не надо, они наш голый зад увидят!» Но Никита сделал ставку на потребление, а военно-морской флот порезал. Фронтовик Брежнев восстановил военный паритет, однако идейному разоружению противостоять уже не мог, к власти прорвались хрущевские западники, дети и духовные наследники ленинской гвардии. Расцвело бытовое западничество: на кухонных посиделках главной бытийной темой были иностранные шмотки и обувь, косметика и алкоголь, зарубежные командировки и турпоездки. Остроумцы семидесятых выкинули лозунг «Жизнь за биде!», которым обозначили импортные стандарты своей жизни и уровень интеллигентских мечтаний того времени.

Но радужный тип, нарочито разгуливающий по Москве с явным намерением легализоваться публично, вернул мысли Кондрата к текущим дням. А чем, собственно, крен Хрущева в потребление отличается от стремления Путина повысить уровень жизни, если в обоих случаях идет идейно-культурный разброд с пересмотром нравственных ценностей? При Никите

он обернулся крутым западничеством, а сегодня людей накачивают жадой личного успеха, пичкают верой в личностный рост и прочими нетрадиционными для России ценностями, превращающими народ в публику.

Эта неожиданная мысль застала Кедрова около бывшей цековской поликлиники в Сивцевом Вражке, где он продолжал лечиться, и так сжала виски, что он предпочел зайти в холл, чтобы отсидеться в мягком кресле. Небольшие скачки давления его не пугали, он приспособился, носил в кармане капотен и знал, что в таких случаях надо минут на пятнадцать сбавить нагрузку. А что до духовного разброда...

Свободу мнений, наступившую после 91-го, Кондрат с его образным мышлением уподоблял кастрюле, в которой новая власть готовит демократическое варево, но вовремя не уняла огонь, и кастрюля начала подгорать. Расфуфыренный тип на Кропоткинской, гейская малина в деревне были вонью от подгоревшего варева.

Героем Великой Отечественной пройдя через толщу двадцатого века, Кондрат понимал, что в свинцовом небе девяностых звезды для него не сошлись, что старость его выпала на чуждую эпоху, и смирился с судьбой, покорно отдавшись во власть дум, которые ученый люд называет мышлением наихудшего сценария. По этому поводу Дмитрий грубовато шутил: «Отец, у тебя закончился тестостерон». Но новый поворот голубой темы с его запредельным бесстыдством, чуждым русскому строю жизни, придал мыслям новое направление. Он впервые осознал, что живет в транзитном мире, что точка не поставлена, перемены рано или поздно неизбежны, и с легкой грустью гадал, успеет ли увидеть зарю нового российского дня.

В Староконюшенный он свернул в успокоительных размышлениях. Что поделаешь, издревле известно: перед тем как стать лучше, должно стать хуже. Испокон веку так устроена историческая жизнь стран и народов, что сначала камни с легкостью разбрасывают, а потом с превеликими трудами принимаются их собирать.

4

Горе горькое накрыло странного человека Алексея Журбу нежданно-негаданно.

После десятилетки, в 90-м, когда все в стране ходило ходуном, а будущее стало непредсказуемым, Коленька задумал двинуть по стопам отца. Гуманитарий по духу, идти в «юристы-экономисты», о чем возмечтал чуть ли не весь малаховский выпуск того года, сын убоился — конкурс запредельный — и выбрал непритязательный, но спокойный вариант. Семья одобрила, и он впервые самостоятельно начал ездить в Москву — сперва на разведку, а затем в приемную комиссию Педагогического.

Однажды вернулся возбужденный, с восторгом делился, сколь необычна-непривычна перестроечная жизнь в столице. Один Макдоналдс, о котором оглушительно шумят уже полгода, чего стоит! В гигантской очереди он, правда, не толкался: нет денег на таинственные бургеры и роллы с загадочным картофелем фри. Зато в этой очереди и вокруг нее та-а-а-а-а творится! Какая свобода разговоров, какие славные ребята ватагой крутятся на Пушкинской! Нет, не зря о «Маке» столько пересудов. И вообще, в Москве кругом развлечения, мир, полный новых красок!

А спустя пару недель при Педагогическом открылись краткосрочные курсы для абитуриентов, и теперь Коленька мотался в столицу ежедневно. Зоя заворачивала ему пакетик с легким бутербродным перекусом и

давала лишний рублик, чтобы перехватил где-нибудь стаканчик бледно-коричневого молочного кофейку. Однако еще через неделю сын от домашнего вспоможения отказался, благо подкармливать бутербродами с чаем начали на курсах. Бесплатно! Алексей, признаться, немало удивился — не те ныне времена, чтобы кто-то одаривал щедротами, — но обдумать ни странное новшество, ни словечки типа «развлекухи» в лексиконе сына не успел. Вскоре стряслось нечто ужасное: вечером Коленька домой не вернулся.

Терзаясь в страшных догадках, спать они не ложились. Что делать, если с парнем беда? Куда стучаться? Как разыскивать? Время зыбкое, жить скользко, привычный порядок бытия рушился, и Журба, приютившийся на обочине бурной перестроечной жизни, не умевший толкаться локтями, не знавший судьбоносных форс-мажоров, растерялся. Но на следующий день Коленька, спасибо тебе господи, объявился. Были долгие бабушкины причитания, счастливые мамины слезы — нашелся! — папины расспросы с тягучими разъяснениями об опасностях, подстерегающих новое поколение в смутную пору. И в итоге клятвенное обещание сына готовиться к вступительным дома.

А еще через два дня Коленька уехал в Москву самовольно. И откуда у него нашлись деньги на электричку?

Впоследствии Алексей никогда не вспоминал о том, что произошло дальше, словно вычеркнул те страшные дни из памяти. Перестроечный Молох, накрывший страну грязевым селом отбросов западной морали, провозгласивший, будто можно все, что не запрещено, потребовал от набожной, скромной в притязаниях семьи Алексея Журбы жертвоприношения. И Коленька, домашний ребенок с открытой душой и чистым сердцем, живший в любви и по истине, не читавший бесстыжих книг, заполонивших прилавки, случайно попав на перестроечную молодежную улицу, одурманенную обещаниями «сладкой жизни», стал жертвой чужеродного Молоха.

Потом выяснилось, что никаких курсов с бесплатным питанием при Педагогическом не было. Коленьку вероломно подловили на мормышку вседозволенности около бурлящего Макдоналдса, где фартовые парни в малиновых пиджаках наладили первый в Москве уличный сбыт наркоты, — то были ясли для завтрашних братков. Без стеснений и милицеских помех прыщавые пубертаты, прельщенные копеечкой на бигмаки и чикены, а еще блатным входом в «Мак», с вызовом, напоказ, словно безотцовщина скудной послевоенной поры, до фильтра курили чинарики и по сходной цене навязывали встречным-поперечным крапалики, которыми в изобилии снабжали их кассиры-расстановщики. Эта погань, эти отпетые вурдалаки в две смены раскручивали бал сатаны, неотлучно дежуря в соседнем дворе и за бойкую торговлю награждая шустрых сбытчиков пакетиками для личного потребления, подсаживая их на кокаин. Не зная гашишно-героинового коварства, припанкованные слепыши не только без запретов, но и с подначкой взрослых совратителей наперебой баловались наркотой, играя в роковые жмурки.

Запахом Зла, словно смертельным газом «Циклон» фашистских душегубок, наполняла Москву и страну гнусная лавочка Макдоналдса на Пушкинской.

Коленька, неопытный по жизни, не понимавший, что к чему, без удержу схватился за новые развлечения и поскользнулся на первой рыночной слизи. Новичок в торгашеской ватаге, он тоже принялся баловаться — из удали. И в споре кто бойчее в какой-то жестокий день, не в меру «задув дорожек» и нажевавшись смесей, погиб от передоза. Оказалось, его даже

не пытались откачивать, в угаре проклятого перестроечного сумасшествия обалдевшая пацанская кодла не заметила потери бойца. Бал сатаны продолжался.

Сгорел, считай, за месяц. Журба не успел понять, что происходит.

Бабушка Анастасия, для своего возраста хорошо державшая спину, вдруг превратилась в сутулую старуху со старческими причитаниями. В первые недели после трагедии она бесцельно слонялась по дому, бубня загадочную фразу:

— Правильное дерево, оно первым на доски идет, так в мире заведено...

Младший Фера, двенадцати лет, правды не узнал — ни в те жуткие дни, ни позже. Жил в уверенности, что брат трагически погиб в автокатастрофе.

Алексей с Зоей планировали назвать его Валерием. Но Анастасия Сергеевна, с годами все более занятая думами о бренности земной жизни и зачавшая на Ваганьково, к надгробию Ферапонта Кирияновича Меланина, слезно умоляла наречь второго внука в честь земляка, славного великими делами. Но Ферапонт — имя по нынешним временам странное, если не сказать, смешное. Родители его с ходу отвергли, даже обсуждать не стали. И мать, не добившись согласия слезой, на нерве, командным вскриком отослала Алексея в сад, уединившись с невесткой. Смысл увещаний, пересказывала Зоя, сводился к поверью «Как корабль назовут, так он и поплывет». А Ферапонт Кирияныч много хорошего людям сделал, и по Божьему Промыслу, твердо верила свекровь, его имя через век аукнется добром новорожденному Ферапонту.

И в метрике младшего Журбы записали: «Ферапонт». Хотя в мальчишестве к нему сразу приклеилось наполовину женское имя Фера, да так и осталось в домашнем обиходе.

В те трагические годы, полные растерянности, безысходной тоски и самобичевания, Журба свирепо корил себя за то, что не распознал, прозевал роковую опасность. Перестроечных главарей проклинал за дьявольский обман, ибо как историк знал: что можно, а чего нельзя зависит от эпохи и места действия, а не от формальных юридических постулатов. Променаж голых авангардистов по Арбату, о чем фанфарно писали газеты, заодно публикуя фото нудистов 20-х годов на пляже реки Москвы, оказывается, не был запрещен, к ним московская власть претензий не предъявляла... Но больше всего Журбу тяготила мысль о том, как жить дальше. Выяснилось, что только он, малаховский домосед, не слышал о наркотической суеде подле Макдоналдса, откуда на всю страну расплзалась вброшенная иссуша смертельная зараза. Об этом кошмаре было известно, но казенные перья из СМИ, эти цепные псы перестройки, при поощрении верхов продолжали расписывать прелести богомерзкого фастфуда на Пушкинской, а подростковая шпана безбоязненно, в открытую торговала крапаликами. После трагедии с сыном далекому от политической суеде Журбе стало страшно жить, ибо в мире царяющего зла, который окружал его, никто ничего не боялся.

Непомерность жертвы потрясла Алексея. Он чувствовал, что после трагедии погрузился в трясину щемящей хандры и потух, даже не желая спасаться от деграданса, охватившего страну. Батарейка села, отныне предстояло влачить свои дни вполнакала, бытийствовать не с целью, а бесцельно. Провалился он и профессионально: исчезло стремление противостоять погрому русской истории. Журбу одолела душевная хворь, явилось суемыслие, его теснили мелочи жизни, которых раньше не замечал. Вдобавок начал он опасаться, как бы не спиться, ибо без рюмки уже не

обедал. Все шло наперекосяк, все было не так, как надо, в хмельном полубабыти ему казалось, что он катит квадратное и волоком тащит круглое.

Дома стало искрить.

Как ни странно, как ни удивительно, в подлые девяностые его вырубил — и вылечил! — компьютер.

В конце восьмидесятых в России начался компьютерный бум, и странный человек Журба, далекий от карьерных помыслов, воспринял его как дар Божий. Великий домосед, он сразу понял, какие возможности откроет перед ним изобретение века, заторопился в Научную библиотеку, чтобы подробнее разузнать о чудесах новейшего времени. И, ни грамма не смысля в технике, до боли в висках озаботился главным для него, но дурацким для спецов вопросом: компьютер придумали на латинице — а как с русским языком?

И первое, на чем споткнулся, была та самая злосчастная буква «ё», за которую он ратовал, однажды даже послав свое мнение в «Литгазету». Оказывается, для специалистов «перевести» компьютер на русский язык — плёвое дело, вопрос уже решен. А горячий спор вспыхнул именно из-за буквы «ё».

С изумлением обнаружил Журба, что русский алфавит из 32 букв очень удобен для программистов, ибо 32 — это двойка в пятой степени. Что сие удобство означает, он, разумеется, знать не знал, однако мигом ухватил суть: тридцать третья по счету буква «ё» путает программистам все карты, а потому на клавиатуре персональных компьютеров лучше бы от нее избавиться. Наткнувшись на эти премудрости, сначала не смог сдержать улыбку. Кино! Знаменитая комедия шестидесятых годов «Тридцать три»! Вся страна в ту пору хохотала от «зубастого» Евгения Леонова. Вообще, как же это он прозевал магическую цифру 32? Выходит, в алфавите нашем по одной буквке на каждый зуб! Кстати, в президентской присяге 33 слова... Чудеса!

Но вчитался внимательнее, и стало ясно, что сейчас-то не до смеха: изначально верх брали противники «ё». И, как прикинул опытный на этот счет Журба, за деловыми соображениями явственно маячили лингвистические мотивы: спор-то давний и жаркий! Теперь изъять «ё» из русского алфавита пытаются «по техническим причинам», не мытьем, так катаньем. Однако в драку неожиданно вмешались военные, заявившие, что без «ё» работать на компьютерах не смогут. По этому поводу записные острословы, коих среди программистов пруд пруди, разразились обвинениями «тупых вояк» в том, что буква «ё» нужна «солдафонам» лишь для сквернословия, ибо у них что ни шаг, то мат. Судя по статьям, этот «шаг и мат» стал у лабораторных хохмачей чуть ли не мемом.

В общем, в тот раз чтение научных журналов превратилось для Журбы в увлекательное занятие, хотя и связанное с тревожными мыслями: время было непростое, перестройщики рушили авторитет армии, крушили оборонку, демпресса глумилась над боевой историей. Отсюда и тупые вояки — солдафоны...

Но так или иначе, а еще в 89-м Алексей нацелился купить компьютер, тот год историк Журба, равнодушный к памятным датам, поместил для себя столетием строительства в Москве храма Христа Спасителя, а в Париже Эйфелевой башни. В то время тысячи прогрессистов, не без личной выгоды вставших под перестроечные знамена, шастали за границу, особенно в Америку, откуда каждый уважающий себя новоявленный демократ привозил «персоналку». За океаном «пи-си» стоил недорого, и в пересчете на рубли его можно было загнать с десятикратной маржой; при громадном спросе это был увлекательный бизнес. И едва Алексей обмол-

вился кому-то из малаховских, что подумывает о компьютере, через день объявился продавец с новеньким «Макинтошем». Но цену задрал такую, что Журба с тяжелым вздохом отступился и еще три года маялся мечтами о компе.

Но что Бог ни делает, всё к лучшему. Компьютеры стремительно обновлялись, вдобавок в 92-м на рынке США пошла ценовая война, и в России «персоналки», которые контейнерами завозили фирмы-перекупщики, тоже упали в цене. К тому же на рынке засветились дешевые компы «красной», то бишь нашей, сборки. Но въедливый Журба докопался до причин их дешевизны: собирают-то «с миру по нитке», из деталей разных производителей, что аукается низкой надежностью.

И в 93-м, слегка поднапрягшись, купил свой первый «Интел».

С того дня в доме в Дачном проезде началась новая эпоха. Журба, распахнув окно во вселенную, став запойным интернетчиком, быстро разобрался в причудах сетевого мира, где хватало отборной чуши и где условные блогеры-эскимосы учили жить африканцев. Алексей был «при деле» и снова обрел счастье повседневного домашнего бытия: тоска, окутавшая сердце, отступила, так уж создан человек, что скорбь, сколь бы ни была глубока, с годами переплавляется в светлую грусть-память. Но вернулся в полнокровную жизнь Журба уже не странным субъектом, удивлявшим равнодушием к обыденным житейским соблазнам, а человеком виртуальной толпы, рядовым фейсбукером.

Шестьдесят пять ему отмерило на шестой год нового тысячелетия — профессиональный историк, он со студенческих лет шутиливо отсчитывал время, вернее сказать, времена вековыми интервалами. В столь почтенном возрасте он гораздо лучше понимал материнские думы вслух о бренности земного бытия и по ее напоминаниям исправно навещал Ваганьково, кланяясь праху Ферапонта Кирьяновича.

Анастасии Сергеевне путешествия в Москву были уже не в подъем. Но в быту она не сдала, и с ее непрестанными наставлениями Зоя в юбилейный день учинила знатный семейный обед из овощей и мясных деликатесов с рынка, который, по Божьему Промыслу, получился с вишенкой на торте. На том пиршестве мама открыла новую тему повседневных домашних разговоров:

— А я сижу и мечтаю, как мое Батурино поживает, откуда Ферапонт Кирьянович детишек на московское обучение требовал? Живо ли? Может, в войну спалили? До Твери вроде бы война дошла. Я тоже хороша — как уехала, так и позабыла, ни единого разика родовое село не навестила. А теперь совесть жжет, от горечи сна нет. Надо бы тебе, Лёша, Батурино разыскать, оттуда наш корень идет. Зря ли внука Ферапонтом назвали? — Прижалась худым плечиком к сидевшему рядом Фере. — Душа ноет за свое беспмятство. Надо, надо тебе, Лёшенька, Батурино отыскать да туда съездить. С Ферой, обязательно с ним... Только сейчас подумала: как же так, ты ни разу сына на Ваганьково не брал! Ай-яй-яй, моя оплошность! Не подсказала...

Ну, маме под девяносто, если уж начнет раскачивать тему, не устанет. К тому же Алексей не очень-то и противился, более того, идея спустя век привезти возмужавшего Ферапонта — двадцать восемь парню! — на родину достоправного предка, чье имя он носит, начала выглядеть привлекательной и по-своему символичной.

Кстати, обед-то получился с вишенкой на торте именно благодаря Ферапонту. Накануне сын ездил в Москву и вернулся с большим пакетом, чуть ли не мешок, который молча отнес в свою комнату. А когда подхо-

дило к завершению теплое семейное торжество и Зоя готовилась подать чай с пирожными, Фера наставительно погрозил указательным пальцем и с наигранной строгостью сказал:

— Ми-инуточку! Прощу не торопиться.

Поднялся из-за стола, шагнул в свою комнату и вынес большую, разрисованную яркими цветами коробку. Когда открыли, ахнули — огромный бисквитный торт с именным шоколадным поздравлением юбиляру.

— Отец, родной! От всей души!

Получился не юбилей, а юбилеище! Вишенка оказалась целым тортом.

Что ж, Фера мог себе позволить шикарный подарок: парень крепко стоит на ногах, ведает всей малаховской теплотехникой. Но отца в те трогательные минуты словно током ударило. Вспомнилось, как наутро после выпускного вечера, завтракая за этим же столом, Фера объявил, что намерен идти по стопам отца: поедет в Москву, подаст в Педагогический. И внезапно с Журбой впервые в жизни случилась истерика. Да какая! Чуть ли не падучая. Размахивая руками, с гримасой ужаса, он, аки зверь, метался по горнице, в полный голос истошно вопил: «Не-ет! Не-е-ет! Не пушу! Не отдам! Только не Педагогический! Доколе, Господи?» Потом, пытаясь разобраться в самом себе, Алексей пришел к выводу, что сработало подсознание: в глубинах души таился безумный страх потерять второго сына, который слово в слово повторил то, что говорил когда-то Коленька. Опять в Москву, опять по стопам отца, опять Педагогический! Видимо, причудилось, что его семью преследует злой рок, требующий новой жертвы.

Напуганная, ничего не понимающая Зоя бросилась звонить девочкам по вызову, как она называла своих приятельниц из скорой помощи, но справилась сама и дала отбой. Теплым словом и лаской уложила Алексея на кушетку, бережно накрыла пледом — его знобило, — померила давление и дала полтаблетки капотена — слава богу, в доме есть свой доктор, пусть и без диплома.

Назавтра, очухавшись, вернувшись в рациональный режим мышления, он заставил себя беседовать с сыном спокойно, по душам. обстоятельно, доводами о смутных фейковых временах, нынешней эрозии нравов и непонятностях завтрашней жизни убедил его, что желание идти в Педагогический, скорее всего, продиктовано именно «стопами отца», а не осознанным личным выбором.

Алексей оказался прав: сыну было все равно, где учиться. Вместо Педагогического Фера подал документы в Политехнический. И окончил его не бакалавром, а дипломированным специалистом, через шесть лет, по семейной традиции, обосновавшись в Малаховке, где на теплотехников был великий спрос. Муниципалы сразу схватили его начальником смены, а через год назначили ведущим инженером по теплоснабжению. Пошла карьера, пошла зарплата, а расход, известное дело, по приходу — вот и порадовал отца в юбилей. Хорошо парень начал, одно только беспокоит — уже под тридцать, но все еще холостой.

А насчет того, чтобы отправиться с сыном в Батурино, на чем настаивает мама, ссылаясь на какие-то голоса, упрекающие ее во сне... Что ж, почему бы не прислушаться к ее вещим снам?

Но сначала они поехали на Ваганьково.

Детская память Алексея до преклонных лет сохранила подробности первой поездки в Москву, и на Ваганьковском кладбище он чуть ли не дословно повторил рассказ мамы о деревенской детворе, которую Ферапонт Кириянович Меланин увозил в город и которой тщаниями своими

давал там кров, хлеб, обучал ходовым мастеровым ремеслам, да и праведной жизни тоже. Про древесную шерсть, конечно, не забыл. Разумеется, Фера по домашним разговорам знал-слышал о знаменитом Ферапонте, однако, увидев надгробие, прочитав эпитафию и услышав сагу о его гражданском подвиге, порывисто обнял отца за плечи, горячо шепнул, что в Батурино надо ехать обязательно и тянуть с этим незачем.

Через компьютер найти пути-дороги в укромную тверскую деревеньку было несложно. И великий домосед Журба начал готовиться к первому в жизни путешествию, приурочив его к отпуску, — «гуманитарному» доценту Малаховского инфизкульта, на зависть коллегам-тренерам, давали отпуск летом, в самую спортивную пору. Да, когда-то они с Зоей летали в Прагу, но то было не путешествие, а перемещение в пространстве: погрузились в самолет и через три часа выгрузились, здесь их проводили, там встретили. Но добраться до глухой деревни за Плещеевым озером не так-то просто, Алексей несколько часов потратил на то, чтобы согласовать расписание электричек и автобусных пересадок. Попутно выяснил, что за один день им никак не обернуться, предстоит ночлег неизвестно где, и потому к путешествию надо готовиться основательно, в том числе по части провианта и дорожной «оснастки». Эти заботы взяла на себя Зоя, а глава семейства беспокоился о вариантах ночлега. Дай бог примоститься у кого-то в Батурине. Да как бы не пришлось пешком тащиться пять кэмэ до междугородной трассы, чтобы доехать до Переславля-Залесского и заночевать там, — в деревню-то автобус ходит через день, сегодня приедем, послезавтра уедем.

В стареньком павловском автобусе-полумерке вместе с ними тряслась заезжая продавщица местного магазинчика Алевтина, щекастая, полнотелая — груди арбузные, — аппетитная женщина середовых лет. На пустых сиденьях громоздились с десятков ящиков повседневной снеди, а еще и «кое-что интересное». Эти сведения, сразу положив взгляд на плечистого Ферапонта и представившись явно в его адрес, разговорчивая Алевтина охотно изложила попутчикам, заодно объяснив, почему числит себя заезжей. Живет-то в Переславле, а в Батурине торгует вахтовым методом: распродаст продукты и через день убывает. Ночевать пристроилась бесплатно, у местных, которых и снабжает «кое-чем интересным». Это «кое-что» она везет, считай, для них, и его приходится выпрашивать на базе.

— Мне что главное? — болтала Алевтина. — Главное, молнией затащить ящики в подсобку. Этот карась, — кивнула в сторону водителя, — ждет всего-то минут десять, всегда торопится. — С надеждой глянула на Ферапонта. — Ты, парень, может, подсобишь, а? Магаз-то, считай, рядом. Я распакуюсь мигом, уже через два часа, если надобно, можешь приходить, без очереди приму. Никто не пикнет, в магазине я главнокомандующий. А этот карась никогда не поможет, сидит, словно в тину забился, как наши, озерные, да еще насмехается... Знаю, чего ему нужно, а не даю. Вот он и наказывает, считай, измором взять хочет. — Повысила голос, чтобы шофер услышал наверняка: — Одна его уже на крючок подцепила, а ему, считай, все неймется...

Словцо «считай» у заезжей продавщицы с языка не сходило. Торговля, однако.

Пока Ферапонт таскал ящики, Журба огляделся и с удивлением узрел за деревьями обшарпанную, без креста, безголосую колокольню с полуразрушенным куполом церкви. Тут и сообразил, что Батурино-то в прежние годы было не дальней глухой деревенькой, а полнокровным селом.

Но дальше больше. На пустыре за околицей углядели они остов кирпичного двухэтажного здания, зияющего провалами пустых окон. Подошли ближе и на старой, поблекшей табличке у бывших дверей прочитали, а лучше бы сказать, угадали надпись: «Батури́нская средняя школа».

Столицей деревень было Батурино! Вот тебе и глухая деревня в три двора...

Однако ни одного встречного! И без признаков жизни за шаткими косями заборами. Словно вымерли все.

— Интересно, — рассуждал Ферапонт, пораженный безлюдьем, — удасться хотя бы одного Меланина отыскать, или умерла фамилия? Бабуля говорит, что других фамилий не помнит, здесь сплошь были Меланины. Хотя не кровная родня, не вырожденческая.

Алексей, конечно, знал об идущей не от родственных связей, а от лексики и географии однофамильной особы иных старорусских деревень и, как историк, просветил на этот счет сына. Однако тот стоял на своем:

— Но деревня-то Батурино, отчего же здесь все были Меланины?

Вспоминая Ферапонта Кирияновича и рассказы бабули, выискивая среди строений, полускрытых сиреневым или рябино-калиновым подростом жилой дом, они неторопливо дошли до другой околицы, до высокого безлесого бугра, откуда открывался просторный вид на ближнюю рощицу в долине и дальние, за широким полем, темные леса. И здесь, в самом конце уличного ряда, увидел Журба женщину, копошившуюся на грядках, рядом ребенок лет пяти-семи. Окликнул:

— Уважаемая, можно к вам с вопросом? Мы заезжие, вроде как путешественники...

Она подошла к низкому дырявому плетню на жердях, закрывавшему прорехи в изгороди из старого, сто лет не крашенного штакетника, и Алексей зело удивился. В рваных джинсах, в застиранной мужской ковбойке, а лицо освежено румянами, губы в легкой помаде, глаза подведены. В голове снова мелькнуло: «Вот тебе и глухая деревня Батурино». А женщина острым взглядом прощупала старшего, потом молодого с большой котомкой за плечами, усмехнулась:

— Путешествующих я здесь еще не видела, смотреть здесь не на что. А вопрос-то какой?

Она как бы завязала разговор, и Журба не стал торопиться, уцепился за первую фразу:

— Так мы вроде как путешественники. Вроде! На деле-то с целью прибыли.

— Неужто дом присмотреть?

— Не-ет, уважаемая, нас исторические изыскания интересуют.

— Исторические? С какого же боку? Сколько мне известно, ничем достославным Батурино в истории не отмечено.

— Дело в том, глубокоуважаемая, что у нас личный интерес.

Женщина удивилась:

— Личный?.. Если я верно понимаю, что-то родословное ищите? Для нынешних времен дело достохвальное. Но в этом случае — не ко мне. Вы заезжие-наезжие, а мы приезжие, вы пришлые, а мы... — запнулась, — прошлые. Зато ушлые, так что не по адресу обратились.

Видно было, что она играет словами профессионально.

Журба понял, что на свой интерес придется заходить издалека, сначала надо ее «разговорить». Показал глазами в сторону грядок:

— Картошка у вас подходит знатная. Картошка — второй хлеб. Может быть, слышали, в годы войны в цирке был клоун по прозвищу Карандаш?

Так он вытащил на арену мешок картошки и сел на него. Коверный спрашивает: «Чего на картошке сидишь?» А Карандаш отвечает: «Сейчас вся Москва на картошке сидит...» Рассказывают, его наказали.

Женщина повела бровью, обозначая, что оценила шутку, и Журба счел возможным перейти к делу:

— Мы, уважаемая, автобусом прибыли, а обратный рейс, как вы знаете, послезавтра. Потому озабочены ночлегом. Постельным бельем запаслись. — Похлопал по рюкзаку за спиной Ферапонта.

Поднятые брови показали, что она поняла повисший в воздухе вопрос.

— Увы, тоже не по адресу, завтра к нам могут гости пожаловать. — И, предвосхищая следующий, уже прямой вопрос, добавила: — Вообще говоря, здесь с ночлегом не просто, местных, кто за копейку пустит, не густо, а приезжих, вроде нас, так и вовсе раз-два и обчелся. К тому же смотря на кого нарвешься, как карта ляжет. Тут и шутовство есть. — И после паузы: — Через три дома от нас, в четвертом, постоянно живут. Но с улицы до них не докричишься, впереди сад. Вы не улицей идите, а вот этой тропкой, задами, вдоль тыловой изгороди. Идите, идите, там заколоченные калитки, а потом фазенда, живое жилье откроется. У Меланиных огороды и вся домашняя суета на задворках, лицом к полю живут.

5

Теперь Дмитрий заезжал в Староконюшенный чаше. Ульяна почти не отлучалась из деревни, и он, пребывая по будням в статусе соломенного вдовца, порой навещал родителей, по традиции, с небольшим песочным тортиком. Расположившись за овальным обеденным столом, они уютно чаёвничали, обмениваясь вперемежку политическими и домашними соображениями, а к восьми перемещались в противоположный от окон угол гостиной и включали телевизор. Программа «Время» — это святое.

Отец усаживался в свое десятилетиями насиженное и основательно просиженное кресло, Дмитрий передвигал сюда стул, а мама просила не царапать паркет, который миллион лет не обновляли лаком. Это был новый ритуал, возникший после того, как отцовский кабинет отдали под детскую для Никиты.

По ходу «Времени» без особых эмоций обсуждали и обычно осуждали текущие новости, но потом разговор сам собой от «высоких материй» сползал к вермишельным семейным делам — в неудобные, тревожные времена их скапливается множество, прибывают каждый день.

В глубине души Кондрат такие разговоры не только приветствовал, но и обожал, — понятие «обожать» появилось в сознании старого бойца с возрастом, хотя в лексиконе он по-прежнему не допускал телячьих восторгов. Иной раз сам заводил разговор о семейных проблемах, вернее сказать, требовал от сына отчета о текущем, а также испрашивал его мысли на завтрашнее, побуждая думать о том, о чем Дмитрий в повседневных заботах забывал. У молодых пока гром не грянет... А он, глава клана, обязан глядеть вперед, предусматривать.

Но в тот раз глубокий разговор начал Дмитрий:

— Отец, нужен совет. Вопрос краеугольный, а я понятия не имею, как подступиться. Понимаешь... В Батурине мы уже восемь лет, дом освежили, крышу, ты знаешь, железом покрыли. Кстати, когда осиновою дранку сдирали, она четырехслойная, нижние слои белые, словно вчера клали. Но как ни крути, а дому больше века, вдобавок до нас он лет десять стоял

бесхозным, дряхлел. Надо что-то с ним решать. В принципе решать, отец, в принципе. И не затягивая.

— С чего ты вдруг всполошился?

Дмитрий рассмеялся:

— У всех дел одно начало: сидела женщина, скучала... А если серьезно, Уле уже тяжело десять раз на день ведра на коромыслах таскать. Меньше-то не получается, такой огород развела, что без доброго полива не обойтись. Да и каждодневный быт воды требует, она душ оборудовала, стирки учиняет. Короче, не от скуки задумали мы бурить скважину.

— И тебе на этот счет мой совет нужен?

— Ты не дослушал. Бурить скважину с насосом не проблема, были бы деньги. Но сам понимаешь, такие дела не для полива огорода затевают. Под скважину Сам Бог велит учинить хозяйственный блок с кухней, туалетом, стиральной машиной. А куда отхожие воды сбрасывать? Значит, нужен септик. И сразу вопрос: хозблок ставить отдельно или пристройкой? А дом хотя просторный, но устаревший, классическая пятистенка о двух печах — в кухне варочная, в горнице русская с лежанкой. За ней закуток, где Уля крохотную комнатку оборудовала, там раньше полати были. Как к старой избе кирпичный хозблок прилепить?

— Ты что же, на большую стройку замахнулся? А купила не притупила? Как бы пупок от натуги не развязался.

— Отец, я твой сын, перенял кое-что у тебя. Деньжат пока только на скважину, но какой смысл бурить, не зная, что дальше? Генеральный замысел нужен, вот что, отец. Генеральный! Скважина с насосом тащит за собой стратегию нашей батуриной жизни на десятилетия вперед. Общий план надобно сверстать, а уж по нему шаг за шагом, по мере денежных сил. Скважина, септик — с ними все ясно. С домом что делать, отец?.. На баллонный газ перейти, чтобы варочную печь убрать, не проблема. К тому же в Батурине сетевой газ есть, можно подключиться. А дальше у меня тупик. С домом, с домом что?

Для Кондрата этот вопрос был в тысячу, в миллион раз значимее, чем предполагал Дмитрий. Быстрым умом он в момент схватил новую обстановку жизни, и не только семейной. Сыновий загляд вперед означал гораздо больше, нежели душегрейная преемственность отцовской жизненной хватки. В голове Кедрова предстала картина свинцового десятилетия девяностых, начавшегося для Дмитрия крахом надежд, оцепенением ума, растерянностью и неверием в завтра. Доверившись интеллигентской фронде, он поддержал перестройку и пал первой ее жертвой: либеральные ваххабиты Чубайса учинили погром среднего класса. В те времена прощальным костром догорала советская эпоха, рушились прежние дружбы, знакомства, связи. У кого тревожилась мысль и кого беспокоила совесть уходили в себя, натужно искали незнанные раньше способы выживания. Двадцать пятым кадром мелькнуло в сознании Кондрата мучительное, вместе с Ульяной, выползание сына из-под обломков прежней эпохи. Замысел их жизни в то время выглядел простым и горьким: заклеванные судьбой, безнадежно безденежные, они надеялись спрятаться в глухомани, чтобы прожить жизнь — не переждать, не отсидеться, а прожить! — в стороне от либерального диктата с его сальными поветриями, опасными для детей. Кстати, в те постные дни огород Ульяны их не разносолами баловал, а выручал по-крупному: каждую осень она распределяла среди родни два мешка картошки...

Но сейчас у сына совсем иной уклон мысли: что делать с домом, как обновить его? Нужен генеральный замысел дальнейшей жизни на десятилетия вперед...

Вмиг осознав эту радикальную перемену, Кондрат задумался. Задумался не о батуринском доме. Далекий от Церкви, но крещеный, он как бы возносил хвалу Господу. В душе теплилась радость оттого, что на закате дней он, Герой Советского Союза, успел увидеть утреннюю зарю, встающую над страной, сражаясь за которую вызвал огонь на себя. В юности ему не раз доводилось встречать рассветы над Обью: солнца еще не было, оно пряталось глубоко за линией горизонта, но его лучи уже высвечивали нижний край облаков, и дед Тимофей говорил, что ночь кончилась, начинается заря. Вот и сейчас, на скорую руку думал Кондрат, он увидел отблеск зари после долгой ночи, накрывшей страну. Да, была бархатная ампутация, и формально это уже не та страна ни по названию, ни по размерам. Однако не зря он когда-то благодарственно перекрестился за то, что внук родился в СССР, а потом воспитал его так, чтобы Никита взял из прошлого огонь, а не пепел. И вот она, заря, сулящая новый день для Никиты, которому предстоит штурмовать будущее России. Он, Кондрат, герой былых времен, успел, успел... Когда настанет его черед уходить в вечность, он уйдет с радостью в душе, с поясным поклоном Тому, Кто на небесах все предвидел и расчислил.

— Ты чего задумался, отец?

— Что делать с домом, я тебе не советчик. Но если ты отважился глянуть на десятилетия вперед, без сноса, скорее всего, не обойтись. Ты наверняка это сам понимаешь, ждешь моей поддержки. Ну, снесешь. А дальше что?

— Если принимаем семейное решение строиться заново, вопрос только в финансах, надо терпеливо ждать, когда поднакопим деньжат. Ты знаешь, на стыдливые купюры в нашем клане не рассчитывают, халявных денег нет и не будет. Но сегодня меня уже не щемят, как раньше, по мелочам не должаю, да и выбор домов колоссальный, можно подобрать не за конские деньги, а дешевле, метражом меньше, лишь бы теплый, зимний. У нас с Улей пенсионные планы на Москву не завязаны, пусть в столице следующее поколение резвится. — Усмехнулся случайной рифме. — Стройка скромного кирпичного дома с удобствами дело в общем-то нехитрое. К тому же есть на чем экономить: на кровле, на окнах. Об этом думать пока рано, зато можно с чистой совестью приступить к скважине.

Кондрат молчал.

— Ты чего?

— А того, что генпланы в общем виде не составляют. Ты не картину будущего нарисовал, а карандашный набросок сделал, который жизнь сто раз сотрет. Бряк, скок, хватъ — только и всего. Сказка на ночь. Ты бы еще красивый сон заказал: в городе Сочи теплые ночи. При таком анализе можно и мимо табуретки сесть... — Вдруг вспомнилось давнее, полузабытое, мимолетное, но забавное. — В ЦК заведомо работал Боголюбов, крупная фигура. Он своей фамилии вполне соответствовал, да и нарекли его, видимо, по святым — Клавдий. Происхождением Клавдий был из поповской семьи и ничуть того не стеснялся. Наоборот, любил что-нибудь религиозное завернуть. Помню, на Крещение в моду вошло купание в проруби, а он говорит: «Лезут в воду кто ни попадя, не понимают, что ныряние в Иордань без молитвы — не ритуал Божий, а примитивное моржевание». Вот так и ты вместо серьезного дела баловством занялся.

Дмитрий покраснел. Он-то считал, что за генплан отец «отлично» ему выставит, но дело идет к «неуду». А Кондрат продолжал напирать:

— Как можно планировать жизнь на десятилетия вперед, не учитывая варианты политического развития? В такое невразумительное время, как сейчас. О себе замысел измыслил, но что с замыслом о России? А это во-

прос со звездочкой, наиважнейший. Ты же политолог, а дальше огорода с поливом не глянул, аршин на фунт множишь. Неужто не понимаешь, сколько сейчас в России и вокруг нее политических интересантов? — Загнул один палец. — Это раз. И что будет завтра с самим Батурином, ты прикинул? Оно сойдет на нет или вернется к полноценной жизни? Если совсем обезлюдеет, туда и дорога зарастет. Если поднимется, что за люди его наполнят? Из толпы или вроде тебя? Ты это учиываешь?.. — Загнул второй палец. — Это два. И третье, о твоих строительных планах, которые даже на экспертизу выставлять бессмысленно, они детские: нарисуем — будем жить. Перед сносом положено обследовать фундамент дома. Ты говоришь, дранка в нижних слоях белая, временем не тронутая. А вдруг и фундамент крепкий? Зачем его с корнем корчевать? Не лучше ли укрепить? Закладка фундамента дело рискованное. Сто лет дом стоит, значит, водяные жилы его стороной обходят. А новый заглубишь чрезмерно или в сторону сдвинешь, он и поплывет. У каждой почвы, дорогой мой, свой норов, к каждой свой подход нужен, почва, она... Помнишь, у Пушкина: «На чужой манер хлеб русский не родится»?

Сын намеренно, не зная, что сказать, пропустил главные назидания, вернулся к прежней теме:

— Твоя философия, как всегда, неотразима, поколенческий опыт великая штука. Но вопрос-то висит: что с домом делать? Учтивая, что пока денег всего ничего, на скважину из прожиточных наскребем.

— Так я контурно уже сказал. Поспешай не торопясь и сперва фундамент обследуй. Если дом на старом фундаменте ставить, значит, размеры известны. Будешь об этажах размышлять. — Улыбнулся. — По мере де-нежных сил и со страхом перед будущим.

Дмитрий шутку не принял, втянулся в предметный разговор:

— По части фундамента я не спец. Можно пригласить эксперта, но он наверняка велит корчевать. Я нынешнюю жизнь постиг, в ней все выгодой связано, эксперту интереснее подбросить заказ фирме, чем сказать по-честному. Кругом теперь гадостники. Да и диплом у такого эксперда, скорее всего, куплен в метро.

Кондрат слушал эти причитания вполуха, он уже знал, как повернуть дело, и не только строительное. Когда начинаются такие подвижки глубинных настроений, они неизбежно затрагивают все обстоятельства семейной жизни. Спросил:

— Я давненько с Аленой не общался. Как она?

Дмитрий удивленно пожал плечами:

— Это другой разговор, долгий. Ты чего от темы уходишь?

— Ты мне говорил, что девчонка перспективной девицей выросла, в семье лишней не была. С Варей у тебя послеразводных страстей не было, да и к Матвею претензий нет. Ты с ним знаком?

— На твоём юбилее один раз мимоходом общался. Поручкались, и будь здоров. Чую, отец, ты что-то задумал. Такие словесные развороты не в твоей манере.

— Я огорчаюсь, что в большой семье Кедровых рознь сохраняется.

— Да он и не Кедров вовсе.

— Он твою дочь достойным человеком вырастил. Уж сто лет, как на Варе женат, вместе с ней в нашей семье угнезвился, а ты словно ревнуешь, знать его не хочешь.

— Да нужды у меня нет его знать, вот и всё.

Кондрат поднялся, медленно, не роняя ни слова, обошел вокруг стола, снова уселся в кресло и в упор посмотрел на сына. Взвел курок:

— Нужды, говоришь, нет? А Матвей, таежный человек, директор совхоза, сто домов на селе построивший, все хитрости домашнего домостроения знающий, не он ли может добрый совет по фундаменту дать?

Дмитрий на миг опешил от неожиданности, но сразу все понял, это у Кедровых фамильное.

— Отец, так скажи ему, посвети его в наши проблемы...

В ответ прозвучал выстрел:

— Что-о? — Произнес твердо, официально, словно приказ отдал. — Вот что, Дмитрий, действуй как умеешь, возможно, через Алену, но поставь отношения так, чтобы Матвея с Варей по-семейному пригласить в Батурино. Хватит вам, мужикам, в нашем непростом мире розно быть, сплотиться пора. Да и женам твоим надо бы познакомиться. Они сойдутся... Считай, я свое слово сказал.

Как не раз бывало в жизни, Кондрат не упустил шанса, с ходу решил семейную проблему, давно беспокоившую его. Но от долгого разговора и напряжения мысли устал. Подумал: «От возраста не спрячешься. Аккумулятор быстро садится...»

6

Через полуоткрытую калитку, с задов втиснувшись на фазенду Меланиных, Журба удивился — словно на родном малаховском подворье стоял: справа квадрат десять на десять густо зацветающей картошки, слева ровные ряды грядок с желтыми пятнами свежих соцветий на кабачках. В Малаховке они разбивают огород впереди дома, а здесь он на задворках, вот вся разница. Правда, осмотревшись, Алексей приметил и отличия: у соседского забора односкатный, в чужую сторону сарай и щелястый, крытый толем загончик из горбыля, скорее всего для коз.

Слева от заднего крыльца, прислонившись к высокому фундаменту и подпирая окна, цепляла глаз распахнутая на три стороны простенькая летняя кухонька под шифером, в которой стояли рубленый стол и две лавки с прислонами. Может, и не кухонька, а просто навес от дождя, что-то вроде беседки для трапезы и чаепития на свежем воздухе.

Из открытой двери вышел мужчина в выпцветшей красной футболке с иностранными буквами, среднего роста, лысоватый, локтями оперся на перила крыльца и молча, изучающе смотрел на незваных гостей.

— Здравствуйте, уважаемый, — поторопился Алексей. — Извините за непрошеное вторжение. Мы люди приезжие, путешествующие, отец и сын. Имеем нужду устроиться на ночлег за сходную цену, постельные принадлежности с собой. Вот ходим выпрашиваем...

Хозяин спустился с крыльца, подошел к Журбе, пытливо, в упор уставился на него. Потом осмотрел Ферапонта, скользнув взглядом по рюкзаку. Наконец спросил:

— А сами кто будете? Откуда? — говорил требовательно, допросливо, и по тону, по говору было ясно, что он не деревенщина, не из простых.

Журба готовился к совсем иной встрече, с ходу не сообразил, что к чему, и дал маху, прикинувшись простачком. Приветливо улыбнулся, ответил на деревенский манер:

— Московские мы, уважаемый, столичные. Из интереса любопытствуем по окрестностям Переславля да Плещеева озера. Прибыли нынче автобусом, а обратный рейс, сами, уважаемый, представление имеете, только послезавтра.

Мужчина снова в упор посмотрел на Алексея. Похоже, раскусив подделку, сказал прокурорским тоном:

— Та-ак, по разговорной ухватке ясненько: люди вы с замыслом. А что у вас на уме, не ясно, сперва надо бы о том о сём переговорить. — Показал рукой в сторону навеса с лавочками. — Присядем?

Никак не ожидал Алексей такого поворота. О том, чтобы с посиделок начать знакомство с загадочным, уж точно не деревенским Меланиным — а он явно загадочный, это Журба понял сразу! — даже мечтать было нелепо. Но вот же оно, везение. Ищешь одно — находишь другое...

Меланин приступил к допросу, едва Ферапонт скинул рюкзак.

— Говорите, путешествуете? И из какого же пункта прибыли? Если в нашу глухомань закатились из Первопрестольной, значит, с какой-то целью. Ибо нет здесь ничего памятливого. — Усмехнулся. — По пятницам пьянка, по субботам шахматы. Другого не ищите.

— Мы вообще-то из Подмосковья. — Журба перешел на серьезный тон. — Возможно, слышали, есть под Москвой дачное место Малаховка. Но мы не дачники, коренные. А что до путешествия, это фигура речи. И вы правы, приехали мы в Батурино с определенной целью, но она носит сугубо личный характер и обсуждению не подлежит. Простите, как к вам обращаться?

Меланин поразмыслил несколько секунд, ответил и, как бы прощупывая приезжих, сразу задал Алексею вопрос с подтекстом:

— Терентий Васильевич. А сын ваш чем занимается? Если это сын.

Становилось ясно, Терентий Меланин не угрюмый деревенский биярок. Напротив, он не прочь побеседовать со случайными людьми, постучавшими в дверь. И Журба развил успех, пустив в ход старый прием, сбивающий собеседников с толку шутливым столкновением смыслов:

— Для наших времен очень редкое у вас имя. Но у меня еще реже, Алексеем окрестили. — Заметил подобие улыбки на лице Терентия и сделал «ход конем»: — А сын по теплоснабжению спец, ведущий специалист малаховской конторы. Его мы нарекли совсем уж банально — Ферапонтом.

У Меланина от неожиданности голова дернулась. Алексей мимолетно прикинул: интересно, что его задело — «раскоряка» смыслов или старинное имя Ферапонт, возможно памятное? Но так или иначе, а у Терентия явно возник интерес к непрошеным гостям. Он резво поднялся на крыльцо из четырех ступенек, крикнул в распахнутую дверь:

— Мать, сооруди-ка чайку с овсянкой.

С того момента, как услышал о фазенде Меланиных, Алексей не переставал удивляться, сколь полно происходящее совпадает с его мечтательными надеждами. Собираясь в Батурино, он уповал именно на такое знакомство, осозная, конечно, детскую наивность своих желаний. Но все двинулось так гладко и так увлекательно, что Журба, завзятый, отъявленный атеист, поневоле подумал о промыслительной силе, способствующей успеху их, казалось, безнадежного предприятия. Теперь Алексей мысленно хлопотал уже не о ночлеге, судя по всему, гарантированном, а о том, как половчее выложить главный козырь, который перед поездкой на Плещеево озеро он хитроумно изобрел в тиши малаховских ночей.

И снова все пошло словно по заказу. Чтобы продолжить разговор, Терентий, как бы извиняясь за допрос, пояснил:

— Сами понимаете, пуская на ночлег, надо о людях кое-что вызнать. Чтобы на ноль не помножиться.

— Вам документы предъявить?

— Ну зачем уж так, у нас не отель. Что мне нужно, я по разговору пойму. Подноготная, она в разговоре хошь не хошь, а вылазит. Тогда и решу, во что бить — в бубен или в морду. От радости или со зла.

Журбу словно ошпарило: вот он самый момент, самое время козырнуть.

— Нам скрывать нечего, фамилия наша Журба, могу паспорт показать... Но есть нюанс.

Замедленным движением полез во внутренний карман старенького дорожного пиджачка, несколько секунд копался пальцами, перебирая его содержимое, слегка распахнул полу, глянув, нащупал ли нужное, и наконец вытащил почтовый конверт советских времен. Неторопливо извлек из него сложенную вчетверо бледно-зеленую бумаженцию, развернул и, держа в руках потертый, выцветший документ, обратился к Терентию:

— Это метрическое свидетельство моей матери. Здесь написано следующее. — Читал медленно, словно с трудом разбирал буквы. — Меланина Зинаида Петровна, отец Меланин Петр Сидорович, мать Меланина Мария Прокопьевна. Дата рождения 13 апреля 1920 года. Место рождения село Батурино Тверской губернии...

Позже, когда возвращались в Малаховку, Фера со смехом рассказывал, как по мере чтения менялось выражение лица Терентия Васильевича: от равнодушного любопытства к глубокому удивлению, а после упоминания Батурина отчасти даже к растерянности.

Но, быстро овладев собой, он слегка улыбнулся:

— Та-ак, теперь понятна ваша сугубо личная цель... Что ж, будем знакомиться.

Впрочем, Терентий недолго скрывал изумление от встречи с отпрысками здешних однофамильцев. Когда на крыльцо вышла костлявая, слегка сгорбленная возрастом старуха с подносом, воскликнул:

— Мать, ты знаешь, кто они такие? Батуринские Меланины! А ну-ка, садись с нами, займешься воспоминаниями. — Шустро поднялся на крыльцо, перехватил цветастый жостовский поднос с тремя чашками, сахарницей и блюдцем овсяного печенья. Поставив на стол, поторопил: — Спускайся, я тебе чашку принесу.

Принес горячий электрический чайник, маленький заварной, наполнил чашки, обратился к матери:

— Ну-ка, вспомни, ты в детстве-юности часом Зинку Меланину не знала?

— Зинку?.. Да как упомнить, если в ту пору у нас все звались Меланины! В подружайках такой вроде не было, а если по селу... Кто ее знает.

— Мать, а вот этого добра молодца знаешь как зовут? Ферапонт! Тебе это имя о чем-то говорит?

Старуха оживилась, развела кисти рук:

— Ферапонт? Это кто же сегодня старинное имя придумал? Был у нас при царе Горохе Ферапонт Кирьяныч Меланин, о нем все знали. Он до меня помер, но говорили, что он уехал в Москву, разбогател и стал нашим благодетелем. Ребят-девчат забирал в Москву, на учебу. Помер, говорю, давно, до революции, да тропка-дорожка осталась. Меня тоже подбивали на Москву, но мы с Василием рано сошлись, а ты норов отцовский знал... Да, вот еще что. Василий говорил, что на фронте встретил Меланина с отчеством Ферапонтович. Выходит, сын, иному не быть. Ну как встретил? Могилу свежую с Ферапонтовичем видел где-то в Венгрии.

Терентий многозначительно посмотрел на Алексея:

— А чего ради Ферапонтом сына назвал?

— Мать потребовала, она в Москву его дорожкой пришла, потом искала надгробие на Ваганьковском кладбище, каждый год ездит поклониться. Говорит, много доброго тот Меланин людям сделал, и нашему Ферапонту добрая судьба выпадет. Мы перед поездкой в Батурино были на Ваганькове, Ферапонту Кирьяновичу поклонились.

— Коли есть могила, надо бы и мне съездить.

Подивились неисповедимости судеб и неожиданному вроде бы и не родному, а все же родственному чаепитию. Очень уж затейливы эти фамильно-семейные истории.

Теперь уже на правах чаемых гостей Журба по-свойски испросил у Терентия дозволения достать из Фериного рюкзака колбасные бутерброды, заботливо наготовленные Зосей, чтобы подзакусить с дальней дороги, и чаевничанье наобещало затянуться до вечера. Спешить уже было некуда.

Почти ровесники, Алексей с Терентием быстро перешли на «ты», и манера разговора резко изменилась. После предъявленной «верительной грамоты» Меланину незачем было визнавать подноготную гостей, он почти не задавал вопросов, зато много говорил о себе. Журбе показалось, он как бы исповедуется. А может, просто истосковался по общению и изливал душу людям, которых видел хотя и в первый, но наверняка не в последний раз.

И только часа через полтора Алексей понял, что его предположения ошибочны. Узнав, что Журба историк, Терентий счел нужным поведать ему о судьбе одного из колен Меланиных, о чем и сказал напрямую, завершив повесть о своей жизни.

Говорил он складно.

По врожденной склонности он с четвертого класса получил прозвище Лесник, ибо летом с утра дотемна пропадал в заозерных лесах. Мать паковала в наплечную холщовую сумку пару крутых яиц, ломоть сальца, толстый кусок хлеба и молочную бутылку воды, а ягодное пропитание он добывал сам. Иногда баловал приятелей совместными «походами в тайгу», хотя здешние леса на пологих увалах не угрюмая чащоба, а светлые березняки-осинники вперемежку с прогалинами, еловыми перелесками и сосняком, ореховым раздольем и зарослями дикой малины. Всё здесь есть.

— А звуки леса? — Терентий сделал вид, что прислушивается. — «Сказки Венского Леса» Штраус неспроста сочинил.

После десятилетки Лесник ожидаемо рванул в Ленинград, в знаменитый Лесотехнический, чтобы стать лесником не по прозвищу, а по сути.

Деревенщина — так называл себя Терентий в третьем лице, — без семейного пригляда нырнувшая в питерскую жизнь конца пятидесятых, очумела от восторгов оттепельных лет. В институте без стеснений ходили из рук в руки самиздатовские тексты — на папиросной бумаге, в пятой или десятой полуслепой копии, — от содержания которых плавилась мозги. Смысла прочитанного он не понимал, но диссидентские послания становились откровениями, впечатывались в память дословно. С ними логично — «Словно гайка, бегущая на винт, ее крутанешь, а дальше она сама» — сошлись в студенческие годы два потрясения, по сей день беспокоящие память.

Земное бытие наше шутовина загадочная, и, обозревая минувшие десятилетия, Терентий, по его словам, все чаще думает о том, что кто-то или что-то незримо руководит человеками, заведомо готовя и направляя их судьбы. В тот год, перейдя на третий курс, он каникулярил в деревенских пенатах, но для переписки в общежитии потащился в Питер. Ясное дело, зашел в институт, где в летние месяцы идет своя жизнь. А там, слов-

но пал по сухой траве, полыхает клич: «В Москву! В Москву! В Сокольники!» Оказалось, в Москве первая в истории американская выставка, и завтра туда мчит институтский десант. Ты с нами?

— Явись днем позже, и судьба пошла бы иначе, как пить дать. — Терентий смешно почесал за ухом. — А кто меня дернул в Питер? Вечером не планировал, а с утра — вдруг! Вроде сам, вроде по своему хотению-велению, но теперь гадаю: не свыше ли было сказано? Думается мне, суетность мира, она только с виду случайная, а за ней бездна без дна.

А дальше случилось помутнение разума от сказочных американских чудес. Под золотистым «геодезическим куполом» глаза разбежались: авто изошренных форм, цветные телевизоры, компьютеры, холодильники на любой вкус, стиральные машины, пылесосы, кухонные комбайны. Супермаркет, набитый продуктами, о существовании которых Терентий знать не знал. Бесплатная дегустация знаменитой пепси-колы! Клозетная бумага! А самая мякотка — семейный дом рядового американца. О такой роскоши не только не снилось — не мечталось, о возможности так жить и не подозревали. В комфорте этого дома, на «кухонных дебатах» у электроплиты вице-президент США Никсон, нахваливая их повседневную жизнь, в пух-прах разбил Хрущева, вякавшего о промышленных успехах СССР.

Два дня, ночуя на вокзале, они бродили по выставке, восторгаясь и у каждого экспоната злоупотребляя поветриями устной русской речи. А в итоге гайка плотно села на винт: он возненавидел советчину. Это словцо мимоходом бросил новый приятель Степа Волжанский с дизайнерского факультета, высокий, худой, кадыкастый парень, по прозвищу Оглобля. В институте он был человеком приметным, по каким-то загадочным связям добывал для просмотра ленты знаменитых американских фильмов, которые после войны достались нам от немцев то ли по репарациям, то ли просто так: «Судьба солдата в Америке», «Снежная рапсодия», а еще шедевры с Диной Дурбин. На их показы в Большую аудиторию с кинопроектором набивалась уйма народу. Степа вообще считался человеком продвинутым; заскакивая в общежитие после стипендии, которую студенты повадились отмечать с бутылцом, позволял себе ругательно, со смелыми обобщениями хулить их убогий быт, — сам-то он обитал в родительской квартире на Васильевском острове. В Сокольниках Меланин сошелся с ним в восторгах относительно потрясающих американских машин, и расположение Степы ему льстило. Навсегда запомнил, как тонко, с каким всеохватным подтекстом новый приятель выразил итог выставочных восхищений:

— Ты все понял? У них мандарины круглый год, а в нашей советчине только к Новому году. Нарядная жизнь, однако.

Второе потрясение он испытал примерно через месяц. Идиот Хрущев — за чайком с овсянкой Терентий не раз хулил Никиту — пригласил в СССР французский дом моды «Кристиан Диор». А хитрющий кутюрье верняк с политической подачи, помимо показов от-кутюр, велел своим моделям в дневной час гулять по Москве на высоких каблуках и в «повседневной» одежде, включая сногшибательные парижские шляпки. На пару дней заглянул «Кристиан» и в Ленинград, и случайно — «Опять! Случайно ли?» — Терентий увидел их на Невском. Цирк! Водили бы по Невскому слона, ажиотажа было б меньше. Невиданные стильные платья сводили прохожих с ума, на манекенщиц пялили глаза, словно на звездных пришельцев, каждую окружала толпа убого одетых женщин в стоптанных туфлях с браслетом. Меланин озверел от этого пакостного, унизи-

тельного зрелища, этого свидетельства краха крепостнической советчины в мирной схватке со свободным западным миром. С той поры и завелись в нем скользкие мысли.

Распределили его в лесопарковый комплекс Царского Села — не без содействия Волжанского, которого, по его признанию, еще с третьего курса планировали сюда для смелых дизайнерских поисков. Видимо, связи у него были мощные, потому что, ко всеобщему изумлению, уже через год Оглоблю послали на трехмесячную стажировку во французский Довиль — изучать шедевры паркового дизайна.

Знаменитый северный курорт Степу потряс. Вдобавок он конечно же смотался на несколько дней в Париж — кстати, ночевал не на вокзале, а в одной из гостиниц Монмартра — с отелями там никаких проблем, — поднялся на Эйфелеву башню, был в Лувре, с утра до ночи слонялся по улицам. Другим человеком вернулся Оглобля из командировки, теперь он знал, какова нормальная обывательская сырно-масляная жизнь, и его обычная ирония по части советчины сменилась глухим негодованием на грани ненависти.

С Терентием он уже не стеснялся во мнениях, считая его своим человеком. СССР называл исторической химерой и союзом совецких — совецких! — социалистических рабов и откровенно тосковал по иным временам и странам, поясняя, что сегодня это кажется несбыточным, однако он, Степан Волжанский, верит в близкий столбовой поворот нашей истории.

С каждым годом царскосельская жизнь становилась насыщенней. Диссидентский круг Меланина расширился, открылись новые направления атаки на «официальную ложь» советчины, правозащитники становились героями времени. С легкой руки Степы Терентий примкнул к тем, кто уповал на поддержку Запада, и участвовал в скрытных дискуссиях с теми, кто опирался на протесты внутри страны. Те идейные схватки были увлекательными: чехарда мнений невероятная, правозащитники как на подбор страдали словесной диареей, вдобавок среди них была уйма арендаторов чужих мыслей, из-за чего дело порой доходило чуть ли не до драки.

Сходились все на том, что стране нужна чистка от партийной нечисти и дезинфекция от обветшалых советских установлений.

Впрочем, был еще один вопрос, который примирял спорщиков: надо непрестанно бить по извергу Сталину, призывая к восстановлению ленинских норм жизни. Эту идею отстаивал человек легендарный, с именем Алик Гинзбург, основавший легальный неподцензурный журнал «Синтаксис», автор «Белой книги» — о диссидентском процессе над Синявским и Даниэлем. Этот светоч свободолюбивой мысли иногда наезжал в Питер для встреч с единомышленниками, и Терентий несколько раз плотно общался с ним, а потому считал, что имеет полное право горделиво почтить себя его подсвечником.

Когда над Аликом вторично устроили судилище, они в единодушном порыве рванули в Москву, чтобы поддержать Гинзбурга и его однодельца Галанскова. Но, разумеется, псы режима в зал заседаний их не пустили, пришлось в жуткие январские морозы толкаться среди единомышленников у здания облсуда на Каланчевке, откуда в толпу все-таки просачивались кое-какие сведения. Несмотря на запреты, кому-то из допущенных на суд удалось записать последнее слово главного подсудимого. Гинзбург, верный своим идеям, обрушился на Сталина, призывал восстановить ленинские нормы демократии.

Терентий, потягивая остывший чаек, ухмыльнулся:

— Теперь-то мы все знаем про ту извилину. Сперва кричать за Лени-на, чтобы прихлопнуть Сталина, а потом и его в утиль. Но меня вопрос щекочет: кто такую хитрость измыслил? Волжанский говорил, что это инъекция Запада, но фактов не дал. Обычно-то он конкретничал, а я кон-кретику уважаю.

Отодвинул чашку в сторону, скрестил руки, опершись локтями на стол, и Алексей понял, что сейчас пойдет новая сага.

Так и вышло. После расправы с Пражской весной правозащитников поприжали, а Меланина, заболевшего инакомыслием, слишком хорошо знали в самом высоком питерском доме по Литейному, 4. Каждому ленинградцу известно, что из него аж Сибирь видно, это же КГБ! Между тем за Терентием, очевидно, уже было что-то серьезное, о своих подвигах на ниве борьбы за демократию он не распространялся, но вскользь намекнул, что в те годы проказил радикально. И, подытожив свежие факты царскосельского бытования, высчитал, что из-за скрытых угроз с Литей-ного стало подгорать, пора сматывать удочки, самое-самое время. Кожей чувствовал, что каток репрессий неумолимо подминает его, и начал опа-саться, как бы не пришлось чалиться на шконке.

К тому времени он уже знал много историй о страдальцах 37-го, и в памяти застряло несколько вариантов их чудесного спасения. Предчув-ствуя арест, люди бросали все — работу, квартиру, семью и... исчезали. Уезжали в далекий город, меняли профессию, придумывали новую био-графию, устраивались в неприметных низах жизни — завхозами, дворни-ками, разнорабочими. О них забывали, искать их было трудно, некогда, да и незачем — ночами черный воронок торопился по другим адресам. Подобные случаи, по свидетельству жертв репрессий, встречались не так уж редко.

И когда настал его черед страдать за правду, надумал Терентий Мела-нин: почему бы сегодня не вспомнить о том варианте? Леснику-то схо-ваться от угроз власти проще простого, в любом конце страны есть работа.

И он выбрал Тофаларский заказник.

— Представляешь, из Царского Села в Тофаларию! Ты знаешь, что та-кое Тофалария, где она? Спроси про нее в своей Москве у ста человек, вся сотня скажет, что слыхом не слыхивала. Из сказки, что ли?..

Тофалария, она в глубине Восточных Саян, бездорожная горная тай-га. Медведи, кедровники. На берегу здешней жемчужины — Айгульского озера, на останках Нижнеудинской геологоразведки притаилась охрани-тельная заимка лесников-егерей. До райцентра либо вертолет по заявке — рядом оборудовали бревенчатый настил, — либо три дня пешего ходу. Ни дать ни взять резервация.

Всякое бывало в той первозданной глуши, где на берегу Айгуля русал-ки назначают свидания кентаврам.

О работе чего говорить? Работа как работа, по инструкции смотри за лесами, проводи санитарную рубку да храни заказник от браконьеров всех мастей. А вот жизнь в той запредельной глухомани... Случалось, прини-мали на передержку беглых каторжан — столько наслушался от них Те-рентий, что увлекся записями и сейчас сожалел, что бросил рукописни-чать, ныне пригодились бы. Было дело, когда двое изнуренных доходяг, бежавших с дальней зоны, пожаловали вместе с «консервами», — об этом, расслабившись от неожиданной везухи, откровенно шепнул один из бегле-цов. Не наткнись они на айгульскую заимку, пришлось бы «расконсер-вировать» третьего, взятого для избежания морового голода. Замышляя побег, они обзавелись холодняком: без ножей в тайге делать нечего. И вот

странно, этот ужас подконвойного мира в безлюдье глухой тайги воспринимался без эмоций, равнодушно, как природный инстинкт зверя выжить любой ценой, пусть людоедством. Лишь одна мысль шевельнулась тогда в башке Терентия: кому-то жизнь по случаю спасли, и то ладно.

Случалось, на Айгульское озеро прибывали гости. Однажды, в конце восьмидесятых, ради экзотики на денек прилетел Волжанский, и Терентий сразу почувствовал, что из сарказма Оглобли ушла прежняя злоба. Он уже не щелкал клювом, как раньше, не брызгал слюной. Степа остепенился, похоже, принял ласки власти. Тот еще инсургент... При встрече обнялись, а говорить было не о чем — разные судьбы!

Да, всяко бывало. На таких заимках людей с прямыми жизнями не встретишь, здесь либо от судьбы прячутся, либо от самих себя. С ветерком в голове мужики. Опять же женский вопрос...

— Чего лукавить, привозили вертолетом на побывку из Нижнеудинска, а то и из Иркутска, не без этого. Но вообще-то дело сложнее. Нескольким лет держался в тайге егерь, зашитый алкоголик, для которого не было водки и баб — только вино и женщины. В разговорах, конечно, не въяве, на заимке сухой закон. Так вот, в отпуске в Новосибирске сошелся он с профессиональной пианисткой. Эксклюзивная, говорил, женщина, немыслимая! И загорелся он — дышите глубже! — чтобы на берегу таежного Айгульского озера она сыграла Первый концерт Чайковского. Величественное, говорил, зрелище будет. Трехдневные походы в Нижнеудинск ему не в тягость, с почты письма ей слал, писал, что вертолетом, на подвеске доставит на Айгуль рояль. С пилотами уже договорился, только прилетай. А что? Деньги-то были. Зарплата не очень, но жили-то, считай, на самообеспечении. Рыба своя, медвежатина — браконьерам нельзя, а самим для текущих нужд кто мешает? Огород завели, времени-то в избытке. А уж лесная ягода, грибы само собой. Вертолетом только крупы и мучное привозили, ну, еще сахар; но в основном мясничали, каша мясо не заменит... К тому же, чего греха таить, летишь в отпуск, почему бы друзьям выделанную шкуру медвежьей не подарить? А они в ответ одарят... Шишкаррей в кедровый сезон принимали тоже недаром. — Скользнул в сторону: — Кедр вообще дерево волшебное, я его особо отличаю, он и на карандаши идет...

Взял овсяное печенье, пожевал, кивнул в сторону крыльца:

— У меня шкура росوماхи над кроватью пришпилена... О, смешное вспомнилось! В семидесятые вошла в моду зимняя охота на медведя, международная. Через Интурист в Америке, в Германии — где хошь заказывали и по графику прибывали. И велено было искать медвежьих берлоги, куда слали экспедиции: вездеход, егерь, собаки. Охота на берложного медведя это же целый ритуал. И было пару раз, что берлога обманная, пустая. А дело-то у-у какое дорожущее! Из Москвы и шлют депешу: проверить наличие зверя. И пришла от одного умельца телеграмма: медведь есть, от носа до лба прямой вершок, между ушами косой. Ну, тофалары — их, кстати, всего тысяча с малым — охотники отменные. Он полез в берлогу и морду спящего медведя замерил.

После паузы подвел итог:

— Вот тебе, уважаемый, и вся повесть моих лет. Ты историк, может быть, сохранишь для потомков судьбу одного из батуриных Меланиных. — Невесело улыбнулся. — На переломе двух эпох.

Минуты три молчали, думая каждый о своем. И вдруг Терентий странным образом преобразился. На спокойном, без всплеска эмоций лице возникла гримаса озлобления, пальцами принялся барабанить по столу, снова, как при встрече, долгим взглядом в упор посмотрел на Алексея, то

ли размышляя о чем-то, то ли прикидывая, что за человек этот меланинский отпрыск. Наконец заговорил сдавленным голосом:

— Разбередил ты меня. А я не только рассказать умею, я и сказать могу... Ты представляешь, каково четверть века сидеть в саянской глуши? Четверть века! Наедине с собой... Я из каждого отпуска чемодан умных книг привозил, за ними в Ленинград мотался, у меня там свои люди были, да покруче Волжанского. Размышлениями на высокие темы, притягательными смыслами — вот чем я в тайге спасался. Компромисс между хаосом и порядком искал, дары и удары жизни сопоставлял. Ты знаешь, что такое повелевающее сознание?..

Алексей был обескуражен. А Терентий с напором, жестикулируя, обретя голос, продолжал жать:

— Жизнь мимо, стороной прошла. О победном коньке-горбунке мечтал, а оседлал старую клячу. Ни дома, ни семьи, а зачем, почему, знать не знаю. Так вышло, так наверху распорядилось. — Поднял глаза, указывая на небо. — Словно альпинист, покорять вершину полез, да в сандалиях на босу ногу... Может, лучше бы я соразмерно содеянному пятерик отмотал где-нибудь на зоне, лучше бы отсидентом стал, чем таежным диссидентом. Вычитал где-то, что Бунин писал про светлое одиночество — на даче. Посидел бы в одиночестве на берегу Айгуля — света белого не взвидел бы... А в девяносто втором, как власть сменилась, меня словно ветром оттуда сдуло. Наша деревня столичным градом показалась. Сейчас огородом да грибами пробавляюсь. — Заговорив о текущем, сбавил тон. — У меня связки белых выдающиеся, с руками рвут, только давай. Вот и мотаюсь в Тверь, сдаю оптовикам килограммами. А тебе знамо, сколько в килограмме сушеных грибов? Миллион!.. Каждая птица свой посвист знает, соловей ворону не слышит. Вот и я теперь к вашим столичным разборкам равнодушен, словно в детство вернулся, снова Лесником по прозвищу стал.

Вроде бы успокоился, но вдруг снова взъярился, жилы на висках вздулись:

— И тут ты, историк, ко мне появился! Да вдобавок меланинского колена, с тобой можно. Ну и разбудил старину. Все всплыло! Я власть ненавижу. Любую! Понял? Любую! Что советчина, что теперешние — одна слизь... Не-на-ви-жу!

Выплеснув эмоции, обмяк телом, щеки по-стариковски обвисли, сказал равнодушно:

— Ладно, пора вечерять. Мать, иди распорядись с постелями, а я приберусь.

7

К старости начала одолевать Кондрата Кедрова странная идея фикс. Этим разговорным присловьем, а по сути, медицинским термином — «идея фикс» — к месту и не к месту любил пулять давний коллега, замзав отделом ЦК Василий Костикин, к которому эти словечки так прилипли, что за глаза его и называть-то стали Идеей Фикс. Но спустя много десятилетий дурацкий «фикс» вспомнился Кедрову неспроста — в сознании навязчиво, до умственной озабоченности застучала неожиданная, новая для него мысль.

В таежном Сухом Логе, где прошло босоное детство, радостей-веселий у ребятни было немного. Раз в год катание в санях на Масленицу — вот, пожалуй, и все. Зато случались праздники — малолетки праздниками

называли большие семейные застолья, когда в саду, а зимой в горнице собиралась за столом родня. Пир горой длился часами, и мелюзга, крутившаяся вокруг, хмелевшая от общего веселья, а вдобавок получавшая свою долю лакомых, была счастлива.

Лет в пятнадцать Кондрата впервые посадили за общий стол, полный домашних разносолов. До сих пор помнит язык неповторимый вкус традиционных сибирских щей с говядиной и сухими грибами; много в них было других приправ, но именно густой навар от сушеных грибов придавал щам особый, словом не выразимый аромат. А свежий, ядреный сухарный квас с настоем мяты и листа смородины? По служебным обстоятельствам через много шикарных банкетов довелось пройти знатному партийному чиновнику Кедрову, однако заморские кулинарные изыски с изощренными наименованиями — их он обобщенно называл «уха из петуха» — не заглушили его память о праздничных сибирских разносолах.

Но не обжираловка была главным воспоминанием. С того, первого раза Кондрат понял, что широкое домашнее застолье не просто нарядная родственная трапеза со жратвой до отвала и обильной выпивкой, а своего рода семейное вече, на котором три поколения Кедровых, ведя душевные разговоры, учились понимать друг друга. Все здесь было: созвучия мнений и несогласия, поучения и откровения, радости и жалобы, обсуждения содеянного и намеченного. А еще на семейных застольях Кондрат как бы общался с ушедшими предками: деды и бабушки много вспоминали отцов-матерей, повествуя об их праведной жизни, с которой взяли пример.

С вожделением ждал Кондрат каждого такого праздника, духовно сближавшего родню даже в случаях, когда чьи-то поступки подвергались осуждению — бывало и такое, кстати, не так уж редко. Не пьянка, не обжорные страсти властвовали на родовых сборах; душевная теплота витала над доверительными семейными застольями, оставившими о себе счастливые воспоминания. Сравнивая времена прошлые и нынешние, он порой думал о том, насколько прежние совокупные застольные мнения, рожденные в общей словесной толкотне, были глубже теперешних, диванных, которые каждый поодиночке хаотично тащит в Интернет, порождая смуту в умах.

Война, жизненная гонка с партийной карьерой и перестроечной неразберихой, а потом трудное вползание в новую явь отодвинули те счастливые воспоминания на задворки памяти. К тому же бурные перипетии века выбили родню, да и детей — только сын. При такой малосемейности широкие застолья и на ум нейдут. Но сейчас, когда жизнь понемногу устаканилась, когда Кондрат начал приходить в себя после сумятицы переломных лет, когда открылись перспективы спокойного стариковского доживания, он с душевным восторгом осознал, что окружен уймой родных, а главное, кучей внуков. На старости лет, преодолев житейские кручи, он все-таки стал лидером большого семейного клана, о чем мечтал когда-то!

Принялся обдумывать новую ситуацию и надумал много важного. Да, все свершилось совсем не так, как планировал крупный цековский чиновник. Однако по жизни вышло душевнее: в том самый цимес, что не на финансах и номенклатурных связях, как прежде, держится его домашний авторитет, а на мощи духа, которой он отмечен смолоду — от «Огонь на себя!» на Висло-Одерском плацдарме до сильных решений в трудных служебных случаях. Вдобавок за плечами огромный опыт общения с тысячами людей: главный партийный кадровик, вереницы судебных прошли через него.

И когда утвердился в своем внезапном озарении, когда осознал новую ответственность перед внуками, тут и вспомнились радости былых дней, счастливые семейные застолья далеких предвоенных лет. Предпро-

шедшее, до постперфектум! Так остро, так душещипательно накатывали волны памяти, что думал о них чуть ли не каждодневно. Ну что тут скажешь — это и есть идея фикс.

Впрочем, к глубоким личным чувствам в сознании бывшего партийного служаки примешивались и некие общественные, даже политические мотивы. В гламурные нулевые для состоятельного люда настала эпоха ресторанных веселий, доставки готовой еды на дом. В печати, по ТВ шумели о закате домашних обеденных приготовлений, семейную кухню объявили тупиковой ветвью кулинарной культуры. Кондрат понимал расчетливый рыночный замысел нового «общепита» и душой восставал против оплаченной рекламы. Но теперь это был уже не пассивный протест внутреннего эмигранта девяностых, он снова ощущал себя гражданином и жаждал восстановить традицию праздничных семейных застолий — пусть на примере клана Кедровых, и только. И один в поле воин!

Разумеется, трубить общий сбор с кондачка, с бухты-баряхты, без тщательной подготовки нельзя. Да и как созвать всех, если ситуация не стандартная — при одном сыне две невестки. Вдобавок уже пошла поросьля, родная не по крови, а по семейным переплетениям. Разберись-ка тут! Но житейская бывалость научила: о глубоких замыслах надо непрестанно думать и терпеливо ждать, чтобы не прозевать свой случай.

И когда сын затеял разговор о новом доме в Батуристине, у Кондрата выстрелило в мозгу: «Вот он, мой случай!» Приказным тоном наставляя Дмитрия пригласить на батуринскую фазенду Варю с мужем, он не импровизировал, а излагал план действий, который долго вынашивал. Он изначально понимал, что первым шагом к воплощению идеи фикс должно стать сближение Дмитрия и Матвея.

Стройка дома предоставила такой шанс.

Теперь предстояло аккуратно, без спешки готовить родственную встречу. По прежнему опыту Кедров хорошо знал, что самый быстрый путь решения проблемы — действовать спокойно, неторопливо, однако без остановок, без пауз. На чиновном жаргоне это называлось «двигаться по процедуре». А с чего, вернее, с кого начинать, было ясно: главная связка — внучка Алена. Дмитрий ей родной отец, алименты платил исправно, без понуканий, с ним она свободно общалась, не сказать чтобы часто, однако беспрепятственно, это важно. А Матвей — отчим, он ее растил в любви и доброте, с возрастом у старшей дочери даже появился «люкс»: они так удачно соединили соседние однушки, что из Вариной кухни сделали комнату с санузлом, которую и называли люксом. Раздоров в семье не было, ревности по части отца-отчима тоже не было — это заслуга Вари, которая с ранних лет все Аленке объяснила, не допустив детского душевного разлада. В итоге внучка выросла девицей достойной, — кстати, и собой хороша! — заканчивает Текстильный институт по дизайну одежды. Правда, очень, даже не в меру, самостоятельная. Но так жизнь продиктовала: с первых школьных лет, пока Варя не сошлась с Матвеем и в одиночку добывала хлеб насущный, Аленка сама рулила собой.

Но позвать в Батурино Варю не так-то просто. Согласится ли? У брошенной жены обида на всю жизнь, она с Дмитрием не общается, а Ульяну знать не знает. Уломай-ка! Конечно, сыну надо подсобить. И Кондрат немедленно занялся, опять-таки говоря служебным языком, расширением контактов с внучкой. Позвонил Варе по городскому номеру, поговорил о том о сём и между делом посетовал, что давно не видел Алену, попросил дать ей трубку. Ответ удивил:

— А ее нет, она теперь с нами не живет.

— Как не живет?

— Кондрат Егорович, дорогой, ей почти двадцать два, у нее своя жизнь. Есть человек, с которым она встречается... Ну, вы меня поняли. Звонит часто, я обязательно накажу, чтобы связалась с вами. Верно, непорядок. Но это, Кондрат Егорович, моя вина, я должна была ее шевельнуть. По возрасту у нее самый гон, выше крыши делами увлечена. Да и жизнь сейчас, сами знаете, очень уж замороченная.

Договорились, что в ближайшее время Алена заглянет в Староконюшенный. Но Кондрат, моментом оценив новую ситуацию, понял: к «деловой» беседе с внучкой надо готовиться капитально. И умело всполошился, даже выругался на свой манер:

— О-ох, осина-апельсина, старый я стал, чуть о главном не забыл. Звоню-то зачем? Чтобы ты срочно к нам заехала. Есть про Никиту разговор. Важный. Когда тебя ждать?

Никакого важного разговора про Никиту Кондрат, понятно, не планировал, требовалось выяснить подробности про Алену. И когда через пару дней заскочила Варя, после якобы тревожных сетований на «сложный возраст» внука и прочих дежурных стариковских причитаний Кедров через классическое в таких случаях «кстати» перешел к главной теме.

И подробности, которые на основе доверительных и красочных рассказов дочери излагала Варя, оказались очень не рядовыми, для Кондрата неожиданными.

Оказывается, Алена еще в институтские годы взялась подрабатывать и творчески — дизайнер! — сообразила неожиданный вид заработка. Полгода училась на курсах экскурсоводов, постигая основы архитектуры, истории и много чего еще, и сдала труднейший экзамен — по словам Вари, не иначе как кандидатский минимум. После кабинетных занятий тренировалась «в поле», прикидываясь рядовым экскурсантом в группах опытных гидов. Зато теперь умеет «составлять» экскурсии — тоже дело головоломное — и «читать» архитектуру. Получила сертификат, платит налог и водит экскурсии, как она говорит, «по московским прелестям», через соцсети привлекая клиентов, — тоже надо уметь! Но иногда за двадцать процентов добывает их у агрегаторов — ну прям таксист! А вообще, уличный гид дело утомительное и не слишком хлебное, однако на прическу, маникюр и прочие женские надобности Алене хватает вполне. Само собой, Варя была довольна.

А однажды, расписывая экскурсантам исторические достопримечательности Варварки, включая солнечные часы на здании Историко-архивного института и ресторан «Славянский базар», где заседали Станиславский с Немировичем-Данченко, придумывая Художественный театр, Алена заметила, что к ее группе пристал «бесплатный» чужак. Такое бывает, и регламент требует сказать: «Извините, это частная экскурсия». Но что-то Алену остановило, слишком уж откровенно этот симпатичный мужчина с буйной шатеновой шевелюрой не красотами Варварки любовался, а с нее глаз не сводил. Между тем она в тот раз была в ударе... Ну а дальше все шло как по писаному, дело-то молодое: после экскурсии он извинился за незваное возникновение, витиевато объяснив его тем, что споткнулся о нее взглядом и мысленно упал ниц, не имея сил оторваться от ее чарующего голоса, наговорил кучу комплиментов и без особого труда уговорил на чашечку кофе. В уличной кафешке началось между ними слово за слово, возник взаимный интерес, перешли на «ты» и на завтра назначили новую встречу.

На ней Алексей Трофимович Фильчагин объявил, что среди друзей и знакомых числится исключительно Трофимычем и что он — человек с

двойным дном, в том смысле, что реалии его жизни категорически расходятся с официальным статусом. В частности, он владелец роскошных трехкомнатных апартаментов на Садовом кольце, около Маяковской — окна во двор! — которые оставили ему преждевременно ушедшие в мир иной родители, однако проживает в маленькой съемной квартирке где-то на Каширском шоссе. Это расхождение между правами собственника и сумрачной правдой бытия возникло из другой нажитой двойственности.

Родители Трофимыча были известными врачами, и сын пошел по их стопам, прилежно овладевая искусством Авиценны. На четвертом курсе для практики был ночным дежурантом в хирургии Градской больницы, в памяти сохранилось, что на первом дежурстве ему довелось ставить гастральный зонд для промывки желудка зело перебравшему зелья алкашу. При таком рвении да при маминой протекции его взяли ординатором в Градскую и зачислили в разряд перспективных. Но после трагической гибели родителей в автокатастрофе — ему было двадцать семь, сейчас тридцать — он начал, говоря его словами, «обезьянничать», а если по-просту, то подражать великому Вересаеву и еще более великому Чехову: как они, увлекся писательством и ушел из медицины с ее возможностями сверхурочного терпимого заработка.

Жить стало не на что, литература ныне — дело безгонорарное, и он задорого сдает большую квартиру на Садовом кольце, задешево снимая однушку на Каширке. За счет разницы цен и существует. Раньше спал на шелковых простынях, а теперь на стократ стиранных. Вчерашнее кофепитие в уличном кафе считает не купеческим загулом, а гастрономической оргией, потому что дома сидит на серых макаронах. Сердце полно надежд, а ум — сомнений. Но гениально написал Пастернак: поражение от победы порой не отличишь. Будущее просматривается фантастически успешным, ибо у него обнаружили незаурядный талант. А пред соблазнами судьбы он бессилён.

Алена чутко уловила, что вступительный монолог новый знакомый завершил с иронией, и уколола:

— То-то мне показалось, что где-то я тебя видела, лицо знакомое. А когда сказал про купеческий загул и серые макароны, вспомнила: не ты ли часом выступал по телику в программе о вкусной и здоровой пище? То ли вчера, то ли надясь.

Трофимыч восхищенно хмыкнул, для красного словца с шутовским намеком упомянул о встрече Марлон Брандо с Мэрилин Монро и предложил выпить кофе на брудершафт. Похоже, они начали понимать друг друга с первых слов, и разговор пошел занятный.

Выяснилось, что писательство он начал с юморных рассказиков для себя и друзей. Потом потянуло на серьезные рассказы, которые рассылал в электронные альманахи, коих в интернетную эпоху развелось видимо-невидимо. И да, кое-что начали публиковать! А главное, его заметили, однажды позвали на какое-то литературное мероприятие, потом еще на одно... И он постепенно вошел — а может быть, втерся — в полный кайфа и драйва безумно интересный круг людей, причастных к великому таинству словесного творчества. А если по-честному, поторопиться со знакомством с Аленой, которая обожгла его с первого взгляда, побудил Трофимыча один из первых рассказов собственного сочинения. Предупредил:

— Вообще-то это тебе не серые макароны.

Суть рассказа в том, что некий молодой инженер по имени Вася однажды, шагая к метро, чтобы ехать на работу, увидел симпатичную девушку в беличьей шубке. А потом встречал ее ежедневно — видимо, она тоже

шла на работу, но из метро. Постепенно они примелькались друг другу, и в какой-то четверг он поздоровался с ней кивком головы, а в пятницу улыбнулся и приветствовал словами «Добрый день!», получив благосклонный ответ. Выходные он провел в томительном ожидании, репетируя первый мимоходный разговор, и в понедельник в приподнятом настроении двинулся к метро... Увы, девушку в беличьей шубке он не встретил. Ни в понедельник, ни во вторник, ни через неделю. Они разминулись навсегда. А причина, как выяснилось, состояла в том, что начало ее рабочего дня перенесли на час позже.

— Простенько, но с философским подтекстом, — свою мысль Трофимыч разъяснял Алене возвышенно. — Наши судьбы зависят от таких случайных частных, которые неподвластны логике поступков, кто-то свыше диктует человеку конспект его жизни. С учетом печального опыта своего героя я и поторопился с тобой.

В квартире в Староконюшенном умели создать душевную, располагающую атмосферу, и Варя, чувствуя сопереживание, все больше увлекалась пересказом, как она говорила, «похождений» дочери, заключив это слово в кавычки. Они доставляли ей душевное удовольствие. И, углубившись в приятные воспоминания, хвасталась:

— Кондрат Егорович, Алена в смысле умственных размышлений та еще штучка. О-о, она умеет! Сразу осадила нового знакомого. Говорит: «Интересно... Но я не поняла, как Васе удалось выяснить причину, по которой они разминулись. Он же беличью шубку больше не видел». — Варя рассмеялась. — Этот Трофимыч был сражен.

Трофимыч и верно поразился:

— Ну ты даешь! Самое главное ухватила. В том-то и дело, что суть мне ясна, а уложить ее в рассказ не получается. До сих пор периодически к нему возвращаюсь.

Алена улыбнулась:

— И что же продиктовали с небес твоему герою? Может быть, свыше его бережно уберегли от несчастной, а то и трагической любви? А тебя вот не уберегли.

Трофимыч на миг остолбенел, потом восторженно воскликнул:

— Да вот же он, финал рассказа! Алена, ты гений! Да, конечно, надо набросать кучу забавных и серьезных вариантов, а потом пойти на глубину в теме о Божественном Промысле.

Варя, обычно сдержанная, неожиданно для Кедрова раскрылась, говорила с улыбкой, с короткими смешками, даже слегка жестикулировала. А Кедров ухватывал из ее слов главное: Алена после стадии чашечек кофе и подарочных букетиков продвинулась дальше и перебралась на Каширское шоссе, но при этом доверительно и откровенно делится с матерью своим житьем-бытьем. Это означало, что в семье Матвея полный порядок.

Под конец спросил:

— А вы этого... Трофимыча видели?

— Кондрат Егорович, сколько ни звали, не показывает. Я говорю: «Он у тебя что, кривой? Косой? Или росточком не вышел? Чего прячешь?» А она посмеивается, говорит, еще не время. Но мне вот что по душе, Кондрат Егорович. Чувствуется, они оба знают, почем копейка; Алена экскурсантов водит в два раза чаще, укладку с кудряшками сама крутит, по салонам не ходит. Матвей говорит, давай подсобим. А я противлюсь, пускай сама выплывает, так оно надежнее будет. Чтобы не осталась потом на развалинах воздушных замков. Внешне-то она в порядке, ваша, кедровская порода, одевается вроде бы просто, да с изюминкой, монохром любит — бе-

лый верх, черный низ. Что говорить, дизайнер! Я со стороны смотрю — на душе тепло... Конечно, нам не хочется, чтобы она, как ныне говорят, монетизировала свою внешность, но уж как получится, мы бессильны, пожнем, что вырастили... И знаете что еще скажу, Кондрат Егорович? Насколько она им увлечена, не ведаю, но впечатление, что через него она стала равнодушна к литературным занятиям. Впрямую не говорит, но косвенно это проскакивает.

Вечером, после непривычно долгого общения с Варей Кедров бродил по арбатским переулкам. Подумать было о чем. Страна детей слишком сильно отличается от страны отцов, внучатое племя живет в своем времени, у него свои барыши и убытки, свои табу, оно ищет свои пути в незнакомой Кондрату жизни, и ему надо определиться по части их «выкрутасов», которые полвека назад он счел бы дурными. Этот вопрос затрагивал болевую точку сознания, беспокоившую после жестокой контузии 91-го, когда он болтался между цугцвангом и цугундером. Поначалу горько отчаявшись, он с годами понял, что Родина, за которую сражался на фронтах, не потеряна, Советы умерли, а Россия осталась. Однако эпоха складывается так, что теперь она снова бьется за свое будущее. И в томительные часы старческой бессонницы Кондрат мучительно раздвигался: то мечтательно надеялся на будущее, то, наоборот, его страшился. Но теперь, увлекшись идеей фикс, он по-солдатски взбодрился, в нем пробудился угасший было бойцовский дух, и неожиданный поворот с внучкой стал не проблемой, а вызовом, на который предстояло достойно ответить. Что ж, не привыкать, из мелкой посуды он никогда не пил.

Сцепив руки за спиной, медленно прогуливаясь по безлюдным староарбатским переулкам, он рылся в былых днях, подыскивая похожие случаи, и обдумывал тактику действий. Остыв от прежних политических баталий, Кондрат давно пришел к пониманию того, что перестройка, как и любая революция, помимо официальных провозглашений, подспудно стала крайней формой конфликта поколений. В авангарде перемен всегда молодежь, нынешние цветные революции всюду идут по той же схеме. И Алена, выросшая в стране внуков, где раскручивается спираль безудержного потребления, она иная, у нее свои представления о бытовании. Кто знает, может быть, они, новейшее поколение, пришли просто пожить и волнуют их не духовные сущности, а лишь повседневные насущности? Общаться с повзрослевшей Аленой надо аккуратно, с оглядкой, с хитрецей, раздумывал Кондрат, не мусолить мелочи жизни, а ставить вопрос по-крупному. Чтобы не выглядеть престарелым болтуном, попусту греющим уши внучке, и не нарваться на равнодушие. Не то получится как в давнем присловье: шел на Одессу, а вышел к Херсону. И хвалил себя за упреждение: договорился с Варей, что она не скажет дочери о сегодняшней встрече. Это позволит сделать вид, будто дед понятия не имеет о переменах в жизни внучки, даст выгодную позицию для расспросов и решения главной задачи, ставшей идеей фикс.

Алена позвонила через три дня. Разговор был дежурным, она спрашивала о здоровье, он — о том, почему исчезла с горизонтов. А под занавес настоятельно пригласил в гости, да в ближайшие дни: негоже забывать деда. После короткой паузы Алена обещала заглянуть в Староконюшенный в субботу, снова сделала паузу, добавила:

— Деда, имей в виду, я приду не одна.

Кондрат мгновенно все вычислил, наивно придурился:

— А ты по-прежнему ходишь в гости с мамой?

Опять короткая пауза.

— Почему с мамой? Нет, деда, не с ней. Понимаешь, в субботу у меня с одним человеком будут дела в районе Арбата, и мы зайдем вместе, не бросать же его на улице. Часа в четыре, с лагом в пятнадцать минут. Не-надолго, по-рабочему.

Кондрат понимал, что Алена на ходу обдумывает ситуацию, потому что возникла возможность показать ухажеру престижную квартиру деда на Старом Арбате. Попутно отметил для себя: «Ишь, как излагает — “с лагом”. Ну, с кем поведешься...» Но так или иначе, а простенькое, казалось изначально, дедово наставление внучке перерастало в решение довольно сложной задачи. Монетка встала на ребро! Кондрат любил такие головоломки и снова отправился побродить по вечерним переулкам, чтобы обдумать предстоящую встречу. Если не спешишь, на ходу думается лучше, это он усвоил на прошловековых прогулках по целебным маршрутам санатория «Барвиха».

Шел по одному из староарбатских переулков, и вспомнилось, как в начале девяностых он разминулся здесь с бывшим ректором Высшей партшколы, «авторитетом» из банды прорабов перестройки Шестаковским, политическим пройдохой, вокруг которого кружил хоровод прихлебателей. Летящей походкой бежал он за водкой — в трениках с пузырями, с авоськой пустых бутылок. Значительное, шумное лицо при Горбачеве, после тайных похорон перестройки он стал ненужным, вихрем истории его снесло в придорожную канаву. Спившийся забулдыга, которого Кондрат когда-то оформлял на высокую должность, давно исчез с общественных горизонтов. Жив ли? Спросить не у кого, да и зачем спрашивать? Но символ, однако! Ректор партшколы стал шантрапой. Да, разные они были, люди потерянного прошлого...

Домой он вернулся с вариантами А и Б — в зависимости от того, какое впечатление произведет загадочный Трофимыч. Если он ничто, в ход пойдет вариант А — прямодушный, верняковый, дежурный; однако к нему Алена может отнестись с прохладцей и не дожать Варю. А если Трофимыч — это нечто, есть вариант Б: форсаж, усиление, двойной бодрящий кофе, который не позволит Алене прохладяться.

Что ж, как сказал однажды товарищ по землячеству Иннокентий Смоктуновский, ноты расписаны, партитура готова. Оставалось дожидаться субботы.

8

Словно зимовавший в берлоге медведь, тощий, угрюмый и опасливый, Батурино просыпалось после тяжелой беспамятной спячки.

Совсем недавно, когда праздновали миллениум, со стороны казалось, что начало нового тысячелетия подводит печальный итог бытованию достославного старинного села — оно завершает исторический путь, растворяясь во мгле минувшего тысячелетия. Щемявшее душу бесхозными подворьями в бурьянах и понурыми домами с крест-накрест забитыми ставнями, трагически безлюдное, пребывавшее в холоде-голоде, с безголосой колокольной, село, казалось со стороны, тихо, безропотно умирает; накрытое саваном глухих времен, превращается в транзитную территорию. Безрадостная картина запустения не оставляла сомнений в пасмурном исходе здешней жизни.

Но там, на стороне, где не чтят русскую историю, не знали не ведали, что по правде село не умирало. На дне отчаяния, в урагане зла, подчиня-

ясь вековому инстинкту, оно совершало подвиг терпения, впав в глубокое оцепенение. И стойко пережидало смену эпох, обернувшуюся лихолетьем, — так, замедляя пульс и дыхание, спасается в берлоге от зимней бескормицы медведь, символ России.

Но приходит срок, и медведь возвращается к жизни, в здравии покидая прибежище, — временное оцепенение целительно, оно оберегает от инфекций любого рода. Главный же, не распознанный на стороне чудодейственный секрет русского символа таится в том, что зимой медведица рождает медвежат, которые начинают жизнь в тепле и чистоте — в берлоге медведь под себя не ходит, — а главное, под надежной защитой. В потаенном схроне скрытно, неведомо для недобрых глаз произрастает завтрашний день.

Батурино, следуя ритму истории, чутко учуяло, что туман над Россией рассеивается, и сбрасывало с себя спасительное оцепенение, готовилось к иному бытию.

— Не только в чужой стороне, но и в наших сферах не знают мистических глубин народной жизни. Помните, в перестройку говорили, что она раскачивает верхушки деревьев, а корни не затрагивает? Вот и Батурино горбачевских обуздателей не приняло, залегло на дно. Как медведь в берлоге, лапу сосало. — Лидия Ивановна улыбнулась. — У нас ведь как? Сосать лапу — значит жить впроголодь. А медведь в спячке подкожным жиром живет, но лапу, верно, сосет. Знаете, почему? В оцепенении у него на ступнях кожа обновляется, он языком старые ошмотья слизывает. Из берлоги медведица новой поступью выходит да с медвежатами. Ну скажите, разве это с жизнью народной не соотносимо? Да и ваша ребятня здесь в духовной чистоте растет... Пойду в храм, напутственный молебен закажу.

Дмитрий Кедров слушал возвышенные речи Лидии Ивановны и дивился тому, сколь полно ее суждения совпадают с его настроениями. Они сидели на лавочке с прислоном у задней калитки батуринской фазенды. Отсюда, с Алешина бугра, открывались глазу великие русские просторы, и грандиозный вид побуждал, говоря ее словами, думать о течении звезд.

— Умели наши предки выбирать место для селений, — сдержанно жестикулируя, говорила Лидия Ивановна. — Утром солнце встает из тех дальних лесов, бьет в глаза, слепит, в полдень уходит туда, к озеру, а сейчас, к четырем, светит из-за спины, освещая грандиозную, глазом неохватную картину русского мира. В детстве на этой Алешиной лавочке — ее называли Алешиной, как и весь бугор, — я по солнцу время угадывала.

Лидия Ивановна, давно ставшая для Кедровых своим человеком, приезжала, а вернее сказать, прибывала в Батурино не часто — она созванивалась с Дмитрием, и в обоюдно удобные дни он захватывал ее с собой. Иногда и сам звонил, предлагая гостевание, потому что каждое их общение становилось пиршеством духа. Старший научный в институте истории, она занималась штучной, если не сказать, раритетной по нынешним временам темой — этнокультурной основой политики. Дмитрий, политолог со стажем, признаться, и не слышал о том, что у политики есть этнокультурная составляющая, и размышления Лидии Ивановны становились откровением. А потому Азарова — фамилия по бывшему мужу, в девичестве она Меланина — была для Кедровых званым гостем.

Но гостила коротко, подгадывая завтрашний автобус, ссылаясь на занятость. Однако Ульяна, чуткая в понимании людей, догадывалась, что Лидия Ивановна не хочет обременять собой новых хозяев дома. Потому на ночлег она обустраивалась у других Меланиных («Нет-нет, не родня! Батуринские однофамильцы, с детства знакомы!»), живших через три дома.

На заветной Алешиной лавочке, из края в край обозревая необъятные, до горизонта лесные увалы и кивая изредка головой — видимо, в такт своим мыслям, — Лидия Ивановна могла сидеть долго — для того и приезжала, чтобы подзарядиться в своем месте силы. В тот памятный день она вспомнила о покойной тетушке:

— Знаете, Дмитрий, в перестройку, когда жива была тетя Христя, я сюда частенько наезжала. На этом высоком бугре думается просветленно, и не в деталях, не по частностям, а магистрально. Не только дали дальние, но и просторы русской истории видны. А головушка моя как устроена? Здесь мелькнули новые смыслы — ну, в Москве и начинаю копать в материалах, искать обоснования. А там — ба, да вот же они, строгие факты истории! Почему раньше не глянула в эти пласты? Чудеса, да и только!.. И отлично помню, что здесь, на этой лавочке с прислоном, я впервые осознала перестройку как третью в XX веке русскую гражданскую войну. Это понимание и привело меня в этнокультурную тему.

— Да, некоторые называют перестройку подобием гражданской войны, — с натяжкой согласился Кедров. — Но в любом случае принято считать, что она вторая. Я бы поостерегся говорить о третьей...

Лидия Ивановна повернулась к Дмитрию, сняла очки, в упор посмотрела на него и с неожиданной для нее твердостью ответила:

— Нет, уважаемый Дмитрий, возможно, в вашей политологии она вторая, но при глубоком этнокультурном анализе — третья. Вы слышали о черных и красных сотнях?

— Ну-у, что касается черных сотен, эта тема не входит в круг моих научных занятий.

Она наморщила лоб, сокрушенно покачала головой:

— Помилосердствуйте... Впрочем, вы не первый. Нам знаний о самих себе не хватает. У людей, увлеченных текущей политикой — а в моем понимании земной суетой, — направление умов прямолинейное, они воспринимают токсичные термины однозначно, не подозревая, что за ними могут крыться иные смыслы. Образно я этот недуг называю «Фукуямой головного мозга». Фукуяма, шумевший о конце истории, он же всем голову заморочил своим либеральным рейхом, историческое невежество учудил. — Улыбнулась с хитринкой. — А скажите-ка, уважаемый Дмитрий, к какому периоду истории вы относите зарождение черных сотен? Если верно понимаю, к революции 1905 года, как писано в «Кратком курсе истории ВКП(б)»?

— Само собой...

Лидия Ивановна поднялась с лавочки и пару минут молча прохаживалась по набитой вдоль изгороди тропке. Дмитрий, благодаря Ульяне понимавший толк в женских нарядах, не мог не отметить, как элегантно она одета, — еще бы, стиль Шанель! Скрывающий умеренную полноту костюм прямого силуэта из легкого твида с серо-белым рисунком «гусиная лапка». Юбка чуть ниже колена, а на укороченном жакете зеленые текстильные пуговицы — переключка с крупными клипсами под малахит. Очки с брендовой шейной цепочкой, придающие ухоженному лицу солидный, «научный» вид. Аккуратная стрижка боб-каре... Видимо, она раздумывала над ответом, потому что внезапно остановилась прямо перед Кедровым и с прежней твердостью сказала:

— Снова нет, уважаемый Дмитрий. Вынуждена вас разочаровать. Черные сотни зародились в стародавние времена, в конце XV века, и к политическим цветам, вас покоробившим, никакого отношения не имеют. Ни малейшего! — Сделала паузу. — Эта история необычайно интересная.

Чтобы два раза воду не кипятить, я хотела бы поведать о ней в обществе Ульяны. Жена ваша женщина незаурядная. Насколько я поняла, в отличие от вас, она представляет красные сотни. — Увидев на лице Дмитрия растерянность, умело сгустила интригу: — Черные и красные сотни хотя соперничали, но символ веры у них был общий, и в этнокультурной системе координат они всегда оставались вашими противниками, уважаемый Дмитрий. Вы же у нас из петербуржцев...

Кедров аж поперхнулся от удивления, хотел то ли возразить, то ли задать недоуменный вопрос, но Лидия Ивановна озорно махнула рукой в сторону дома:

— Ульяна обещала обед на свежем воздухе. В светском обществе гуляет присловье: женщины едят за разговорами, а мужчины разговаривают за едой. Думаю, мы с вами двинемся по мужскому варианту.

В первое лето батуринской жизни Ульяна привезла из Москвы раскладной алюминиевый столик с дерматиновой столешницей, за которым, устроившись на табуретках и упиваясь новыми для них хозяйскими эмоциями, Кедровы вкушали на свежем воздухе невиданные доселе огородные разносолы. Но на третий год, когда пришло время ладить быт по-настоящему, она нацелилась соорудить между крыльцом и старой яблоней капитальный обеденный стол. Именно соорудить, ибо стол планировался по дачным меркам огромным, минимум три на полтора, со столешницей из крытой лаком половой доски, на ножках из бруса, врытых в землю. Зачем, с какой целью Ульяна задумала, по мнению Кондрата Егоровича, «аэродром», она объяснить не могла — захотелось, и всё! А кто станет хозяйке перечить? Но еще через год замысел оценили: сама жизнь подсказала сделать дощатые скамьи, навес из прозрачного стеклопластика, и трапезная стала всепогодной. «Лепота!» — согласился свекор, непривычным для него словом как бы извиняясь за былое ворчание.

По случаю гостевания Лидии Ивановны обед Ульяна приготовила простой, летний, однако не повседневный, душу вложила. Сборную солянку с сосисками и вареной колбасой заправила «поджаркой» из капусты, моркови и чеснока, добавила каперсы, оливки и выжала в рассол лимон. А на второе учинила такие нежные голубцы с приправой из сметаны, что гостья, извинившись, не удержалась от предложенной добавки.

— На мой взгляд, вы очень удачно смастерили эту беседку. — Лидия Ивановна, как положено в солидных компаниях, перед серьезным разговором делала разминку «ни о чем». — В том ее прелесть, что крыша есть, а стен нет, обзор на четыре стороны. И погодушка прекрасная, солнце пока не припекает. Эту пору, между сиренью и жасмином, я обожаю.

А «разговоры за едой» начались с предупреждения:

— Понимаете ли, Дмитрий, в этом вопросе без предисловия, даже двух предисловий не обойтись. Как не сказать о поразительном совпадении фаз российского исторического хода? Смотрите, советская периодизация началась с десяти лет бесчинства леваков, жаждавших пустить страну на хвост для пожара мировой революции, с Православием воевавших. А после перестройки разве не так было? В девяностые буянили те, кто тоже хотел растворить Россию в общечеловеческих ценностях, зубами-когтями цеплялся за сектантство, умаляя Церковь. Далее... Дмитрий, уж вы-то знаете, что на десятую годовщину Октября тысячи сторонников Троцкого вышли в Москве на марш несогласных, после чего Льва Давыдыча отправили в ссылку. С того времени семь лет, до убийства Кирова, собирали камни:

метрострой, канал Москва–Волга, Комсомольск-на-Амуре... И у нас так же. С приходом Путина Россия отползает от пропасти распада, семибоярщину от дел слегка оттеснили. И вдруг — мировой кризис, да и президентский срок Путина на исходе. Опять семь лет. Пусть сроки — случайность, но ведь совпадает суть периодов. И этот перечень можно продолжить. — Улыбнулась со знакомой хитринкой. — Сколько лет Сталин был на троне? Тридцать! Вот помянете мое слово, Путин тоже тридцать лет будет Россией править. — Подняла глаза к небу. — Это нашей Расеюшке там предписано, камушки-то собирать посложнее, чем раскидывать.

Дмитрий тоже улыбнулся, аккуратно съязвил:

— Сталин войну великую выиграл. Неужто и Путину такое предстоит? Ввиду окончания мировых идейных распрей сие вроде бы не предвидится.

Лидия Ивановна наколола сочную четвертинку «мухомора» — помидора с крапинками майонеза, но до рта не донесла, несколько секунд задумчиво покачивала вилкой, потом невесело ответила:

— Кто знает, хорошие мои, кто знает... Дай Господь не оказаться пророком, но жизнь показала, я не только дневное время угадываю, эпохальное тоже. И это не прозрения. Изучая русскую историю в этнокультурном смысле, верую в ее повторяемость — разумеется, не буквальную, через аналогии — и понимаю, что уже три века в основе нашего исторического движения лежит борьба одних и тех же сил. Отнюдь не политических.

— Лидия Ивановна, вы увлекаетесь, не вкушаете. — Ульяна глазами указала на парящий над столом помидор. — Помидоры во-он с той грядки, утром сняла. Очень ранние, но смачные, с этим сортом я угадала.

— Одну секунду, позвольте телеграфно разделаться со вторым предисловием. Оно вытекает из первого. Если без политики и Карла Маркса, то историческое движение России идет по двум линиям. Одна — это Ленин — Хрущев — Ельцин. При них нормой было оскудение духовной жизни, небрежение национальными традициями и интересами России, что аукалось упадком. Другая линия ведет от Александра III к Сталину, которые, наоборот, опирались на традиции и ставили во главу угла российские интересы; при них возрастала державная мощь. Без понимания этих особенностей трудно говорить о постижении грядущего. Дмитрий, возражения есть? — И с удовольствием принялась за помидор.

Кедров, нагнув голову к тарелке и нарочито причмокивая — вкусно! — хлебал солянку, чтобы оттянуть ответ. Он был поражен. Простое, лежащее на глянцевои поверхности истории, неопровержимое суждение о схожестях и различиях русских царствований повергло его в смятение, Дмитрий никогда не смотрел в эту сторону. Выросший в тисках марксистской пятичленки, он, словно страус, прятал голову в песках политики, увиливая от исторических непоняток, и, выходит, проглядел какую-то важную святоотеческую истину, которую готова раскрыть перед ним Лидия Ивановна. Но вдруг сознание пронзила странная мысль: а почему здесь, в Батурине? Почему откровение о неведомых двигавших русскую историю красных и черных сотнях настигло его на заветной Алешиной лавочке? Умом он понимал, что вторгается в сферу иррационального камлания, однако в душе возникло чувство сродни религиозному: нет, неспроста!

Вместо ответа задал вопрос:

— Лидия Ивановна, от Москвы до Батурина мы едем почти три часа. О чем только не переговорим! Двадцать цивилизаций, по Тойнби, вспомним. Ельцину, Путину, Обаме косточки перемоем, политические сплетни обмусолим. А вот о схожести русских царствований и загадочных черных

и красных сотнях вы заговорили только в Батурине, на заветной Алешиной лавочке. Это случайность?

К удивлению Дмитрия, Лидию Ивановну вопрос ничуть не смутил. Она слегка пожала плечами, как бы недоумевающая по поводу непонятливости собеседника:

— Вы, конечно, помните обременение, с которым я продавала дом. Рада, что в вас не ошиблась, хотя не предполагала, что мы сойдемся духовно. Вы уже обжились здесь и должны меня понять. Отсюда, с Алешина бугра, всю Россию видно. Батурино не глухая деревня на три курные избы. Старинное, за былинным Плещеевым озером, со своим сводом правил, село наше и есть сама Россия. Что здесь вершится, то и вся Россия претерпевает, с местными перепадами, конечно. И когда я говорила, что Батурино просыпается от спячки, словно зимовавший в берлоге медведь, подразумевала не здешний колорит, а весь российский расклад. А что до нашей лавочки с прислоном — берегите ее, Дмитрий! — место это колдовское, мистическое. Я бы так сказала: это во всех смыслах позиция — и наблюдательная, и... мировоззренческая. Окинешь взглядом великую нашу землю, широты наши богоспасаемые, и мысли сами собой к российской судьбе клонятся. Так что, Дмитрий, вопрос вы верный задали. Нет, неспроста я сегодня про черные и красные сотни вспомнила, которые — с учетом эволюции взглядов — уже три столетия определяют логику исторического хода России... Потому у нас и было в XX веке три гражданские войны, с чем вы, толкователь политических смыслов, изволили не согласиться. Кстати, и сегодня этот плюсквамперфект кромешных времен весьма злободневен. Как бы не пришлось платить по счетам прошлого.

— Уля, Лидия Ивановна свой рассказ для твоих ушей приберегла. Говорит, ты из красных сотен, а меня почему-то петербуржцем окрестила.

— Нет, Лидия Ивановна, он москвич. Правда, не коренной, во втором поколении. А что до красных, то я к коммунистам отношусь скептически.

Лидия Ивановна многозначительно усмехнулась, развела руками:

— Ну что взять с политологических умствований, плодящих тривиальные суждения? Слушаешь — вроде бы все верно. Но заглянет в вашу говорильню луч солнца, и в нем высветится обилие пыли, которой вы дышите... Вот сейчас новое сословие восхитительных людей народилось — айтишники, кто цифровыми технологиями увлечен. Я с ними сталкивалась и сразу поняла, что эту суперпублику картина мира не интересует, уткнулись в компьютер и думают, будто знают ответы на все вопросы, а понимания исторических процессов нет. О русских знамениях не задумываются, только под ноги себе смотрят, потому много среди них знатоков небывальщины. Вот и вы вроде них... Придется просветить по части этнокультурных основ русской жизни: это же русский ствол, на нем все держится. Но сначала, дорогая Ульяна, позвольте разделаться с вашими изумительными голубцами, чтобы, извините, жевательный инстинкт не мешал. Вопрос-то эпический, пожалуй, его лучше за чаем обсуждать.

Пока Ульяна убирала тарелки и накрывала стол для чаепития с песочными курабье, привезенными Дмитрием, Лидия Ивановна, видимо, прикидывала, как сподручнее изложить суть дела. И начала в нарочито лекционном стиле:

— Итак, уважаемые дама и господин, приступаю к историческим изысканиям. Черные сотни, о которых я говорю, — а не те, от которых вы, Дмитрий, шарахнулись, — зародились в конце XV века в низовой среде московских ремесленников и мелочных торговцев, державшихся святоотеческой веры и национальных традиций. Эта среда была опорой трона

и алтаря, всей душой приняла идею Филофея «Москва — третий Рим». С исторической точки зрения черные сотни стали народным ответом на объединение русских земель вокруг Москвы, они считали себя носителями государственного начала, охранителями державного бытия. Бердяев на примере хлыстов писал о темном вине в русской душе, так вот, у черных сотен такого в помине не было, их отличала духовная трезвость. Внутренних идейных врагов у черных сотен не было, своей сутью они противостояли врагам внешним. А вот почему их называли черными, точного ответа нет, многие склоняются к тому, что речь шла о типе одежды.

Как опытный лектор, Лидия Ивановна сделала паузу, надкусила курать, отпила чая. Шумно, глубоко вздохнула:

— Теперь о красных сотнях. Мельницы Господни мелют медленно, но неотвратно. И через два века в посадской среде уездных городов зародился иной тип русских людей. Словно магма, изверглись они из народных глубин, где все кипело от самодурства служилого дворянства, от царящего зла. Они ненавидели бояр-дворян и охотно встали под знамена Стеньки Разина, чье войско делилось на сотни, по казачьим правилам. В основном-то они происходили из верхового донского казачества, иначе говоря, это была голытьба — в отличие от низового, домовитого, зажиточного. А у голытьбы другие умонаклонения, она любила пускать «красного петуха» в богатых усадьбах. Вот и стала красными сотнями.

Кедров прервал:

— Извините, я глубоко изучал русскую историю, о Разине знаю все. О черных сотнях вы нас просветили. Но меня снедает интрига: каким образом эти тени прошлого связаны с моим «петербургским» — насколько я понимаю, в кавычках — происхождением?

Лидия Ивановна негромко рассмеялась, сделала глоток чая.

— Дмитрий, опыт чтения лекций у меня немалый, и я пришла к выводу, что излагать суть дела в линейной последовательности — отнюдь не лучший вариант. И, если по-честному, намеренно подбросила вам наживку. Ну, вы и заглотнули.

— Однако...

— Не обижайтесь, мой дорогой. Цель моя в том, чтобы вы лучше усвоили сказанное. Взять Степана Разина. Он с боярами-дворянами воевал, но на основы строя не покушался, сам царствовать хотел, срезать слой служивых и сесть на их место мечтал. С исторической точки зрения многие множества черных и красных сотен представляли допетровскую Русь. И те и другие враждебно восприняли реформы Петра, после которых Россия раздвоилась на дворянскую империю и мужицкое царство, на гладко бритый, в лосинах высший свет и бородатое, в тулупах простонародье. Две России и говорить-то стали на разных языках — в петербургских салонах в моду вошел французский. — Сделала паузу и снова твердым голосом, словно гвоздь по шляпку забила, подытожила: — Размежевание сплоченных красных и черных сотен с петербургским прозападным слоем стало основой русских противостояний, в разных формах длилось три века и, пройдя сквозь толщу лет, привело ко второй в прошлом столетии гражданской войне. Иные объяснения сталинского тридцать седьмого года — что-то вроде исторического маскарада, заблуждения ума.

Переваривая услышанное, Кедровы долго молчали.

Купив дом на Алешином бугре, Уля и Дмитрий под вечер, после неусыпных дачных трудов, порой — вопреки возрасту — в обнимку сидели на любимой лавочке, откуда открывались глазу вселенские просторы. И в полете воображения размышляли о вечном. Жизнь потихоньку налажива-

лась, споры-разговоры о постройке нового дома согревали душу. Оживало и Батурино: прошлый год кто-то — по слухам, бизнесмен средней руки — купил здесь участок, и слухи о состоятельном новоселе отозвались ремонтом дороги: где угрожала пробуксовка, песок накрыли крупным гравием. Для легковушек накладно, камень из-под колес терзает днище, зато проселок стал всепогодным. И Кедровы, чутко ощущавшие температуру политического момента, понимали, что исподволь начала обустриваться вся Россия — гостя права, русский медведь выходит из спячки. На дальнотворке Алешином бугре эти ипостаси текущей жизни, рождая подъем настроений, сливались во что-то единое, нераздельное, и Ульяна с Дмитрием, устремив взгляд в распахнутое пространство, пытались угадать контуры завтрашнего дня. Увы, тщетно — размах фантазий оборачивался призрачными иллюзиями. Но, слушая Лидию Ивановну, они начали смутно осознавать, что глубокое понимание прошлого — не официальной истории, а потаенных подвижек народного духа — позволит заглянуть в будущее.

Наконец Ульяна сказала:

— Лидия Ивановна, на нашем Алешином бугре вы словно сшиваете пространство и время. Но пока непонятно по меньшей мере одно: почему я наследница красных сотен, а Дима — петербуржец.

— Боже мой, как вы сильно сказали! Сшить пространство и время! Знаете, это очень интересная формула. Она гораздо шире, чем география и история, это, если хотите, нечто сакральное, ключ к разгадке превратностей народных судеб и духовного странничества, подсказка по части исторических аномалий. Сшить пространство и время! Мощно сказано, Ульяна! И изящно... А на ваш вопрос обязательно отвечу. Обуздание русских крайностей тема столь важная, что в ней нельзя оставлять пробелов. Тут уж воленс-неволенс. — Посмотрела на часы. — О-о, уже шесть. Через часок надо выдвигаться к Терентию, чтобы предупредить о ночлеге.

Ульяна всполошилась:

— Лидия Ивановна, извините, я в кастрюльном царстве постряпушками увлеклась и запамятовала. Вчера сюда пожаловали двое мужчин, представились отцом и сыном, путешественниками, просились на ночлег. И я отправила их к Меланину. Не исключено, он их пустил на две ночи — до завтрашнего автобуса. Может быть, вам у нас постелить?

— Это неожиданность, да... Но у Терентия в августейших покоях места всем хватит... Однако же на всякий случай надо бы поспешать. Дмитрий, будьте любезны, достаньте из машины мой саквояжик с постельными принадлежностями.

Ох уж эти сюрпризы повседневного быта! Явившееся внезапно беспокойство о ночлеге тревогой повисло над столом, было уже не до разговора на высокие темы, даже чай не допили. Лидия Ивановна, поблагодарив за гостеприимство и пообещав вернуться к разговору в следующий раз, собралась быстро. Но Ульяна все же настояла на том, что проводит ее до Меланиных: мало ли, вдруг придется вернуться?

9

Встреть Алену на улице, Кондрат не признал бы внучку, — всего полгода не виделись, но она преобразилась: в дверях квартиры он увидел статную молодую женщину в темно-зеленой юбке-плиссе чуть ниже колена и светло-зеленой кофте с напуском. На шее приметный оранжевый платок с большим узлом на груди, лицо в умеренной, но внятной «боевой

раскраске». В сознании Кондрата внучка значилась как застенчивая де-вушка, входящая в возраст, но перед ним стояла — да, именно молодая женщина, уверенная, знающая себе цену.

На полшага сзади мужчина с растрепанной выющей шевелюрой, в руках букетик белых гвоздик.

— Здравствуй, дорогой деда! Давно не навещала, но знаю, что ты в добром здравии. — Алена чмокнула в щеку. — Я предупреждала, буду не одна, это Валерий Трофимович Фильчагин.

Прошли в гостиную, где был накрыт стол для чаепития, и восседавшая за ним Зинаида, расцеловавшись с внучкой, объяснила гостю:

— Вчетвером у нас разместиться можно только за столом, вдобавок намечался пятый собеседник — Никита, младший брат Алены. Но сегодня он не смог прибыть. А приглашать гостей за пустой стол не в наших правилах.

Фильчагин с укоризной глянул на Алену, и та взяла вину на себя:

— Бабуля, это моя оплошность. Валерий Трофимович предлагал взять торт к чаю, да я отсоветовала. — Хихикнула. — Думала обойтись фуршетом, а вы банкет затеяли, только рябчиков в сметане не хватает. От вас просто так не вырвешься.

Само собой, Кедров начал застольный разговор дежурно — с вопроса о подготовке диплома. И, получив небрежный ответ «Никаких проблем!», пошел глубже:

— А перспективы трудоустройства? Зарплатные ожидания?

На этой теме Алена забуксовала. Сначала сообщила своему спутнику, что Кондрат Егорович человек старых правил и мыслит прежними категориями, когда студентов «распределяли». Потом принялась сбивчиво излагать деду жизненные планы, которые сводились к поиску заказов от модельных агентств.

— На дизайнеров по тканям нынче спрос. А у меня, деда, — постучала пальцем по лбу, — идей полна коробочка, есть и ситец, и парча. Глядишь, и придумаю что-то вроде черного платица ар-деко. Пробьемся... Без шума и пыли, не вставая на мегакаблы.

— Что за мегакаблы? Что за ар-деко?

Алена рассмеялась:

— Ты этого не изучал, деда. Маленькое черное платье в стиле ар-деко придумала Шанель — теперь это классика. А мегакаблы — дешевый тусовочный жаргон, очень высокие каблуки.

— Экстравагантная, однако же, ты дама, — покачал головой Кедров и принялся задавать нудные, порой повторные вопросы, побуждая внучку к обильному словотечению. Назидательно вспомнил о велосипеде, который устойчив только в движении. В общем, скучно брюзжал, вдоволь натолок воду в ступе, после чего обратился к гостю:

— Валерий Трофимович, вижу, эта тема вам не интересна. Но мы за-требовали внучку, дабы обсудить кое-какие домашние проблемы, и опасаясь, для вас они скучны. Потому у меня предложение: Алена, удались-ка с бабушкой в Никиткину комнату, она тебя посвятит в наши беспокойства. А мы побеседуем об основах мироздания.

Алена от недоумения даже рот открыла, но Кондрат повелительно под-стегнул:

— Рот будешь раскрывать у стоматолога. Вопрос нешуточный, для тебя есть партийное задание. Иди, иди...

Он знал, что делает, у него была четкая программа действий. И, ото-слав внучку, двинулся по «пунктам» дальше:

— Не верю своим ушам! Не может быть!

— А я вас уверяю, Кондрат Егорович. Алена явно тяготеет к художественному слову, чувствует его. В нашу тусовку вошла как по маслу. — Слегка хохотнул. — Когда я говорю «как по маслу», вечно вспоминаю Берлиоза, попавшего под трамвай из-за пролитого Аннушкой масла. Алена считает, что я напоминаю об этом с намеком: в литературной тусовке, мол, можно и голову потерять.

Кедров откинулся на стуле, хитро прищурился:

— Есть старое русское правило: с кем поведешься, от того и наберешься. Я правильно понял?

Трофимыч кивнул:

— Возможно...

Этот простодушный парень определенно нравился Кондрату, с таким можно идти на форсаж — по варианту Б. Однако на всякий случай надо его подцепить еще одним крючком. Без эмоций, якобы лишь констатируя, сказал:

— Ну, я в личные дела Алены не углубляюсь. А если вернуться к Маркову, могу поведать об одном из его глубоких суждений о смене писательских поколений. Мне кажется, для вашей эталонной, изысканной публики оно представляет немалый интерес.

Трофимыч со смешком вставил:

— Изысканней некуда!

— Вы хотите сказать...

— В литтусовке я пока на приставном стуле, чужак, со стороны. Зато с моего места лучше видно, как взращивают возвышенные страдания и поощряют низменные радости. Порой такая ржа, такая моль...

Кондрат с удивлением покачал головой:

— Не знаю, что вы имеете в виду, но если в вашей сфере много неблагополучий, то... Знаете, в моей сибирской юности в таких случаях говорили: «На крутое тесто нужна толстая скалка». В ЦК партии этой поговоркой козыряли по иному поводу — когда надо приструнить кого-то из номенклатуры. А вообще, молодой человек, позвольте дать вам совет искушенного в жизненных перипетиях человека. — Усмехнулся. — Имейте в виду, с ножом на перестрелку не ходят. Насколько понимаю, на вашей стезе борения острые, тропа к славе, знаете ли, узенькая, а соискателей тьма-тьмушая.

Намеренно вкинув мудреностей, сделал долгую паузу, занявшись чаепитием. И неожиданно для Трофимыча резко сменил тему:

— Понимаете ли, уважаемый, вот я рассказываю вам о Маркове, а в голове сверлит наша семейная проблема, решение которой на девяносто девять процентов зависит от Алены. Сейчас бабушка из всех молодецких сил, извините, втирает внучке о том, что она обязана сделать. Секретов у нас нет, но под каждой крышей, сами знаете, свои мыши. Дело-то в чем? Алену растил отчим, но и с отцом у нее прекрасные отношения, раздоров не было. И теперь, спустя два десятилетия после семейных передраг, партия жизни меняется, требует, чтобы отец и отчим, а соответственно их жены, перестали чуждаться. И это, повторю, зависит от Алены, она в нашей большой семье связующее звено. В детали не вдаюсь, но вам как писателю, думаю, все понятно.

Трофимыч, слегка растерянный от внезапного поворота разговора, горючо воскликнул:

— Как не понять, Кондрат Егорович! Классический литературный сюжет.

— Тогда у меня к вам просьба: позовите, пожалуйста, наших женщин, комната в конце коридорчика, справа. Вместе всё и обсудим.

Вернувшись за стол и услышав, что Кондрат называет гостя Трофимычем, Алена все поняла. Засмеялась:

— Ну, деда, ты в своем репертуаре. Пока бабуля ставила передо мной задачи, ты на славу «поработал» с Трофимычем, а он от твоих приятностей поплыл. Надо же, как быстро до нас докопался... И как это у тебя получается?

Кедров хитро улыбнулся:

— Скажи, а ты знаешь, как войти в чужой подъезд, если неизвестен код? Не знаешь? А я подскажу. Надо посмотреть, какие кнопки стерты, потому что шифр чаще нажимают. Так и в жизни...

— Деда, ты у нас мудрец. Клад ума.

— Нет, Алена, если играть словами, вернее бы сказать не клад, а склад, образ мышления.

— Ну, положим, «склад» тоже словцо не с одним смыслом... Ладно, Трофимыч, так ты уже в курсе?

— В детали не посвящен, но суть схватываю. Сплотить семью — дело святое.

— Тогда давайте думать, как быть. Только без словесных испражнений, вопрос сложный, боюсь, мама откажется его обсуждать. У нее логика простая: жили без этого и дальше жить будем, чего суетиться?.. И вообще, деда, как ты себе представляешь семейное автобусное путешествие в Батурино к родственникам, в отличие от нас, разжившимся дачной латифундией? Зачем? С какой целью? Дуристика какая-то! Серёга на выставке Ван Гога! Никогда мама на такое унижение не согласится... Нет, не кучеряво все это. Добро должно быть с мозгами.

За свой долгий век Кондрат не раз подмечал, что одно-единственное, подчас случайно брошенное словечко порой круто меняло течение его мыслей, вернее сказать, побуждало по-новому глянуть на суть дела. Автобусное путешествие! Как же он не подумал о сложностях поездки в Батурино? Почему пропустил мимоходное замечание Вари, что они наконец вроде бы накопили и Матвей нацелился на «форд» российского производства? Почему не учел эту важнейшую подробность их семейного бытования? Да ведь покупка автомобиля... Это же ключ к решению проблемы!

— Конечно, твои опасения резона не лишены. Но, дорогая моя, разве ты не знаешь, что Матвей со дня на день автомобилем обзаведется?

Алена только плечами пожала:

— Не со дня на день, а с года на год. Они давно мечтают, да купила-притупила.

— Нет, милая, на этот счет у меня с Варей был разговор. Уже решено: они пикируют на «форд»... И это в корне меняет дело. — Кондрат моментально прикинул план действий и повелительно продиктовал: — Значит, так... Линия такая... Когда узнаешь о покупке машины, начинай жужжать о путешествии в Батурино. До этого, не затягивая, сама съездишь в Батурино. Трофимыч, поддержите? Вам автобусные развлечения не в тягость.

Трофимыч только руками развел: о чем, мол, разговор, конечно, поддержи!

— Маме доложишь, что отец и Ульяна мечтают, чтобы в Батурино заглянул Матвей, потому что нуждаются в его советах. Каких, не говорят. Но отец готов на своих «жигулях» привезти их в Батурино, они же знают, что у нас машины нет. И представляешь, мама, мы заявимся в Батурино на «форде»!

Алена с Трофимычем расхохотались.

— Ты понял, какой у меня дед? Самый быстроумный на белом свете!

— Погоди, дослушай. В детали вдаваться не буду, действуй по ситуации, я лишь линию подсказал. И сам подключаюсь, у меня свои рычаги влияния,

знаю, на какие мозоли наступить. — Обратился к Трофимычу: — Понимаете, у нас семья не стандартная, сын один, а невесток две, одна другой краше, их и замиряю. С мужиками проще, женщины, они норовистее...

Зинаида, роль которой была расписана заранее, уловила сигнальную мимику мужа и вдруг всполошилась по поводу давно остывшего чая, перевела стрелки на бытовые неурядицы: горячую воду отключили, кипятик в дефиците, словно на железной дороге, когда в 41-м теплушками эвакуировалась из Москвы.

Алена поняла, что визит к деду — как оказалось, деловой! — подходит к концу.

— Ну, мы будем собираться. Думала, минут на пятнадцать заглянем, а сидим полтора часа. Встаем, Трофимыч?

— Подожди, Кондрат Егорович обещал рассказать кое-что о писателях. Он, оказывается, был близко знаком с Георгием Марковым, а ты об этом помалкивала.

— Кто такой Георгий Марков?

— О господи! Кондрат Егорович, вы слышали?

Кондрат так погрузился в остросюжетный семейный триллер, что забыл о своем обещании. Но, в отличие от выдумки о писательском будущем Алены, мысли Маркова о смене литературных поколений не вымысел, более того, жизнь показала, что его суждения оказались пророческими... Тот разговор, после рокового для Маркова съезда, вообще был особым. Два земляка, два солдата — Марков тоже воевал, — два бойца идейного фронта, вышвырнутые перестройкой в никуда, были предельно откровенны. Такое всегда на острие памяти, а потому Кедров мгновенно переключился на прежнюю тему:

— Хорошо, что вспомнили, я за семейными заботами мог и упустить обещанное, а это не в моих правилах... Понимаете, Трофимыч, разговор шел на финише перестройки. В те лукавые дни уж какая в предбаннике новой президентской власти была толчея! Но у нас с Марковым — полная ясность относительно Горбачева. Мы шнобель по ветру не держали, а пытались заглянуть в завтрашний день. Темы жевали в основном политические, но Мокеича, отодвинутого от дел, тяжелобольного, тревожили писательские проблемы... Скажите, Трофимыч, как вы представляете себе смену писательских поколений?

Растрепал шевелюру одной рукой, потом другой:

— Как в любом деле. Кто-то уходит, на пенсию иль в мир иной, но место пусто не бывает... Я вычитал у социологов, разрыв между поколениями составляет двадцать семь лет.

— Да-а... Ну, по части социологии ничего сказать не могу, а вот про вас, литераторов, Марков меня научил. У вас, уважаемый, все иначе... Впрочем, сначала присказка, чтобы суть дела схватили. С инженерами человеческих душ после войны был дефицит — одни погибли на фронтах, других накрыло репрессиями тридцатых. И на выжженное писательское поле вышли фронтовики со своей горячей темой. Про лейтенантскую прозу, к счастью, не забыли, часто о ней говорят.

Трофимыч кивнул головой.

— Они без конкуренции стали первачами послевоенной литературы. Но в шестидесятых к сорокалетнему рубежу подошло следующее писательское поколение. По Маркову — а уж он-то знал, что говорил, — писатель, набрав жизненный опыт, созревает именно к сорока. Вам, Трофимыч, сколько? Уже созрели?

— Куда ему! — колокольчиком хохотнула Алена. — Еще жить и жить.

— Не перебивай, я жду, когда Кондрат Егорович после присказки сказку изложит.

— Так вот, новому-то поколению пришлось драться за признание с бывшими лейтенантами, которые верховодили, став генералами от литературы. Деталей не знаю, Марков говорил, что конкуренция была очень острой, но полезной и для младших, и для старших. Все было по-дружески. — Щелкнул себя по горлу. — В застольных спорах цистернами потребляли напиток молодости... Шел естественный отбор, и лучшие из сорокалетних добились признания. Но еще через двадцать лет, в восьмидесятых, явились новые сорокалетние, и история повторилась. В начале перестройки на вашей литературной сцене мирно сосуществовали, считай, три поколения писателей. Фронтовики-то еще не ушли.

— Ну, насчет «мирно» не очень-то верится, Кондрат Егорович. Где это видано, чтобы писатели, да без групповщины? Драка «Нового мира» с «Огоньком» чего стоила!

Кедров заулыбался:

— Алена, Трофимыч молодец, ляпы не пропускает, умеет дать сдачи... Понимаете, Трофимыч, Марков говорил по-крупному, о поколениях, о петле времени, которая удушливо затягивалась, об эпохе потрясений. А что до групповщины, вы правы, ее было с избытком. Даже в ЦК с вашими проблемами разбирались... Ну, ладно, теперь о главном. Человеку опытному, Маркову уже в девяностом стало ясно, что готовится погром советской литературы. Он и фамилии завтрашних погромщиков называл, но не в них суть, чего мутный осадок взбалтывать. Любопытно, что эта беда его не шибко волновала, считал, что будет как с возвращенной литературой — помните? В перестройку валом пошли книги, запрещенные при Сталине, Хрущеве. Так же, по Маркову, потомки вернут лучшие книги советских лет. Его беспокоило другое: литературное поле окажется выжженным, как после войны, ибо нынешних писателей спишут за ненужностью, замолчат намертво, перевернут шахматную доску. И как черти из табакерки явятся кто попало. Их-то Марков более всего и опасался. Помню, сказал, на мой взгляд, пророчески, почти дословно помню: «После погрома кто первым выскочит, того и тапки... Без борьбы, без конкуренции с предыдущими поколениями. А кто в литературе больше всех суется? Известно, бездари, у кого за душой ничего нет, кто жизни не знает, без биографии. Духовная босота. И если они власть захватят, то будут себе подобных пестовать». А сбылось ли пророчество, вам виднее.

— В бровь, в глаз или в молоко? — повернулась Алена к Трофимычу, который усиленно занимался шевелюрой. — Деда, извини, не в твой адрес, но есть у нас приятель, который от сложных вопросов отмахивается коронной фразой: «Волхование и блуд». Ну что, господин Фильчагин?

Трофимыч ответил тихо, сдавленно, как бы громким шепотом:

— Гений! Гений ваш Марков, вот что я вам скажу. Как в воду глядел, так оно и вышло. А уж босота... Гений! — Придя в себя, повысил голос. — Но все же, Кондрат Егорович, мухи отдельно, котлеты отдельно. Я в туловке человек новый, пришел из медицины, которая, как известно, есть самая-самая жизнь. И не мог понять, отчего настал упадок словесности, почему валом валит фантастика, постмодернизм. Исторических много, филологические романы пошли, книги о книгах. Отрицателей полно, которые не творят, а вытворяют. Авангардизм утверждают через матерщину, сортирный сленг, через отсутствие знаков препинания. Это же литературный помет, ворох пустых слов.

— У них там литературный террариум, деда.

— Не мешай, не перебивай. А вот о времени нашем... Актуальной литературы о реальной жизни шаром покати, никто эпоху не свидетельствует, социальных романов нет... Но что до бездарей и межеумков... Нет, Кондрат Егорович, сильных писателей у нас есть. Знаний хватает, Карамазова с Каракозовым не путают, либерти от фридом отличают. Но жизни, жизни не знают! Классика наша осмыслением своей эпохи была сильна, а сейчас этим и не пахнет — вот беда. Марков прав стопроцентно... Говорю же, я новичок, пришел из клинической медицины, из глубин страданий, и мне это в нос бьет. Наверное, приняхуюсь, перестану бузить... А еще вот что скажу: кожей чую, нынешние, которые на слуху, зачинщики, особо из провинции, ой как не верно живут — в литературном обиходе. По Маркову, первыми в тапки прыгнули, и уж такие спесивые, столько амбиций... Не осознают, что завтра само время схватит их за хлястик и дальше не пустит. — Завершил спич патетически: — Их будущее на кладбище иллюзий.

— О-о, Алена, с этим молодым человеком есть о чем беседовать, адреналиновый парень, придет время, многих нахлобучит. В двух словах интереснейшую лекцию прочитал! Новыми познаниями обогатил. Трофимыч, ценю людей, умеющих соглашаться, но... с умными оговорками. Так завернул, что и не разогнешь: Марков — гений, но котлеты отдельно. Молодец! — Поднялся из-за стола. — Алена, беру с тебя слово, что в нашем доме эти литературные посиделки не в последний раз.

Прощаясь, напомнил внучке:

— Принимайся за дело сразу, не тяни. В Батурино поторопись. — И заговорщицки подмигнул Трофимычу.

10

В Батурино Арсений ехал через Первопрестольную. Вернее, летел — из Питера добираться теперь легче через Москву, а не автобусами из Твери, как было в безумные перестроечные времена. В самолете вспомнилось отчаянное путешествие в столицу, когда он метался в поисках новой профессии, швырнув коту под хвост двадцать лет проектировочного стажа. Странное было время — широких горизонтов и туманных перспектив. Сколько смельчаков с разбегу, набрав скорость в бешеной круговерти событий, словно с трамплина, прыгали в девяностые, в океан возможностей, чьи волны должны были вынести их к процветанию. Но начался отлив, и они разбились о каменистое дно. А Меланин голову не терял, пощупал, не холодна ли водичка, только потом шагнул. И вот уже набирается двузначный страховой стаж. И служит он не офисным клерком, а руководит заметной на рынке компанией. Нет, не прогадал, подавшись в страховщики, сменив на переломе эпохи поприще конкурентной драки. Крупно рискнул, зато выиграл. Сдержал данную себе клятву не пропасть в рыночной жизни.

Заодно решил повидаться в Москве с добрым знакомым, которого обрел на новом витке судьбы. Вениамина со странной фамилией Ванходло он заприметил еще на курсах страховщиков. Слушатели экстренного интенсива «заседали» в подсобке Финансового института на неизвестно где добытых, явно не конторского происхождения, венских стульях с гнутыми ножками — среди них был и один виндзорский стул. Записывать контексты лекций на коленках было жуть как неудобно, и Ванходло не переставал красочно ворчать по этому поводу, порой вызывая общий смех.

Единственный коренной москвич в группе, собравшей, по мнению Меланина, провинциальных авантюристов, он, в отличие от остальных, не был безработным — старший научный в Институте химии на Ленинском проспекте! Но зарплату задерживали месяцами, каждодневного посещения не требовали, и Вениамин для подстраховки овладевал профессией страховщика, хотя не спешил увольняться из института. Безусловно, он был предусмотрительнее Арсения.

Знаток Москвы, Ванходло в один из выходных предложил съездить в Теплый Стан, на водохранилище, на красочные гребные гонки. С ним было легко, даже весело. Говорливый, смешливый, он был набит забавными историями на любой случай и по дороге специально для питерца Арсения вспомнил одну из них:

— Мой родственник, Петр Иванович, до войны часто мотался в Ленинград. Ну, сам знаешь, вечерами в гостинице скука, и он развлекался: взял в телефонном справочнике фамилию Петухов и названивал, требуя Курочкина. В ответ, сам соображаешь, брань... А потом была блокада. И после войны Петр Иванович, оказавшись в Ленинграде, набрал въевшийся в память номер, попросил Курочкина. Арсений, как ты думаешь, что услышал? Он услышал счастливый, да, да, именно счастливый голос: «А-а, ты жи-ив, сволочь!»

Было ясно, никакого Петра Ивановича в природе не существует. Выдумщиком Вениамин был отменным.

Потом они сподобились на пару совместных прогулок по старой Москве, позволивших обсудить более широкий круг вопросов, нежели страхование. И, обнаружив сходство позиций, обменялись телефонами. Иногда, по датским поводам, особенно под Новый год, созванивались. Арсений не терял Ванходло из виду.

А Вениамин преуспевал. Делая страховую карьеру, возглавил отдел в солидной компании и попал в поле зрения президента Союза страховщиков Юргенса — по словам Ванходло, случайно, волею судеб. Но Арсений, слушая приятеля, в душе усмехался. Он знал, как это делается.

Когда в Ленинграде, недавно переименованном в Петербург, Меланин искал клиентов для имущественного страхования, ему удалось через череду знакомств добиться встречи с назначенцем Собчака, куратором этих дел. Прибыл в Смольный, красочно расписал новому городскому решале прелести своей компании, потом оторвал от настольного кубарика листок и черкнул: «20%». Комментарии не требовались, успевший умудриться на солидной должности чиновник кивнул и порвал листок, поняв, что будет иметь двадцать процентов от страховых взносов. С того дня он активно понукал подопечных заключать договора с компанией Арсения. Через пару месяцев Меланин снова заглянул к нему. Хозяин кабинета, в элегантном костюме и стильном галстуке с классическим треугольным виндзором, запер дверь на ключ, достал из сейфа бутылку коньяка и предложил выпить за новое «деловое сословие», к коему они теперь принадлежат. После второй рюмки принялся сплетничать о Собчаке: мэр навестил в больницу больного телевизионщика Невзорова с авоськой апельсинов и бутылкой кефира. А после третьей охотно согласился познакомить страховщика с коллегой из Смольного, который был нужен Меланину для решения жилищной проблемы.

Вот так делались в те годы дела, карьеры и деньги. А потому рассказы Ванходло, как он «случайно», на дурака познакомился с президентом Союза страховщиков, Арсений пропустил мимо ушей. Принял к сведению главное: Вениамин стал неформальным подручным большого шефа. И это

было правдой: когда Юргенса сделали вице-президентом влиятельного РСПП — Российского союза промышленников и предпринимателей, шеф позвал Ванходло с собой. Для Вениамина это был карьерный прыжок, и «дальнобойные» мысли побуждали Меланина периодически общаться с ним — мало ли как и что?

Задумав на денек заглянуть в столицу, Арсений заранее созвонился, и они приземлились обедать в ресторане отеля «Метрополь». Ванходло, слегка раздобревший, лоснящийся, солидный, «горел» своими должностными обязанностями и с ходу начал с того, что Юргенс — политическая фигура большого калибра, с будущим:

— У него карьера пошла еще при Советах. Скромненько начал в ВЦСПС, и вдруг в восьмидесятом его шлют в Париж, в ЮНЕСКО. На пять лет! Ты представляешь, что значило при Советах на пять лет угодить в Париж?! Я думал, его туда КГБ депортировал, они такие крыши ой как любили. Но нет, он вроде бы чистый. Значит, чья-то о-очень мохнатая рука. А сейчас Игорь Юрьич на глазах растет в государственного деятеля. Ну посудите, опыт огромный — в девяностые был главой Международного страхового комитета, в таком котле варился, что теперь сам хоть суп, хоть кашу из топора сварит — что закажут.

Весь обед Ванходло по поводу и без повода возвращался к восхвалениям Юргенса, набивая себе цену, не скрывая, что намерен сделать в его шлейфе, чем черт не шутит, политическую карьеру, ибо с помощью Игорь Юрьича получил пропуск в «супермаркет возможностей» — выбор потрясающий. Перед расставанием заказал по пятьдесят «Белуги» и предложил брудершафт, намекая, что к будущим великим делам сможет подключить и Арсения. Держись рядом!

Расплачивался сам — Арсению вмешиваться не позволил, — и не кредиткой, а наличными, достав из кошелька пятитысячные. Хохотнул:

— Чем беднее страна, тем крупнее в ней купюры.

Меланин слушал с интересом, стопку опрокинул не без удовольствия, однако в голову услышанное не брал: страховый бизнес устраивал его сполна, в иных деловых мечтаниях он не нуждался. Вдобавок этот выдумщик склонен к фантазиям.

В тот момент Арсений не думал не гадал, как странно и непредсказуемо аукнется проходной, непримечательный обед в отеле «Метрополь».

На подъезде к Переславлю-Залесскому Арсений напрочь забыл о мимо-летном свидании с Ванходло. Мысли были заняты встречей с Терентием.

В Батуристине за крестьянским родом Василия Меланина издавна числилось странное прозвище «негабаритные». Они помнили себя со времен поземельной общины, народившейся после реформы 1861 года, когда земля, нарезанная по едокам, требовала слияния хозяйственных интересов. Наделы враздрай разбросали по округе, с весны до осени мотаясь с клина на клин, сто раз колеса дегтем смазывали. Вдобавок самодержец навязал общине круговую поруку, вменив ей исполнять чужеродные обязанности, вплоть до порки и ссылки в Сибирь по приговору «мира». Через общину взыскивали выкупные платежи, недоимки, земские налоги, акцизные сборы на табак, соль, спички, сахар. И тем не менее крестьянин держался за общину, спасавшую от нищеты, при Столыпине на отруб здесь вышли единицы. А после революции, когда землю нарезали удобно и отменили царские повинности, община и вовсе расцвела. Деревня жила артельным духом, всюду возникали самостийные крестьянские сообщества и товарищества по обработке земли.

Подкосила их перелицовка в колхозы с жесткими порядками, согнавшая домашних буренок в безликое стадо и ударившая по вековому общинному духу русского крестьянина.

Меланинские деды-прадеды по отцу-матери, впитавшие артельные навыки, при всех столбовых поворотах русской деревни выламывались из ходовых настроений, потому и считались негабаритными. Вечно жили по-своему. Но так получалось, что каждый раз они торили дорогу, на которую в итоге сворачивали батуринские однофамильцы. Деды стояли у истоков земельного товарищества, да и родительское поколение не подвело. В войну, когда отец воевал, мать стала первой в тверских пределах женщиной-бригадиром. После Победы ее избрали председателем сельсовета, а отца, однорукого фронтовика, — колхозным парторгом. Простая, крестьянская, однако не рядовая была у них семья, потому и сыновей сызмальства готовили к большой жизни. Но на Терентии, считал Арсений, случился сбой. Терентий получился слишком негабаритным.

Чуждачить он начал в студенческие годы, что тревожило тяжело болевшего отца — осколок в легком достал его после войны. А когда отец умер, Терентий и вовсе пошел вразнос. Арсений в ту пору только входил в понимание жизни, на смыслы, исходившие от брата, не отзывался, но был потрясен, когда вдруг обнаружилось, что Терентий расплевался с Ленинградом и перебирается в глухую сибирскую тайгу. Нет-нет, не за романтикой, о которой в те годы шумели неумолчно, а «по нужде».

Братья сидели в дешевом кафе на Гороховой, которая в ту пору звалась Дзержинского, и Терентий клял кагэбэшных тварей, объявивших на него охоту. Арсений, с головой нырнувший в проектировочное дело, недавно вернувшийся из месячной командировки в Киргизию, а брата не видевший полгода, не мог не заметить, как он изменился. Осунулся, лицо заострилось, в углу левого глаза наметилась ранняя «гусиная лапка». А перемены в сознании были радикальными. В понимании Арсения, интеллектом брат давно перерос профессию лесника; еще отец кривился оттого, что Теря «ударился в философию», подразумевая под философией его ворчливые суждения о дурацких несовершенствах жизни и сволочизме власти. Но теперь Терентий говорил на новом, незнакомом языке.

Понимая, что брат не скажет про обстоятельства «охоты», да и не желая вдаваться в эту тему, Арсений сказал дежурно:

— Я твоих дел не знаю, но уж коли прижало, чего проще, чем засесть в деревне да переждать. Чего на край света намылился?

Терентий нахмурился, ответил не сразу. Выждав, заговорил с расстановкой, назидательно, с оттенком высокомерия — словно профессор со студентом:

— Скажи, ты разумеешь различия между мотивацией и стимулированием?.. Вижу, не разумеешь, даже вопроса не понял. Вот тебя стимулируют. Неважно, любишь ты проектировку или нет, но свою норму выполняешь — за стимул. А скажут — выполни две нормы, захочешь две зарплаты. Все мы такие, без денег не уладишь первичные потребности. А что значит «стимул» на древнегреческом? Вижу, не знаешь. Стимулом называли палку для прогона скота. Понял? Тебя — и меня тоже! — этим стимулом и гонят по жизни... А мотивация, дорогой мой, — это внутренний мотив, личное побуждение, полное смыслов и эмоций. Осознаешь, что за свои труды не пряники — кнутом получишь, а все одно делаешь то, чего душа требует. Об этом ты тоже без понятия, потому что Шопенгауэра не читал. И о пирамиде Маслоу не слышал. А в ней, друг ситный, потребность в самореализации выше любви значит. Вот оно что такое — мотивация!

— Прав был отец, когда говорил, что ты рано или поздно в философию ударишься. Шопенгауэр! Ишь, как запел.

Терентий не торопясь расправился с остатками творожных блинчиков, отложил нож-вилку:

— Отец у нас был незауряд. Тебе неведомо, что он мне с глазу на глаз прочил. А что прочил, то и вышло.

Тот давний разговор с братом засел в памяти, став рубежным. Вскоре Терентий исчез, растворившись в таежной глухомани. Правда, каждый октябрь, закрыв сезон шишкаррей, прилетал в Батурино с рюкзаком кедровых орешков. С Арсением они пересеклись в отчем доме лишь однажды, но встретились как чужие, говорить было не о чем — слишком разные судьбы.

Вернулся он в начале девяностых, когда сбросили прежнюю власть. Заводной, с замахом на товарный продукт, ретиво взялся обустроить пришедшую в запустение усадьбу. А через три недели «для интересу» смотался в Питер, и там его словно подменили. Хозяйственные мечты-заботы побоку, немедля, уже на третий день, с концами укатил в город, сославшись на то, что нужны заработки — до пенсии пять лет. Но мать, женщина проныцательная, в общении с людьми искушенная, обмолвилась Арсению:

— Чую, Теря снова за свое взялся. Снова начал бражничать — умственно, с дружками прежними. Теперь-то им раздолье.

Видимо, мать знала об умственных выкрутасах сына, из-за которых когда-то объявил на него охоту КГБ.

Но, выйдя на пенсию под закат тысячелетия, Терентий снова объявился в Батурине. Однако теперь это был другой человек — и не мотивированный, с которым они сидели на Гороховой, и не окрыленный переменами, прилетевший из Сибири. Да, совсем-совсем другой — потухший, озлобленный, мрачный. «Весь свет возненавидел», — с горечью предупредила Арсения мать, безропотно принявшая новую данность.

Она наскоро приготовила сыну легкий перекус с дороги и сочла нужным сделать вводную:

— Теря сейчас в лесах, грибные опушки обирает. В Твери спрос на сушеные мухоморы, их за границу шлют. Так он их мешками таскает. Явится часа через три. Тогда и сядем за стол с твоими гостинцами. Но он очень уж кислый стал, раньше таким не был. Ничто ему не по душе, как ни скажи, все плохо, никакой калач не в радость, ко всему цепляется.

— А с тобой как?

— Со мной заботлив. А вот с Лидой... Помнишь Лиду Меланину с Алешина бугра? Когда Христя умерла, она дом продала, но к новым хозяевам неезжает, а ночует у нас. Так они словно кошка с собакой. Она историк, а он тоже грамотный, в своей Тафаларии много чего начитал. Спорят до ругани. Он и в тебя вцепится, ты, Арся, уж его не дразни. Непорядок в нем завелся, больно беспокойный стал. Я думала, от семейной нескладности, любовь-то стороной прошла. Но нет, к Валентине Дерюжиной не таясь захаживает... Ты ее не знаешь, она за церковью живет. Женщина обстоятельная, не шлëндра, может, и сойдутся...

Прислонившись к обшитому листом ДСП высокому фундаменту, Арсений в бездельном ожидании сидел в беседочке у заднего крыльца. В белесом безветренном небе пушистыми клочками недвижно висела вата облаков. В послеполуденный час природа отдыхала от зноя, спокойствие было разлито вокруг, и память нашептывала отрывочные беспечальные воспоминания о светлом прошлом, о детстве. По свойству ума Арсений воспринимал жизнь двояко. Существовало единое нескончаемое Время

с большой буквы, выпавшее на его земные дни, которое вмещало все, о чем он знал, думал, переживал. А еще были моменты, которые в звуке и цвете навсегда сохранились в кладовых памяти и оживали в минуты покоя, возвышая душу. Конечно, он не забывал о неудачах, обидах, но они не тревожили попусту. И он имел право считать свою «жизнь в моментах» удавшейся.

Причудливая судьба брата складывалась иначе. Откровенно говоря, Арсений не слишком переживал за него: не Богом обижен, сам выбрал мотивацию, сам напроказил. Ишь, инсургент! Но интриговал — да, пожалуй, это самое верное слово, питерский зигзаг Терентия, после которого с ним случился душевный надлом. Злобным стал не от скверности характера — привез желчь из Питера.

Арсений после смены профессии тоже стал другим. Проектировщиком он в основном «общался» с техническими справочниками, мало задумываясь о картине мира, в котором жил. А страховщик — это работа с людьми, каждодневные мысли о происходящем — как минимум в стране, а то и на всем шарике. Много лет назад на Гороховой Терентий разговаривал с ним как профессор со студентом. Но сегодня иначе. Опыт пребывания в жизненной текучке — какими только проблемами не занимался матерый страховщик! — ставит его выше брата, сколько бы тот ни начитал умных книг в добровольной таежной ссылке. После вводной, о которой побеспокоилась мудрая мать, Арсений не сомневался, что сегодня предстоит жаркий спор. Злобе и темной гневливости брата, его неприятию всех и вся предстоит ответить благостью, которой осенен младший, вписавшийся в новые порядки... Но все же с чего такая злоба и о чем пойдет разговор? Нет, об этом думать бессмысленно. Он готов к любому варианту... Вдруг, без всякой ассоциации, наверное от легкости мыслей — на жизненном поприще он чувствовал себя победителем, — в памяти возник забавный эпизод, ставший символом советской коррупции. Где-то в Прибалтике прорвало дамбу накопителя грязных сбросов, отходы потекли в море; проект ликвидации прорана поручили Арсению и его напарнику Миرونу Львовичу Шапиро, который предложил отправиться в путь на его «жигулях». Работа была срочная, они справились. Зато в Питер возвращались с комплектом жутко дефицитной новенькой жигулевской резины, которую по благу продали Миرونу Львовичу. История повторилась после похожей поездки под Мурманск. Там Мирон Львович купил еще более дефицитный прицеп к «жигулям».

Вспомнив об этих коррупционных сделках советского времени, Арсений улыбнулся. Настроение и вовсе пошло вверх.

Братья не обнимались и даже не ручкались, но вели себя так, словно общались на прошлой неделе, а не лет десять назад. Терентий, осмотрев стол, слегка поморщился и сразу вошел в роль хозяина:

— Здесь пьют, только из мелкой посуды. Помню, читал мемуары Михалкова, как Сталин в Большом театре принимал Гимн СССР и устроил по этому поводу ужин. Михалков три размерные рюмки коньяка хватанул, а Сталин говорит: «Товарищ Михалков, много нэ пейте, с вами будет нэ интересно разговаривать».

Про «СССР» он упомянул случайно, не по делу, но, видимо, не зная, о чем говорить, за него зацепился:

— Смотри, какие разносолы привез! Балык, семгу, забавы кондитерские... Видать, после вонючей советской столовки отъедаешься. СССР только на дефиците держался, в сельпо пусто — кубы маргарина и комби-

жира да трехлитровые банки воды подслащенной, ее березовым соком звали. Ну, морская капуста в консервах. А в городе, чтоб синюю куру достать, с пяти утра очередь ждала, когда выбросят. Суповые наборы — корм собачий — деликатесом считались. Кругом лютый дефицит, ничто не купишь, смысл существования в том, чтобы жратву достать. Только пыжиковые шапки да казнокрады жировали. Еще криминал, который им отстегивал.

Первой не выдержала мать:

— Да ладно тебе, нормально жили, чего собачишься?

— Ты, мать, не скрипи. Пусть он скажет.

У Арсения в душе зайчик прыгнул. Надо же, только что вспоминал, как Шапиро доставал колеса для «жигулей»!.. Но спор был мелким, и он предпочел отмолчаться. Поиграл бровями, прищурился, лениво ответил:

— Ты ни о чем, кроме колбасы, не мыслишь. Скучно.

— Ты потребительский дефицит в расчет не берешь, — вцепился Терентий. — Не схватываешь, что он в основе, что от него шла вся советская идиотия, что из-за него все было перевернуто: Швондер с Шариковым гляделись нормальными гражданами, а профессор Преображенский — негодяем и выродком. Семьдесят лет, пока верховодила партийная шайка, был периодом смуты. Полстраны — этапники, полстраны — конвойные. Э-эх, Русь, три копейки стоил гусь! Советчина нашу историю наизнанку вывернула.

На одном выдохе выплеснув дежурный антисоветский набор проклятий, Терентий обмяк, без тоста опрокинул мерзавчик водки и занялся закуской. Арсению показалось, что он даже не ждет ответа, что главное для него — сказануть, выплюнуть горечь, скопившуюся в душе за годы таежного затворничества, детство-то и юность у него не горестные.

Наверное, для матери такие речи были привычными. Но выслушивать их при Арсении было обидно, и она снова осадила:

— Ты что, у нас недокормышем был? Или тебя на конюшне пороли?.. Когда из своей Тафаларии прибыл, думала, за ум взялся. Да, видать, мне помстилось. В Ленинград съездил, и словно кислых дрожжей тебе натолкали, на все злом исходишь, отрицалой заделался.

Терентий, набив рот, не ответил, резко отмахнулся рукой, как от назойливой мухи.

Вступать в спор было бесполезно, даже глупо. Слепому не покажешь, глухому не расскажешь. В таких тупиковых перебранках ни логика, ни факты не срабатывают, дебаты сводятся к пустой брехаловке, к «слову против слова». Можно было просто отмолчаться, переведя разговор на дежурную тему бытовки или здоровья. Но отдавать последнее слово не хотелось. Арсений считал, что в негласном жизненном состязании взял верх, и вот он, удачный случай «поставить» себя. Надо поднять разговор на октаву, нет, на три октавы выше.

— Когда-то ты проповедовал мне теорию мотивации...

— Мандарины к Новому году — вот вершина счастья. Да и за них у прилавка дрались... — вяло перебил Терентий. Он все еще не остыл от горячих обличений советского прошлого.

— Минуточку... Так вот, начинал ты с философствований, а опустился до колбасы. Негатива вагон с тележкой выкаатишь и будешь прав, без скорбей на земле не быть. А я состав позитива пригоню, и тебе крыть будет нечем. С Гагарина начну, бесплатным жильем кончу... И что? Кто кого убедит? Либретто для оперетты! Семьдесят лет смуты, говоришь? А тебе не приходит в башку, что СССР был великим социальным экс-

периментом, попыткой прорыва в справедливые формы жизни? Да, попыткой неудачной. Но случайно ли именно Россия отчаянно рванулась ко всеобщему земному счастью?

Терентий с удивлением уставился на него. Потом сдавленно брякнул:
— Красно баешь...

— Ты меня мотивации учил. А теперь я тебя кой-чему научу. Через страховщиков тысячи судеб проходят, и знаешь, какой у всех дел общий знаменатель? — Воскликнул с пафосом: — Конфликт правды и истины!.. А-а, теперь ты, философией умудренный, даже понять не можешь, о чем речь. Правда для русского человека — это то, как надо, как положено быть по справедливости. А истина... Истина, братец, складывается по жизни. Противостояние должного и сущего — вот оно, наше вечное душевное страдание. А ну, прикинь... Сообразил?

Арсения словно прорвало. Он впервые громко, как с трибуны, высказывал мысли, созревшие в сознании за десятилетия муторной работы с го-ремыками, попадавшими под страховую случай. С ними всегда непросто: терпящие убытки, а то и финансовое кораблекрушение, яростно дерутся за последний шанс, порой выворачиваясь наизнанку, эмоции иногда бьют через край. Но, с другой стороны, совокупность случаев, сумма личных страданий-переживаний, жизненных переломов и вывихов создавала общую картину, заставлявшую задумываться о сутях, далеко выходящих за рамки страхового дела. От одного корня, Арсений, как и Терентий, исподволь тяготел к осмыслению окружающего мира и вел свой синодик мыслей, которые считал сумасбродными, ибо они не соотносились с его образом жизни. Зато позволяли сознанию отдохнуть от гонки-текучки и возвышали. Суммируя многолетние наблюдения-впечатления, он любил поразмышлять над человеческой природой, над переменами в людях, захлестнутых потоком западных ценностей. Он на личном опыте знал прошлое и утвердился во мнении, что «проклятый совок» был не исчадием, а историческим этапом национальной жизни России, позволив получить иммунитет от бездуховной заразы, разъедающей Запад.

Увидел, с каким вниманием и даже испугом смотрит на него Терентий, и дал волю чувствам:

— Если хочешь знать... А ну-ка, отбрось политические наслоения. Что под ними? Если хочешь знать, СССР был историческим вызовом, брошенным не столько капитализму, сколько западной цивилизации как таковой. Хомо советикус — это, братец мой, не нравственная аномалия, о чем вопят по ТВ, а, наоборот, вакцина, которая сегодня оберегает от трансгендерных и прочих радужных инфекций. — Арсений разгорячился, сами собой на ходу рождались новые сюжеты. — Под видом общечеловеческих ценностей нам навязали чужой образ жизни... О чем ты говоришь, Терентий! Вспомни: «На-ам нет прегра-ад ни в море, ни-и на суше». Вот она, атмосфера эпохи. Вспомни первые пятилетки — это же был не оптимизм, а титанизм! А почему такой всплеск народных эмоций? Да потому что хомо советикус верил: в СССР строят рай для бедных. Конечно, наивцы, конечно, земной рай невозможен. Но величие замысла, высокие духовные установки не пыль на ветру, они остались, сплелись в народном сознании с преданиями о богатырских подвигах — тоже ведь мифы. Да, советская утопия стала для народа целительной вакциной, позволившей выстоять перед западной цивилизационной заразой. А ты словно духовной сивухи хлебнул, совок из-за колбасы клянeshь...

Арсений прекрасно устроился в рыночной жизни, не дерзал числиться патентованным патриотом и в мыслях не держал идею реставрации, о ко-

торой талдычили коммуняки. Но он следил за циркуляцией мировых новостей, а профессия побудила познакомиться со звонкой книгой Жака Аттали «Эра денег». С годами он усвоил, в какую бездну катится мир, почитающий смыслом бытия комфорт, поклоняющийся культуре битмака, погрязающий в грехах и разврате. И в каком-то из сумасбродных раздумий ему явилась странная мысль. Вседозволенность самодовольной Америки, забуревшей после разгрома СССР, внезапно — да-да, вдруг! — подтолкнула Арсения к выводу, что русская катастрофа девяностых заметно ускорила аморальное, гендерно-развратное гниение Запада. Отсюда и пошел его повышенный интерес к СССР. А дальше — больше: несбыточные соблазны советского рая, по его мнению, отзываются сегодня в народной душе неприятием непотребства и разгула низменных страстей, смертельно заразивших Запад.

Эта персональная картина мира, эти сумасбродные думы давно варились в его мозгах — время от времени, в часы отдыха, — и не было ни повода, ни замысла собрать их во что-то единое. Но сейчас, в умственной, по терминологии матери, схватке с братом, Арсений испытывал особое ясномыслие. Он не готовился к такому разговору, он импровизировал, на ходу развивая свою идею. И был готов продолжить поучения, перейдя к неизбежному в перспективе реваншу русской истории, предвкушая будущее, он верил в него! Но сработал инстинкт опытного страховщика: «Хватит! Будет перебор!»

Перевел дух и умолк.

Терентий зло хмыкнул:

— Ну, ты наблатыкался, советчиной стал... А все равно тухлое было время, пошлое у нас прошлое... Да и сегодня гноище... — Скривился. — Тяжелее жить стало легче...

О жизни уже не говорили, по кельям разошлись молча. Но Арсений долго не спал, прокручивая в голове свой страстный монолог. А засыпая, вспомнил странные слова Терентия про теперешнее гноище, и снова мелькнула мысль об интриге питерского зигзага его жизни.

В тот раз они больше не виделись: когда Арсений проснулся, мать сказала, что Терентий спозаранку ушел в леса.

11

Батурино и впрямь просыпалось после спячки девяностых. В тот день, когда братья Меланины выясняли отношения по исторической части, в старинном селе случились еще два события, достойные упоминания.

На дальней от Алешина бугра околице остановился черный «мерседес»-«кубик», и из него вышел стройный, выше среднего роста человек лет пятидесяти — Марат Розальев. Он прикатил в Батурино под видом фермера, затеявшего перевозку сюда молочного стада, которому тесно на подмосковных угодьях. В районе сказали, что здесь еще не рухнул в пыль старый коровник, его можно подремонтировать, а выпасов и земли под люцерну, фацелию или клевер в избытке.

Два остова бывлых кирпичных ферм без крыш, окон и дверей сиротливо маячили среди пустого поля примерно в трехстах метрах от деревенской околицы. И Розальеву стало ясно: он нашел то, что искал. Его глаз сразу засёк бетонные столбы электролинии, — конечно, без проводов, — шагавшие к бывшему коровнику. Опытному человеку они сказали обо всем: ферма построена не ранее семидесятых годов прошлого века в махровом советском стиле, добротном и затратном: подведен газ, есть водопровод и

канализация. Разумеется, оборудование пришло в негодность, но для ремонта ему, Розальеву, на все болты гаек хватит, отремонтировать — не заново строить, положив полжизни, время и деньги на согласование проекта и обхаживание надзорных экзекуторов. Уж что-что, а такие хозяйственные максимумы Розальев щелкал как семечки, предпочитая не пробивать стены чиновничьих фортеций, а искать в них входные двери.

По заросшим травой останкам бывшей бетонки прогулочным шагом двинулся к развалюхам. В кармане дрогнул смартфон, эсэмэска от Воструна сообщала, что деньги на счет пришли и в Подольске завтра начнут демонтаж. Этот толстяк, склонный к пережору и страдающий сквернословием, свое дело знал, нашел-таки покупателя на устаревшую оснастку. Что ж, добрая весть. «Поднимаясь ввысь, с воздушного шара сбрасывают все лишнее», — подумал Розальев.

Осмотрев развалины фермы, пришел к выводу, что один коровник пустит под дело, а во втором можно разместить обеспечительные службы и бытовки, без которых — он это твердо знал — никак не обойтись. Что ж, у каждого под ногтями своя грязь: из-за них могут взнудать солидным штрафом, а то и санкции наложат, людям не положено бытовать на производстве, да и готовить там будут не фуа-гра, а шаурму. И надзорную инспекцию не пошлешь лесом, полем или водной гладью... В отличие от верблюда, Розальев видел свой неприглядный горб, портивший благостную картину. Но что делать, се ля ви, ему не впервой что-то кумекать в таких случаях — затруднительных, однако не безвыходных. Впрочем, перво-наперво надо определиться с размером кредита. Большой-то кредит дают под низкий процент, а маленький — под высокий, вот и думай...

Возвращаясь к машине, прикидывал, сколько бетонных плит понадобится для обновления трехсотметрового тупичка. Надо учесть и зимнюю снежную заметуху, которая в чистом поле громоздит непроезжие сугробы. И, уже подходя к деревне, глядя на нее со стороны, обратил внимание на крайний у околицы дом. Вернее, взгляд зацепился не за сам дом, старый, одноэтажный, обшарпанный, а за то, что возвышалось за ним, — причудливо изогнутую крышу большого строения. С околицы свернул в улицу, и его глазам предстал нарядный, богато разукрашенный особняк — ну пряник! Глухой железный забор закрывал первый этаж, но второй, с двумя мансардами, был виден хорошо: торец одной был ярко-желтого цвета, второй затейливо разрисован ярко-красными разводами; на них празднично смотрелись синий и белый оконные наличники.

Розальев с удивлением рассматривал красочное чудо, выглядевшее помпезным на фоне деревенской серости, но вдруг щелкнул замок калитки и из нее шагнул... Лев Толстой, словно сошедший со знаменитой фотографии: с окладистой бородой, в подпоясанной толстовке.

— Я видел, вы смотрели старый коровник, — без приветствия обратился он к Розальеву. — Землица муниципальная, и ее пустили в продажу. На той неделе один приезжал, да сказал, что корчевать эти коровьи бараки дороговато выйдет.

Марат, слегка растерявшись, буркнул:

— Сносить коровники не буду.

Толстой разгладил бороду, недоверчиво покачал головой:

— Неужто у нас снова стадо появится?

Не желая продолжать тему, Розальев вспомнил старую разговорную хитрость и ответил вопросом на вопрос:

— А терем у вас красивый, расписной. Богато живете! Сами проектировали?

Лев Толстой опять разгладил бороду, махнул рукой в сторону околицы, усмехнулся:

— Вона мой терем, в нем жизнь суதுлая. Надо бы крышу наладить, да в ведро она не течет, а в дождь какая работа?.. Здесь-то я сторож. — И, видимо, зная по прежнему опыту, каким будет следующий вопрос, пояснил: — Амуниция моя от хозяев, они наряжают и велят бороду гладить. Но за бороду доплачивают.

Розальеву приходилось бывать в богатых загородных домах, чьи хозяева любили почудачить, — это были обитатели Рублевки или поселков на Новой Риге. Но здесь, в глухой деревне... Впрочем, любопытная встреча с маскарадным Львом Толстым недолго «висела» в его новостной сводке. По пути на магистральную трассу он как бы прощупывал своим внедорожником песчаный проселок, прикидывая, где придется подсыпать гравий. Подъездные пути к Батурино должны быть надежными и всепогодными, сюда пойдут не только фургоны, но, возможно, и тяжелые трейлеры.

Он вовсе не собирался возрождать на старой ферме молочное хозяйство. Бывший коровник с газом, водопроводом и канализацией был идеальным местом для поточной линии по переработке пластиковых отходов. Вдобавок, что немаловажно, он в стороне от жилья — производство-то шумное, а случается, и пахучее, вплоть до вони.

Розальев был не сельхозником, а утилизатором, причем идейным. Переработка мусора стала для него не просто бизнесом, но и философским смыслом существования. Он считал борьбу за чистоту городов бесконечной войной без фронта и тыла, вызовом эпохи, нервом времени. В силу возможностей — бизнесмен средней руки — он не только избавлял мир от б/у пластика, но и, понимая несбыточность мечтаний, в своих фантазиях очищал от мусора саму жизнь.

В тот же памятный день на фазенду Кедровых пожаловали гости.

Зная напористый характер отца, Дмитрий взялся за подготовку визита сразу после разговора о семейной сплочке: как бы между делом упомянул, что автобус в Батурино теперь ходит ежедневно. Но надо знать Ульяну! Шерлок Холмс с его дедуктивным методом не годился ей в подметки. Неведомо как, но уж точно не от общего к частному, а по наитию, она мигом вычислила его намерения.

— Я верно поняла, что нам пора ждать родственников?

Дмитрий стушевался, проямил что-то невразумительное, и Ульяна расставила точки над «i»:

— Полагаю, начнешь с Алены. Но при чем здесь автобус? Ты что, не можешь привезти дочь на машине?

Стало ясно: она тоже мечтала перешагнуть через семейные распри двадцатилетней давности, но боялась сделать первый шаг, опасаясь нарваться на унижительный отказ Вари. Наверное, постоянно держала эту мысль в уме, потому сразу и угадала тайный замысел мужа. Впрочем, позднее Дмитрий пришел к выводу, что дело могло обстоять иначе: ничего Ульяна не угадывала, а просто не упустила безопасный для ее самолюбия шанс решить острую проблему семейного примирения.

Весело получилось и с Аленой, которая по наущению деда в телефонном разговоре вдруг поинтересовалась, не слишком ли сложна автобусная поездка в Батурино, — она, мол, планирует экскурсию в Переславль-Залесский, а у отца где-то там, на Плещеевом озере, есть дом. Без труда поняв, чьи это «козни», Дмитрий тоже не упустил свой шанс:

— О чем речь! Конечно, заезжай, я подскажу, как добраться. А хочешь, захвачу с собой на машине.

Алена, видимо, не ожидала такой прыти, растерялась, сказала, что перезвонит. И на следующий день принялась дотошно допрашивать отца о том, как отнесется к ее появлению Ульяна, — они же никогда не общались, даже не виделись.

Дмитрий, понимавший, какие указания Алене дал дед, предложил не усложнять проблему, заверил, что все берет на себя, и назначил дату поездки — через две недели. Мог бы захватить дочь в ближайшую субботу, но взял время для Ульяны, с которой предстояло обговорить кое-какие детали встречи. Да и вообще, мало ли что она еще придумает.

А она и вправду придумала. В назначенный день вызвала в Батурино Рому.

Роме было двадцать, он учился на втором курсе и в тот год впервые не баловал маму побывками на даче. Посчитал себя достаточно взрослым, чтобы не горбатиться на садово-подсобных работах в Батурине, к чему сызмальства его приучили, и предпочитал тусоваться в Москве. С Дмитрием отношения были родительские, они прекрасно обустроили скудный мужской быт летних месяцев, удобно распределив обязанности: отчим финансировал, а пасынок бегал в магазин, готовил завтраки, мыл посуду, пылесосил и выбрасывал мусор, терпеливо дожидаясь выходных дней, когда Дмитрий убывал в Батурино.

Ослушаться строгого приказа мамы Рома не мог, и они вместе поехали к метро «Новослободская», чтобы захватить Алену.

Но здесь Дмитрия ждала неожиданность: открыв переднюю дверь «жигулей», еще не сев в машину, дочь предупредила:

— Пап, я не одна, это мой бойфренд, — показала рукой на стоявшего рядом кучерявого мужчину. И, заметив на заднем сиденье Рому, испуганно спросила: — А это кто?

— Садитесь быстрее, здесь стоянка запрещена. — И на ближайшем «длинном» светофоре у Лесной улицы воскликнул: — День сюрпризов! Ты мне сюрприз, а я тебе. Знакомься: Роман, твой сводный брат. А теперь нас знакомь со своим бойфрендом.

Поездочка получилась веселая.

Быстро, без стеснений перезнакомившись, пассажиры забыли о великовозрастном водителе, с которым этой компании и говорить-то было не о чем, и принялись болтать о своем. Курчавый бойфренд, назвавшийся Трофимычем, как выяснилось, бывший врач с клиническим стажем, речисто наставлял студента Ромку, чтобы он не вешал на уши макаронные изделия по части будущего трудоустройства, и разобъяснил ему, как надо вострить лыжи, защитив диплом. Затем Алена решила поведать ново-явленному сводному брату о своем богатом внутреннем мире и затеяла перепалку с Трофимычем относительно литературной тусовки, которая, по ее наблюдениям, гадюшник, требующий дезинфекции нравов. По этой теме солировал всезнающий Трофимыч, объяснивший, что да, настал упадок словесности, однако причины в книжном рынке, где любая дурь идет на ура, — издатели, чьи жены ходят в дольчах-габанах, рекламируют сочинялово-брехалово, то бишь плоды слабоумия, которые варганят на клавках в четыре руки наскоро и неряшливо. Творческая богема после погрома истории кропает компромат на былую эпоху — известно, отрицать легче, нежели осмыслить! — твердит, что мир лежит во зле, и остервенело спорит, как писать — «давеча» или «надясь». Враждуют, словно любители окрошки: одни гурманы готовят ее на кефире, а другие на квасе. Новый

авангард выродился в дешевенькое каламбурное вольнодумство — это Достоевский! — в матерщину да отсутствие знаков препинания. Идолы и жупелы, а больше ничего нет. Смехи и грехи! Шолом по самый алейхум! А вообще, легкого путя в литературе не ищут.

Дмитрий с интересом слушал этот забавный трёп и думал о том, как разительно поколение детей, выросшее в новой стране, отличается от советских родителей. Между Дмитрием и отцом такого разрыва не было, они прекрасно понимали друг друга. А в эту пустую болтовню он не может и словечка вставить, он для них посторонний.

Между тем Трофимыч, которого в разговоре Алена величала писателем, войдя в раж, начал задевать колкие темы.

Сначала высказал интересную мысль, которая Кедрову пришлось по душе:

— Чем отличается мышление бизнесмена, бюрократа и писателя? Все просто: первый жаждет победить конкурента, второй сохранить существующие порядки, а третий всех обхитрить. О том, чтобы улучшить, никто не думает. А главное, групповщина разъедает. — Трофимыч то и дело ерошил шевелюру. — У-у, попробуй поперек своих, супротив группового мнения сказануть — репрессии хуже, чем от режима. Власть, она что? Ну не печатают, ну замалчивают — дело обычное. А ежели на тебя свои взъелись — всё, пропал, заклюют. Одиночкам, независимым сейчас не жизнь, им только в тюрьму али в богадельню. Здесь, в Москве, еще жить можно. А в провинции... Тамошние ребята, я кое-кого знаю, ищут в Москве покровителей, пишут и под них, и про них, не понимают, что годы уходят. Времени свободного у них вроде бы вагон, а потом глядь — поезд-то ушел. Помнишь Мишу «честно говоря»? Я тебя с ним знакомил.

Алена засмеялась:

— Конечно, помню. Эта оговорочка — «честно говоря» — у него через слово. Что ни скажет, обязательно вкинет «честно говоря». Но, между прочим, психологи считают, что такие обмолвки — признак неискренности, а то и лжи.

— Да нет, он парень нормальный. Но без будущего. Слишком уж вцепился в одного статусного литературного воротилу московского. Подсветчик для светоча! Сервисное обслуживание! Ни одной — я не утрирую, ни одной! — статьи без похвалы ему не пишет. Ну и застрянет в провинциальной безвестности да без денег — в том смысле, что ничего своего не изобретет, а в столице, глядишь, новые песни придумает жизнь, теперешних литературных бонз — на обочину, придут другие главари. И что делать? Времена сейчас межеумочные, зыбкие... Я, кстати, считаю, что нынешние литературные динозавры, которых власть возвращает премиями, быстро вымрут.

— Да-а, закон кармы, он всеобщий, — глубокомысленно отозвалась Алена. — Ни одно действие не остается без последствий... А Радзинский-то... ты слышал, что Радзинский заявил? Прекрасные девяностые! Так и сказал — прекрасные. Я этого клоуна больше слушать-смотреть не буду.

— В девяностые он кайфовал... А знаешь, Алена, чем больше я погружаюсь в литературно-тусовочную жизнь, тем чаще вспоминаю знаменитое тюремно-лагерное присловье «Не верь, не бойся, не проси!». Такое ощущение, что у нас так же.

От ботика Петра Дмитрий позвонил Ульяне: свернули с трассы, скоро будем, нас четверо. Алена разом затихла. Наверное, ее тревожила предстоящая встреча, и она настраивалась на нее, обдумывая разные варианты своего появления в Батурине. Спросила Рому:

— Ты здесь часто бываешь?

Ромка, которого два часа трамбовали «высокими материями», отводя ему роль младшего и несмышленного, ответил вяло:

— Меня мама каждое лето запрягала. Первый год приезжаю раз в месяц.

— Что значит запрягала?

— А то и значит: сделай то, принеси это, здесь убери, там отодвинь, отсюда унеси, оттуда выброси. Только на солнышке пригреешься, сразу наладит огород копать. Всегда «но-о!» и никогда «тпру!».

— Красиво излагает! — воскликнул Трофимыч.

Дмитрий, неплохо знавший свою дочь, по ее молчанию понял, что она напряглась. Знакомство с жесткой мачехой становилось проблемой.

Но опять-таки надо знать Ульяну. Когда прибыли на Алешин бугор, стол был накрыт, Ульяна встретила гостей спокойно, без цирлихов-манрилихов, словно зналась с ними тыщу лет, и первым делом повела к задней лавочке с прислоном, чтобы показать здешнее раздолье. И после того как поохали-поахали, дивясь невиданным просторам, застольные разговоры сами собой начали крутиться вокруг батуринских красот и обстоятельств покупки этого редчайшего, неповторимого клинышка русской земли. А уж когда Ульяна узнала, что Трофимыч из писательского сословия, ему оставалось только дивиться забавным байкам, которыми потчевала гостей хозяйка, как выяснилось, в журналистские годы знавшая многих литературных знаменитостей. А Алена так и вовсе рот раскрыла от изумления.

За этими пересудами тема родственного знакомства ушла сама собой, за столом всем было легко и свободно. А особенно сошлась Ульяна с Трофимычем и Аленой в том, что у нынешних сочинителей нет чувства времени, неведом им сегодняшний день России, а потому они в долгу у читателей. По этому поводу Алена погрозила пальцем Трофимычу и веско произнесла:

— А в наши-то дни какой долг без процентов? Понял?

Дмитрию показалось, что неуютно чувствовал себя только Ромка, который никак не мог встроиться в общий разговор, зато по-братски приструнивал крутившегося вокруг стола малолетнего Тимошу, помогал маме в смене блюд и своим присутствием создавал не гостевое, а семейное настроение.

Вдоволь восхитившись закатом, гости легли почивать. Трофимычу и Ромке постелили на полу. Все было по-свойски, словно по-родственному.

12

Кондрат Кедров готовился к главному событию своей жизни.

Конечно, событий, которые он мог считать главными, в его жизни было немало — начиная с тяжелого боя на плацдарме за Вислой, когда он вызвал огонь на себя. А трудное решение не идти в замы к всемогущему Громыко, министру иностранных дел? В хрущевские времена Черняй напористо выпирал Кондрата из ЦК, суля престижную должность, однако Кедров понял, что через год-полтора его пошлют — вернее бы сказать, ушлют! — куда-нибудь в Африку, чтобы избавиться от героя войны, мешающего насаждать новые порядки. Ясное дело, та тревожная тягомотина на полгода стала главным событием его жизни; чего греха таить, бессонница одолевала. А женитьба на Зине — разве она не была главным событием,

залогом семейного счастья? Наконец, тягостный переход из безбедного номенклатурного статуса в юдоль полуничего пенсионного существования, «эмиграция» из СССР в Россию — несколько лет это, с позволения сказать, событие оставалось для него главным содержанием бытия.

Но так Господь сотворил человека, что бывшее постепенно отодвигается на задворки памяти, за далью лет взрывная пылкость чувств затухает, и главным становится то, к чему лежит душа сегодня, чем неотступно заняты сиюминутные думы. И, горячо увлекшись замыслом широкого семейного застолья, на котором он обязан собрать клан Кедровых, Кондрат не стеснялся признаться себе, что им овладела идея фикс. Он шаг за шагом обдумывал текущий расклад и, находясь «за кулисами», словно режиссер, наущал «действующих лиц», что делать и кому что говорить. Да и сам активничал. После визита Алены в Батурино подсказал ей тактику разговора с мамой, а саму Варю «размягчил» в чувствах, осторожно подкинув мысль о неминуемых возрастных трудностях жизни. Провел философский разговор о завтрашних днях с Матвеем, который безрадостно тянул бюрократический воз, не видя перспектив вплоть до пенсии. Разумеется, с сыном он был откровенен, но тоже не до конца: не надо ему знать о сути многосторонних отцовских переговоров, Дмитрий озабочен перестройкой дома, пусть ищет связку с Матвеем.

Новые неустанные заботы, оттеснив мелкие повседневности, с утра до вечера поглощали его мысли и чувства. А прежний опыт — главный кадровик ЦК КПСС! — позволял неотступно держать ситуацию на контроле, отзываясь на ее развитие умелыми режиссерскими ходами. И, погрузившись в эту текучку, сам не заметил, как его идея фикс начала воплощаться в реальность, и гораздо быстрее, чем он предполагал изначально.

События понеслись вскачь.

Алена, умудренная дедом, красочно поведала маме о своей поездке в Батурино — во-первых, на старых папиных «жигулях», а во-вторых, ее загадочному Трофимычу и Даниле пришлось спать на полу, в стареньком домишке не развернуться. В итоге Варя после «совещания» с мужем как бы невзначай спросила у дочери: интересно, как эта непонятная Ульяна и Дмитрий могут воспринять наш визит в полном семейном составе — на новеньком «форде»? Разумеется, после предварительной договоренности, которую должна взять на себя Алена.

Выслушав этот отчет, Кедров отправился на вечернюю прогулку по арбатским переулкам в отличном настроении. Дело сделано, а уж касательно нюансов — сие вопрос технический, остается грамотно выстроить переговорные позиции, только и всего. Для Кондрата, дирижирующего втемную, это не проблема.

Но не только в том была удача, что долгожданное родственное примирение вскоре состоялось. Благим помышлениям Сам Господь поспешествует! Дмитрий посоветовался с гостем о своих сомнениях, и Матвей дал указание в трех точках на метр вглубь подрыть дом, обещав прибыть через неделю, чтобы решить фундаментальную в прямом и переносном смысле проблему, от коей зависят строительные планы. И во время второй, уже в одиночку, ездки в Батурино с ним приключилось странное происшествие, перевернувшее его жизнь, да, пожалуй, и судьбу всего клана Кедровых.

На батуринском проселке Матвей едва разминулсЯ с тремя пустыми встречными самосвалами, а потом уткнулся в гору гравия, которую растаскивал малый ковшовый погрузчик.словно муравей, сновал он, вываливая гравий под грейдер, пластавший полотно дороги. За грейдером гро-

моздился туда-сюда каток, уплотнявший подсыпку. Картина знакомая: дорожная бригада — скорее всего, армянская, в средней полосе этот бизнес держат армяне — подрядилась отсыпать гравийку без перекрытия дороги и завозит гравий малыми партиями. С тремя самосвалами они разберутся быстро, но полчаса все же подождать придется.

Матвей вышел из машины, обогнул гору и увидел на обочине черный «мерседес»-«кубик». Рядом стоял рослый, пиджачно, по-городскому одетый мужчина, наблюдавший за работой, и было ясно, что это наниматель. Минут пять Матвей, опытный по части устройства проселков, созерцал происходящее, затем подошел к черному кубику. Безлично, как принято среди случайных зевак, со знанием дела изрек:

— Работают грамотно, но спешат. Гравий крупный, трамбовать положено плотнее.

Мужчина откликнулся с явным интересом:

— Вы знаток таких дел?

— Приходилось... Но мы подрядчиков не нанимали, сами управлялись, на совесть.

— Что ж, спасибо за подсказку, учту. А что означает «мы»?

Матвей несколько секунд помедлил. «Ну не объяснять же этому встречному-поперечному, что я чиновник Минсельхоза, все веся матушки России исколесил...» Внезапно пришла шальная мысль: а дай-ка удивлю! Усмехнулся:

— Мы?.. В СССР я был председателем колхоза...

Незнакомец и впрямь был поражен — взлетели вверх брови, лицо вытянулось. Но, видимо, он слишком жил сегодняшним днем, любопытствовать о прошлом было недосуг. Бесцеремонно для мимоходного randevu на обочине спросил напрямую:

— Ну, это в прошлом. А сейчас?

Известно, при случайной встрече с чужими людьми, как в вагоне поезда, человек иной раз готов нутро распахнуть перед незнакомцем, которого никогда впредь не увидит. И не должно попутчику прерывать исповедь вопросами — сам все расскажет, слегка прибавив себе заслуг или чрезмерно сгустив страдания, что-то на ходу придумывая, а кое-что упуская, — такие откровения облегчают душу. Но начини незнакомец чего-то допытываться, охота излить чувства пропадает, это тоже известно.

А прямой допрос и вовсе покоробил Матвея. Ответил тоже вопросом, да с подначкой:

— Эту бригаду вы наняли? Благотворительность?

Ввязываясь в этот пустой обмен репликами на обочине, никак не ожидал он, что случайный встречный откликнется разговорчиво:

— Ну как вам сказать?.. Для местных отчасти благотворительность, но для меня — насущность. Я, видите ли, в Батурине заводик ставлю, пластиковый мусор утилизировать взялся, намерен превращать отходы в доходы. Вот подъездные пути и готовлю. Вы местный?

— Гостюю.

— У меня так: с рабсилой все ясно, знаю, кого звать. А с персоналом, известное дело, вопросы. Может быть, слышали американский термин «гнать»? В том смысле, что кто-то начальствующий хорошо «гонит» дело, умело руководит — неважно чем, будь то ресторан, завод или культурный бизнес. На таких, по-нашему, управленцах все и держится. А вы сказали о председателе колхоза, вот я и вцепился: то, что надо. Я по возрасту застал страдательные колхозные эпопеи, помню. И что-то мне подсказывает... Кстате, — он намеренно исказил слово, — известно, что интуиция дает

постижение истины без анализа. Отсюда и вопрос: сейчас-то у вас что? Свой бизнес? Товарно-рыночная похоть одолела?

Разговор принял иной оборот, но Матвей не торопился расчехляться: — Госслужащий. Минсельхоз.

— Атлична! С вами все ясно... Однако же будем знакомы: Марат Розальев, утилизатор, и в бизнесе, и по натуре, по влечению. Дело святое, за него в аду персональную сковородку не подсунут. Считаю, что чистоту в городе не мусоровозы дадут, а разумное потребление. А в Батурине... Как сельхозник, извольте сообразить: здесь сохранились останки... — Усмехнулся. — Советского коровника, и вы знаете, что строили в ту пору капитально. А у властей районных на уме одно: любой каприз за ваши деньги. Вот меня сюда и занесло, возжелал пустить коровник под линию переработки пластика. Не всякого, только безопасного, пятой категории, под отходы фаст-удовольствий: флаконы бытовой химии, канистры, одноразовые пищевые контейнеры, их ныне тьма-тьмущая. Ни в малейшей степени не токсичны, лицензии не требуют, перед надзорными мурзилками светиться не надо, частная инициатива в чистом виде. Иначе говоря, согласно бритве Оккама, не приумножаю сущности сверх необходимости. Стучу только там, где открыто, потому все идет блицкригом! В старом-то коровнике обустраиваться трижды дешевле, нежели заново громоздить. Я олигархом не прикидываюсь, к рублевскому этносу не принадлежу, о своем финансовом тухасе заботиться не забываю. Но не мухлюю, «сорок и сорок — с вас рубль сорок» не для меня... Ну ладно, ребята уже заканчивают гору растаскивать, проезжайте, вот-вот следующая партия самосвалов подоспеет. При случае на заводик-то загляните, линию я закупил новейшую, можно было бы на пластиковую бутылку замахнуться, да ее не достанешь, она в переработке хороша, ее большие заводы подчистую гребут... Пока монтаж, я здесь безотлучно, столуюсь и ночую у Льва Толстого.

Матвей внимательно молчал, не без интереса слушая многословный спич, который непонятным чувством аукался в глубинах его сознания. Потом сухо распрощался и пошел к машине. Но, проезжая мимо «кубика», сам не зная почему, приветственно посигналил.

С фундаментом кедровского дома он разобрался быстро. Конечно же незачем его корчевать, на совесть был сработан предками, служил им надежно, нашему поколению верно послужит, да, пожалуй, и потомкам сгодится. Тем более теперь стены в два кирпича не кладут, в дело идут теплые пенобетонные блоки, а они куда легче. Облицовку — да, ее можно выложить в полкирпича, елкой. Но во-первых, она особого веса не даст, а во-вторых, под нее, если надобность, мостят в земле опорный бетонный слой. Давай, Дмитрий, обустраивайся на вековом фундаменте, он два этажа выдержит, а если рублем разживешься, то и три удержит.

Но во время обстоятельной экспертной процедуры и обеденного застолья не отпускало Матвея странное, непонятное чувство, возникшее после встречи на проселке. Оно шло как бы вторым планом: говорил о строительных заботах, но в душе копилось нетерпение — скорее бы завершить деловой визит, чтобы разобраться в обуявшей его неразберихе чувств. Пришлось обуздать внутренний зуд, не торопиться, за трапезой глубокомысленно порассуждать о политическом мироустройстве, сверяя часы с Дмитрием и Ульяной, без чего сейчас не обойтись. Но беседа не поглощала его полностью, в фоновом, как бы автономном слое мыслей шла своя работа, и в глубинах сознания замаячило: а что, собственно, мешает перед отъездом в Москву глянуть на бывший коровник? Захотелось

даже выпросить Дмитрия о стройке здешнего заводика. Чуть было не заикнулся, но в мешанине чувств внезапно вспыхнула красная лампочка запрета: нет, не надо!

Этот же запретительный сигнал полыхнул в сознании, когда Матвей, обговорив с хозяевами скорые встречи, вырулил с Алешиного бугра, намереваясь разыскать старый коровник. То, что в просторечье называют внутренним голосом, опять строго продиктовало: «Нет, не надо!» И он напрямую пошел на проселок.

Оставшись один, получив возможность без помех думать о своем, слово за словом перебирал в памяти разговор с Розальевым. Нет, этот идейный утилизатор мусора с философскими повадками не так прост. Ясное дело, он ищет управленца на свой заводик и не скрывает этого, потому спросил, чем теперь занимается бывший председатель колхоза. И это непроизвольное «атлична!», когда услышал про госчиновника. Да, поначалу вроде бы отступился. Вроде бы... Но зачем принялся в подробностях вещать о переработке мусорного пластика? Зачем упомянул о безопасной пятой категории? О том, что коммуникации к бывшей ферме подведены? Зачем приглашал в гости?.. Неожиданно вспомнилась притча, услышанная от Вари, любительницы почитать сборники мудрых мыслей. Некий устроенный в жизни человек начал донимать волшебника просьбами сделать его счастливым. Волшебник добавил ему того, этого, а тот все не унимается: почему не делаешь меня счастливым? И волшебник сказал: иди домой, зажги очаг и не думай о белом медведе, тогда и станешь счастливым. Ну, ясное дело, о белом медведе этот искатель счастья не думать уже не мог и навсегда потерял счастье. Вспомнив ту притчу, Матвей улыбнулся — очень уж в руку! Розальев тоже подбросил ему «белого медведя» — нечто такое, о чем он не думать уже не мог. Хитро! Похоже, этот философствующий бизнесмен средней руки неплохой душевед. Но при чем тут Лев Толстой?..

Всколыхнулось в душе нечто далекое, казалось, забытое, давно вычеркнутое из жизни. Вспомнился таежный Сухой Лог на берегу Оби, где он вырос, а потом командовал совхозом. Ну и времечко было! Всякоразное! С утра до ночи волчком крутился, ранний подъем не зависел от позднего отбоя. Вроде бы из всех щелей сквозило, а все равно тепло было. Зла не хватало на районных формалистов, которые при любом неплановом маневре по рукам били; он не брал под козырек, а потому в районе, да и в области его взяли на карандаш. А жизнь все равно была в радость! В радость, и всё! Не то что заунывная министерская тягомотина. Если бы не Варя, создавшая семейный уют, разве выдержал бы он двадцать лет бюрократической каторги? Нет, не по характеру ему чиновничья повинность, но что делать? Сколько сердечных разговоров с Варей было о том, чтобы уйти в свободное плавание, начать свое дело. Но какое? Где взять стартовый капитал? Влезть в кредитную петлю? Да и не пригоден он для бизнеса: слишком простодушен, доверчив... В общем, не соблазнились они призрачными надеждами, сошлись на том, что от судьбы не утаиться, голодную слюну не глотаем — ну и ладно. Что делать, так уж выпало Матвею, — э-эх твою степь! — до конца дней своих в лесу листья подметать, до пенсии тянуть министерскую лямку на тыловых должностях, душевные муки претерпевая. Жить в разладе с собой, пока не унесут с ринга.

С годами свыкся, замело песком барханы — и вдруг!..

На трассе не гнал, тащился в правом ряду за потрепанной фурой, опасаясь, что из-за дурацких тараканов в голове, из-за смуты в мыслях рассеян, за дорогой смотрит вполглаза. В голове крутились обрывки вос-

поминаний, болтовня Розальева, и домой он заявился сам не свой. Варя сразу учуяла непорядок, насторожившись по части размолвки с Дмитрием или Ульяной, но он успокоил, сослался на тяжелую дорогу в два конца за один день и, отказавшись от ужина, завалился спать в восемь вечера.

Конечно, заснуть не мог. Снова разговаривал сам с собой, снова, сменяя друг друга, наплывали то воспоминания о душегрейном прошлом, то тяжелые мысли о том, что он впустую тратит жизнь на нудную аппаратную службу, к которой душа не лежит. А годики-ходики тикают, заводная гиря все ниже к полу...

В десять встал, оделся, сказал Варя:

— Пойду пройдуся. Не ложится. Наверное, слишком устал...

За те годы, что он жил здесь, в квартале поднялись придомовые деревья, затенявшие фонарный свет, разлапистые кусты, цеплявшие одежду, начали подрезать. Обычно он прогуливался здесь с Варей, но сейчас ему требовалось одиночество — он обязан разобраться в душевной смуте, не дававшей покоя. Сцепив за спиной руки, медленно вышагивал по узким междомовым проездам, сторонясь редких машин. Такой эмоциональный стресс, такой непривычный беспорядок чувств с ним когда-то уже случался. Из жизненных далей возникли дни, когда он увидел безмужнюю соседку Варю, понял, что для него это единственный шанс создать семью, и маялся в смятении: что делать, как обозначиться на ее горизонте, да и нужно ли менять холостяцкий образ жизни?

Вспомнил те дни и словно по волшебству успокоился. Нет, разумеется, ничего не решил, даже не начал обдумывать, но стала ясна причина смятения, и беспорядок в чувствах сменился пониманием того, что с ним происходит. Ну, конечно! Снова последний шанс изменить образ жизни!

Он все-таки добрался до сути суеты, до глубины своих глубин.

Но в далекие годы случайного знакомства с Варей им владело чувство беспросветной безнадёги, и в растерянности он бросился за помощью к Кондрату Егоровичу, как учил отец, пал ему в ноги. А сегодня он знает, что надо делать, сегодня у него есть Варя, да он и не вправе решать жизненный вопрос в одиночку.

Резко развернулся, решительно зашагал домой.

Потребовал свежего крутого чая, уgomонил встревоженную Варю, усадив ее за кухонный обеденный стол, и залпом, без пауз и запинок, все выпалил.

Конечно, она его поняла, вопрос-то был не просто больной, а воспаленный, Матвей тысячу раз жаловался на тяготы постылой кабинетной службы. Но у женщин свой склад ума, свое восприятие семейной жизни, женщины осторожнее мужчин, они не склонны рубить сплеча, поддавшись минутному настроению. Варя ласково взяла его руку, давая понять, что созвучна с ним, о чем-то поразмыслила, потом сказала:

— Но надо бы все-таки взглянуть на этот коровник-заводик. Что там?

— Зачем, Варя? Зачем? Песня совсем не о том. Я же не условия для работы ищу — образ жизни меняю. С чистого листа готов начать. И он, насколько я понял, не мухлюет, сам сказал. Это важно.

— Господи, нашел чему радоваться. Ну, не скажет же он тебе, что на самом-то деле он шахер-махер. Лучше о другом подумай: придется с заводской техникой разбираться, а в ней ты не силен.

— Варя, дорогая, во-первых, там автоматическая линия, там наладчики будут. Во-вторых, не так уж сложно в технологическом процессе разобраться. А главное... главное в том, что он меня управляющим берет, чтобы «гнать» производство, как раз это мне и по душе. Я ведь в совхозе

не опоросами и надоями занимался, а именно гнал, обеспечивал жизнь хозяйства.

— «Берет»... Ты с ним о деле словом не обмолвился, а считаешь вопрос решенным.

Матвей задумался. Оно и вправду, с чего он взял, что Розальев возьмет его управляющим? Видимо, мечта о том, чтобы сменить кабинетную участь на работу в живой жизни, была так сильна, а случайный шанс столь внезапен и реален, что душой он уже был там, в Батурине. Но, поразмыслив немного, быстро пришел к выводу о разумности своих расчетов: никого лучше Розальеву не найти! И не только чтобы «гнать» бизнес. Госчиновник всегда со связями, а нетворкинг — так теперь в интернетах называют полезные знакомства — очень даже в цене. Потому и вцепился. Но при чем здесь Лев Толстой?.. Этот странный Толстой создавал путаницу, сбивал с мысли.

Снова, уже спокойно, изложил Варе свои резоны. На сей раз учел и жизненные перспективы: он снимет в Батурине жилье, домой будет приезжать на выходные — надо же, как кстати купили машину! — теперь это не проблема. Через несколько лет Дениска окончит школу, да и Варе недалеко до пенсии. А там, глядишь, наберем деньжат, купим домишко и обоснуемся в Батурине, как Дмитрий с Ульяной. Почему нет? Снова, как в молодости, сесть на землю — это же мечта. Сверчок за печью — боже, какие сладкие воспоминания!

Он чувствовал, что Варя тоже загорается новой перспективой жизни. Однако, в отличие от него, не размечталась, глупостями вроде запечного сверчка не увлечена, продолжает осторожничать.

— А как с оплатой? Пока ты вообще ничего не обговорил. Чтобы не получилось, как в детской сказочке. Может, помнишь: в одном тазу пустились по морю в грозу...

— Ну, меньше, чем у меня сейчас, он дать не может, это ясно. Причем сразу, уже на этапе раскрутки, из своих загашников. А когда пойдет производство, тут уж я сам о заработках позабочусь. На этот счет, думаю, не прогадаем... Понимаешь, я вижу, что этот Розальев человек не рисковый, затевает дело спокойное, надежное, на котором не озолотишься, однако и в трубу не вылетишь, завистников не наwerbueшь. К тому же с проблемой отходов мне по работе приходилось сталкиваться, соображаю, где в этом деле тонкие места. Так вот, Розальев сложности стороной обходит, с переработкой органики, где инспекция Роскачества лютует, не связывается.

Они сидели на кухне до полуночи. Сначала умозрительно, хотя и придирчиво, обсуждали разные аспекты возможной новой работы Матвея, потом вьедливо прикидывали, как она отразится на распорядке семейной жизни, а напоследок даже слегка размечтались о чае на завтрашнем дне, который неожиданно, словно по высшему велению, замаячил среди рутины буден.

Постановили: через неделю Матвею ехать в Батурино на переговоры. А завтра они вместе с Дениской отправятся на чаепитие в Староконюшенный. Без визы Кондрата Егоровича такую жизненную суматоху затевать нельзя...

Кондрат слушал их молча, а в душе бушевали эмоции: все сложилось много лучше, чем он мечтал. Как хотелось ему немедленно, ни дня, ни часа не теряя, по-военному объявить семейный сбор, завтра же начав подготовку к широкому застолью, которое «официально» объединит клан Кедровых. Но хотя ему, как говорится, сто лет в обед, он, слава богу, не сдал, старческая слеза не наворачивается, в склонности к умилениям не замечен,

характер по-прежнему твердый, выдержка завидная. Живет по заповеди Штирлица: не надо торопить события. Надо потерпеть, посмотреть, как у Матвея повернется дело в Батурине, тогда и трубить сбор.

Но на самом-то деле так разволновался, что после родственного визита пришлось снижать давление.

13

Неисповедимы пути Господни!

Жизнь полна встречами, по сути, из встреч она и состоит. Если вдуматься, душевный и умственный смысл бытия — это и есть общение с себе подобными. Разные они, эти встречи. Зачастую деловые, даже если к соседям за солью-спичками, — тоже ведь дело. Бывают дружеские, семейные, по месту жительства, с сотоварищами по службе-работе, по учебе. Бывают и мимоходные — в метро или в трамвае, в очереди, хотя теперь очередей не стало. Всех изводов общения не упомнишь. Но есть среди них встречи особого рода, примечательные неожиданными судьбоносными последствиями.

Их называют случайными.

Случайная, негаданная встреча — всегда знак, всегда Промысел Божий. И когда говорят, что ничего случайного на белом свете не бывает, в этом суждении есть сермяжная правда; на вопрос, не была ли встреча предусмотрена высшими силами, однозначного ответа нет, ибо неисповедимость путей Господних обнаруживает себя не в миг общения, а много позже, порой совсем в иных обстоятельствах. Лишь начиная вспоминать, что предшествовало встрече, люди с удивлением, а то и трепетом обнаруживают странные события, которые ей сопутствовали. Скажем, по срокам той встречи вообще не должно было быть, но кто-то опоздал на поезд, и именно в тот день все случилось. Другой перепутал маршрут автобуса или пропустил свою остановку, оказавшись в незнакомом месте. Третьему не повезло с погодой, и он изменил свои планы. Таких вариантов немерено-несчитано, их припоминают лишь после случайной судьбоносной встречи. И поневоле задумываются, не ведет ли человека по жизни невидимая рука Промысла?

Не раз об этом и братья Меланины, каждый по-своему, размышляли, потому что жизни свои не планировали, жили по текущим обстоятельствам, все само собой получалось — и удачи, и просчеты.

Так было и с поездкой на Ваганьково, дабы почтить память достоправного Ферапонта Кирияновича Меланина. После знакомства с Журбой, от которого и узнал о знатном надгробии, Терентий задумал поклониться великому, по его понятиям, земляку. Но Москву знал плохо, в названиях улиц-районов путался, к тому же в один день, без ночлега путешествие в столицу не осилить. И позвонил брату:

— Вот что, Арсений, надо нам побывать на Ваганьковом кладбище. Сказали мне, есть там захоронение Ферапонта Меланина, земляка нашего знаменитого. Памятник богатый. Ты в Москву часто мотаешься. Сроки подгадаем, сойдемся и навестим могилку. Номер в отеле закажешь на двоих, чтобы мне переночевать.

И попал в жуткую, матерную нервотрепку, чуть с резьбы не соскочил.

Арсений, ясное дело, согласился, про Ваганьково они сговорились быстро. Но когда начали сроки подгадывать, тут и началось. У него то одно, то другое: то суд, то расчет страховки, то осмотр места случая, то встреча со страховщиком — короче, то понос, то золотуха, то ладно, то пусть.

В Москву либо всего на день летит, либо график деловых встреч неизвестен. То спиной повернется, то задом — вот и пойми его.

Терентий замучился дату согласовывать, не его профиль, в тайге искусству коммуникаций не учат. Готов был брата подальше послать, да куда дальше, если он оттуда? Кабы не мать, которая сердечно одобрила желание сыновей поклониться Ферапонту Кирияновичу, бросил бы это дело. А вдобавок, покрутив проблему в голове, сообразил, что без Журбы могилу Ферапонта им не найти. Пришлось договариваться с Алексеем. И ох, до чего же сложным оказался треугольничек Батурино — Питер — Малаховка, ядрёно, однако. Но однажды, когда уже и не верилось, все сошлось, и они назначили встречу в три часа дня у метро «Новослободская», чтобы оттуда на такси рвануть к Ваганькову.

Терентий с утра побрился, приделся по-городскому, уже начал собираться на автобус — но вдруг звонок: ночью в Малаховке случилась авария на теплотрассе, сын отлучиться не может, а без него Журба на кладбище не едет. Пытался уговорить, но он — ни в какую! Для него перенести поездку на завтра — раз плюнуть, он же не понимает сложностей меж недружными братьями, не знает, что Терентий из кожи вылез, горло надорвал, увещевая Арсения, у которого свои дела-заботы.

Но так или иначе, пусть на день позже, все же состыковались разнородцы у московского метро.

Но Терентий с Арсением договорились прибыть на полчаса раньше, отношения выяснить. Как положено, попеняли друг другу на бестолковость, потом Терентий, который не желал терять лидерство, стал объяснять:

— Мы с тобой жизнь через разные окуляры видим. Ты через призму смотришь, а я ее в лупу разглядываю. У тебя она искривляется, а мне такие подробности видны, какие тебе невдомек. Ты по новой профессии сиюминутным по горло занят, а я, в одиночестве по лесам шатаюсь, умом в завтра заглядываю. Оттого и злой, что вижу то, чего тебе не видно. Мы с тобой не соприкасаемся, как реки и степь.

— Чего-чего?

— А того. Умный, а не схватываешь, что в России реки с юга на север или с севера на юг текут, по меридианам. А степи, они с запада к востоку тянутся. Ладно... Скажи-ка лучше, как жизнь.

— Ну, что сказать? Кручусь, каждодневно новости да новшества. Поэтому долго и не мог вырваться. А по-крупному без перемен.

Терентий еще не отошел от поучающего тона, сразу вцепился:

— У тебя дикция страдает, мне она уши трет. Я не понял — без перемен или бес перемен. Одна буква, а смыслы противоположные. Так ты о чем? — Не ожидая ответа, снова перекинулся на житейское: — А ты, гляжу, слегка раздался, правда, не в плечах, а в талии. Лишнего возжираешь?

Арсений понял настроение старшего брата, но не стал пикироваться. Не тот сегодня день, чтобы собачиться. Приобнял за плечи:

— Ладно, Теря. Скажи лучше, что за люди, которых мы ждем.

Терентий едва успел объяснить, как появился Журба с сыном. И все пошло по накатанной.

Высокое массивное надгробие раба Божьего Ферапонта Кирияновича Меланина, который, согласно выбитой на граните эпитафии, жил честно и достойно, братьев уважило до великого почтения. Несколько минут молча стояли они у могилы, осознавая свое родство с человеком, чье имя сохранено на века. На знаменитом кладбище! Да, документами кровные узы не подтверждены, но какое это имеет значение, если однофамильцы из одной деревни; наверняка пращуры общие.

Терентий, который считал себя затейщиком московской экспедиции и верховодил, пнул коленом калиточку в низкой чугунной ограде — с узором, кованая! — и она на удивление легко открылась — выходит, такой металл, петли не ржавеют. Вошел, провел пальцем по гладкой стороне надгробия:

— Гляди, сколько пыли, сто лет не обтирали... Если помыть, он засверкает.

— Надо бы сходить в контору, нанять уборщицу, — откликнулся Арсений.

— Это что же, четыре здоровенных мужика, и не можем справиться? Смотри, люди сами ладят.

Через могилу от Меланина девушка с ведром мыла надгробие, а рядом о чем-то переговаривались двое мужчин, пожилой и середовой, похоже отец и сын.

— Постой, постой... Да ведь я его знаю, это же наш, батуринский. — Быстро шагнул к ним, воскликнул: — Дмитрий, вот это встреча! Какими судьбами?

Середовой удивился, поручкался с Терентием.

— А у нас тут родственная могила. Ферапонт Кирияныч Меланин. Великий человек прошлых веков.

Дмитрий подошел к надгробию, прочитал эпитафию:

— Надо же, мы каждый год точно в этот день, по традиции, прибираем наше, родственное, а ни разу этот знатный памятник не осмотрели. Отец, глянь!

Подошел пожилой, степенно представился:

— Кедров Кондрат Егорович.

— Дмитрий наш новый сосед в Батурине, — бросился объяснять Терентий ничего не понимавшим спутникам. — С Алешина бугра. Сколько ты лет у нас? С конца девяностых или раньше?... — Повернулся к Кедрову. — Мы все по крови меланинские, пришли великого земляка почтить.

Впрочем, долго балаболить Терентий не стал, верховодство требовало действий, и он перешел к делу:

— Мы-то без оснастки прибыли, а у вас, гляжу, ведро есть. Может, мы его арендуем? — Кивнул в сторону девушки. — Где воды взять, она подкажет?

— О чем речь! — отозвался Дмитрий. — Алена, когда управишься... А у вас кто этим делом займется? — Посмотрел на Ферапонта. — Он?

Терентий, окончательно вошедший в роль коновода, воскликнул:

— А ты знаешь, как этого добра молодца зовут? Ферапонт! Правнучатый племянник, не иначе.

Но тут в разговор вступил Кедров:

— Вы все москвичи?

— Ни одного! Я из Батурина, он из Питера, а эти, отец с сыном, из Малаховки. Сто лет не могли кучей собраться, каждый в своих делах. Сговорились на вчера, а у этого, у Ферапонта, в Малаховке авария на теплосетях. Чудом сегодня удалось сгрудиться.

— Я у Дмитрия на Алешином бугре бывал, место не рядовое, обзорное. Вы рядом живете?

— Да ведь дом тоже у Меланиных куплен. В Батурине все Меланины. А вы, судя по могилке родственной, москвичи?

Кондрат не спеша начал излагать свою обскую родословную, а Дмитрий помахал рукой Алене: иди сюда. И когда подошла, сказал вполголоса:

— Покажи ему, — кивнул на Ферапонта, — где набрать воды. И ведро подари.

Когда они вернулись, Ферапонт сразу взялся за дело. Неугомонный Терентий, схавший на восклицаниях, взбодрился:

— Смотри-ка, в резиновых перчатках! Шустрый малый, успел купить.

— С ведром подарили, — отмахнулся Ферапонт.

Вскоре Кедровы распрощались, со своей родственной могилой попрощались и отбыли. А Меланины еще долго дивились неожиданному подспорью. Но на выходе с кладбища возник практический вопрос: Терентий, как обычно, провел пробу отопления в доме, а система барахлит, надо купить нужную деталь. Где магазин сантехники?

И тут в разговор вмешался Ферапонт: что барахлит, какая нужна деталь? И, выслушав жалобы, вынес вердикт о бесполезности частичной починки:

— Судя по «симптомам» в кавычках, надо с вашей отопительной системой разбираться основательно. Возможно, придется ставить дополнительный бачок для воды. Очень грамотно вы летом пробную топку учинили, такие дефекты выявили, что зимой могли батареи заморозить.

А в ответ на растерянные охи-ахи Терентия предложил:

— Тут вот какое дело... В августе у меня отпуск. Могу к вам припожаловать да подремонтировать, это моя специальность. Но... тогда уж придется весь отпуск в Батурине провести. Примете?

Старший Журба так удивился, что тоже не обошелся без восклицания:

— Ты же в Анапу собирался! Вчера вечером, когда с аварии явился, заявку на бронь в отеле отправил.

Но Ферапонт стоял на своем:

— Отец, ты же помнишь Алешин бугор. Сам среднерусским красотам дивился. Вот я и передумал с Анапой, хочу в Батурине отдохнуть. Глядишь, Терентий в леса меня брать будет...

14

Тот воскресный день навсегда остался в памяти Алены.

Утром, наскоро перекусив, они с Трофимычем рванули к метро «Каширская», где их ждали Буцдарин, Карагач, а главное, Томулец на своей издаваемой «копейке». Он-то и придумал эту эпопею: порознь собираем грибы, а потом каждый пишет рассказ — свою историю о грибной охоте; победитель получает бесплатное пиво — сколько выпьет.

Предварительные дебаты, само собой, шли в основном о сопутствующем пикнике на обочине — сугубо литературная тема, Стругацкие. Но Томулец выступил категорически против, ибо на трассах за рулем не злоупотреблял, и предложил другой вариант, тоже связанный со словесностью: подвал сетевой забегаловки «Му-му» на Старом Арбате, Тургенев.

А по пути к серпуховским лесам, которые Томулец величал светлыми и где он знал грибные места, еще один спорный вопрос зацепил Карагач: «Что значит “своя история”»? Литература призвана, перекрывая шум времени, через художественные образы отражать эпоху, ее святая задача — правдоискательство». Но его быстро заткнули, напомнив слова одного из нынешних писательских то ли столпов, то ли авторитетов Варламова: «Нужна красивая, хорошая история, и всё».

Впрочем, за полтора часа безостановочного трёпа наговорено было много и других непреложных истин, будораживших литературную тусовку. В четыре голоса, включая шофера, поименно крыли новых литературных бонз, служащих лакеями — нет, не при власти, а лакеями финансово сильных мира сего, о коих еще Маркс писал. Костерили обилие фило-

логических романов, этих книг о книгах, которые проворно выстукивают на клавишах, отрывая задницу от стула только для того, чтобы получить очередную премию. В этой связи энциклопедист Буцдарин, нафаршированный цитатами и немислимым числом всевозможных сведений, вспомнил признание такого литературного воротилы, как Басинский: «Я смеюсь над вдохновением. В прозе оно не нужно, это работа». Трофимыч, как обычно, страдал за актуальную литературу, утверждая, что вся остальная не вызывает раздумий, не будит чувств, а в лучшем случае только впечатляет, и печалился об отсутствии писательского интереса к реальности:

— Это же воистину бич современной словесности!

Но с особой страстью гневались на власть, которая отвернулась от литературы, отдав ее на растерзание внутренним литэмигрантам, погромщикам русской истории, а также певцам гениталий, пишущим не об отношениях, а сношениях персонажей, и авторам, охочим до некрофилии и гадких физиологических подробностей. И вообще, ныне преуспевают только литмастера на все руки, а власть на сей счет либо мычит что-то невнятное, либо вообще молчит.

По этому поводу Буцдарин одарил общество, набившееся в тесную «копейку», знаменательными сведениями:

— Представляете, хоронили великого Леонида Леонова, и из государственных мужей никто на прощание не прибыл! Соболезнований не было... Это же приговор властям предрежащим! Презрение потомков себе гарантировали... Большой генсек ЦК КПСС Черненко, и тот счел нужным выступить на пленуме СП, когда было пятидесятилетие.

— Господи, нашел кого поминать!

— Да не в нем дело, речь о внимании власти к писателям, к литературе! Каким тиражом был издан первый том Собрания сочинений Некрасова? Триста тыщ! А последний, после перестройки? Ты-ся-ча. Одна тысяча! Ну о чем говорить?

За спорами-разговорами время пролетело незаметно, что и подметил Карагач, когда проезжали мимо таблички «Мячково», деревни, которую Томулец объявил целью путешествия. Буцдарин откликнулся и на сей раз, похвалив Карагача за хорошее знание литературных банальностей.

Проехав еще с километр в сторону Серпухова, припарковались на обочине, вытащили из багажника грибные корзины — всех поразила причудливо-изысканная корзина Карагача — и договорились: разбегаемся в разные стороны, собираемся через три, максимум четыре часа. Адью!

Лес и верно оказался чудесным: березняки, осинники, иногда клены, изредка дубы. А уж какой пышный подлесок! Орешник, боярышник, порой заросли дикой малины... Томулец не сочинил — грибные места! Алена с Трофимычем никогда по лесам не шастали, в первый миг растерялись, но быстро обзавелись корявыми палками, чтобы ловчее шуровать в траве, и с радостными воплями срезали подосиновики. А уж когда напали на полянку лисичек, восторгам не было предела.

Но кто по лесам бродил знает, что гриб коварен. Он то вправо потянет, то влево, то впереди замаячит, то назад позовет — иначе говоря, блуждать заставляет. А блуждания в чужом лесу рискованны, опушку не сразу сыщешь, да и та ли это опушка, откуда в чашу вошел? Поначалу-то они прислушивались к шуму дороги, но в ажиотаже грибной удачи обо всем позабыли и очухались лишь тогда, когда устали и принялись выглядывать местечко для отдыха.

Первой спохватилась Алена:

— И в какую сторону нам теперь идти?

Трофимыч весело вскудрявил шевелюру, огляделся:

— Мы откуда сюда пришли? Оттуда? — показал рукой непонятно в какую сторону. — Значит... Значит...

Алена поразилась тому, как изменилось его лицо: резко, вдруг. Не только в том дело, что он побледнел, — она никогда не видела, чтобы люди бледнели мгновенно, — но расширились глаза, дрогнули губы, приоткрылся рот. Мелькнула странная мысль: «Вот оно, живое воплощение испуга!» А Трофимыч, не скрывая растерянности, залепетал:

— Алена, я не знаю, куда идти, это не шутки, мы заблудились... Тут можно плутать до ночи... Не смертельно, это Подмосковье, нас найдут, но ночевать в лесу...

— Ну мы же не будем стоять на месте. Давай искать, надо услышать шум дороги.

Он обреченно кивнул, жестом пропустил Алену вперед, взял у нее корзину, давая понять, что пойдет следом, и промямлил о готовности поступить в ее полное распоряжение.

Между тем дело и вправду завязывалось нешуточное. Про грибы Алена сразу забыла, смотрела не под ноги, а вперед, пытаясь запомнить приметные деревья: тысячу раз читала в книгах, начиная с детских, что заблудшие в лесу почему-то ходят по кругу и надо избежать этой напасти. Пройдя метров сто в одном направлении, резко сворачивала и снова чуть-чуть слушала лесную тишину — слава богу, ветра не было, — не слышен ли звук мотора.

Полчаса безрезультатно и, возможно, все-таки кругами блуждали они по бесконечному лесу. Трофимыч словно в рот воды набрал, потом объяснял, что не хотел отвлекать ее от поисков выхода из тупиковой ситуации. Но усталость брала свое, Алена поняла, что надо отдохнуть и пораскинуть умом, что делать дальше. Увидела невдалеке прямую высокую липу, неизвестно как попавшую в это разнородное, подошла и плюхнулась у ее подножия.

Трофимыч присел рядом, начал бубнить, что, если они выберутся отсюда, надо поднапрячься и купить сотовый телефон. А Алена, закрыв глаза, прикидывала, не двинуться ли напрямую. Рано или поздно куда-нибудь да выйдем.

Поднялась и снова пошла сама не зная куда.

Поблуждав еще минут десять, опять увидела ту мощную липу и окончательно уразумела, что они ходят по кругу. Это была катастрофа, чуть слезы не навернулись. В отчаянии подошла к дереву, чтобы снова отдохнуть, и с удивлением поняла, что они сидели не здесь.

Это была не та липа!

У сильных натур — а Алена из Кедровых, дед Герой! — в роковые минуты случаются внезапные озарения; без раздумий и анализа, в мимолетный миг умеют они найти ответы на угрозы тяжких обстоятельств. Позднее Алена много раз пыталась себя, как ей удалось вдруг — да-да, вдруг! — разгадать тайну тех могучих лип, и не могла понять, как это случилось. По наитию? Нет, интуиция здесь ни при чем; наверное, где-то в глубинах мозга хранилось когда-то читанное, и в пиковый момент память мгновенно выдала самое нужное. Но так или иначе, а тогда, в лесу, она сразу поняла, что надо делать.

Обернувшись, искала взглядом ту, первую липу — и нашла! Затем мысленно проложила прямую между двумя лесными гигантами и по этой прямой решительно устремилась вперед. Сердце колотилось и от вспыхнувшей надежды, и от страха ошибки. Идя напролом, руками раздвигала ветви мо-

лодого орешника, чтобы не сбиться со спасительного курса. И — о Господи! — шагов через пятьдесят, а может быть, сто — Алена не считала — она углядела среди светлой листвы темный толстый ствол еще одной высоченной липы.

А сразу за ней открылись взгляду кирпичные развалины.

К этой разрушенной временем старой барской усадьбе и вели остатки липовой аллеи вековой давности.

Обошли вокруг развалин и оказались... на деревенской улице. В ближайшем огороде копошилась женщина, и воспрянувший духом Трофимыч спросил через штaketный забор:

— Скажите, как пройти к шоссе?

— Идите прямо, на другом конце деревни к ней и выйдете, — махнула она рукой.

— А деревня как зовется?

— Мячково.

Стало ясно: в лесу они сделали большой крюк и вышли к задам Мячкова, которые когда-то, до прокладки асфальтовой шоссе, были фасадом, — туда и вела липовая аллея, давно утонувшая в глухом лесу.

Через пять минут быстрого шага уперлись в трассу. А спустя десять минут бега легкой трусцой увидели на обочине «копейку», вокруг которой топтались Томулец, Буцдарин и Карагач.

Обратная дорога началась шумно, грибники хвастались трофеями. Но всех перекрыл восторженный голос Трофимыча, который в лирическом угаре эмоционально повествовал, как они с Аленой заблудились, как увидели старую липу и гениально сообразили, что это остатки традиционной липовой аллеи, которая сто или двести лет назад вела к старинной барской усадьбе.

— Он уже написал свою историю, — флегматично заметил Буцдарин.

— Выдумал от начала до конца, — уточнил Карагач.

— Зато какая фантазия! — воскликнул Томулец.

Но Трофимыч был в ударе. Смакуя, как блистательно они с Аленой разгадали тайну огромной вековой липы, росшей среди малорослого орешника, он творчески развил мысль о деревьях-великанах, которые возвышались над рядовым лесом, указывая путь. И под эндшпиль горячего монолога воскликнул:

— Ну как вы не понимаете! Это же символы! Пушкин... Достоевский... Шолохов... Леонов... Вот они, гиганты русской литературы, высящиеся над безбрежьем нашей словесности, указующие путь нам, их потомкам!

На подъезде к Москве заиграл «Катюшу» сотовый телефон Томульца. Судя по его возбужденным репликам, звонок был неожиданным и приятным.

— Какими судьбами? Ты в Москве?.. Неужели? Да ну-у? Вот это да! Поздравляю. Слушай, мы хорошей компашкой сейчас завалимся в «Му-му» на Старом Арбате, подваливай к нам... Напротив театра Вахтангова. Метро? Можно с «Арбатской», можно со «Смоленской»... До встречи. — Распрощавшись, объяснил: — Это Миша Сергейцев из Мурманска, отличный парень и критик неплохой. Знаете, почему в Москве? Завтра летит во Владивосток, представляете? У него мохнатая рука в статусной обойме, вот ему и подбросили командировку с билетами за мульт. Мечта! Он их нахваливает, книгу про них издал. Вернее, так: он писал, а уж издать-то... Сами понимаете. Там, братцы, все схвачено. Улицкая говорит: «Лена Шубина». «Лена»! А эта Шубина в издательствах главная воротила.

В «Му-му» официантов нет, самообслуживание, каждый берет по своему карману. Но решили не выпендриваться, однако и не мелочиться: что взял Томулец, тем и остальные загрузились, обязательно с фирменным стаканчиком фруктовой воды. И с подносами спустились по крутой лестнице в подвал. А там — садись за любой стол, полумрак, уютно.

Первым делом опрокинули по фруктовой, опорожнив стаканчики, и Карагач извлек из плечевой сумки крепкое, извинившись, что оно по обстоятельствам места и времени не запотевшее. Разлив всем, кроме Алены, которая отказалась, спрятал бутылку, чтобы на дружескую компанию не настучали уборщики посуды, коих здесь обзывают клиринг менеджерами, по поводу чего мастера русского слова вдоволь поплевались в адрес хозяев забегаловки.

— Ну что, за наш кустарный промысел? — провозгласил Томулец. — Хорошо сидим.

— За мыслящее сословие, — уточнил Карагач.

— За тяготы сочинительства, — выпив, крикнул Трофимыч.

Изголодавшаяся компания уткнулась в тарелки, и чувствовалось, что каждый готовится «выступить» то ли со своей душевной болью по поводу нынешнего литературного безвременья, то ли с мистическим прозрением относительно будущего русской литературы. Алена, не впервые принимавшая участие в таких дружеских трапезах, неплохо знала их тематическое меню и всегда с удовольствием слушала залиvistый писательский трép непризнанных гениев об изъездах текущей духовной жизни. Солировать, как обычно, предстояло Буцдарину.

Однако на сей раз сценарий оказался иным. К прениям компания приступить не успела: по лестнице в подвал спустился молодой человек в коричневом твидовом пиджаке, поджарый, выше среднего роста, с короткой стрижкой и волевой фактурой лица.

— О-о! Миша! — радостно вскричал Томулец. — Ребята, прошу любить и жаловать. — С паузой между именем и фамилией, повысив голос и растягивая слог, объявил так, словно представлял шоумена на сцене или боксера на ринге: — Ми-и-хаил Сергей-й-йцев, Мурманск!.. Миша, поднимайся к раздаче, набирай поднос, мы ждем с нетерпением... Обязательно возьми стаканчик фруктовой.

Пока ждали, снова напомнил, что Миша — восходящая звезда литкритики, которую, судя по невиданной для провинциала, да и для нас с вами, командировке на Дальний Восток, литературные вожди, о коих он пишет, начинают пестовать всерьез, многообещающе. А потому он, возможно, знает то, что нам неизвестно, и послушать его полезно.

Сергейцев спустился с подносом более полновесным, нежели у аборигенов «Му-му», а вдобавок с вазочкой фруктовой нарезки персонально для Алены. Едва распробовав закуску, начал вещать:

— Честно говоря, страшно рад, что вы меня сюда затащили. В Москве бываю не так уж редко, но времени в обрез, деловых встреч выше крыши. В Мурманске-то сонное царство, я с местной организацией СПР не контактирую, пустое место, кстати, у них и в центре так же пусто. Чего с них взять, ищут завтра во вчера. Но в столице, помимо них, литературная жизнь бьет ключом, столько ярких имен, что едва успеваю отслеживать их книги.

— А нас не покидает ощущение, что литературное поле сейчас лежит под паром, — возразил Буцдарин. — В каком смысле? Да в прямом. Под паром поле отдыхает, готовится к богатому урожаю в будущем. В будущем!

Но Сергейцев стоял на своем:

— Нет, ребята, не под паром, а под парами. Сейчас новые таланты раскочегариваются, не чета прежним, с советскими корнями, которым пора уходить в осень. И уже не поросль, уже зрелые мастера, в девяностых перехватившие первенство у бывших, ныне вымирающих мастодонтов. Я вчера оформлял двухнедельную командировку во Владивосток, общался кое с кем и в очередной раз убедился, что наша литература в надежных руках. Нет, не перевелись писакки русские — Пушкин, Пушкин это сказал, не я.

— Литературная мафия тоже новая нарождается, на пару с чиновниками, — вздохнул Карагач. — Теперь эта публика во всех премиях журит.

И тут веско выступил Трофимыч. Алена знала, что это его любимая тема, которую он почерпнул в разговоре с Кондратом Егорычем. Но сегодня, против обыкновения, он не ссылаясь на человека, дружившего с Марковым, а говорил от себя. В его устах смена писательских поколений выглядела красиво, и он подцепил Сергейцева, посетовав, что зрелые мастера, о коих он глаголет, — просто шустрые ребята, первыми схватившие тапки после поминок по советской литературе. А талантливые они али способные, а может, и бездари, то бишь примитивные генераторы случайных слов, — сие пока неведомо. Пока ничего стоящего от них не дождались, да и вообще, им, видимо, нечего сказать миру, пережевывают историю да кропают биографии великих либо фэнтези. Козма Прутков писал, что человек неспроста раздвоен снизу, а не сверху. Но про тех, кто в тапках, этого не скажешь, они с двоедумием.

Спич был мощным, и все умолкли, а Сергейцев принялся догонять компанию по части опустошения тарелок.

Тобулец сменил тему:

— Да-а, процесс творчества дело божественное, это как алтарь, с которого возносят проповеди. А сегодня святое дело превратили в средство заработка.

— Здрасьте, забор покрасьте! — возразил Карагач. — Какого заработка? Где он, заработок?

— Теперь уж нет того беспечального писательского существования, как в советские годы, — согласился Сергейцев.

И тут блеснул своими познаниями энциклопедист Буцдарин:

— Ну, насчет нищенского существования есть различные толкования. Смотря о ком речь. Известно, великий либерал Чубайс жгуче ненавидит Достоевского. А кого он привечает? Пермский Иванов — любимый писатель Чубайса. Тот самый, который заявил: «Жизнь в Европе куда нравственнее, чем в России. Нам бы их проблемы». Выводы делайте сами... Могу еще фактиков подбросить. Когда Путин впервые баллотировался в президенты, с кем из писателей он общался? Не помните? А я напомним: провел предвыборную встречу в ПЕН-клубе. Выводы тоже делайте сами. Так что, Миша, кое у кого беспечальность и сегодня в наличии.

— Я вам умный вещь скажу, — проскрипел Карагач. — Теперь все чем-то недовольны. Одному на хлеб не хватает, другой не того цвета авто купил. Есть билет на балет, на трамвай билета нет.

Буцдарин был в своем репертуаре:

— Умом Россию не понять... А я бы Тютчева поправил. Чужим умом Россию не понять, это они в наши ворота не въезжают, а нашим-то с вами умишкам все ясно. И горе-то наше не от своего, а от чужого ума.

Затем разговор перекинулся на привычные темы. Снова судачили о реализме, авангарде, постмодернизме и таких глупостях, изобретенных специально для защиты диссертаций, как метамодернизм, о сатире на стенах сортиров. Пустословили по поводу нынешнего триумфа юрких по-

средственностей — писучая публика! — не понимающих сложностей современного мира. Ругали свору блогеров, коверкающих язык. Крыли кого-то из процветающих, кто устроил в своем опусе парад уродов: «Не литература, а пособие по психопатологии». Другого, который «болт с левой насечкой» и безумно бездумно, но упорото тащит в прозе про унылую пьянь. А еще какого-то бизнесмена от литературы, «севшего» на Рублевку-клубничку. И вообще, президент у нас по образованию юрист, и жизнь устроена по праву, а надо по правде. Азохен вей, и танки наши быстры!

Сергейцев, который понял, что «тут не здесь», ребята зубастые, сбавил тон и, «честно говоря», согласился, что ныне действительно много поточного читива, а среди писателей немало мелкодушных мнимостей, которые едут на коротких мыслях, считая, что усердие все преодолагает. Нам, литературознатцам, это известно. Однако есть, есть все же в статусном слое настоящие мастера, а одного из них, именитого кумира читающей публики, можно аж самому Шолохову уподобить. Так и сказал, вернее, по мнению Алены, сказанул.

Но тут снова влез Буцдарин:

— А ну-ка, кто в двухтысячном получил Букеровскую премию?

Разумеется, никто не помнил ни про двухтысячный, ни про следующие года. Кому дали «Большую книгу» в прошлом премиальном сезоне, только это и памятно.

— Выводы делайте сами, — пел свою арию Буцдарин. И, обращаясь к Сергейцеву, с патетикой произнес: — В вашем статусном слое дельцов полно, деятелей не видно! Они не на своем месте. Единственный, кто уж точно на своем месте, — эпохальный стихотворец Улюкаев.

Но Томулец, видимо, имел виды на Сергейцева и между делом попросил его прочесть отрывок из своей повести, опубликованный в «ЛГ». Тот лениво, уклончиво отмахнулся:

— Ладно, гляну...

Непривычно долго помалкивавший Трофимыч вдруг встрепенулся, поднял очередной стаканчик из-под фруктовой, воскликнул:

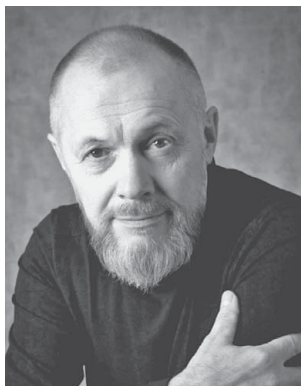
— Друзья! Мы не вправе забывать, что мир ждет русское слово! Настает время и бремя смыслов!

После такого громкого провозглашения говорить было уже не о чем. Начали собираться...

Утром Трофимыч ускорился по делам, а Алена неторопливо собрала вещи — они уместились в большую сумку — и отправилась на Мичуринский проспект, домой. Оставила на столе записку: «Остаемся в друзьях, живем порознь».

Окончание следует.

ВЛАДИСЛАВ ПОПОВ

ШИПОВНИК ПЛАКАЛ...

Сад

Золотые прозрачные блёстки
Здесь и там на перильцах висят.
Только треск одинокой стрекозки
Потревожит взволнованный сад.

Он еще весь дрожит, как в ознобе,
После вьюги всей грудью дыша,
А уж осень опушкою бродит,
Сарафаном по листьям шурша.

Дождь прошел. Свежим лаком скамейки
В мягких сумерках тускло блестят.
Мы по старой и смятой аллейке
Убегаем, влюбленные, в сад.

В эти тихие сумерки года,
В этом шорохе, шуме листвы
Сумасшедшей стрекозкой природа
Нам стрекочет всю ночь о любви...

Владислав Владимирович Попов родился в 1961 году в Архангельске. Окончил историко-филологический факультет Архангельского государственного педагогического института. Поэт и прозаик.

До 2016 года работал педагогом в сельской школе в Пинежском районе Архангельской области.

Автор поэтических сборников «Времена года» (2001), «Встреча» (2006) и «Тихие сумерки года» (2011), а также первой книги прозы «Ворота в синее поле» (2018).

Рассказы и повести публиковались в журналах «Парус», «Русское воскресение», «Российский писатель», «Слово Русского Севера», «Вологодский лад», а также в газете «Литературная Россия». С 2010 по 2019 год был постоянным автором журнала «Двина».

Руководитель архангельского регионального отделения Союза писателей России.

Живет в Архангельской области.

* * *

Расчесаны травы сентябрьским дождем —
 Серебряный ветер трудился без меры.
 Шуршал и потрескивал óвечер дом,
 Нашаривал кто-то шатучие двери.

И брякало тихо дверное кольцо —
 Там кто-то всходил на пустое крыльцо.

И, спать собираясь, зевало окно,
 Привычно задерживалось занавеской,
 Катилось безвольно из рук веретно́,
 Застежка рвалась нечаянным треском.

Катилась застежка под шкаф, под диван.
 И гасли, вздыхая, дремотные звуки.
 И бабочка билась в граненый стакан,
 И звали, и маялись впотемне руки...

Осеннее

Крыша прохудилась — тазик подставляю.
 Слушаю, как ночью каплет с потолка.
 Вот и осень в доме, темная такая,
 Возле люстры бродят, хмурясь, облака.

Беспокойно листья катятся по полу.
 Шелестят страницы заспанных газет.
 Снова осень в доме. В темном коридоре
 С зонтиком дырявым топчется рассвет.

В сумерках на кухне лампу зажигаю.
 Буднично и скучно падают слова:
 Починить бы крышу — раз нужда такая,
 Привезти из лесу по́ снегу дрова.

Я брожу по дому, затопляю печки.
 Из рожка плюется чайник на плите.
 Надо бы с соседом добрести до речки,
 Переставить лодки по большой воде.

Переставить лодки, занести моторы,
 Посидеть на лавке. Выпьем? Наливай!
 Та же осень в доме. Те же разговоры.
 Та же речка бьется о песчаный край.

Спуск лодки на воду

Взболтано солнце в холодной воде —
 Ветер взбивает, как венчиком, волны.

Плещутся, мечутся и в толкотне
Льдины проносятся роем проворно.

Всюду шуршат, прилипают к шестам,
Салются, тают и, в салки играя,
Солнцем сверкают, и больно глазам.
Что это? Слезы глаза застилают.

Ивы струятся веселой волной.
Снег пробудился и дышит, и тает,
Синий сосудик студеной водой
В льдине надколотой так и сверкает.

Птицы проносятся. Крик. Суета.
Лодку спускаем на берег упорно.
Жерди гремят, по камням тарахтя,
Под ноги лезут, как просятся, волны.

Всё, отпихнулись! В работу — весло!
Ветер ударит в открытые лица.
В сердце испóлох — нас понесло!..
Сдернуть зубами с руки рукавицу —

И на простор забродившей воды,
Где в синем и белом горбатятся льды!

* * *

Лес опадал, и острый запах
До окон теплых долетал.
Шиповник плакал, плакал, плакал
И пламенел, и созревал.

Оса последняя жужжала.
Пушистым венчиком трава
В окно раскрытое кивала.
Кружилась слабо голова.

И все казалось темным-темным.
Чадили рощи, и во мгле
Порою вспыхивал неровный
Огонь в пузырьчатом стекле.

А дом вздыхал и бредил, бредил,
И волочили тучи дождь,
И гасла лампа у соседей,
И дом нырял в глухую ночь.

И жизнь как будто бы сжималась
До круга лампы на столе,
И с тишиной соединялась
Душа на сумрачной земле.

ВСЁ К ЛУЧШЕМУ...

Светлана Георгиевна Замлелова родилась в Алма-Ате. Окончила РГГУ. Кандидат философских наук.

Автор романов «Блудные дети», «Скверное происшествие. История одного человека, рассказанная им по-смертно», «Исход», философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искарите в XX–XXI веках», книг «Гностики и фарисеи» (рассказы и повести), «Разочарование» (рассказы и фельетоны), «Нам американцы объявляли санкции», «В переплете» (сборники статей), «Французские лирики XIX века» (переводы французской поэзии), «Посадские сказки», «Эдуард Стрельцов: воля к жизни» и др.

Отмечена благодарностью министра культуры РФ.

Член Союза писателей России и Союза журналистов России.

Живет в Сергиевом Посаде.

РАССКАЗ

*К 155-летию со дня рождения
Александра Куприна*

День был чудесным. Поезд медленно, как будто растягивая удовольствие, подползал к Киеву. И за окнами, утопая в солнечном свете, проплывали дачи, сады, домишки простого люда, казавшиеся ему необыкновенно уютными. Фруктовые деревья уже сгибались под тяжестью плодов. Мир вокруг выглядел изобильным и счастливым, потому что и сам он был счастлив и преисполнен лучшими чувствами — любовью, нежностью, предвкушением еще большей радости и волшебных перемен, верой в свою звезду и неприменный успех. Каждую минуту он думал только о Верочке. Даже если мысли его были заняты другими предметами, все равно Верочка не исчезала, но как будто отходила ненадолго в сторону, позволяя и другим образам проплывать перед его мысленным взором и оставаясь при этом где-то поблизости...

Шел уже третий год его службы в Проскурове. И подпоручик Куприн успел утратить иллюзии в отношении армии, полковых романов, провинциальных балов. Хорошо, наверное, быть гвардейским офицером и получать приглашения на балы... да вот хотя бы в Юсуповский дворец на Мойке. Но офицерское собрание в Проскурове, спивающиеся офицеры, дамы, увлеченные шашнями с очередным сослуживцем мужа... Нет уж, прошу покорно. Конечно, он явится и на этот бал. Просто потому, что идти больше некуда. К тому же он вовсе не был готов стать белой вороной, противопоставив себя местному обществу. Но никаких ожиданий от этого бала, никаких надежд на него быть не могло у подпоручика Куприна. Впрочем, человек предполагает, а Бог располагает...

Среди съезжавшихся дам, среди знакомых, малосимпатичных и по-

рядком надоевших лиц вдруг мелькнуло новое лицо. Как если бы в увядающий букет кто-то вложил свежий, нераспустившийся и благоуханный цветок. Яркие, не раз перелицованные платья, поток заношенных кружев, косынок, шарфиков, облезлых боа, рюш и шалей и вдруг — белое простое платье, чистое, свежее и как будто источавшее сияние. Даже не разглядев толком лица хозяйки белого платья, подпоручик заволновался и впился глазами в это светящееся, как ему казалось, пятно, а в следующее мгновение, словно в атаку, выдвинулся ему навстречу, не глядя ни на кого и довольно бесцеремонно раздвигая толпившихся дам.

— Подпоручик Куприн, — слышал он как будто сквозь туман, — qu'est que c'est?

Наконец та, к кому он стремился, повернулась, и глаза их встретились. Он никогда прежде не видел эту высокую, тоненькую девушку с фарфоровой, нежно-розовой кожей, с широко распахнутыми, немного испуганными васильковыми глазами. Каштановые волосы были собраны в высокую прическу, только на виски выбивались тонкие вьющиеся прядки, а на шею — маленькие плотные завитки. Несколько мгновений она смотрела на подпоручика, и ему захотелось думать, будто синие глаза говорят: «Ах, спасите меня. Я никого здесь не знаю и ужасно боюсь». И несмотря на то что ничего подобного девушка в белом платье не говорила, он немедленно преисполнился решимости спасти и оградить загадочную незнакомку от всех возможных и невозможных напастей.

Когда он подошел, загадка разрешилась, но чары, под которые он попал, заметив только ее платье, не развеялись. Оказалось, что незнакомку зовут Верой Ильиничной Бутынской, что она младшая сестра жены ротного командира капитана Тучабского. А поскольку жена и свояченица капитана совсем недавно стали сиротами, а свояченица ко всему прочему была еще и несовершеннолетней, то капитан Тучабский был назначен ее опекуном. По этой причине Вера и оказалась в Проскурове, поселившись в семье старшей сестры и своего опекуна.

Весь этот вечер подпоручик либо танцевал с Верой, либо, жадно следя за ней глазами, ждал, когда Вера освободится, танцуя с другими. Несколько раз он ловил на себе насмешливые взгляды капитана Тучабского и недовольные местных дам, ожидавших приглашений, но всякий раз делал вид, будто ничего не замечает.

Танцуя кадрили, он, сам до конца не понимая, зачем и почему, спросил вдруг:

— Вера Ильинична, вы любите ли поэзию... стихи?

Она покраснела незамедлительно, тихонько ахнула и проговорила стыдливо, словно поверяя сокровенное:

— Очень! Очень люблю... — И тут же принялась читать ему из Тютчева:

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом... —

После чего спросила, с надеждой заглядывая ему в глаза: — А вы? Вы любите?

Вместо ответа он тоже стал читать:

Милые очи! Лазурные очи,
Полные детской, невинной мечтой,

В долгие дни и бессонные ночи,
Грустный, все вижу я вас пред собой...

Она слушала, слегка склонив голову и с нежной грустью глядя куда-то сквозь пространство. Окончив читать, подпоручик спросил:

— Вам понравилось?

— Чудесно!.. — прошептала она, подняв на него ставшие влажными глаза. — Чудесно... Чьи это стихи?

Он тут же смутился и стал бормотать, сбиваясь:

— Это... Как вам сказать... Я, видите ли, запомнил, как зовут автора... Но я вспомню... потом...

Она стала читать ему из Пушкина и поведала, что читает стихи своим племянникам — детям старшей сестры; читает им дома по книгам, читает на прогулке по памяти...

— А где вы с ними гуляете? — спросил он как бы между прочим.

— В городском саду. Мы обыкновенно каждый день туда ходим...

С этого момента он потерял нить разговора, потому что услышал самое важное для себя и принялся обдумывать услышанное.

А вскоре выяснилось, что подпоручик Куприн — большой любитель пеших прогулок, потому что не проходило дня, чтобы его коренастую фигуру не примечали в городском саду. И ничего удивительного, что, встречая знакомых, он останавливался поговорить, перемолвиться словечком, — не того ли требуют светские приличия? Впрочем, светские приличия не имеют ничего против, чтобы в случае встречи с добрыми знакомыми на прогулке продолжить — по обоюдному согласию, разумеется, — прогулку сообща.

Сначала Верочка действительно гуляла в сопровождении племянников — восьмилетней Кати и пятилетнего Никиты. И подпоручик Куприн, всякий раз попадавший навстречу, вежливо раскланивался с гулявшими и как бы невзначай присоединялся к ним. Но постепенно выяснилось, что не менее, а может быть, даже и более прогулок с племянниками Верочка любит гулять в одиночестве. И опять как бы невзначай они встречались в саду и под звуки вальса, наигрывавшегося городским оркестром, бродили по дорожкам, не касаясь друг друга. Только ветер доносил до него едва различимый аромат ландыша — ее любимых духов. А если она поворачивала на мгновение голову в сторону, привлеченная чьим-то смехом или неясным шорохом, он успевал украдкой наклониться и вдохнуть запах ее волос, пахнувших, по мнению подпоручика, шалфеем. Эти прогулки стали его сокровищем. Он чувствовал, что душа его, привыкшая сжиматься и прятаться, теперь летит на сильных, красивых крыльях. В другой раз ему казалось, что он словно оттаивает и отогревается после долгих лет стужи. А может, попросту становится собой, уловив возможность сбросить чужую личину?.. Он никогда не ощущал себя счастливым. Судьба словно испытывала его на прочность, посылая то сиротство, то унижения, то горечь чужого хлеба и бесприютство казенных домов. По натуре добрый, чувствительный, нежный, он, как цветок, проросший на гноище, с молодых ногтей вкусил грубость, жестокость, бесчувствие. Одни, вырастая в таких условиях, сами грубеют и ожесточаются, другим же остается втайне страдать и уповать на то, что где-то есть иная жизнь. Не может не быть!

И вот после череды унижений и горестей, влача душное, безрадостное существование среди чужих и чуждых людей, он едва ли не впервые за много лет встретил человека одной с ним породы, повстречал душу срод-

ственную, такую же чувствительную, нежную, мечтательную, открытую возвышенным наслаждениям, томящуюся неземной тоской. Когда он читал ей стихи, она слушала обмирая. В глазах ее он примечал восхищение и вместе с тем сладкую муку — тоску по несбыточному и томление мятущимся, но вполне сложившимся, хоть и не нашедшим своего предмета чувством. Мысль о том, что предметом этим может стать и он сам, вызывала в нем дрожь и заставляла тяжело дышать...

— Вы не вспомнили, чьи это стихи вы читали тогда, на балу? — как-то спросила она, когда они вдвоем шли по дорожке сада, посыпанной свежим песком с берегов Буга. Песок ласково шелестел и мягко сминался под их ногами.

— Вспомнил, — ответил он хрипло. — Но вначале позвольте, я прочту другие стихи того же автора.

— Охотно послушаю! — воскликнула Верочка и опустила глаза, из чего Куприн заключил, что она и сама знает, кто этот таинственный автор.

— О, эти дни! —

начал он читать свои стихи. —

Как тихо и лениво
Они текли! Казалось часто мне,
Что я живу в каком-то полусне,
И поникал тогда я молчаливо,
Безропотно, как ива над водой,
Беспомощной и грустной головой...

* * *

Ему и впрямь казалось, что он живет в полусне, слова эти не были преувеличением или рисовкой. Проскуровская скука, эта сухопарая дама в сером платье, была убийственна и неумолима. Из-за нее стрелялись и спивались красавцы офицеры, подававшие надежды и намеревавшиеся было отобрать у жизни хранимые ревностно блага. Из-за нее мечтательные девушки с солнечными глазами и персиковыми щеками опошлялись, превращаясь в унылых сплетниц и потаскух.

Офицерское собрание — сведенные судьбой люди, не знающие, чем занять вечера, кроме как картами, водкой да и разве что интрижками с полковыми дамами. Интрижками, которые по причине отсутствия любви язык не поворачивался назвать любовными. Такова оказалась армейская служба в действительности и без прикрас, без необходимости совершать подвиги, рисковать ежеминутно жизнью, нести тяготы ради великих целей. И не было в этой службе ни красоты, ни романтики. Только муштра, скука да отупляющее убожество кругом.

Подпоручик Куприн не любил вспоминать свое детство, потому что тягостные чувства сталкивались в этих воспоминаниях и причиняли ему боль. Детство его было чередой неприятностей и горестей самого разного толка. Разлуки, обиды, утраты сыпались ему на голову то разом, то одни за другими, как из разверстого мешка с разным хламом и сором. И самое обидное было в том, что отойти, отскочить от этого мешка никак не удавалось. Вечная, нескончаемая униженность, вызванная свалившейся после смерти отца бедностью семьи, вынужденные скитания по надменным и безразличным благодетелям. Стыд за унижавшуюся мать, принуждав-

шую его целовать ручки ненавистным покровителям и ради их потехи насмежавшуюся над собственным сыном. Стыд за мать, граничащий с ненавистью к ней, и в то же время — жгучая любовь к матери и мечта о семейном очаге. Ее насмешки, воспринимавшиеся как предательство, и вместе с тем — потребность в материнской ласке и даже в дружбе с матерью. Слишком много тяжелых чувств, названий которых он не знал и в природе которых не умел пока разобраться; непосильное бремя для маленького сердца, оставившее на нем глубокую отметину.

Чувства эти давили на него с самых ранних лет, отчего детство вспоминалось набитым кованым сундуком, который приходилось тащить безостановочно, не имея понятия, когда же можно будет передохнуть. Два года в юнкерском училище показались просветом. Жесткая дисциплина и карцер, конечно, никуда не исчезли — да и какая без них армия? Но юнкера Александровского училища слыли красой и гордостью Москвы, у юнкеров был свой негласный кодекс чести. В конце концов, юнкера — это почти офицеры. К тому же два года юнкерства прошли не где-нибудь в забытом Богом Проскурове, а в самом сердце Белокаменной — на Знаменке. Но когда подоспело время распределения, недолгая радость закончилась. Он неплохо учился и даже мог выбирать, где служить. Но служба в гвардии — удовольствие не из дешевых. Да и гренадерские части в губернских городах были не по карману. Оставалось одно — выбирать самый дальний угол, какой-нибудь городишко, о существовании которого он и не слыхивал прежде. Так он попал в Проскуров.

Никогда прежде подпоручик Куприн не был в этом городе. И первое время, как всегда бывает на новом месте, он, захваченный новизной, оглядывался и осматривался. Городок, расположившийся аккурат между Винницей и Тарнополем, оказался заселен преимущественно евреями, ведшими почти всю местную торговлю, владевшими заводами и представлявшими единолично медицину. Все это, конечно, придавало городу свой особенный колорит, недостаточный, однако, для того, чтобы разрушить провинциальную скуку. Единственная мощеная улица, пригодная для прогулок, оживленные торги по пятницам и воскресеньям на площади, вокзал, служивший местом встреч и грёз, — более пойти в Проскурове было решительно некуда. Оставалось еще офицерское собрание, так манившее шпаков. Но самим офицерам было доподлинно известно: ничего, кроме карт и выпивки, в офицерском собрании найти невозможно. Разве что устраивались балы. Но достаточно было двух или трех посещений этих провинциальных офицерских балов, чтобы одичавшие вдали от культуры дамы и кавалеры начали вызывать друг у друга раздражение, переходящее в ненависть.

Вдобавок ко всему город ютился среди черноземов, а это означало, что перемещение по немощеным улицам напоминало что-то вроде скачек с препятствиями и возможно было только в черпатах — огромных уродливых калошах, каких подпоручик никогда прежде и не видывал.

Он провел детство и юность в Москве — в совсем другом мире, со своими устоями и своими привычками. И какой бы тяжелой ни была сама служба, потребность в досуге и обществе невозможно было вытравить из двадцатитрехлетнего офицера-москвича. Никогда еще подпоручик Куприн не ощущал себя таким одиноким. В кадетах он имел друзей, с которыми вырос до юнкера. Но здесь, в этой пыльной летом и непролазной весной и осенью глуши, он был совершенно один, несмотря на то что служил в полку, а не на лесной заимке.

Самым веселым месяцем в Проскурове оказался июнь, когда на торговой площади устраивалась ярмарка и в город съезжались окрестные крестьяне и ремесленники, купцы и помещики. Собирались бродячие актеры, появлялся цирк, устанавливались карусели, открывался зверинец. Проскуров превращался в маленький Вавилон, на стогнах которого смешивались языки и наречия:

— Ты назови настоящую цену! Не голову мне морочь, а цену свою назови...

— Да що ви, добродию!.. Ни разумию, що ви хочити...

— Аф крумэ ферд дублин дэкойным...

Город приходил в движение и гудел на все голоса. Все шинки, все питейные работали с утра до ночи. Очень может быть, что Венецианский карнавал выглядел куда роскошнее Проскуровской ярмарки, но чувства, переполнявшие в июньские дни проскуровцев, ничем не уступали чувствам венецианцев. Однако все проходит, проходила и ярмарка. И Проскуров снова погружался в сонную одурь.

Как и во всех провинциальных городах, расположенных на железной дороге, вокзал в Проскурове и в самом деле был не только местом продажи билетов и бутербродов, но и культурным центром. Два раза в неделю в Проскурове останавливался поезд, идущий в Вену. Поезд стоял десять минут. И эти десять минут были для местных временем, когда сердца замирали от восхищения и зависти. На платформу выходили роскошные женщины, выхоленные мужчины, переговаривались непринужденно, смеялись. Потом ударял колокол, все расходились по вагонам, и поезд медленно уползал. Местные, нарочно являвшиеся на вокзал в эти дни, с тоской провожали глазами огни поезда, жадно вдыхая запахи дорогих духов, долго еще витавшие над путями. И сколько раз подпоручику Куприну хотелось подняться в один из вагонов с этими красивыми и дорого одетыми людьми и уехать куда глаза глядят. И сколько стоило ему усилий удерживать себя от этого безрассудного и опасного шага...

* * *

— Это ваши стихи? — спросила Вера, когда он закончил читать.

— Да, — только и смог он ответить.

— Как вы талантливы! — мечтательно проговорила она. — И как это прекрасно...

Больше всего на свете в ту минуту ему хотелось остановиться, взять ее прохладные пальцы и, сжав так, чтобы не сделать ей больно, сказать: «Вера, я люблю вас, будьте моей...» Но он боялся, что если только осмелится на подобное, то никогда уже после не увидит ее, и молчал.

Впрочем, объясняться все же пришлось. Буквально на другой день к нему пожаловал денщик ротного командира с запиской. В записке капитан Тучабский приказывал подпоручику Куприну незамедлительно явиться для каких-то объяснений. Подпоручик был уверен, что предстоит служебный разговор, и всю дорогу волновался, пытаясь вспомнить свои грехи — не «наследил» ли он в офицерском собрании или на плацу. Но оказалось, дело совсем в другом.

Капитан Тучабский, в отличие от большинства офицеров, жил вполне сносно. В доме, где он квартировал, было несколько комнат, а в комнатах чисто и пахло цветочным мылом. Окна украшались чистейшими ситцевыми занавесками, да и вообще казалось, что всюду светло и прибрано. Все

знали, что капитан человек состоятельный, и недоумевали: что он забыл в этой глуши?

Денщик проводил подпоручика в кабинет и исчез. Капитан сидел за письменным столом, перед ним разложены были какие-то бумаги, которыми он и занимался перед появлением Куприна. Когда подпоручик вошел, капитан поднял глаза и сидел теперь, опершись левым локтем о подлокотник кресла, с затаенной насмешкой рассматривал вытянувшегося перед ним обер-офицера.

— Садитесь, подпоручик, — наконец проговорил он, кивая на диван справа от себя.

Куприн уселся на край потертого кожаного дивана и замер.

— Скажите мне, подпоручик, — помолчав немного и разгладив указательным пальцем усы, сказал капитан, — какие цели вы преследуете, подстерегая в городском саду мою свояченицу?

— Я не... — начал было оправдываться Куприн, но капитан перебил его.

— Не придирайтесь к словам, — поморщился он. — Не в них сейчас суть. Если вам не нравится слово «подстерегая», замените его на любое понравившееся и отвечайте по существу: чего вы хотите от Веры?

— Виноват, господин капитан. Я... я ее люблю.

— Я так и думал, — удовлетворенно отметил капитан. — Продолжайте...

— Это всё, господин капитан...

— Как это всё? — удивился Тучабский. — Что же, вы так и намерены до старости таскаться по саду? Или, может быть, виноват... вы хотите воспользоваться доверчивостью девушки?.. Ну-ну, подпоручик Куприн! Не надо стрелять в меня глазами. Если вы сами ничего не говорите, должен же я как-то разобраться. Но может быть, вы хотите жениться на Вере?

— Я не смею даже мечтать об этом, господин капитан, — почти прошептал подпоручик, багровея и впиваясь взглядом в носки своих сапог.

— Но своими прогулками вы компрометируете девушку, — после недолгого молчания продолжил капитан. — Поэтому вы должны либо прекратить эти встречи, либо сделать Вере предложение. А поскольку опекун Веры я, то ее руки вы должны просить у меня.

Теперь уже подпоручик в упор смотрел на капитана, не веря своим ушам.

— Могу ли я надеяться на ваше согласие, господин капитан? — забормotal он, часто моргая.

— Можете, — спокойно ответил капитан. — Можете. Но при одном условии.

Он поднялся, вышел из-за стола и, жестом велел Куприну оставаться на месте, принялся ходить по комнате, заложив руки за спину. Подпоручик, затаив дыхание, не сводил с него глаз.

— Думаю, вы согласитесь, — заговорил капитан, — что на офицерское жалованье в сорок восемь рублей вы не сможете обеспечить Вере хотя бы ту жизнь, к которой она привыкла. Я уж молчу о вашем нынешнем жалованье и о жалованье, которое ждет вас, стань вы поручиком. Состояния, как я понимаю, у вас нет. Связей тоже нет.

— Точно так, господин капитан.

— Что же делать? — спросил, остановившись, капитан и немедленно сам же ответил: — В вашем случае выход только один: академия Генерального штаба. Вы должны поступить в академию, окончить ее, и тогда я дам вам согласие на брак с Верой...

* * *

С того самого дня его жизнь перевернулась. Теперь у него была цель — академия. И смысл — Вера. И дело тут было не в обычной влюбленности, что вспыхивает то и дело, подобно инфлюэнце. И даже не в том глубоком чувстве, завладевающем душой раз и навсегда. Дело было в том, что до сих пор он ощущал себя глубоко несчастным. Когда мать, насельница московского Вдовьего дома, бывало, приводила его к богатым подругам или родственникам, его встречали красивые, нарядные дети, глядевшие свысока на его бедный, мешковатый костюм, на коротко стриженные волосы и угрюмое лицо. Но ни богатые взрослые, ни их надменные дети не видели, что этот курбатый и насупленный мальчик — самый добрый и нежный ребенок.

Чуткая душа, наклонная к внезапно вспыхивающим, жгучим чувствам — к влюбленности с первого мимолетного взгляда, к острой жалости, вызываемой как обычными, обыденными вещами, так и всевозможными проявлениями прекрасного. Птица, поющая в ветвях, цветок, благоухающий в тени сада, музыка, выпархивающая из чьего-то окна и парящая над городскими улицами, — многое вокруг заставляло его сердце сжиматься от неизъяснимой грусти. Он словно предчувствовал, что все когда-то исчезнет, что тлен всеислен. И этот хоть и неосознанный, но по-своему ощущаемый страх перед смертью отзывался в нем приступами тихой скоропреходящей грусти. «Он у меня такой нежный, такой впечатлительный», — говорила о нем мать.

Трепетная душа, он не то что не был избалован лаской, а сполна познал ее нехватку. С детства казенные стены, грубость, равнодушие, окрики... А как хочется ощутить, что ты нужен, любим, дорог, как хочется слышать добрые слова, чувствовать тепло ласкающей руки. Повзрослев, он стал мечтать о любви к женщине. Он грезил любовью, алкал ее. Но не страсти искал он, не утоления чувственности. Нежность, восхищение, преклонение, чистота... Женщина-цветок, женщина-птица, женщина-музыка — таков был его идеал любви. Он с детства влюблялся, но все это было мимолетно и скоротечно. А ему хотелось с головой окунуться в свое чувство, утонуть в нежности, захлебнуться восторгом. В полку о любви говорилось много. Офицеры говорили с удовольствием, смакуя. Но разговоры их были большей частью циничными до отвращения, от них становилось тоскливо, и приходили мысли, что если уж любовь такова, то лучше вовсе не надо никакой любви. Отношения с женщинами, бесконечные романы были почти обязательны для офицера, почти все заводили интрижки, которыми похвалялись. И он не стал исключением. Но очень скоро он явственно ощутил, что участвует в чем-то постыдном, как будто предал близкого друга, сбыл на толкучке подарок матери, позволил надругаться над сестрой. Стало гадко, тоскливо, противно. И тогда ему пришла в голову мысль, что уж лучше влюбиться в какую-нибудь недосыгаемо прекрасную женщину, в аристократку, в петербургскую княгиню — словом, в такую женщину, взаимность которой была бы для него по определению невозможна. Она бы даже не знала о его существовании и всякий раз проходила бы мимо, не замечая, что он смотрит на нее, любит ее, восторгается... А он бы вдыхал ее запах, ловил взгляд. И кто знает, быть может, ему повезло бы однажды и он поднял бы ее перчатку.

Подпоручик Куприн загорелся этой фантазией, воображая себя то мелким служащим, то журналистом, то артистом цирка... Конечно, все происходит не в Проскурове, но в Москве или в Петербурге. Он знает, где

живет его возлюбленная, и вечерами, невзирая на погоду, простаивает под ее окнами, считая день удавшимся, если в окне мелькнет ее силуэт или, паче чаяния, она раздвинет маленькой ручкой тяжелые шторы и бросит взгляд на улицу, не замечая смешного влюбленного. Иногда он пишет ей письма, говоря о своих чувствах. А иногда, по большим праздникам, посылает милые безделушки. И, будучи уверенным в том, что она выбрасывает и письма, и подарки, он счастлив мыслью, что их пальцы касались одних и тех же вещей. Он был уверен, что эта фантазия покажется глупой кому угодно, но улыбался при мысли о том, что никто и никогда не узнает о его выдумке и что такая любовь на порядок выше и слаще того, что он успел вкусить.

Через год службы вчерашний юнкер Александр Куприн, еще недавно видевший свое пребывание в полку не иначе как череду подвигов во имя царя и Отечества, твердо знал, что офицерская служба, особенно вдали от столицы и губернских городов, это довольно бессмысленная и чудовищно тоскливая в своей беспросветности штука. Но если уволиться со службы, уйти... Куда?! Чем заниматься, чему посвятить себя, как зарабатывать на хлеб насущный? Да и нельзя было уйти, не отслужив обязательные два года за обучение в Александровском училище.

Люди, которых он узнал, поступив на службу, тоже не были похожи на героев и защитников Отечества, какими рисовало их воображение. К удивлению своему, он понял однажды, что офицеры — это по большей части скучающие, живущие без всякого смысла люди, для которых служба становилась порой способом самоутвердиться или возвыситься над ближним. Штатских, или «штафинок», «шпаков», офицеры дружно презирали, как будто право носить военный мундир награждало его обладателя бесчисленными достоинствами. Само собой разумеется, что самоутверждение такого рода не могло удовлетворить даже самого невзыскательного самолюбия. И каждый год в полку непременно кто-то из офицеров пускал себе пулю в голову. Иногда Куприн думал, что все эти люди, как и он сам, явились на службу ради подвигов и героизма. Но время подвигов никак не наступало, и заждавшиеся, заскучавшие люди сами — как могли, на что хватало фантазии — выдумывали себе возможности отличиться. Офицер N — пьяница и редкий сквернослов, офицер X — соблазнитель и донжуан, офицер Y проигрался в пух и должен всему околотку, офицер Z бьет почем зря штафинок... Но за всей этой грубостью, за цинизмом проглядывали глубоко несчастные и неудовлетворенные люди. В каждом из них сохранялось что-то детское, трогательное, что прорывалось иногда наружу, но неизменно заталкивалось в самый дальний угол, а после еще и затаптывалось. Словно то лучшее, что оставалось в них, заставляло смущаться самих себя...

* * *

Экзамены в академию предстояли следующим летом. Слова капитана как будто распахнули перед ним дверь в будущее. И, заглянув в эту дверь, он увидел цветочные поляны, услышал голоса райских птиц. Чтобы переступить порог, требовалось не так уж много. И, не желая терять времени, по возвращении домой от капитана Тучабского он решил в тот же день начать готовиться к экзаменам. Но сначала написал такое письмо: «Милая, драгоценная Вера. Я просил у Вашего опекуна Вашей руки. Он ответил согласием, но поставил условие: я должен окончить Академию Генерального штаба. Связывать Вашей свободы я ни в каком случае не желал

бы. Но если бы Вы дали мне свое согласие, если бы решились ждать меня, я был бы самым счастливым человеком на свете. Ваш А.К.».

Письмо было передано денщику с приказанием отнести барышне. Отправив письмо, он немного растерялся, потому что сообразил вдруг, что согласие капитана — это, конечно, важно, но согласие самой Веры важнее. Не станет же он жениться против ее воли. А ну как Верочка откажет? Тогда на кой ляд ему эта академия? Потом он сообразил, что не написал в письме о своей любви. И так из-за этого разволновался, что не мог усидеть на одном месте и принялся расхаживать по своей крошечной, захлавленной комнатке. В конце концов он решил дожидаться ответа, а уж потом садиться за учебники. Математика, артиллерия, баллистика, тактика, уставы, география, история, французский, немецкий, русский... Повторить и освоить предстояло немало. Но он нисколько не боялся учебников и учебы, хотя бы потому, что окончил юнкерское училище по первому разряду и учился всегда легко. Больше всего страшил его ответ Веры. А если она вообще ничего не ответит? Как в таком случае вести себя? А если скажет, что он ей неприятен или что она не хочет такого мужа? Он так накрутил себя, что не мог спать нормально. То просыпаясь, то проваливаясь в тяжелый, мутный сон, он мучился кошмарами. Вера являлась ему во сне, смеялась над ним и называла лягушонком. Он просыпался в поту и отчаянно пытался понять, что бы значил этот «лягушонок». Потом, переворачиваясь с боку на бок, принимал решение раздобыть наутро какой ни на есть сонник и, бормоча: «То был, друзья, Мартын Задека, глава халдейских мудрецов, гадатель, толкователь снов...» — опять засыпал.

Наутро с заговорщицкой улыбкой, только что не подмигивая, пожаловал к нему денщик Тучабского и передал малюсенький конвертик. Подпоручик сунул денщику заранее приготовленный двугривенный и дрожащими пальцами распечатал конверт. Тонкими прямыми буквами на крошечном клочке бумаги было написано: «Я все знаю. Буду Вас ждать. Ваша В.Б.». Он так горячо начал целовать этот листок, что, как потом заметил, перемазался в чернилах. В тот же день подготовка к экзаменам началась...

* * *

И вот теперь подпоручик Александр Куприн с такой жадностью всматривался в проплывавшие за окнами виды, что можно было подумать, он тщится разглядеть нечто необыкновенное. Но ничего необыкновенного среди белых мазаных хатёнок, непрменных вишневых садков, торчащих тут и там подсолнухов, плетней с перевернутыми горшками не было и быть не могло. Жадность во взгляде подпоручика, нетерпение, с которым он всматривался в окно, объяснялись иначе. Подпоручик Куприн ехал на встречу новой жизни, и Киев был не целью путешествия, но всего лишь промежуточной станцией, остановкой на долгом пути, шагом, сделанным в нужном направлении, а потому приближающим к цели...

— Куприн! — едва сойдя на платформу, услышал он задорный знакомый голос. — Это же Куприн!

Немало удивленный, подпоручик завертел головой, и вдруг взгляд его уперся в компанию из трех человек одного с ним возраста и, судя по знакам отличия, одного звания. Три пары глаз — карие, голубые, серые — весело смотрели на него, искрясь озорно, и в глазах этих он прочел: «Ну, давай же! Признавай скорей! И тогда сдьяволим что-нибудь, отчего и чертям тошно станет!» Первые несколько секунд он, отвесив полную нижнюю губу и округлив прищуренные обычно глаза, смотрел на эту ватагу и не

мог сообразить, откуда он их знает и кто они такие. Ни форма, ни знаки отличия ни о чем решительно не говорили. Но тот, кто первым окликнул его, высокий, скуластый парень, сказал:

— Не узнаёт.

Все трое засмеялись:

— Не узнаёт господин Сердечкин...

И вспомнилась вдруг Москва, морозная ночь, усыпанное звездами черное небо, пар, поднимающийся от лошадиных морд, и весело звенящие на морозе слова юнкера Жданова: «Экий ты брат влюбчивый! Ну одно слово — господин Сердечкин...»

И тогда он узнал. Перед ним стояли и смеялись его однокашники и друзья по Александровскому юнкерскому училищу — Жданов, Венсан и Рихтер.

Он тут же вспомнил, что при распределении эта троица сподобилась быть зачисленной в 132-й пехотный Бендерский полк, стоявший в ту пору в Киеве и славный своими подвигами в Русско-турецкой войне. Впрочем, бог с ней, с турецкой войной, сейчас главное было в том, что они встретились — вот этак, совершенно случайно, в чужом городе, на вокзале. Теплом повеяло от этой встречи, защипало глаза, и захотелось говорить сентиментальные глупости. И конечно же нельзя было просто так взять и разойтись, расстаться, быть может, навсегда. Все это понимали, и киевская троица стала спорить, у кого Куприн останется ночевать. Поскольку Венсан и Рихтер были вынуждены признать, что самая удобная квартира у Жданова, они согласились, что Куприну стоит остановиться у него. Но сначала и всенепременно требовалось отметить такую необыкновенную встречу. И киевская троица вновь принялась совещаться.

Собрались было к Резанову, но тут же сообразили, что далеко.

— Может, в «Олимп»? — как-то неуверенно предложил Венсан.

Рихтер вздохнул и отвел глаза в сторону, а Жданов, не церемонясь и насмешливо глядя в упор на Венсана, спросил:

— Вы, подпоручик, получили прибавку к жалованью?

В ответ Венсан только вяло усмехнулся, а Рихтер сделал вид, что очень интересуется еврейским семейством, проходившим рядом по платформе и что-то громко обсуждавшим. Куприну все эти названия решительно ни о чем не говорили, и он только молча переводил глаза с одного товарища на другого, пытаясь угадать, что скрывается за непонятными словами и жестами. Перебрали еще ряд заведений. Прозвучали названия «Зеленая гостиница», «Встреча друзей», «Капернаум»... Но всякий раз кого-то что-то не устраивало. Наконец Венсан с робкой надеждой в голосе спросил:

— Да может, на баржу?

Тут Жданов и Рихтер оживились, и Рихтер, мгновенно потеряв интерес ко всему, что происходило на платформе, повторил:

— Точно, точно — на баржу!

И за этими словами Куприн услышал: «Как мы сразу-то не догадались!..»

Жданов подхватил купринский чемодан и повел всех на площадь, к извозчикам...

* * *

«Баржа» оказалась самой обыкновенной днепровской баржей, на которой какой-то предприимчивый купчик обустроил ресторан. С реки дул приятный ласковый ветер, чайки без умолку и как будто с радостным воз-

буждением кричали над головами, днепровская волна, причмокивая, ударялась о борт и рассыпалась брызгами, оставляя на ржавом боку старой баржи пенный след.

— Господа офицеры желают завтракать? — подскочил и угодливо склонился молоденький, с заливхватскими черными усами официант-фрачник, препоясанный белым передником.

— Желают! — отозвался довольный Жданов. — Неси-ка нам, братец, пирожков, салатец из осетрины... Ну, графинчик, само собой! А на горячее...

Но не дошло дело до горячего. Словно из-под земли вырос белый мундир околоточного, ступил тяжелый сапог на борт баржи.

— Па-а-апрашу господ офицеров освободить стол! — раздался ревущий, как у соборного протодьякона, голос. — Этот стол уже занят господином приставом.

Стих ветер, смолкли чайки, притаилась днепровская волна, и официант в белом переднике вытянулся в струну, прикрывая живот подносом, как щитом.

— Что-то я не вижу за этим столом ни одного пристава, — заметил Жданов, шуря серые глаза на околоточного.

— Господин пристав сейчас изволят прийти, а потому па-а-апрашу...

— А кто такой этот господин пристав? — спросил Венсан у Жданова.

— А черт его знает! — дернул плечом Жданов. — Какой-нибудь жалкий штафирка...

— Па-а-апрашу не забываться! — встрял околоточный. И, обращаясь к официанту, добавил: — А ты чего, сукин сын, за подносом спрятался? А ну, зови хозяина.

Официант убежал, путаясь в переднике. Внимание посетителей ресторана уже было захвачено назревавшим скандалом.

— Объясните, милейший, — миролюбиво и примирительно заговорил Рихтер, — ну зачем этому вашему приставу понадобился именно наш стол? Для чего этот скандал? Он что же, не может отобедать за другим столом? Ну что такого особенного ваш пристав нашел в нашем столе?

— Господин пристав всегда изволят обедать за этим столом, — свысока объявил околоточный, — и нет основания менять ему свои привычки.

В это время явился хозяин — седой толстяк с пышными и пушистыми усами. И не успел и рта раскрыть, как околоточный прогрохотал ему навстречу, потрясая кулаком:

— Ты, каналья... Не смей принимать заказ у этих... этих офицеров. Господин пристав изволят...

Но никто так и не узнал, чего же на сей раз изволил незримый господин пристав, потому что господин подпоручик Куприн отбросил свой стул, в один прыжок оказался рядом с околоточным, схватил его одной рукой за шиворот, другой за ремень и одним решительным броском прямо с места отправил за борт. Послышался плеск, и баржа качнулась, как будто вздрогнула. Затем наступила тишина, слышны были только крики извозчиков на набережной да цокот копыт. Но когда в следующее мгновение сапог околоточного снова ступил на баржу и все увидели, как с белого кителя тина свисает ключьями, черные шаровары облеплены песком, а из кармана на борт выпрыгивает лягушонок, тишина раскололась и рассыпалась. Хохот, свист, аплодисменты — шум поднялся невообразимый. С берега кто-то засвистел, вездесущие мальчишки заулюлюкали, неизвестно откуда взявшиеся псы подняли лай. А подпоручик Куприн, разумеется, чувствовал себя героем. Когда же покрытый тиной

околоточный принялся как ни в чем не бывало составлять протокол «об утопии полицейского чина при исполнении служебных обязанностей», никто даже не обратил на это внимания. Комическое происшествие придавало теперь каждому его движению смешной и даже нелепый оттенок. И все действия околоточного воспринимались не иначе как часть водевиля. Никто не мог поверить в то, что человек, облаченный в мокрый, облепленный тиной мундир, способен составить всамделишный протокол. А господин пристав так и не появился на барже, и господа офицеры преспокойно отметили встречу, просидев едва ли не до вечера за тем самым столом.

Уезжающий через день в Петербург подпоручик Куприн, казалось, с большим вниманием наблюдает из окна поезда за тем, как белые мазанки сменяются серыми деревянными избами. Но, присмотревшись к подпоручику, можно было бы заметить, что он то и дело расплывается в улыбке, а порой едва удерживает рвущийся наружу смех. Разумеется, не пейзажи вызывали у подпоручика приступы веселья. Стоило ему вспомнить обвешанного тиной околоточного, его снулые после купания усы и обмякшую фуражку, съехавшую набекрень, как смех тотчас начинал kloкотать в горле, пытаясь вырваться на волю.

Только в столице пришлось на время забыть водяного на службе у полиции и вспомнить, что кутёж на барже здорово опустошил карманы. Так что до конца экзаменов придется питаться бесплатным ржаным хлебом и бесплатной капустой в трактирах да колбасными обрезками, припасаемыми обыкновенно бакалейщиками для питомцев своих постоянных покупателей.

Но какое все это имело значение, если экзамены он сдавал на отлично! Даже начальник академии генерал Леер, присутствовавший на экзамене по баллистике, заметил в отношении ответов подпоручика Куприна:

— Отменно! Отменно, подпоручик. Исчерпывающие ответы.

Наконец экзамены были на исходе. Самое сложное — математику и военные науки — он уже сдал, и сдал превосходно. Экзамены по французскому и немецкому языкам тоже оставались в прошлом и тоже с лучшими из возможных оценок. Ни история, ни география его не пугали. Словом, оставался последний и не самый трудный шаг до триумфа и блаженства. Жизнь уже казалась прекрасной, залитой теплом и солнечным светом. Всем прошлым горестям и унижениям приходил конец. Прошрое с его скукой, одиночеством и неустроенностью представало теперь в образе околоточного в мокрой амунии да пучком тины на месте бутоньерки. Будущее олицетворяла Вера — ее васильковые глаза и волосы, пахнущие шалфеем. А кроме того, он не без удовольствия воображал себя с генеральскими лампасами и погонами. И разница между образами прошлого и будущего была столь разительной, что хотелось опять же смеяться.

Но, как это часто бывает, изменилось все в одночасье.

— Подпоручика Куприна к начальнику академии!..

И вот уже он, в полнейшем недоумении, теснимый недобрыми предчувствиями, стоит навтыжку перед генералом, а добрейший Генрих Антонович Леер, сжав губы и сдвинув брови, перебирает длинными, тонкими пальцами бумаги у себя на столе и чуть слышно бормочет:

— Да где же это... Только что тут было... Ничего не найдешь на этом чертовом столе! А, да вот же она!

Он извлекает какую-то бумагу из кипы других бумаг, белой горой возвышающихся над столом. Подпоручику кажется, что у генерала дрожат

руки. Генрих Антонович скользит пальцами по густой широкой бороде и начинает монотонно читать:

— «Приказ командующего Киевским военным округом генерала от инфантерии Драгомирова о воспрещении подпоручику 46-го пехотного Днепровского полка Куприну поступать в Академию Генерального штаба сроком на пять лет за оскорбление чинов полиции при исполнении ими служебных обязанностей...»

Дочитав приказ, Генрих Антонович бросил лист на стол и посмотрел на Куприна, не смевшего пошевелиться.

— Вот так-то, подпоручик Куприн.

Лицо генерала было исполнено такого глубокого сочувствия, такой скорби, что Куприну захотелось разрыдаться на плече у этого доброго человека.

* * *

Все было кончено. Военная карьера его не могла состояться. Но не это, конечно, приводило подпоручика в отчаяние. Вера теперь навсегда была для него потеряна. Не станет же он просить ее и капитана Тучабского подождать еще пять лет. Лучшим исходом виделся ему пистолетный выстрел. И только мысль о матери удерживала его от того, чтобы приставить холодное дуло к виску и нажать на спусковой крючок. Оставаться в части после перенесенного позора он не мог. Но и не возвращаться вовсе тоже не мог, чтобы не оказаться дезертиром и не предстать в итоге перед военным судом. Лучшее, что можно было сделать в его положении, — это уволиться с военной службы и навсегда забыть мечты о женитьбе на Верочке и о генеральских погонах.

Через год он так и сделал, после чего отправился в Киев пытаться счастья. Этот город был ему должен.

Офицер Куприн кончился. Писатель Куприн только начинался. Воистину причудливо переплетаются нити судьбы. Радость ведет к печали, печаль возводит на пьедестал. А главное, в чем едина мудрость народов земли, — всё к лучшему...

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

АЛЬПИЙСКИЕ СНЕГА

РОМАН

Глава тридцать третья **Все еще Вагнер...**

И в таких раздумьях его застал начальник Упродснаба Белоусов, явившийся к нему в кабинет с чудовищным известием:

— Товарищ генерал-майор! Разрешите доложить. Конвой рассеян!

— Что-что?!

— Арктический конвой PQ-17 рассеян немцами.

Очередной конвой ленд-лиза состоял из тридцати трех американских и британских транспортов и двух советских танкеров — «Донбасс» и «Азербайджан». Эта армада везла около трехсот самолетов, почти шестьсот танков, более четырех тысяч грузовиков, более полутора сотен тысяч тонн авиационного бензина и других материалов, включая продукты питания.

Оборудованные аэростатами заграждения, все суда конвоя были защищены зенитными орудиями и пулеметами, которые обслуживались специальными военными командами. В эскорт ближнего прикрытия входили корабли британских ВМС под командованием адмирала Луиса Гамильтона: шесть эсминцев, четыре противолодочных траулера, четыре сторожевых корабля, три тральщика, два корабля ПВО, две подводные лодки, танкер и три пассажирских судна, переоборудованных в спасательные. Эскорт дальнего прикрытия представляла эскадра под командованием адмирала Джона Тови: двенадцать эсминцев, линкоры «Дюк оф Йорк» и «Вашингтон», авианосец «Викториоуз», крейсера «Камберленд» и «Нигерия». Трудно себе представить, как можно преодолеть столь мощное прикрытие. И тем не менее немецкие самолеты, вылетавшие с норвежских аэродромов, и торпедоносцы, выплывшие из норвежских фьордов, сумели совер-

---

Окончание. Начало — № 6–8.

шить чудо — уничтожить корабли прикрытия и заставить конвой RQ-17 рассеяться, то есть всем его транспортам плыть к Мурманску и Архангельску поодиночке.

— Надеюсь отныне лишь на свои жалкие зенитки и милость Божию, — подытожил свое сообщение Василий Федотович. — Америкашки! — воскликнул он. — Дорого им обошлось празднование их проклятого Дня независимости! А немцы — герои. И это нельзя не признать. Совершили такое, что навсегда войдет в историю.

— В голове не укладывается! — Павел Иванович схватился обеими руками за голову, столь же не защищенную от гипертонических атак, как транспорты конвоя RQ-17 от германских подлодок, торпедоносцев и бомбардировщиков. — Дай-то Бог, чтоб хотя бы треть всех транспортов доплыла до Мурманска или Архангельска. Союзнички! Уроды! Что же за день-то такой безумный! Ладно, по нашему ведомству этот конвой не имел такого огромного значения. Но самолеты, танки, грузовики... Все вместе на семьсот миллионов американских долларов. И призвано было обеспечить армию численностью пятьдесят пять тысяч человек. Обвал! Катастрофа! Второй Пёрл-Харбор.

— Хуже, — покачал головой Белоусов. — В Пёрл-Харборе, говорят, большинство кораблей были старые, чуть ли не списанные. Их нарочно подставили под японцев, чтобы оправдать перед своим народом вступление в войну. А тут вся продукция почти с конвейера. День независимости! Я бы сказал, что День независимости от ума.

— Ковбоистая беспечность! — Павел Иванович не находил себе места. Присел на подоконник, вскочил, сел за свой стол, но снова вскочил, подошел к карте. — Где это случилось?

— Вот здесь, — указал Василий Федотович. — В Баренцевом море, южнее Шпицбергена.

— То есть сейчас рассеянный конвой двинется к нашим берегам через все Баренцево море? Весь как на ладони у немцев и без какого-либо прикрытия.

— Наша авиация постарается...

— Мне Арсений Григорьевич сказал, что на этот конвой англичане хотят выманить из норвежских фьордов линкор «Тирпиц», — сказал Драчёв, имея в виду командующего Северным флотом вице-адмирала Головки. — Хороша приманка! Все равно что шуку вместо блесны ловить на «Звезду Африки».

— Это что?

— Самый большой алмаз, он же «Куллинан». Тоже мне устроили рыбалку, сукины дети. Правь, Британия, морями! И американцы болваны. Нашли время веселиться. Перепились небось янки в дудль. Не могли свои виски выпить по прибытии в порт назначения.

— Им, видите ли, день в день подавай. Раздолбай! Вот и воюй с ними бок о бок после этого.

— Да, немцы зверюги, — согласился Драчёв. — Я их грозную статью еще по Франции запомнил. А сейчас они еще больше заслуживают уважения. Такую оплеуху под Москвой получили, французы бы уже лапки кверху подняли, а эти, смотри, прут и прут! Такой конвой раскурочили!

Весь остаток дня он решал неотложные дела и с пылающей головой подсчитывал возможные убытки, намечая, чем заменять нехватку, теша себя надеждой, что рассеянные в Баренцевом море транспорты сумеют добраться до советских берегов.

Вот так день! Начался за здоровье, а кончился за упокой.

Когда наступила летняя безлунная ночь, Павел Иванович подошел к венецианскому окну. Там за бумажными андреевскими крестами царил мрак, и он обратился к этому черному мраку как к своему антиподу:

— Ну что, Вагнер, ликуешь?!

В полночь он, смертельно усталый, все же добрел по летней теплой Москве до своего нового жилища на 4-й Тверской-Ямской. Арбузов, вполне освоивший протез, да к тому же намеревающийся легко пользоваться им на фронте, тоже ходил с работы пешком и теперь уже маячил дома, ждал друга, чтобы вместе попить чаю и побеседовать.

— Господь с тобой, Павел Иванович! — воскликнул он при виде Драчёва. — На тебе лица нет.

И главный интендант подробно рассказал ему о катастрофе конвоя RQ-17. А затем вспомнил про мелкого беса:

— И вот еще, голубчик... Помнится, ты просился на фронт? Пожалуй, для тебя теперь там может оказаться безопаснее, чем в Москве. Готовься к перекомиссии.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — удивился Василий Артамонович. — Это на тебя мои бесчинства подействовали?

— Вовсе нет, — ответил Павел Иванович и так же подробно, как про несчастный арктический конвой, рассказал о визите Сергея Станиславовича, добавив:

— Был такой писатель Федор Сологуб. У него есть повесть «Мелкий бес». Там этого мелкого беса называют недотыкомкой. В точности про моего сегодняшнего гостя.

Страсть к книгам никогда не покидала Павла Ивановича, собравшего огромную библиотеку. Он даже с некоторых пор, еще до войны, пристрастился их собственноручно переплетать, изучил тонкости переплетного мастерства.

Выслушав, Арбузов задумчиво произнес:

— Да уж, недотыкомка... Бедолага! Воображаю, в какой обстановочке он вырос. Небось папаша дрючил сыночка по любому поводу.

— Учил в каждом встречном-поперечном видеть врага...

— Как ты сказал? Встречном-поперечном? — усмехнулся Арбузов.

— Да, а что? Разве нет такого выражения?

— В том-то и дело, что есть, и даже очень.

— В смысле? — не понимал Драчёв.

— Объясню. У нас в столовой ГИУ есть один повар, старичок немец, Шенеман Виктор Альфредович, он объяснил мне, что такое Кунц. Как такового, обособленного, в немецком языке слова «кунц» нет. Но есть выражение «хинц унд кунц», означающее то же самое, что наше «всякий встречный-поперечный». У нас же тоже нет отдельного слова «поперечный человек». «Хинц унд кунц» это типа «всяко-разно», «что под руку попало».

— Забавно, — откликнулся Павел Иванович. — Я учил немецкий, но не настолько. А вот то, что этот хинц унд кунц твоей персоной интересовался, это ничуть не забавно.

— Да что же я совершил такое, чтобы мне стоило опасаться?

— Возможно, Кунц-старший докопался до твоих отношений с Зинаидой и решил тебя прижечь.

— Этот мир как шляпа, в которой сложены записочки, и ты никогда не знаешь, какого содержания записку вытащишь, — произнес Арбузов.

— Может, там будет: «Я люблю вас». А может: «Съешь муху», — продолжил Драчёв.

— Или: «Иди на фронт, Вася!» Так что же, ты отпускаешь меня?

— Сам не знаю... Не хочется. Но жизнь непредсказуема. Ты стараешься, все делаешь идеально, а тебя мордой о стол. Или ничего не делаешь, но тебя окатывают волны успеха. Человек сидит в своей квартире, ничего не подозревая, счастлив, а за стенкой злоумышленники готовят на него нападение. В Монголии у нас был начальник Особого отдела Вовчентя. Он считал, что каждый кто ни попадя — потенциальный враг народа. На всех писал доносы, включая командарма Конева. Тогда Ивана Степановича перевели на Дальний Восток. А когда в прошлом году случилась Вяземская катастрофа, Конева, уже в звании генерал-полковника, как командующего Западным фронтом хотели расстрелять. Следственная комиссия во главе с Молотовым и Ворошиловым приняла во внимание и доносы Вовченти. И ты знаешь, кто больше всех заступался за Ивана Степановича?

— Нет, не знаю.

— Мой личный неприятель.

— Кунц?

— У тебя один Кунц на уме! Жуков Георгий Константинович. Он добился, что Конева не расстреляли, а отправили на должность командующего Калининским фронтом. Так что Жуков хоть и оскорбил меня, но в целом глубоко порядочный человек. И выдающийся полководец.

— Я же говорю, что ты святой. Обычно люди если враждуют с кем-то, то ненавидят своего недруга во всех его проявлениях.

— Нельзя быть субъективным. Особенно мужчине. Женщина может себе позволить быть субъективной. Она если любит, то всем своим существом, если ненавидит, то не замечает в предмете ненависти никаких достоинств. А мужчина обязан соблюдать объективность. Но я не про это хотел сказать. А про то, что тот Вовчентя, в частности, доносил на меня, как я служил в экспедиционных войсках и защищал буржуазную Францию.

— Можно подумать, Франция способна быть какой-то другой, не буржуазной.

— Я уверен, что на многих таких, как мы, воевавших во Франции, поступали доносы. И все мы в особой папке.

— Точнее, в одной шапке. С записками. И некто вдруг завтра вытащит записку, а в ней написано: «Арбузов».

— Или «Драчёв». И уж за меня никакой Жуков не заступится.

— А за меня никакой Драчёв.

— Если мою записку вытащат раньше, то да. Так вы что же, уважаемый, когда-то были заядлым пьяницей и курильщиком?

— Кто? Я? — подбоченился Василий Артамонович. — Конечно. Гуляка праздный. Когда меня, такого хорошего, жена и сын поменяли на гораздо более обеспеченного, да к тому же и высокопоставленного деятеля индустриализации, я решил: море по колено! Ведь я интересный, яркий, а они бросили меня ради какого-то скучного сундука. Деньжонки водились, я гулял и кутил. Заметь, не пьянствовал, а кутил. Для тебя, трезвенника, и то и другое — одно и то же, как хинц унд кунц.

— Да нет, я понимаю, кто алкоголик, а кто кутила.

— А кто развратник и кто гуляка?

— Тоже понимаю. Я не гуляка и не кутила, но со стороны-то вижу, какие есть гомо сапиенсы. Я интендант до мозга костей и должен уметь все на свете правильно оценивать. Не пью и не курю, но мне известно, какие сорта вин и табака лучше, какие хуже. Скажем, ты бы не стал, наверное, курить папиросы «Волга–Москва», а когда устроил тут ярамаз, курил «Герцеговину Флор».

— Кого я устроил?

— Ярамаз. У нас в тридцатой дивизии был один турок, Мехмет, он так называл всякое веселье, граничащее с бесчинством.

— Хорошее слово, сочное. Я, значит, ярамаз устроил?

— Конечно, протезом меня хотел отхерачить.

— Стыдно!

— Ладно, дело прошлое. Я про «Герцеговину Флор». «Любим папиросам даст фор “Герцеговина Флор”», — написал Маяковский. Кстати, еще до революции выпускалась фабрикой Габая, пережила все потрясения, Гражданскую войну, нэп и прочее.

— Правда, что ее Сталин курит?

— Правда. Но в основном трубку. И предпочитает лучший виргинский табак. Я даже в перечень товаров конвоя RQ-17 вписал ящик табака «Эджвуд» и ящик гаванских сигар. Специально для Иосифа Виссарионовича.

— А он и сигары?

— Очень любит. Причем оригинальным способом. Мне Хрулёв рассказывал. Отрезает кусочек и вставляет в чашу трубки. Поэтому никто и не видел его с сигарой в зубах.

— Да, с сигарой в зубах Сталину никак нельзя.

— С сигарой только буржуев изображают. Вообрази: Сталин с сигарой, в бабочке и в цилиндре...

— Смотрелось бы смешно.

— Но Сталин не представитель буржуазии, он вождь народа. А эти идиоты американцы свой День независимости! Если транспортный корабль «Дэниэл Морган» немцы пустят на дно, то прощайте и «Эджвуд», и сигары гаванские! А вместе с ними и тонны продовольствия, что, конечно, важнее, чем курево для товарища Сталина.

— Хорошо, что Кунц не слышит эти слова!

— Старший или младший?

— Оба. Сволочи. Как земля таких рождает?

— Вопрос в другом, рождаются все хорошими малышами, а как они потом становятся: кто-то будет Суворов и Пушкин, а кто-то Кунц? Встречные-поперечные. И мешают хорошим людям жить и заниматься делом. В книгах тоже бывают главные герои, а бывают встречные-поперечные, чтобы возникал конфликт. Значит, они тоже нужны. Без них герои не могли бы полностью раскрываться, проявлять себя, чтобы мы могли их уважать и любить.

— А тебе жалко младшего Кунца?

— Да, он жалкий какой-то. Ни то ни сё.

— «Ni cecî ni cela», как говорят французы.

— Кстати, о них: французский национальный освободительный комитет «Сражающаяся Франция» обратился к нам с предложением выслать группу летчиков и авиамехаников, чтобы они могли сражаться вместе с нами против немцев. Все-таки вспомнили, как мы с тобой Париж отстояли. А мне, значит, для этих французов добывать сыр «Рокфор» и колбасу «Андуйетт»! Три месяца тебе даю на то, чтобы заглушить свою совесть на фронте, и возвращайся, Вася, будешь им жаркое по-бургундски... Тридцать шесть лет... Это я уже опять о капитане Кунце. Родился после революции пятого года. Перед его юношеским взором прошел весь ужас Гражданской войны. Чекист папаша, скорее всего, лютовал в двадцатых. Сыночка по своей линии пристроил. Муштровал. А тут ежовщина, кругом враги народа, а психика ослабленная, вот парнишка и расфокусировался. Да, кстати, для французов надо американские гондоны приберечь, они это дело любят.

— Ты, Павел Иванович, на работе привык сразу несколько дел решать, вот и сейчас в две струи одновременно дуешь.

— Интересно, кто такой Щепоткин? Хотя нет, Штрудель сказал, что никакого Щепоткина нет, он плод воображения Кунца.

— Подожди, Павел Иванович, штрудель — это венский пирог, рулет с фруктовой или маковой начинкой. Я сам его много раз выпекал из пресного, тонко раскатанного и вытянутого теста. Но ни разу штрудель не сообщал мне никаких сведений о Щепоткине.

— У меня у самого сейчас не мозги, а рулет из тонко раскатанного теста. Ах, как же моя Маруся пироги из тонкого теста умеет!.. Штрудель — это тот майор, который избавил меня от Кунца-младшего. Фамилия такая. Иосиф Товиевич.

— Евреи тоже считают штрудель блюдом своей национальной кухни, в основном яблочный, у них главный принцип: теста больше, начинки меньше. Мне, кстати, так тоже больше нравится. А то иные навалят яблок или ягод...

— Ты начал рассказывать, как гулял и кутил, но не закончил свой рассказ.

— Да там и рассказывать нечего. Однажды я понял, что теряю профессиональные качества, не могу определить, достаточно ли блюдо соленое или перченое. В этот ужасный день меня как током ударило. Уходи из кулинарии! Для начала я бросил курить. Это легче, чем отказаться от спиртного, приносящего больше радости, чем табак. Прошел месяц, и вдруг я почувствовал запахи.

— А до этого ты их, что ли, не чувствовал?

— Чувствовал, но тут вдруг я их особенно ощутил. Как впервые в жизни. Вскоре пришли и особо острые вкусовые впечатления. Наверное, то же самое испытывают младенцы, когда после однообразия материнского молока начинают пробовать те или иные кушанья, и каждое доставляет им целую симфонию вкусов.

— Да, я помню, — блаженно улыбнулся Павел Иванович. — Мария вскармливала девочек грудью, моя жена оказалась очень молочная, а когда она стала добавлять Наточке и Гелюшке всякие кисели, каши, болтушки, они всякий раз смотрели на нее как на волшебницу из сказки.

— Это непередаваемые ощущения! — воскликнул Василий Артамонович. — Я сам испытывал то же, что младенцы. А как я стал готовить! Именно тогда появились мои лучшие блюда. И те самые арбузовские сосиски, будь они неладны, из-за них я вляпался в эту любовь к Зине.

— Да, наверное, стоит пить и курить, чтобы потом бросить и испытать свежесть жизни.

— А вы попробуйте, многоуважаемый главный интендант. Не пожалеете.

— В мои-то сорок пять? Поздновато. Да и не хочу я ни в какую любовь, я свою Марию люблю, жду не дожусь желанной встречи. А ты хочешь, чтобы какая-то рыжая бестия разрушила мою семейную идиллию?

— Но-но! Моя Зина тебе не какая-то!

— Пардон, мсье. Охотно верю, что она не какая-то. Но если честно, после твоих рассказов я от нее не в восторге. Впрочем, прости, брат, не мое дело. Поди, французские летчики не захотят валенки носить в морозы. Они модники, им подавай всякое эдакое, элегантное. Придется бурки на всех шить. Из монгольского войлока. Сейчас только для высшего командного состава, а теперь вынь да положь для этих шевалье.

— А «конь» по-французски «шваль», — рассмеялся Арбузов с таким видом, словно он снова намахнул стакан водки.

— Шваль, — в ответ засмеялся Драчёв, чувствуя себя так, будто и он намахнул. — Я ведь отчего не пью? Вести начинаю себя неподобающим образом. Не то чтобы неприлично, но... Воображаю себя Шаляпиным: «На земле весь род людской!» Или Собиновым: «Паду ли я, стрелой пронзенный?» Или Батуриным: «О, дайте, дайте мне свободу!»

— Э, да у вас, мсье, весь диапазон: бас, тенор, бас-баритон! — воскликнул Арбузов так весело, будто и не говорили они ни о конвое PQ-17, ни о других зловещих событиях.

— Ладно бы я и впрямь хорошо пел, но ведь мне в таких случаях мерещится, будто я пою не хуже, а даже лучше упомянутых великих певцов — Шаляпина, Собинова, Батурина. И это на глазах у личного состава! Как потом возвращаться к служебным обязанностям? Ты добиваешься нового обмундирования, а тебе возьмут да и скажут: «Вы же у нас в Большом театре поете, там, в гримерной, и получайте реквизит». Вот и пришлось навсегда отказаться.

— Да ты, батенька, «вкушая, вкусих мало меда»? — продолжал смеяться повар.

— Смейся, смейся, — тоже смеялся интендант, сбрасывая с себя печали и тревоги минувшего дня.

И дальше у них еще долго текла беседа-коктейль, в которой продолжали перекликаться между собой, не перемешиваясь, самые разные нотки — конвой, хинц унд кунц, выпивка, табачные изделия, продовольственные товары и кулинарные блюда, Минин и Пожарский, французы и немцы, оперные арии, имена и фамилии представителей разных национальностей и многое другое, покуда они оба, напившись разговоров и накурившись идей и фантазий, не стали клевать носом в стол, на котором сиротливо белели чайные чашки да крошились хлеб и американские галеты.

Утром казалось, что вчера они съели, выпили и высмеяли все неприятности до дна и, как птицы весной, прилетят радостные новости.

Но начало второго года войны выпало таким же страшным, как начало первого, весь июнь немцы опять мощно наступали, в первых числах июля захватили Крым с Севастополем, полностью овладели Курской областью и вошли в Воронеж, стремительно двигались к Ростову-на-Дону. Солнечное слово «Победа» заволокли тяжелые, свинцовые тучи, зато для немцев оно снова сияло надеждой: «Sieg heil!» Черные флажки на настенной карте двигались на восток.

По утрам Гаврилыч привозил Драчёва и Арбузова в здание бывших Средних торговых рядов, и повар отправлялся в свою столовую, а главный интендант — в свой кабинет, как на казнь. Он подходил к венецианскому окну, словно к иконе с изображением Василия Блаженного, Минина и Пожарского, и, не зная молитв, просто мысленно просил их о заступничестве и помощи. Но день за днем ни помощи, ни заступничества, и он в отчаянии и с остервенением работал до ночи.

Снова и снова сквозь него проходили ящики и мешки с продовольствием, горы обмундирования: шинели, ватные штаны и куртки, суконные и хлопчатобумажные гимнастерки и шаровары, пилотки, нательные рубахи, кальсоны, полотенца, портянки и обмотки, плащ-палатки и каски, брючные и поясные ремни, патронные сумки и вещмешки, котелки и фляги, полущубки, ватные телогрейки, валенки, шапки-ушанки, перчатки и меховые рукавицы; по нему, как по туннелю, с грохотом ехали одноконные и пароконные повозки, пехотные кухни артиллерийского и кавалерийского образца, на автошасси и очажные; сквозь него протаскивали пищеварные котлы и печи Пейера, термоса и презенты, конную упряжь и попоны; в нем, наполняя душу черной

гарью, сгорали склады, которые приходилось сжигать при отступлении. Под нажимом противника фронт южнее Воронежа уползал на восток, к Дону, склады переместились на рокаду Лиски — Россошь — Кантемировка и там, дабы не достаться врагу, запылали, сжигаемые дотла.

С линии Лиски — Россошь войска уходили за Дон, к Волге, в район Сталинграда, и уцелевшие склады размещались не только на линии железной дороги Поворино — Фролово — Сталинград — Балашов — Камышин, но и за Волгой, на рокаде Урбах — Астрахань.

В сумятице отступления с запозданием проходила смена обмундирования, уже июль, а еще не все зимнее имущество успели изъять для отправки в тыл. Лишь к началу июля удалось закончить обеспечение войск обмундированием по летнему плану, а пролетят июль и август — нате вам, снова осень, и снова надо переодевать миллионы людей. В Сталинграде подытожили потери зимнего имущества, и оказалось, что эти потери составили более сорока тысяч комплектов. А сколько метража непошитого обмундирования оказалось брошенным на предприятиях оставленного Воронежа... Застрелиться!

Вагнер снова побеждал Чайковского. Повторялись беспросветные будни осени сорок первого, постоянный недосып, сон урывками — уронить голову на стол, провалиться на десять–пятнадцать минут и вытаскивать себя клещами в твердую, как кремлевская стена, действительность. И в этих урывках увидеть себя в зимнем обмундировании среди жаркого летнего дня, мечущегося по окопам в поисках легкой одежды, слыша бормотание бабы Доры: «Ни дна ни покрышки ему, проклятому! Не дает продыху, прёт и прёт, зараза такая, то на Москву шел, теперь Волгу ему подавай, Кавказ. Что ж это за нация такая завоевательная! Ты бы, родимец, на диванчик прилег да поспал пару часиков как следует. Опять себя до кондрашки доведешь ведь! Это что за фуражка чужая?» Фуражка с черным козырьком и краповым околышем осталась после визита капитана Кунца, он забыл ее в излишнем огорчении. Сначала она спала вниз васильковой тульей на столе, но из нее шел дурной запах немытой головы, и хозяин кабинета эвакуировал ее на вешалку.

Каждый день приносил беду. Известия с Арктики продолжали поступать неутешительные. Немцы один за другим топили транспорты рассеянного конвоя PQ-17. Из тридцати двух до Архангельска дошли лишь одиннадцать. Два судна вернулись в Исландию, а двадцать два транспорта, подбитые немецкими бомбами и торпедами, канули на дно Баренцева моря, унеся с собой во мглу двести десять самолетов, четыреста тридцать танков и десятки тысяч тонн грузов. В ледяной воде погибли полторы сотни хороших людей, везших помощь Советскому Союзу.

Узнав окончательные итоги уничтожения конвоя, главный интендант не выдержал, схватил с вешалки фуражку Кунца и стал яростно топтать ее ногами:

— На тебе! На тебе!

Обесчестив таким образом головной убор врага, он поднял его, подошел к распахнутому настежь окну и высунулся. Стояла июльская ночь, по Красной площади ходили патрули, но все они в данную минуту были повернуты к Павлу Ивановичу спиной, и он позволил себе окончательно отвести душу — взял фуражку офицера госбезопасности за козырек и, крутанув, запустил ее в ночную Москву. Фуражка, вертясь горизонтальным пропеллером, долетела почти до Лобного места и там легла на брусчатку. В ту же секунду раздался телефонный звонок, в трубке прозвучал смертельно усталый голос Белоусова:

— Павел Иванович, не спите?

— Какое там!

— Из Архангельска звонили. И смех и грех. С тонущего транспорта «Даниэль Морган» танкер «Донбасс» сумел спасти людей. Так вот, двое американцев вынесли два ящика, предназначенных для товарища Сталина. Ящик с гаванскими сигарами и ящик с табаком сорта «Эджвуд».

— Ну и ну!

— Но это еще не все. Фамилия одного из моряков — Эджвуд.

На следующее утро баба Дора хотела удружить — принесла проклятую фуражку:

— Патрульные доставили. Говорят, аккурат из вашего окошечка убежала.

— Прочь ее, стерву! — разозлился Драчёв. — С глаз долой! В камеру хранения сдайте.

— Да несу, несу, что это ты так взбеленился? Сразу видно, муж без жены. Отвык от ласки. Ишь, злится, злится... Твои-то все еще эвыковыренные?

— Все еще, — смягчился Драчёв, которого всегда смешило, как Бабочкина произносит это слово вместо «эвакуированные».

Личный врач Сталина раз в месяц персонально навещал Драчёва для обследований, измерял давление, дирижировал перед носом своего пациента неврологическим молоточком, заставляя следить за черными резиновыми набалдашниками, проверяя работу глазодвигательных нервов и координацию движений, просил вытягивать вперед руки и поочередно касаться носа кончиками пальцев, ходить взад-вперед и мурлыкал:

— Прелестно, прелестно. Вы у нас молодчина. — Смеялся: — Я сначала думал, что вы Врачёв. Мне говорят: «Надо срочно спасти генерала Врачёва». Ну, думаю, как такого не спасти! Был когда-то генерал Дохтуров, герой Бородинской битвы, а теперь гляньте-ка, генерал Врачёв.

Когда он приходил в предыдущий раз, Драчёв попросил его посодействовать, чтобы медкомиссия забракела Арбузова. А теперь позвонил Виноградову с противоположной просьбой.

— А говорили, он незаменимый, — удивился Виноградов. — Стал заменимым?

— Не в том дело, Владимир Никитич, он и сейчас лучший шеф-повар. Я даже хотел через вас пристроить его в Кремль или в Кунцево. Но у человека начались нервные срывы на почве непреодолимого желания служить полевым поваром. Эдак он у меня сопьется.

— А вы говорили, у него протез.

— Да, но он ходит удовлетворительно. Даже бегает. Дивизия, к которой он приписан и куда хочет вернуться, дислоцируется на Валдае, и только что созданный Сталинградский фронт ему не грозит. Пусть побудет до зимы на передовой да и вернется. Он обещал.

— А как вы у меня? По-прежнему молодцом? Сколько там у нас времени прошло после гипертонического криза?

— Молодцом. Уже больше семи месяцев.

— Не перетруждаетесь?

— Перетруждаюсь, но помаленьку, в разумных пределах.

— Питаетесь диетически?

— Очень диетически.

— Часто ли волнуетесь, беспокоитесь?

— Вообще ни о чем не волнуюсь. А о чем волноваться? Война? Так уже к ней привыкли все.

— Ну ладно. А все-таки признайтесь, что вы не Драчёв, а Врачёв.

Глава тридцать четвертая

На глубине

В северных морях обитает рыба пинагор. По ночам она плавает в пелагических водах, расположенных ниже морской поверхности и выше дна, но весь день, от рассвета до заката, питаясь обитателями дна, пинагор проводит под самой толщей моря.

Все лето и осень второго года Великой войны главный интендант Красной армии жил как пинагор, под тяжелой толщей дел и забот, и лишь по ночам позволял себе немного расслабиться, всплыть ближе к поверхности моря и там отдохнуть.

Вагнер продолжал побеждать Чайковского, и это вызывало болезненную досаду, негодование от несправедливости: почему?! Ведь музыка Чайковского такая легкая, светлая, в основном добрая. И героическая. Вагнер тоже героический, но тяжеловесный, как красивые нагромождения огромных камней, он парит не в чистой лазури, а среди свинцовых туч, и это полет не лебединый, а хищный. «Бьется лебедь средь зыбей, коршун носится над ней», — написал Пушкин точь-в-точь о войне с Германией.

С середины июля новообразованный Сталинградский фронт медленно, но неостановимо двигался в сторону Сталинграда. Переход противника через Дон грозил наступлением на город, носящий имя главного человека Страны Советов, в конце июля издавшего приказ «Ни шагу назад!». Но шагали и шагали, и все назад да назад. Отступали, остервенело сопротивляясь, и это сопротивление требовалось снабжать всем необходимым, кормить, одевать, обувать, тяжелая задача ложилась на плечи тысяч интендантов, и все эти плечи сливались воедино в плечах генерал-майора Драчёва. Он, как глубоководная рыба пинагор, держал на себе тяжелейший груз всей толщи моря бед.

И если композитор Чайковский пока проигрывал композитору Вагнеру, то главный интендант Красной армии Павел Драчёв не имел права проигрывать главному генерал-квартирмейстеру вермахта Эдуарду Вагнеру.

— «Полет валькирий»? «Марш Нибелунгов»? — гневно выдыхал он из себя, встав ненадолго перед венецианским окном. — А хрена не хотите ли?! «Славянский марш»! «Двенадцатый год»! Марш из «Щелкунчика»!

И он снова шел к письменному столу, к телефону, чтобы погружаться в глубину нескончаемых дел. Шофер Сталина Удалов обычно увозил хозяина из Кремля далеко за полночь, иной раз в четыре, в пять утра, а потому и венецианское окно главного интенданта высвечивало Красную площадь ночь напролет. Лишь изредка Палосич уезжал в семь, в восемь вечера, и Повелеваныч мог позволить себе прогулку по Москве до своей 4-й Тверской-Ямской, где его больше не ждал закадычный друг Василий Артамонович. Отбыл повар Арбузов в распоряжение своей 245-й дивизии 34-й армии и теперь писал с Валдая, что боев никаких нет, лишь мелкие стычки с врагом, что ждут, когда и их армию перебросят на оборону Сталинграда, но мечтать не вредно, и никто их снимать с занятых позиций Лычково — Исаково не собирается, иначе немцы прорвут оборону и могут двинуться на Ленинград с юга или на Москву с севера.

Скучая по жене, дочкам и другу, Павел Иванович утешал себя мыслью: хорошо, что их нет в Москве, потому что ему сейчас не до них. Лишь бы ноги донесли до квартиры, а в квартире — до кровати, чтобы рухнуть и углубиться в сон. А утром проснуться за пять минут до звонка будильника и успеть нажать на его кнопку, прежде чем он огласит тишину тревожной трелью. Угадывать время он научился давным-давно и, просыпаясь,

прикидывал: три сорок семь; глянет на будильник — точно или две-три минуты разницы. А уж перед самым подъемом просыпался за минуту, уже внутренне готовый к началу нового дня. Умыться, побриться, одеться и бежать к своему Лобному месту, которое и на Красной площади, и в его кабинете. Хотя он читал, что, вопреки общему представлению, на Лобном месте никого не казнили, с него оглашали указы и приговоры. Оно и логично, ведь евангельское Лобное место — Голгофа, на которой распяли Христа, и если бы здесь тоже казнили, то преступники тем самым приравнивались бы ко Христу.

Он не помнил, что и когда ел, но ел что-то, пил много чая, но не крепкого, потому что крепкий ему запретил Виноградов, называвший его генералом Врачёвым и потому имевший к нему особую симпатию. Не помнил, когда успевал читать письма из Новосибирска и с Валдая, когда успевал отвечать на них. В пелагических глубинах время для пинагора сливалось в нечто сплошное и вязкое, долгое и липкое, из чего никак не возможно выбраться наверх, туда, где сквозь волны светит солнце, играя серебром на чешуйках мелких рыбешек.

То и дело мимо проплывала камбала баба Дора, что-то ворчала, не бережешь себя, касатик, эдак недолго настоящую кондрашку схлопотать, выйди хотя бы по Красной площади прогуляйся, денек-то какой, скоро осень, дожди пойдут, не погуляешь; где хоть этот Калач, покажи мне на карте; вона где, ишь ты, до Сталинграда рукой подать, докуда дошел, сволочуга!

Больше всего хлопот доставляли склады: только перебросишь с одного рубежа на другой, только обоснуешь, так, елки-палки, опять надо перебазировать! Склады... А госпиталья, а квартирное и казарменное размещение, а мастерские по ремонту пришедшего в негодность обмундирования! Да про все, за что ни возьмись, можно сказать: «Больше всего хлопот доставляли». День за днем нет спасения от дел, одолевавших его, как на летнем лугу насекомые одолевают коня. И не отмахнешься. И приходилось решать все и сразу. Только попробуешь составить систему: сегодня — это, завтра — то, послезавтра — третье... Нет! Всё и сразу!

Те же насекомые. Не распорядишься вовремя о пижме, бойцы останутся без важнейшего инсектицида. Нет, конечно, не останутся, потому что работа в ГИУ налажена безукоризненно, но контрольный звоночек никогда не повредит. Еще в армии Александра Македонского использовали высушенную пижму, в цветках которой содержатся природные враги всех мелких ползучих тварей. До революции истолченные цветки называли персидским порошком. В рассказе Чехова «Ночь перед судом»: «Я вспомнил о своей хорошей привычке брать с собою в дорогу персидский порошок». На предвоенной выставке интендантского снабжения, проходившей в апреле 1941 года, как самый эффективный окончательно утвердили к широкому производству порошок из далматской пижмы, которую ошибочно называли ромашкой: мухи дохнут через пятнадцать минут, клопы и тараканы через полтора-два часа...

Сейчас эта выставка вспоминалась как сладкий сон. Что только на ней не показывали! Создавалось впечатление, что к грядущей войне все продумано до микроскопических мелочей, начиная с полупьекс на валенках и сапогах и кончая проволокой для тюкования. «Наше социалистическое хозяйство в состоянии обеспечить бесперебойное поступление живого скота в действующую армию, но для всякого непредвиденного случая на головном складе всегда должен быть некоторый запас замороженного мяса». А каких только разновидностей колбасных изделий не было представлено, каких рыбных полуфабрикатов типа тресковых клипфиксов, каких образцов

витаминных препаратов и такого прочего! Казалось, всего в переизбытке, больше, чем нужно, что начнись война, и бойцу Красной армии будет не до сражений с врагом, поскольку ему надо все съесть, выпить, принять в таких количествах, что хватит на сто миллионов военнослужащих.

— Столько всего интересенького, хоть самой становись красноармейцем! — восхищалась Ната.

И никто тогда не знал, что треть из заготовленной интендантами к началу войны продукции будет уничтожена немцами при наступлении и нашими при отступлении, а треть и вовсе достанется врагу ненавистному!

На выставку они ходили всей семьей, только отец в качестве участника Всесоюзного совещания интендантов и финансистов РККА, а мать и дочки — как посетители. Надо же, апрель сорок первого... Как недавно это было — и как давно! Довоенное время все еще хранило тепло, как кровать после того, как из нее убежал на работу твой милый человек. Нате шестнадцать, Геле — пятнадцать исполнилось. В середине лета сорокового года они переехали из Харькова в Москву, в Потаповский переулок. А теперь уже и Потаповский в прошлом.

Когда собирались на выставку, помнится, очень сердился, что жена и дочки невозможно долго копаются: меняют платья, ленты, бусы, то не нравится, это не подходит. Да они вечно такие копуши. Он уже в обмундировании, сапоги сияют, прическа волосок к волоску, одеколоном благоухает, стоит и ждет их. Ждет, ждет, ждет... Никакой дисциплины и собранности!

Но сколько бы он сейчас отдал за то, чтобы снова ждать и ждать, когда они наконец соберутся, договорятся между собой, кто в каком платье, кто из девочек мамину брошку прицепит, а эти туфельки уже натирают, нужны новые, а эти духи нравились, нравились, да вдруг разонравились... Как бы он сейчас любовался своими копушами, как бы целовал их в затылочки, сами по себе пахнувшие так, как никакие духи в мире!

Хорошо было, когда он возвращался домой и Арбузов отвлекал его от мыслей о семье. А теперь и Арбузов исчез, и по нему тоже приходится скучать. Как он, бедняга, помнится, жаловался на то, что чешется пятка, а почесать невозможно, потому что пятка у несуществующей ноги, врачи называют это фантомной конечностью. Ноги нет, а кажется, что она есть и либо болит, либо ломит, либо чешется. Павел Иванович удивлялся и никак не мог себе это представить, ведь у него-то конечности в целостности и сохранности, и если болят или зудят, они всегда при нем.

Сейчас он согласился бы, чтобы Василий Артамонович пил, курил, ругался, сердился, лишь бы он тоже существовал. Но июль ампутировал его из жизни Драчёва. А что есть тоска по людям, которых сейчас нет рядом, как не фантомная боль?

Павел Иванович сердился на Василия Артамоновича: он, видите ли, не может в тылу отсиживаться, ему вынь да положь передовую! Главному интенданту, может быть, тоже опостылело венецианское окно, перечеркнутое андреевскими крестами, и душа рвется туда, на Сталинградский фронт, чтобы самому на месте увидеть собственными глазами, все проверить, отдать необходимые распоряжения. Но кто его-то отпустит? Хрулёв? Лично Сталин? Удалов? Виноградов? Никто.

Баба Дора и та ни в жизнь не отпустит.

— Ты домой-то хотя бы ходишь? Я как ни приду, ты все на своем посту сидишь как проклятый. Ни дать ни взять Прометей!

— Это точно, Прометей, — смеясь, продолжал работать главный интендант. — О людях забочусь, оттого и прикован.

— В столовую хотя бы спускаешься? Исхудал, родимец.

— Спускаюсь.

— Ну и назови мне хотя бы, какое там нынче меню?

— Дорофея Леонидовна, простите, пожалуйста, но вы меня отвлекаете.

— А ты не так должен сказать, а: «Пошла прочь со своим меню, старая ведьма!» Немец-то, скотина, вона уже до Волги дошел... Ладно, ладно, прости меня, грешную. Работай, сердешный.

А немец и впрямь скотина, дошел-таки до Волги. Причем как — 23 августа при мощной поддержке авиации 16-я танковая дивизия вермахта, преодолев за сутки более пятидесяти километров, ворвалась в Спартановку — северный пригород Сталинграда. А вражеские самолеты совершили массированный налет на город и нанесли сильнейшие разрушения.

Интендантская служба РККА стонала — отныне все требовалось перебросить на левый берег Волги, чтобы потом с огромнейшими трудностями переправлять на правый, а Волга в тех местах тебе не Москва-река, а широкая водная преграда.

«Дорогая Маруся, тут выяснилось, что Гитлер увидел твою фотографию и наступал на Москву с единственной целью отобрать тебя у меня. Но когда наша доблестная Красная армия дала ему отпор, разведка донесла Гитлеру, что ты с девочками в Новосибирске, и он разработал план наступления на южном направлении, чтобы перейти Дон, Волгу, пойти за Урал, в Сибирь и дойти до Новосибирска. Если же вы с девочками сейчас вернетесь из эвакуации, то он снова изменит свои планы и двинется на Москву с юга. Вот почему я прошу тебя повременить с желанием вернуться в Москву до тех пор, пока Красная армия не одержит победу под Сталинградом».

Когда Павел Иванович писал это письмо, уже развернулись бои в самом Сталинграде, вокруг тракторного завода гремело сражение, а в это же время на самом заводе продолжали производить танки, и они выходили в бой прямо из заводских ворот. Точно так же и с артиллерийского завода «Баррикады» снаряды поступали из цехов сразу на передовую. Узнав об этом, Драчёв вспомнил, что он не просто Павел Иванович, а Повелеваныч, и если он написал жене, что Красная армия одержит победу, то так тому и быть. Теперь, когда кто-нибудь в докладе допускал: «Если немцы сумеют переправиться на левый берег Волги», — Драчёв строго останавливал докладчика:

— Не сумеют. Не переправятся. Что вы на меня так смотрите? В Сталинграде враг будет полностью разгромлен. Планы отступления в сторону Казахстана, Астрахани и Саратова останутся нереализованными. Можно сохранить их для истории, но больше они ни для чего не понадобятся.

Как шаман погружает себя в иступленное состояние, чтобы предвидеть будущее, так и главный интендант РККА, с головой уходя под толщу дел, ненадолго выныривал из глубин и видел удивительные вещи: красное знамя, развевающееся над каким-то важнейшим немецким зданием, орден в виде звезды, усыпанной бриллиантами и украшенный надписью «Победа»... Подойдя однажды к венецианскому окну, он на секунду увидел наши войска, марширующие по Красной площади к Мавзолею в новом изящном обмундировании, при погонах, а в руках — склоненные к брусчатке знамена поверженной Германии... Эти видения время от времени вспышками озаряли его воспаленный мозг, но он знал, что это не бред, не наваждение, а проблески грядущей правды.

— Перестаньте мне говорить о потере Сталинграда! — возмутился он, когда начальник Упрвещснаба Карпинский докладывал о том, что с потонувшей баржи удалось извлечь и спасти двести тысяч пар обуви, которые предлагается отправить в астраханский тыл.

— Простите, товарищ главный интендант, — обиженно ответил Николай Николаевич. — Я просто сказал, что поскольку немецкие войска овладели центром Сталинграда...

— И что? — спокойно, но сердито перебил его Драчёв. — Это не значит, что они уже окончательно взяли город. Всем прекрасно известно, что Сталинград вытянут вдоль Волги на пятьдесят километров, и если сегодня немцы взяли один центр города, мы спокойно можем назначить центром любой другой район. Схвати змею посередине, она изовьется и укусит тебя. Судьба всей войны решится в Сталинграде, и это не подлежит никаким сомнениям.

Уверенность в скорой победе на Волге настолько в нем окрепла, что он даже черкнул в Новосибирск: «Можете начинать собираться к скорому возвращению в Москву».

Арбузов написал ему: «Если Красная армия победит германскую в Сталинграде, то нам легче будет атаковать немцев здесь, под Новгородом», и Драчёв ответил: «Никаких если! Она победит, и твои питомцы станут бить врага на древней земле русской!» Это письмо от Василия Артамоновича оказалось последним. Прошел месяц, а он так и не ответил на следующие письма Драчёва.

В середине октября в Сталинграде развернулись самые ожесточенные бои за каждую улицу, за каждый дом, за каждый двор, за Мамаев курган, за Лысую гору, и если жители великой страны новое утро встречали с тревогой и болью, ожидая как победных, так и горестных сообщений советского Информбюро, то главный интендант РККА, услышав новости, удивлялся: «Как, еще не сегодня? Ну ладно, подождем до завтра».

С Северо-Западного фронта сообщалось, что войска 34-й армии перешли в наступление на Демянский выступ, и это утешало: какие уж тут письма, если его питомцы наступают, а Арбузов их поддерживает своей кормежкой. Только бы снова не лез с термосом по обстреливаемому полю, горячая голова!

В начале двадцатых чисел октября от жены пришло письмо с сообщением, что она уже уволилась с должности помощника начальника финансового отдела СибВО, вещи собраны, что с дочерьми ждут возвращения в Москву. И в тот же день позвонил Хрулёв:

— Подготовьте доклад об обстановке со снабжением Красной армии в Сталинграде, вечером мы с вами идем в Кремль на прием.

Казалось бы, конца не будет ожиданию этого «мы с вами», и вдруг глядь — вот уже и визит в Кремль остался позади, томительное сидение в приемной, где первым зашел в кабинет Верховного Хрулёв, а уже через десять минут, когда огромные напольные часы зазвенели десять по московскому времени, личный секретарь Сталина полковник Поскрёбышев, маленький, лысый, о нем говорили «ходячая энциклопедия», вышел из кабинета и пригласил:

— Генерал-майор Драчёв!

И Повелеваныч, волнуясь, будто доселе ни разу не видел Сталина, но памятуя поучения Гроссер-Кошкина, вошел с папкой под мышкой так, будто не на прием к вождю народа, а к парикмахеру, чтобы тот слегка подправил прическу. А правда ли, что вы уже вызвали в Москву из эвакуации свою семью? Правда, товарищ Верховный главнокомандующий. Значит ли это, что вы твердо верите, что сейчас под Сталинградом наступит переломный момент всей Отечественной войны? Я в этом убежден, товарищ Сталин. Но ведь немцы уже полностью овладели городом. Позвольте возразить, не городом, а лишь его территорией, поляки тоже владели Москвой, но Минин и

Пожарский их вышибли из нее, французы тоже овладели Москвой, и к чему это привело? Но ваши убеждения основываются ведь не только на исторических аналогиях? Разумеется, товарищ Сталин, они основаны на глубоком анализе всей ситуации, включая сиюминутное положение дел в обеспечении обеих сражающихся армий, и я готов подробно доложить о том, чем обеспечена Красная армия и чем не обеспечен вермахт, оставивший значительное количество подземных складов, вырытых в степях между Волгой и Доном, в то время как наши склады на левом берегу Волги, несмотря на трудности при доставке через широкую реку, а также обильно оснащенные склады в Камышине и других секретных местах функционируют более мобильно; но дело даже и не в этом, а в том состоянии духа бойцов Красной армии, я бы даже привел слова Пушкина, «в остервенении народа». Да, я помню: «Гроза двенадцатого года настала, кто тут нам помог? Остервенение народа, зима, Барклай иль русский Бог?» Зима нам тоже поможет, товарищ Сталин, в степях под Сталинградом она лютая, а Гитлер, судя по всему, так и не выучил уроков Подмосковья. Стало быть, вы ручаетесь, что Главное интендантское управление подготовилось к контрнаступлению под Сталинградом? Головой отвечаю, товарищ Верховный главнокомандующий! А пепельница для курящих по-прежнему стоит на вашем столе? Разумеется, товарищ Сталин, в ней еще долго лежал пепел из вашей трубки.

Тут из ящика письменного стола вышла жестяная коробка с надписью «Edgewood sliced, pipe tobacco, Virginia best», открылась, из нее вкусно повеяло табаком и вишней, пальцы достали большую щепоть и окунули ее в чашу трубки вишневого цвета с белым кружочком: «Спасибо, товарищ Драчёв, за табачок и за ваше компетентное мнение о состоянии дел в Сталинграде, оно для меня очень важно, всего вам доброго, Повелеваныч».

И все? Уже кончилась аудиенция? Так быстро? Ждешь-ждешь чего-то, а оно вжик — и уже в прошлом, входили в десять, выходили, когда на часах стрелки показывали двадцать минут одиннадцатого, и вот начальник всего тыла и главный интендант едут по ночной октябрьской Москве, и теперь глазами воспоминаний глубоководный пинагор видит, что не только Хрулёв присутствовал при его разговоре со Сталиным, а весь Государственный комитет обороны иронично смотрел на главного интенданта. Ворошилов, протирал пенсне носовым платочком Молотов, как-то странно тарасился Берия, дрыгал ногой Маленков — вот уж что категорически запрещает Гроссер-Кошкин! — добродушно улыбался круглолицый Щербаков, никакая война не помеха его полноте; и еще присутствовали двое, один из них, кажется, первый секретарь Белоруссии Пономаренко, а другой — военком Генштаба генерал-майор Боков, почему-то очень бледный, напуганный. И любой глубоководной рыбе понятно, что шло очень важное совещание по поводу возможности и сроков начала контрнаступления.

Глава тридцать пятая **Цветы и снежинки**

Конечно, Чайковский! Вот только вальс цветов или вальс снежинок? Жена и дочери уверяли, что снежинок, и еще эдак кружились по комнате, плавно покачивая руками во все стороны, будто метелица:

— Аaaa — aaaa — a-aa, aaaa — aaaa — a-aa!

А он сердился и возмущался:

— Да у меня память сами знаете какая, и я отлично помню, что вальс цветов! Па-па-па-пабам! Па-па-па-пабам!

— Да нет же, папа! Вальс цветов транслировали после объявления об окружении армии Паулюса, он как раз такой торжественный.

— Я тоже помню, что вальс цветов тогда, а не когда мы приехали.

— А когда приехали, звучал вальс снежинок. Трудно перепутать, потому что первый снег пошел.

— Какой первый снег, болтушки! Вы приехали двадцать какого октября? Двадцать седьмого? А первый снег в ноябре пошел, я как раз после второго приема у Сталина возвращался.

— Да нет же, папочка, я еще сказала: «Вот так квартирка!» И закружилась, как снежинка, по прихожей, оттуда — в гостиную, вокруг стола.

— Отец, тебе опять надо в санаторий, у тебя в голове события жизни путаются.

— Да не путаются, у меня цифры точно в голове сидят, вот спросите, сколько суконных шинелей было отремонтировано на Сталинградском фронте за истекший сорок второй год. Спросите, спросите! Сто десять тысяч двести восемьдесят четыре штуки. Хотите проверить, я вам сейчас копию годового отчета предоставлю. Так, где там она? Вот, пожалуйста, проверьте. Страница тридцать девять.

— И проверим. Так, что ты говоришь? Шинелей сук? Тут так значит.

— Да не сук, а суконных. Сто десять тысяч двести восемьдесят четыре штуки.

— Точно! Шинелей сук сто тысяч штук.

— Какое сто тысяч?!

— Да правильно, сто десять тысяч двести восемьдесят четыре штуки. А кожаную?

— Кожаной обуви шестьсот семьдесят семь тысяч семьсот семьдесят шесть пар.

— Лучше бы все семерки были.

— Вот ты цифры помнишь, отец, а какой вальс, когда мы приехали, не помнишь. В Архангельское! И всей семьей!

Эти радостные разговоры окружали собой как цветами и снежинками проводы уходящего сорок второго. В углу даже стояла елочка, сверкая огоньками и игрушками, и на столе было чем закусить; конечно, не икра и крабы, но вполне себе сырокопченая колбаска, как на той выставке в апреле сорок первого, и даже кусок сыра в обертке с надписью «Government cheddar» — все, чем позволил себе побаловать семью главный интендант генерал-лейтенант Драчёв. Почему не генерал-майор? А вот потому!

За окнами их новой квартиры на 4-й Тверской-Ямской черную ночь пронизывают малюсенькие искорки редких снежинок, вчера ударил мороз, и «три девицы под окном пряли поздно вечерком». Точнее, две девицы — студентка Московского архитектурного института Надежда Драчёва, предпочитающая, чтобы ее все звали не по паспорту, а, по семейному обычаю, Наташей, ее младшая сестра десятиклассница Гелия и их благочестивая мать Мария Павловна — старший бухгалтер юридической части Упродснаба ГИУ РККА. И эта троица не пряла, а лепила пельмени, которые сейчас висят за окном в мешке, ожидая своей участи, целых триста тридцать четыре штуки, тут уж не нужна феноменальная память отца семейства, триста тридцать три с мясом и одна со жгучим грузинским перцем, кому достанется, тому счастье в Новом году. Конечно, не у каждого москвича подобное богатство висит за окном, но неужели главный интендант всей Красной армии не может позволить себе такую малость?

Помнится, еще кое-кто с ехидством спрашивал: «Как это тебе удается?» Где, интересно, теперь тот мелкий бес? Был ли он или приснился?

— А вот мы сейчас включим радио, и пусть оно нас рассудит, — предложил отец семейства и отправился в угол, где на тумбочке, созданной руками главного интенданта, как на троне, восседал СВД-9. Сейчас его говорящее величество спало, не помышляя о встрече Нового года, но великий Драчёв уже приблизился к нему и приготовился крутануть черный вентиль на животе у супергетеродина:

— А ну-ка, что он нам споет или скажет?

Крутанул, и все не поверили ушам — из черной тарелки динамического громкоговорителя зазвучало не что иное, как вальс снежинок!

— Не может быть! — ахнула Мария Павловна.

— Вальс снежинок! Вальс снежинок! — захлопали в ладоши студентка и десятиклассница. — Мы же говорили! А ты спорил! — Они обе вскочили и принялись порхать снежинками вокруг стола, напевая: — Аааа — аааа — а-аа, аааа — аааа — а-аа!

И, глядя на них, Павел Иванович тихонько прослезился и пробормотал:

— Вот оно, счастье!

— Счастье, отец, счастье! — услышав, улыбнулась Мария Павловна. — Мы снова все вместе встречаем Новый год. И ты выпьешь бокал шампанского. Ничего страшного, если превратишься в оперного певца, мне давно хочется в Большой театр.

— А я не против, чего мне стесняться, я дома. Честь мундира не осрамлю.

Он припарадился — любо-дорого посмотреть: молодой, пока еще сорокапятiletний, подтянутый, а главное, в петлицах уже не две, а три звезды, с середины ноября он — генерал-лейтенант.

Да, конечно, и теперь он это четко вспомнил, когда он привез три самых любимых существа на свете в их новую московскую квартиру и включил радио, играл вальс снежинок, а на следующий день, точнее, ночь Хрулёв снова привел его в кремлевский кабинет — по стенам дубовые панели со вставками из карельской березы, на полу красная шерстяная дорожка, письменный стол, покрытый зеленым сукном, фотография Ленина, читающего «Правду», длинный стол для приемов, книжный шкаф, портрет Суворова...

Вместе с Драчёвым, тогда еще двухзвездным генералом, скромно пропуская его вперед, вошел Кормилицын, по-прежнему заместитель начальника Управления снабжения горючим. Правда, на мундире у Михаила Ивановича появился новенький орден Красного Знамени.

На сей раз и народу немного. Среди приглашенных Маленков, который был Драчёву неприятен: в сорок лет обрюзгший, лицо лоснящееся, про которое острые языки говорили: «Маленков поел блинков». Да и кто он такой? Что полезного сделал для страны? Какая-то невнятная должность ответственного за партийные документы. В его кабинете арестовали Ежова, который чуть не вознамерился свергнуть Сталина и занять его место, это хорошо, но все равно непонятно, какое такое большое значение «поел блинков» имеет для СССР.

Зато второго присутствующего Павел Иванович хорошо знал и уважал. С наркомом внешней торговли Микояном ему довелось много контактировать, когда тот возглавлял Наркомат пищевой промышленности, и возглавлял превосходно. Советские люди перестали воспринимать еду как нечто трагическое, чего нет и что надо добывать в муках.

Вот и в эту ночь на столе для гостей стояли тарелки с микояновскими котлетками. Так называли советские гамбургеры, появившиеся в середине тридцатых годов, после поездки Микояна в Америку. Разрезанная пополам булочка, а внутри сочная рубленая котлета с луком и чесночком.

— Угощайтесь, пока горячие, — любезно предложил Микоян Павлу Ивановичу, вошедшему через пять минут после Андрея Васильевича, когда стрелки часов показывали без десяти час ночи.

Посмотрев на начальника тыла, главный интендант увидел, что тот энергично работает челюстями, запихнув в рот целиком булочку с котлеткой.

— Вху́хно, — кивнул Хрулёв.

И Драчёв тоже взял одну котлетку, одетую в булочку, как в белую монгольскую дублинку.

— Ешьте, ешьте, не стесняйтесь, — сказал Сталин. — Не смотрите, что час ночи. Сталин всегда в это время закусывает. — И он, дожевав, вытер губы салфеткой, прежде чем открыть жестяную коробку с изображением зеленого леса и надписью «Edgewood sliced, pipe tobacco, Virginia best».

Появился военком Генштаба Боков, снова почему-то очень бледный, взволнованный. Павел Иванович откусил половину и изумился — до чего же и впрямь вкусно. Маленков выглядел так, будто слопал уже штук двадцать, но еще за одной потянулся, схватил и стал жевать. «А тебе бы уже пора ограничиться», — так и подмывало сказать ему.

— Неужели американцы едят такое? — вместо этого спросил Павел Иванович.

— Американцы дрянь едят, — ответил Микоян. — Наполовину мясо, а наполовину глютен, ни то ни сё. Пищевых добавок напихают, томатного соуса, сладкой горчицы. Ешь, и обидно, что тебя обманывают.

— Они и нам его впихивать пытались, да не вышло, не на тех напали, — с гордостью заметил Павел Иванович.

— Товарищ Драчёв, — обратился к нему Андрей Васильевич, — товарищ Микоян предлагает организовать доставку таких микояновских котлет на фронт. Как считаете, возможно такое?

— К сожалению, нет, — резко ответил главный интендант. — Они хороши в свежем виде, а как доставлять? В фольге? Фольги слишком много понадобится. Считаю, пусть лучше американцы этими гамбургерами своих солдат кормят. Они без гамбургеров, как без презервативов, не могут жить.

Все рассмеялись, включая Сталина, который одобрил шутку:

— Генерал Драчёв за словом в карман не полезет.

— А вот великолепную брауншвейгскую колбасу производства мясокомбината имени товарища Микояна было бы неплохо поставлять в Красную армию.

— А разве не поставляют? — спросил Сталин.

— Поставляем, — возразил Микоян.

— Мало, — сказал Драчёв. — Даем только по праздникам особо отличившимся, а хотелось бы в промышленном масштабе. Товарищ Микоян создал такое предприятие, что только за него можно Героя Соцтруда давать. На всю страну славится. Притом что в прошлом и в этом году больше половины сотрудников ушло на фронт, Анастас Иванович сумел снова наладить производство: набрал женщин, подростков, стариков и в кратчайшие сроки обучил их профессиям. Пищевые концентраты и консервы завод поставляет в армию высшего качества, а при дальнейшем наращивании производства нам американская тушенка больше не понадобится. Хотя и она пользуется у бойцов хорошим спросом, они ее называют «второй фронт». А еще на предприятии налажено производство медицинских препаратов на основе эндокринного сырья, получаемого при убое скота, и уже производится четыре вида органопрепаратов.

— А будет в десять раз больше! — воскликнул Микоян. — И пенициллин начинаем производить.

— А сосиски вполне даже можно поставлять на передовую, — предложил Маленков. — Микояновские очень хороши.

— Хорошо бы их в консервированном виде, чтобы не портились, — кивнул Драчёв и вдруг вспомнил Арбузова. — Анастас Иванович, а вам случайно ничего не известно об арбузовских сосисках?

— Было такое когда-то, — припомнил Микоян. — В Ленинграде славились. Их как-то переименовали, а потом они и вовсе исчезли.

— Их производил великолепный кулинар Василий Арбузов, — сказал Павел Иванович и вкратце поведал о Василии Артамоновиче. Разумеется, не о Зине. Рассказ произвел впечатление, особенно то, что повар не остался в Москве на хорошей должности, а сбежал на фронт.

— На таких людях русский народ держится, — заметил Сталин.

— И победа, — добавил Драчёв. — Ее не только на поле боя воины куют, но и все, кто войну обслуживает. Вот почему я по-прежнему настаиваю на введении отличительных жетонов: «Отличный железнодорожник», «Отличный шофер» и так далее, в том числе и «Отличный повар».

— К этому разговору мы еще вернемся, — не стал возражать Сталин. — А скажите, товарищ Драчёв, со стороны интендантской службы под Сталинградом все готово к контрнаступлению?

Можно было, конечно, обозначить некоторые нюансы, но главный интендант понял, что от него ждут решительного ответа, и лаконично отрапортовал:

— Все, товарищ Верховный главнокомандующий.

— Другого ответа я и не ждал. А с горючим? Что скажете, товарищ Кормилицын?

— Все, товарищ Сталин, — ответил Михаил Иванович. — Готово.

— Молодец! Как вы считаете, товарищи, не пора ли нам бригадинженера Кормилицына назначить начальником по горючему?

— Конечно, пора, — мгновенно отреагировал Хрулёв. — Его усилиями исправлено тяжелое положение в топливном хозяйстве РККА. Именно его стараниями осажденный Ленинград не остался без топлива. Через Ладожское озеро, зимой по льду, летом по дну, то есть через трубопровод.

— Под руководством товарища Кормилицына реконструирован порт в Красноводске, — подхватил Драчёв, — что позволило бесперебойно транспортировать через Каспий кавказскую нефть.

— Разве горючее ведомство входит в Главное интендантское управление? — вскинул бровь Сталин.

— Нет, но я попутно отслеживаю, — пояснил Павел Иванович. — Горючее для общего снабжения армии как кровь для мышц.

— Вот все бы так попутно отслеживали, — похвалил Иосиф Виссарионович. — Повелеваныч, не засиделись ли вы у нас в генерал-майорах?

— Засиделся! — произнес Хрулёв. — Пора ему генерал-лейтенанта.

— Хорошо, товарищи, будет всем сестрам по серьгам, — сказал Сталин. — Но только после того, как мы увидим хорошие результаты в Сталинграде.

Если октябрьский визит главного интенданта к Верховному главнокомандующему продлился двадцать минут, то двенадцатого ноября Сталин не отпускал его почти два часа, время от времени спрашивая о подробностях, сколько чего способно предоставить интендантское ведомство, в чем есть изъяны. Через полчаса появился начальник Главного артиллерийского управления генерал-полковник Яковлев, и мелькнула мысль о том, что пришло время для ГИУ уйти и уступить место ГАУ, но едва Драчёв вознамерился встать, как Иосиф Виссарионович осадил его:

— Сидите, сидите. Куда торопитесь? Жена из эвакуации вернулась? Ей не о чем волноваться, вы же непьющий.

Внесли горячие микояновские сосиски и бутылки с вином. Сталин сам всем принялся наливать, а Драчёву налил «Боржоми» и рассмеялся:

— И не курит, и не пьёт, и жену... А жену-то?

— Жену люблю, товарищ Сталин, можете не сомневаться.

— Ну хорошо, а то уж я засомневался, какой толк от генерал-лейтенанта, если он свою генеральшу не любит.

И все засмеялись так весело, будто контрнаступление под Сталинградом уже успешно состоялось. Кормилицын вскоре удалился, и хозяин кабинета не стал его удерживать, а вместо него пришел замначальника Центрального управления Наркомата путей сообщения генерал-майор Скляр, смертельно усталый, но, выпив вина, взбодрился и даже попросил коньяку. Ему принесли, и Хрулёв тоже перешел на коньяк. Теперь со стороны могло показаться, будто здесь идет дружеская пирушка по окончании какого-то важного дела, но тамада не давал расслабиться, то и дело задавая людям вопросы. И не абы какие, как про выпивку и жену, а дельные, насущные, чтоб не очень-то люди расслаблялись, все-таки идет война, за которую все они ответственны, и перелома в этой войне еще не наступило. Например, он вдруг спросил Павла Ивановича:

— Скажите, месье, вы ведь воевали во Франции против немцев?

— Когда это было! — усмехнулся Драчёв.

— Французский в совершенстве знаете?

Не то чтобы в совершенстве, следовало бы ответить по-честному, но, зная, как Сталин не любит полуформ, главный интендант ответил:

— Владею.

А там, мол, сами разбирайтесь, в совершенстве или не очень. Не станут же прямо сейчас экзаменовать.

— Вот вы нам еще в одном деле понадобится, — удовлетворенный таким ответом, кивнул хозяин кремлевского кабинета. — Сегодня Совнарком принял постановление о соглашении между ВВС Красной армии и Военным командованием сражающейся Франции об участии французских летчиков в операциях на территории Советского Союза. Первого сентября в ливанском городе Рияк сформирована эскадрилья. По предложению летчиков она названа «Нормандия», в пику союзникам, которые только обещают высадиться в Нормандии, да все тянут. И как раз сегодня первая группа эскадрильи «Нормандия» прилетела на авиабазу в Иваново. Их начнут обучать летать на наших самолетах. Очень важно, что французы будут воевать вместе с нами. Отличный пропагандистский момент. Я прошу вас взять под свое крыло этих ребят.

— Разумеется, товарищ Верховный главнокомандующий. Мы их давно ждем. Обещаю отныне быть главным интендантом и Красной армии, и сражающейся Франции.

— Выпьем за это?

— Не пью ведь, товарищ Сталин.

— «Товарищ Сталин», «товарищ Сталин»... А знаете, как Сталин в таких случаях говорит? Пьяных не терплю, непьющим не доверяю.

— Разве вы мне не доверяете?

— Вы единственный из непьющих, кому я доверяю. А что у нас с арктическими конвоями? После несчастных PQ-17 и PQ-18 союзники дрейфят?

— Дрейфят, товарищ Верховный главнокомандующий. С семнадцатым была катастрофа, да и восемнадцатый изрядно пощипали. Готовят

теперь новый конвой из Ливерпуля, даже кодовое наименование меняют, теперь будут не пэ-ку, а джей-дабл ю. Аббревиатура их популярного виски «Джонни Уолкер». Кстати, были бы у них там все трезвенники, глядишь, и не случилось бы беды. А то они, видите ли, День независимости, виски, джин, юнга Джим...

И лишь когда явился первый заместитель Хрулёва генерал-лейтенант Виноградов, Павел Иванович мог позволить себе:

— Разрешите откланяться?

— Разрешаю, — на сей раз смиростивился Сталин. — Жена, конечно, лучше компания, чем мы...

— Да я все равно в ГИУ до упора, — усмехнулся Драчёв.

— А упор когда наступает?

— Да как только у вас, так и у меня упор, — ответил главный интендант, и Верховный слегка толкнул его:

— Идите, трезвенник несчастный!

Не после победы под Сталинградом, а уже через пять дней генерал-майор Драчёв стал генерал-лейтенантом, сравнившись по званию с главным начальником тыла Хрулёвым. А ровно через неделю после той кремлевской ноябрьской ночи началась операция «Уран» — мощное контрнаступление Красной армии, с севера, с востока и с юго-востока на врага ринулись войска, алчущие кровавой мести за сорок первый и сорок второй — два года поражений, унижений, отступлений, страданий. Им понадобилось всего четверо суток, чтобы взять в клещи 6-ю армию вермахта под командованием генерал-oberста Паулюса, который, как и Барбаросса, был Фридрихом, то бишь Фрицем. В котел попала та самая 6-я армия, что первой входила и в Париж, и в Киев, и в Харьков, и в Белгород, а теперь по имени своего военачальника превратилась в многотысячное сборище фрицев, тех самых, про которых родилась прибаутка: «Что такое? Вас ист дас? Фрицы драпают от нас!»

Так началось событие, ставшее переломным в ходе не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны, — полный разгром гитлеровцев в чудовищном и небывалом по своим размахам сражении под Сталинградом. И вот теперь, встречая Новый год, Павел Иванович, Мария Павловна, Ната и Геля слушали с волнением и надеждой то, о чем необыкновенно красивым голосом диктора Левитана вещал, сидя на своем троне, его величество громкоговоритель:

— От Советского информбюро. Вечернее сообщение. В течение тридцать первого декабря наши войска в районе Сталинграда, на Центральном фронте и в районе Среднего Дона продолжали вести наступательные бои на прежних направлениях. Наши войска овладели городом и железнодорожной станцией Обливская и районными центрами Нижне-Чирская, Приютное...

— Стало оно для немцев Бесприютное! — весело воскликнула Ната.

А его величество продолжал:

— За тридцатое декабря в районе Сталинграда уничтожено одиннадцать транспортных самолетов. Частями нашей авиации на различных участках фронта уничтожено или повреждено десять немецких танков, до ста автомашин с войсками и грузами, подавлен огонь двадцати артиллерийских батарей, взорваны десять складов боеприпасов и склад горючего, рассеяно и частью уничтожено до трех батальонов пехоты противника.

— Что-то мало, к Новому году могли бы и побольше, — огорчилась Геля.

— Не гневи Бога, — сказала мать.

— Не пора ли уж пельмени варить? — глянув на часы, спросил отец. — Скоро Туполевы...

— Ну не будем же мы их у порога пельменями встречать.

— А что, вместо хлеба-соли.

— В заводском районе Сталинграда наши части продолжали наступление, — продолжал Левитан, — продвинулись вперед и заняли несколько кварталов. Уничтожено до четырехсот вражеских солдат и офицеров. Захвачены трофеи и пленные.

— Ну, четыреста это же мало! — гнула свое Геля. — Их там сотни тысяч. Сколько там немцев, папа?

— Раз в двести больше, чем у нас пельменей, — ответил отец.

— Ладно, пойду варить, не дадут спокойно послушать, — проворчала мать.

— А не надо так вкусно готовить, а то уже у всех слюнки текут в предвкушении. К тому же скоро и Туполевы пожалуют. Они пунктуальные.

— Северо-западнее Сталинграда продолжались ожесточенные бои в районе высоты, занятой два дня назад нашими частями. Танки и пехота противника восемь раз переходили в контратаки, но каждый раз под ударами советских бойцов откатывались назад. Измотав врага, наши части нанесли гитлеровцам контрудар и заняли до сорока окопов. Немцы потеряли убитыми до шестисот солдат и офицеров. Подбито тридцать три вражеских танка. Захвачены пленные и трофеи. Наши летчики в воздушных боях сбили четыре самолета противника.

— Да этак они к лету не успеют всех переколошматить, — продолжила возмущаться десятиклассница.

— Успеют, — с уверенностью возразила студентка.

— Южнее Сталинграда наши войска, ломая сопротивление противника, продолжали успешно продвигаться вперед и заняли ряд населенных пунктов. В районе Сиротского и Ивановки советские бойцы взяли в плен свыше семисот вражеских солдат и офицеров. Захвачены восемнадцать полевых и шестнадцать зенитных орудий, двадцать автомашин, тысяча двести сорок винтовок, много боеприпасов и другие трофеи...

— Там шестьсот, там семьсот. Нет, Гелечка, если считать, то получается много. К лету точно всех в фарш перемолоть успеют.

— Наши войска в районе Нижнего Дона заняли город, захватили большие трофеи, в том числе эшелон с самолетами.

— Слыхала? Целый эшелон самолетов! Это тебе не шуры-муры!

— На Центральном фронте наши войска продолжали наступление, а на отдельных участках совершенствовали свои позиции. В районе Великих Лук советские части вели бои по уничтожению окруженного гарнизона противника. В районе западнее Ржева наши части выбили противника из укрепленных позиций. На поле боя осталось свыше трехсот вражеских трупов и два сожженных танка. Захвачены самоходное орудие и склад с боеприпасами.

— Слыхали? — радостно выкрикнула Мария Павловна, вытаскивая с мороза мешок с пельменями. — И под Сталинградом, и на других фронтах!

— Пора на Берлин! — сказала Геля.

— Быстрая какая! — возразила Ната. — До Берлина сотни километров. Хорошо бы к лету до него добраться.

— И к лету рановато, — возразил ей отец. — Я так предвижу, что до Берлина мы дойдем к лету сорок четвертого, а может, и сорок пятого. Вагнер еще слишком силен.

— Вагнер? — удивилась мать.

— Мы так с Арбузовым условно обозначали. Красная армия — Чайковский, а вермахт — это Вагнер.

— Хорошее сравнение.

— Да к тому же главным интендантом вермахта является генерал-квартирмейстер Эдуард Вагнер. Мой, так сказать, и коллега, и антипод. А он, судя по всему, сильный специалист, сумеет организовать снабжение вермахта после разгрома под Сталинградом. Хотя лично я желаю ему поскорее сойти с ума, чтобы он стал совершать глупости.

— Юго-восточнее Нальчика наши войска укрепляли занимаемые рубежи и частью сил вели наступательные бои, — продолжал радовать сообщениями Левитан. — Ожесточенные бои происходили в районе одного опорного пункта противника. В этих боях уничтожено до четырехсот гитлеровцев. Огнем нашей артиллерии подбито шесть орудий, уничтожено двенадцать автомашин с грузами и взорвано два склада с боеприпасами.

— Крушите их склады, ребята! — воскликнул Драчёв, до сих пор страдающий, как от осколка в сердце, после уничтожения и захвата врагом немыслимого количества наших складов в сорок первом и сорок втором годах. Он так разволновался, что вскочил из-за стола и поспешил помогать жене в варке пельменей. А громкоговоритель продолжал радовать:

— Партизанский отряд имени Котовского, действующий в Витебской области, организовал крушение воинского эшелона противника. Разбит паровоз, и взорвано десять вагонов с боеприпасами. Другой отряд витебских партизан за два месяца пустил под откос двадцать один немецкий эшелон. Уничтожены и повреждены двадцать один паровоз и двести пятьдесят вагонов с вражескими солдатами, вооружением и техникой. Под обломками разбитых вагонов погибло свыше трехсот гитлеровцев.

— Встаёт оккупированная Белоруссия! — ликовал главный интендант. — Молодцы ребята-белорусы! — Он наполнил кастрюлю водой, поставил ее на плиту и зажег конфорку. Стал помогать жене откалывать смерзшиеся пельмени друг от друга. — Везде запылаёт земля под ногами гнилой фашистской нечисти. Прощайте, унылые сорок первый и сорок второй. Впереди у нас радостные годы. Я это как никогда чувствую. Помнишь, мать, я рассказывал тебе про книжку Гроссер-Кошкина? Там была последняя глава, которую я в юности не очень понимал: нужно уметь посылать мысленную телеграмму в небо, а из космоса получать магическую энергию. Я не понимал, как это отбивать телеграммы в небеса. И лишь во время этой войны понял и научился. Ты не поверишь, но у меня словно телефонная связь с космосом, и мне оттуда приходят сообщения, что мы победим под Сталинградом, а в следующем году будет ещё одна битва, после которой мы будем гнать и гнать фрицев, разгромим их в Белоруссии, на Украине, потом в Европе. И дойдем до Берлина. Какое до Берлина — до Парижа!

— Ну, ты, отец, развоевался! — засмеялась Мария Павловна, глядя на то, как со дна кастрюли начинают подниматься первые робкие пузырьки.

— Не веришь?

— Верю. Только тебе и верю.

— Что-что? — прислушался Павел Иванович к голосу Левитана. — Слыхла?

— Французские свободные стрелки предпринимают активные действия против немецких оккупантов, — говорил Левитан. — Подвижные отряды стрелков оперируют на шоссейных дорогах. За две недели французские патриоты, действующие на трассе Париж — Невер, сожгли двадцать восемь грузовых и легковых машин, истребили восемьдесят пять немецких солдат и офицеров. Близ Марселя патриоты взорвали большой склад с боеприпасами и сожгли склад горючего.

— Как только я произнес заветное слово «Париж»! — ликовал новоиспеченный генерал-лейтенант. — Я Париж от немца спас, я помню каждую проселочную дорогу от Реймса до Парижа. Я там свои следы оставил, и вот теперь они прорастают. Трасса Париж — Невер! Прекрасно помню эту трассу. К северу от нашего лагеря в Ля-Куртин. Вот так Клермон-Ферран, а вот так Невер, и от Невера вверх до Парижа. А в Париже я и не бывал. Может, теперь побываем?

— Ты как будто бокал шампанского выпил, — засмеялась генеральша.

— Я во Франции шампанское пил. И после него пел. А что я пел? «Марсельезу», что же еще! — И Павел Иванович громко запел: — *Allons enfants de la Patrie, le jour de gloire est arrivé!*

Тотчас на кухню прибежали девочки и подхватили:

— Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног.

— Это да, отречемся и отряхнем, — сказал отец. — Но по-французски там более подходит к текущему моменту: «Вперед, дети Отчизны, день славы наступает!» Это, конечно, не Чайковский, но и не Вагнер. А Вагнера мы в наступающем Новом году будем щипать так, что перья полетят.

— Давайте танцевать! — воскликнула Ната и скакнула в гостиную комнату к патефону с пластинками, схватила первую попавшуюся, и зазвучал джаз-оркестр Цфасмана про юнгу Джима.

Вода в кастрюле еще только начинала закипать, и все устремились туда, где место главного занял теперь патефон с вертящейся на нем пластинкой Апрелевского завода, что конечно же дало генерал-лейтенанту повод снова заговорить о французах, которых в сорок первом во время битвы за Москву как раз уничтожили под Апрелевкой.

— А теперь они за нас воевать будут.

— Давайте забудем про войну! — предложила Ната, вытанцовывая фокстрот.

Геля тоже старалась так же ярко танцевать, а Мария Павловна со смехом поначалу изображала из себя достопочтенную матрону и в танце двигалась без резких движений, но понемногу и она входила в раж.

— Отец, а ты что стоишь, как памятник всему интендантскому ведомству?

— Я лучше что-нибудь помедленнее.

— Старик, что ли?

— Эх, кавалеров не хватает! — воскликнула студентка.

— Сейчас Туполевы прилетят, — сказал отец и отправился в прихожую посмотреть, как там обувь.

Конечно же зимние Машины боты разругались: правый стоял на коврике возле двери, а левый кверху подошвой валялся в отдалении с весьма обиженным видом. Главный интендант Красной армии поднял его и поставил рядом с правым, а для острстки к ним приставил мыски к мискам свои хромовые сапоги, начищенные до блеска и имеющие весьма строгий вид. Смотрите у меня!

С Туполевым у них не прервалось знакомство, переросло в дружбу, правда, пока только эпистолярную. Конструкторское бюро Андрея Николаевича располагалось в Омске, в помещениях Иртышского пароходства, там же в Омске на базе автосборочного завода построили секретный завод номер 166, на нем весь прошедший год производили столь необходимые для войны пикирующие бомбардировщики, называемые либо по аббревиатуре Андрея Николаевича АНТ-58, либо по его сокращенной фамилии Ту-2, что получило гораздо большее распространение. А в документах самолет имел секретное обозначение 103В.

В заветном для семьи Драчёвых городе, где переплелись судьбы Павла Ивановича и Марии Павловны, великий авиаконструктор проживал с женой Юлией, дочерью, зятем и сыном. Письма от него приходили раз в две недели, на обратном адресе значилось: «Омск, просп. Маркса, д. 33, кв. 1, архангел Андрей». В ответ Драчёв отправлял письма с адресом: «Москва, ул. 4-я Тверская-Ямская, д. 10, кв. 8, архангел Павел». Осенью, примерно тогда же, когда вернулись из Новосибирска жена и дочери, раздался телефонный звонок и в трубке зазвучал знакомый голос:

— Архангел Павел? А это архангел Андрей. А я уже в Москву перебрался на жительство.

Драчёв находился в курсе всего, что происходило в оборонной промышленности, и в частности в авиационной, где вокруг пикирующего бомбардировщика творилось нечто досадное и загадочное. В Омске наладили его производство и выпустили около восьмидесяти самолетов, но после перевода в Москву, на 156-й завод, серийное производство великолепной машины внезапно свернули и перешли на выпуск истребителей Як-7. При встрече архангел Андрей бушевал и готов был взорваться от негодования. Уверял, что сможет убедить Сталина в ошибочности такого решения, да вот аудиенцию у Верховного главнокомандующего Туполеву никак не давали. Драчёв несколько раз обращался по этому поводу к Хрулёву, но тот отвечал уклончиво: «Всею свое время».

Да и все было не так просто. С пикировщиком Туполева продолжал соперничать самолет его ученика Владимира Петлякова Пе-2, в просторечии «пешка». Он оставался манёвреннее, в чем превосходил «Штуку» — главный немецкий пикирующий бомбардировщик фирмы «Юнкерс», в русском народе называемый лаптёжником, поскольку у него не убирались шасси и из-под крыльев торчали ноги с колесами, сверху покрытыми защитными крыльями, издавала напоминающими лапти. Лаптёжник показывал наибольшую точность вертикального бомбометания, но имел малую скорость, из-за чего его часто сбивали. Пешка же развивала такую скорость, что могла уйти от вражеских истребителей. Но она не обеспечивала такой точности и могла брать бомбы не больше полутора тонн весом. Туполевская «тушка» Т-2 сочетала в себе все лучшие качества: скорость, высоту, манёвренность, точность бомбометания и могла взять бомб на три тонны. Но оставалась проблема с моторами: поставленные на тушку, они часто выходили из строя. В марте 1941 года Петляков за свои самолеты получил первую Сталинскую премию, а его учитель встречал войну в шарашке, продолжая усовершенствовать свое детище, пытаясь доказать необходимость перехода от пешек к тушкам. Пешки производились в Казани, и, когда приняли решение начать производство тушек, Петляков в начале января 1942-го вознамерился лететь к Сталину и лично доказывать, что переходить от пешек к тушкам слишком рано. Он вылетел на только что сошедшей с конвейера пешке, и она потерпела катастрофу, убив своего же создателя. Весь год потом одновременно производились: в Казани — пешки, в Омске — тушки, и весь год они соперничали между собой и с немецкими лаптёжниками. И вдруг новое постановление: нам хватает Пе-2, а Ту-2 еще необходимо дорабатывать. Во все это по мере сил и времени Драчёв пытался вникнуть, но до сих пор не определился, на чьей он стороне. Вроде бы и архангел Андрей прав, защищая свое детище, но и нарком авиационной промышленности Шахурин не дурак, а уж тем более Сталин.

Только Павел Иванович помирил боты и приставил к ним стражу, как ворвался дверной звонок, а ведь не прошло и трех минут с тех пор, как он

сказал, что сейчас Туполевы прилетят. Двери настежь, встречай, восьмая квартира, желанных гостей:

— С Новым годом! С наступающим!

— Архангел Павел, дай я тебя расцелую! Чичиков, брат, безешку!

— Знакомьтесь, это моя драгоценнейшая супруга Мария Павловна, а это наши драгоценнейшие Геля и Наташа.

— Красавицы! — воскликнул Туполев. — Все три как цветы в саду! Дайте я вас тоже расцелую. Хотя мы и впервые видимся, но ваш глава семейства только и говорил о вас, когда мы вместе прохлаждались в Архангельском. А это моя Юлия Николаевна, но не сестра, просто отчества одинаковые, жена. Сын Алешка, дочь, тоже Юлия, а это ее муж Володя. Все хорошие, можно не бояться, не укусят.

Сразу дом наполнился весельем и гвалтом, Ната и Геля встречали гостей громкими голосами, стремясь сразу же одарить их новогодним настроением, а те и не сопротивлялись, особенно Юля с Володей, в отличие от Алексея, державшегося нарочито по-взрослому, чинно и благородно, но с этим сразу взялась бороться «Рио-Рита», Гранады наилучшая сеньорита, и семнадцатилетний юноша, уже по-детски смеясь, закружился по гостиной в танце с десятиклассницей.

Несмотря на столь юный возраст, Алексей Андреевич уже работал конструктором на заводе в Омске, а затем и в Москве, выказывал преемственность, разработал хвостовую деревянную законцовку отцовского пикирующего бомбардировщика, которую сразу же стали охотно производить ради экономии металла.

Дочь Юлия училась на врача, а ее муж Владимир Михайлович Вуль тоже работал конструктором на 166-м авиазаводе, а теперь в Москве — в ОКБ у своего тестя, и архангел Андрей прочил его на место своего заместителя.

После озорной «Рио-Риты» утомленное солнце стало нежно прощаться с морем, по гостиной кружились пары: супруги Драчёвы, супруги Туполевы, молодые супруги Вуль, Алексея не отпускала Геля, и Наташа шмыгнула на диван с обиженным личиком — ну и пусть! Но Алексей, танцуя с ее сестрой, то и дело поглядывал на студентку главного архитектурного вуза, который потихоньку начал переселяться в Москву из ташкентской эвакуации, пока еще на правах филиала, но после провала немецкого наступления под Сталинградом уже ни у кого не оставалось сомнений, что с сентября следующего года занятия начнутся по полной программе.

Близилась полночь, а вместе с ней легкое разочарование: почему не Сталин, почему Калинин?! Потому что он председатель Президиума Верховного Совета, высшего органа власти в СССР. Но все знают, что сейчас полнота власти в руках Государственного комитета обороны, а им руководит Сталин, а значит, он и фактически, и юридически хозяин государства. Не хочу Калинина, хочу Сталина! Девочки, ваши хотелки оставьте при себе. Поздравление читает Калинин, значит, слушаем Михаила Ивановича. Куранты! Куранты! Срочно открываем шампанское! Цимлянское игристое, еще довоенное. Чур, не проливать, всего две бутылки. Загадываем желания, по одному на каждый удар кремлевских часов. А у меня никогда не сбываются. А зато у меня всегда. Отец, хотя бы глоток. Да можно, можно, пой себе потом хоть Мефистофеля. Хотя нет, лучше «Славься, славься!». Все, чокаемся, ура! Пусть этот год станет годом победы! А в сорок четвертом — на Берлин! А в сорок пятом — на Париж, его тоже возьмем! Ура! «Интернационал!» Поем «Интернационал!» Вставай, проклятьем заклеенный, весь мир голодных и ра-

бов! Кипит наш разум возмущенный и в смертный бой вести готов. Алексей, вы что, слов не знаете? Знает, знает, он просто на тебя засмотрелся, как ты смешно поешь, важная такая. Это есть наш последний и решительный бой, с «Интернационалом» воспрянет род людской. А я, представляете, в детстве думала, не род, а рот. Он же голодный, вот и воспрянет. Ура, «Марш цветов»! Ура, Чайковский! Да здравствует Чайковский, побеждающий Вагнера! Садимся, садимся, я сейчас пельмени несу. Мы их, представляете, триста тридцать три штуки налепили, плюс одна с сюрпризом. Сколько нас? Девять? Триста тридцать четыре разделить на девять — сколько получится? Отец, ты у нас счетная машина. По тридцать семь на человека. И один в остатке. Значит, одному кому-то положить тридцать восемь. Да у меня в кастрюлю не все поместились, сначала по двадцать штук каждому. Объединимся! Не объединитесь, вы еще не представляете, что такое пельмени в исполнении моей жены. Сколько ни свари, все съедаются. Слушайте, архангелы, у меня же одна бутылочка еще с сорок первого года припрятана, в американском посольстве подарили, виски сорта «Джим Бин», кукурузно-зерновой бурбон, штат Кентукки, та еще история, сейчас принесу! А в Архангельское можно будет летом всем вместе поехать? Товарищ главный интендант, раздобудете на всю нашу ораву путевки в Архангельское на май месяц? Раздобуду. Уж постарайтесь, голубчик, а то мы с вами архангелы, а все остальные просто ангелы. Ну и хорошо, должна же быть иерархия. Не должна, не должна! Вот у нас в стране какая иерархия? Кто во главе государства? Сталин. Это понятно, а какая у него официальная должность? Я когда была маленькая, его называли генеральным секретарем. Эта должность упразднена в тридцать четвертом. Смешная ты, Гелька! Ну а кто считается главой государства? По конституции Калинин, председатель Верховного Совета. У нас же Страна Советов. Но все знают, что фактически глава государства Сталин. Председатель Совета народных комиссаров, Верховный главнокомандующий, председатель ГКО, нарком обороны. Вот я и говорю, что путаница какая-то, по конституции одно, а фактически другое. Фактически руководитель государства Сталин, и, когда он умрет, придется кого-то назначать на должность Сталина. Нет, друзья, Сталина не назначают, Сталиным становятся. Так, внимание, все споры стихают, и в данный момент у нас во главе государства назначаются и становятся пельмени! Я их боюсь! Какие они дымящиеся, еще цапнут. Не цапнут, не бойтесь. Сметаны маловато, но предлагается тертый хрен, уксус, сливочное масло, давленный чеснок в прованском масле. Позвольте, я первым попробую, на правах самого старого. Тоже мне старик нашелся в пятьдесят четыре года. Мужчина в самом расцвете лет. Смешно, я тут читала статью о возрасте литературных персонажей... Старику Каренину было не больше пятидесяти, как моему мужу, а гляньте на него, он что, старик? Старик, старик, танцевать не хотел! Тихо вы, Андрей Николаевич первую пельмению... Ну что? Простите, Мария Павловна, как, вы говорите, называется это блюдо? Пельмени? О нет, дорогая, это не пельмени! А что не так? Это блюдо называется «Пикирующий бомбардировщик». Его бомба точно попадает в мой желудок и там взрывается. Марья Пална, бесподобно! Это вы еще мамин «Танец живота» не пробовали. Вот кончится война, заживем еще лучше, Маруся вас непременно угостит «Танцем живота». Интригующе! Что это за танец такой? Пока секрет. Но когда разгромим фрицев, она непременно «Танец живота» испечет. А пока насладимся пельменями, они невероятно вкусны. Под них надо водочки или кукурузную кентук-

ку, вот так, отлично, за то, чтобы в новом году наша Красная армия была по врагу так же точно, как эти пельмени по желудку! Ура! Продолжим бомбометание! Боже, как вкусно, я тоже умею пельмени, но это... Поделитесь рецептом? Алёшка, не зевай, срочно выбирай одну из дочек, хочу, чтобы твоя теща всегда нас так угощала. Я согласна. А что это ты, Гелька, согласна? Тебе что, сделали предложение? Не смущайте моего брата, он и так уже красный сидит. Это он от пельменей. Ничего не от пельменей, напали на бедного мальчика. Нашли мальчика, еще один литературный персонаж, этот мальчик такую хвостовую законцовку моему Ту-два спроектировал, что все ахнули, далеко пойдет. Геля, Ната, не теряйтесь, жених завидный. Новый год, радость, встречаем его с победой. Да, братцы, получили фрицы по зубам. Сейчас самое время их бить точными бомбометаниями, а эти му... мухоморы, мужланы, дубины стосеросовые отменили серийный выпуск... Андрюша, миленький, давай не сегодня об этом. Об этом надо и сегодня, и завтра, и кричать на всю Вселенную. Все равно что во время поединка с Гектором у Ахилла отнять копье Патрокла, или чье там у него было копье? Идиотизм какой-то, достоевщина, бред! И ведь он подмахнул убийственную бумагу не глядя, этот ваш, которых не назначают, а становятся. Я второй месяц добиваюсь аудиенции, но кто только не шастает в августейший кабинет, какая только сволочь не удостаивается... Я, например, осенью целых два раза приглашался. Так вот вы и заступитесь за мое боевое копье! Ведь «пике» и переводится с французского как «копье, пика». Обещаю, если только еще раз встречу лично, буду говорить об этом. А то этот ваш Хрулёв мямля. Ладно, я вашему обещанию верю. Архангел Павел, голубчик, ну-с, а какие чудеса в вашем ведомстве? Откройте военные тайны. Какие чудеса?.. Войлочные юрты, к примеру. Войлочные юрты? Мы что, переходим на режим Чингисхана? Нет, Володя, на Чингисхана мы не переходим, но разборные войлочные юрты лучше любых палаток, которые имелись у нас. Я еще в Монголии это заметил и потом просил Чойбалсана, чтобы он прислал. Которого наша Ната Колбасаном назвала. Как-как? Колбасаном?! Стыдно вспоминать, взрослая девочка, и так оговориться! Был бы я писатель, обязательно написал бы книгу «Атаман Колбасан». А смотрите, Чойбалсан, Чингисхан — похоже. Похоже, да не одно и то же. В ноябре маршал Чойбалсан столько всего нам прислал, боюсь, самим-то монголам осталось что-нибудь? Двести тридцать шесть вагонов в сопровождении сорока монгольских делегатов, включая моего старого знакомого Дашдорджийна Даваа, золотого человека. Сотни тонн мяса, варенье, молоко, сливочное масло, зимняя одежда, шапки, кожаные пальто, плащи, солдатские сапоги, седла, больничная и рабочая обувь. И войлочные юрты. Точнее, воинские палатки по образцу юрт. Великолепнейшая вещь, я вам скажу! Хотя, конечно, на передовой вместо палаток всюду землянки используются. Плесните еще бурбончика. Выпьем за Чингисхана, вернувшегося к нам в образе Чойбалсана, не завоевателем, а другом! Алёша, а вам уже достаточно. Чего это мне достаточно? Когда еще американским виски угостят! Ната, нельзя мужчину так грубо останавливать, учись это делать мягко. Ой, что это?! Горю! У меня пельмень не с мясом, а с чем-то чертовским, у меня рот людской горит, дайте срочно запить. Ё-о-озеф Геббельс! Я даже чуть не матюкнулся. Андрей Николаевич, поздравляем, это счастливая пельменя, и она вам досталась. А значит, вы в новом году будете самый счастливый. Если сейчас не умру. Пи-и-занская башня! Это что? Грузинский жгучий перчик? Ну, вы меня подбили, как «юнkers»! Дымлюсь и падаю. Еще

лимонаду, пожалуйста. Все, проходит. Ну вы и бомбочку подложили! Да не волнуйся, Юлечка, мое сердце и не такие перцы выдерживало от руководителей государства, привыкло. Аж слезы... Прошло, не горит больше. Дайте главному интенданту рассказать, а то мы его не дослушали. Павел Иванович, так что еще новенького? Новенького... Открою военную тайну, но она не такая уж и тайна. Хотя лучше, наверное, никому. Да не томите вы, раз уж начали! Новую форму разработали в недрах нашего ГИУ. С погонями. С погонями?! Не может быть! Может. Хоть мы белопогонников без погон били, но принято решение, что фрица будем драть и гнать, имея на плечах погоны. Вот это да! А мне нравятся мужчины в погонах. Есть что-то рыцарское. А как же я, Юля, у меня ведь нет погон? Будут. У меня тост: давайте за то, чтобы в сорок третьем мы били проклятого врага при погонах! А тарелки-то пустые, погодите, не пейте, сейчас второй эшелон пельменей прибудет. А мы под сырок. Надо же, настоящий английский чеддер? Ну-с, чем еще похвастаетесь? Чем похвастаюсь... План по укомплектованию лилипутами выполнили. Кем-кем? Лилипутами? А вы не знаете, что такое лилипуты? Темные вы люди! Пожалуй, пойду помогу принести. Внимание! Торжественный выход второго эшелона! Да здравствует второй эшелон пельменей! Они тоже «Танец живота», у меня в животе так и танцуют. Еще водочки по чуть-чуть! Эх, хорошо пошла! Славься, славься, ты Русь моя! О, отец в оперного певца перерождается. Был отец, а стал певец. Славься, ты Русская наша земля! Только это уже не Чайковский, а Глинка. В обработке Макарова. Поддержим нашего вокалиста. Стоя, стоя! Да будет во веки веков сильна любимая наша родная страна! Алёшка, ты тоже пой! Славься, славься из рода в род, славься, великий наш русский народ! Врагов, посягнувших на край родной, сражай беспощадно могучей рукой!

Глава тридцать шестая **От Курска до Берлина**

В мае сорок третьего, за полтора месяца до начала Курской битвы, три архангела снова сошлись в Архангельском, Фалалеев после перенесенного весной инфаркта, Туполев и Драчёв — подлечиться и восстановить силы перед очередным глобальным сражением этой войны. С семьями. Туполев — с женой и сыном, Драчёв — с женой и дочками, Фалалеев — с дочкой, носящей нелепое, какое-то кусачее имя Клацетта, в честь Клары Цеткин. Провели сказочные пять дней, больше не позволяли дела.

Во время первой же прогулки по зеленеющим красотам дворцово-паркового ансамбля Павел Иванович коротко поведал о своих посещениях кремлевского кабинета, коих в начале года состоялось целых четыре — три в феврале и одно в апреле.

В первых числах февраля Сталин поздно вечером пригласил к себе Драчёва вместе с Хрулёвым. Только что отгремела Сталинградская битва, показавшая всему миру, кто будет победителем. Отборные части вермахта оказались уничтожены, окружены, попали в плен. Теперь уже не нужно было опыта главного германского интенданта Вагнера с его знанием обстановки, чтобы понимать: все предстоящие битвы лишь продлят агонию гитлеровского нацизма. Но впереди еще вставали два с половиной года войны, нельзя расслабляться, нужно четко понимать, чем будем, преследуя, добивать тяжелораненое чудовище. И два лучших руководителя тыла Красной армии в присутствии Молотова, Берии, Маленкова и еще пяте-

рых человек подробно отчитывались руководителю страны о состоянии дел в их ведомствах накануне грядущего летнего наступления. Павел Иванович заодно забросил удочку по поводу туполевского пикировщика, и Хрулёв его поддержал. Сталин выслушал и хмуро спросил:

— Товарищ Туполев жалуется?

— Нет, товарищ Сталин, — ответил Драчёв. — Жаловаться — понятие старорежимное. Но он волнуется.

— Его больше ни в чем не обвиняют?

— Нет, в этом смысле он полностью доволен.

— Что скажет товарищ Берия?

— Авиаконструктор Туполев больше не нуждается в дополнительных мотивациях, — произнес нарком внутренних дел.

— Вот пусть и дальше остается довольным, — подытожил Сталин. — Показывайте погоны.

И Драчёв выполнил то, ради чего его, собственно, и пригласили: выложил перед Верховным все виды погон, которые предполагалось вернуть в русскую армию и на флот. Сталин попросил Поскрёбышева вызвать Калинина и стал внимательно рассматривать предлагаемые образцы. Минут через пятнадцать Калинин явился, и Верховный шутливым тоном сказал ему:

— Вот товарищи Хрулёв и Драчёв предлагают нам восстановить старый режим. Посмотрите, Михаил Иванович.

Калинин тоже внимательно рассмотрел разложенные Павлом Ивановичем погоны.

— Ну, что скажете?

— Видите ли, Иосиф Виссарионович, — ответил председатель Президиума Верховного Совета, — старый режим помним мы с вами, а молодежь его не знает, и золотые погоны сами по себе ни о чем ей не говорят. Если эта форма, напоминающая нам о старом режиме, нравится молодежи и может принести пользу в войне с фашистами, я считаю, что ее следует принять.

В этот момент Драчёву захотелось его обнять и воскликнуть: «Золотые слова!» Уж так его ГИУ намучилось с этими погонами, каких только вариантов не перепробовали! Если бы и сейчас их забраковали — хоть волком вой. К тому же Павлу Ивановичу очень нравилась идея погон. Красиво, придает военному человеку особый шик. И враг видит, что перед ним не какие-нибудь самозванцы, а представители грозной армии. А уж как женщинам нравится, тут и слов нет.

— Тебе очень пойдут погоны! — жаждала видеть мужа в новой форме Мария Павловна, и ему тоже не терпелось, чтобы она видела его при генеральских погонах.

И вот наконец оба руководителя СССР, номинальный и фактический, утвердили новшество.

— Ну что же, — сказал Иосиф Виссарионович, — думаю, старые большевики на нас не обидятся. А главное, что побуждает Советское правительство ввести погоны в Красной армии, — это учреждение единоначалия. В боевых условиях новыми знаками различия мы поднимем и укрепим авторитет командных кадров. Необходимость введения погон диктуется также предстоящими совместными действиями и тесным взаимодействием на полях сражений с союзными армиями. Я считаю полезным принять в Вооруженных силах общепризнанные знаки различия — погоны. Спасибо, товарищ Драчёв, за проделанную работу, можете идти.

Через неделю — новое приглашение.

— Ну, Повелеваныч, мы с вами зачастили в Кремль! — смеялся Хрулёв.

На сей раз и Молотов, и Каганович, и Берия, и Маленков, и еще несколько человек долго ждали в приемной, пока в девять часов Поскрёбышев не вызвал их всех разом вместе с Хрулёвым и Драчёвым. В тот день Красная армия освободила Ростов-на-Дону, и всех распирало хорошее настроение. Разговор шел о дальнейшем наступлении, и Драчёва лишь пару раз спросили о готовности интендантского ведомства. Он отчитался, а минут через сорок его отпустили.

Не прошло и недели, как Сталин снова его вызвал, причем принял до Хрулёва, а не вместе, и это свидетельствовало, что Повелеваныч расценивается им наравне с Великим комбинатором.

На сей раз настроение у присутствующих было подавленное: немцы под командованием Манштейна начали контрнаступление, вырвали из наших рук инициативу, вновь теснили на восток. Неужели и в сорок третьем повторится то же, что в прошлом году, радость от победы сменится горечью нового отступления?

В марте фронт удалось стабилизировать, но тогда же закончилась провалом наша операция «Полярная звезда», призванная освободить Ленинградскую область и снять блокаду северной столицы.

В апреле сорок третьего Драчёв во время очередного посещения кремлевского кабинета осмелился снова заговорить о туполевском пикирующем бомбардировщике, и начальник тыла поддержал главного интенданта, а Сталин спросил:

— Так что же, Сталин воспрепятствовал? Подписал распоряжение об остановке производства не глядя.

— Почему же не глядя? Глядя! — сказал Павел Иванович. — Просто вам привели неопровержимые доказательства, что машину нужно еще годами доводить до ума, хотя достаточно лишь кое-что подправить.

— Как нехорошо этот Сталин поступил, — сказал Сталин. — А почему вы не жаловались? Андрей Васильевич, Павел Иванович! Надо было тогда же пожаловаться на Сталина в ЦК.

— Да вот как-то не догадались, товарищ Верховный главнокомандующий, — ответил Хрулёв.

— Оба такие догадливые, а не догадались! Нехорошо, товарищи!

Когда, гуляя летом среди красот Архангельского, Драчёв по секрету передал сей разговор Туполеву, тот аж подпрыгнул:

— Вот ведь Фома Опискин! Что, скажете, не Фома?

— Фома, — вздохнул главный интендант. — Но не Опискин. Скорее Фома неверующий.

— Это точно, — согласился Туполев. — Никому не верит, и Христу бы не поверил, полез бы своими волосатыми пальцами Ему под ребра проверять, насколько глубока рана от копья.

— Вообще-то они у него не такие уж и волосатые, — пожал плечами Павел Иванович.

— Защищайте, защищайте его! — фыркнул Андрей Васильевич.

Вернувшись из цветущего Архангельского, главный интендант снова превратился в «глубоководное» и погрузился в пучину дел.

Потом оглянулся: где я? Уже на суше, в кремлевском кабинете докладывает о проделанной работе по итогам летней военной кампании:

— ...Гораздо приятнее, нежели под Сталинградом. Теперь мы больше не теряли склады, как в сорок первом и сорок втором. К началу операций Центрального фронта с Курского выступа армейские склады и базы

располагались на линии железной дороги Орел — Курск, и железнодорожники проявляли настоящий героизм, под бомбами и снарядами доставляя все необходимое войскам. Я лично побывал там и своими глазами убедился в слаженности работы. К началу немецкого наступления пятого июля все армии и войсковые части фронтового подчинения были хорошо обеспечены всеми видами интендантского имущества и продовольствия и ни в чем не испытывали нужды, были одеты, обуты и обеспечены питанием, содержали продовольственные запасы в положенных нормах. Вынужден признать, что в отношении обуви и нательного белья ощущались перебои, но совершенно незначительные. С переходом войск Центрального фронта в общее наступление с Курского выступа по основной магистрали Курск — Льгов — Ворожба — Нежин войскам бесперебойно подавались все необходимые грузы, продовольствие, вещевое и обозно-хозяйственное имущество. Собранное с полей сражений доставляется во фронтовые и гражданские мастерские города Курска и вновь обращается в обеспечение войск фронта.

— То есть отремонтированное с убитых переходит к живым?

— Такова суровая правда войны, и не надо закрывать на нее глаза.

— Да, я помню по Гражданской, как поначалу кого-то коробило, а потом привыкали.

— Люди, товарищ Сталин. Кого не покоробит, если он на груди видит заштопанную дырку, через которую прошла пуля и убила предыдущего обладателя шинели или гимнастерки.

— Кстати, о гимнастерках. Когда они появились?

— Этот вид военной одежды в царской армии появился во времена Туркестанских походов. Ее прообразом стала рубаха для гимнастических упражнений, отсюда и название. После революции мы от гимнастерок отказались в пользу летних хлопчатобумажных и зимних полушерстяных кителей, но в середине тридцатых их вернули, а теперь утвердили новые образцы, с учетом введения погон, — без запинки проинформировал до-тошный главный интендант.

Отступаем — страшно, наступаем — прекрасно, но теперь другие заботы. При отступлении успевай склады перебрасывать с запада на восток, при стремительном наступлении торопись, чтобы склады не отставали за войсками, а то убегут солдатики на сотню километров от своего имущества. Не успели оглянуться — снова надо переходить на зимние виды обмундирования, но уж теперь успевали, и не так болела голова у главного интенданта, с конца августа и начала сентября, точно в срок, начинали погрузку зимнего имущества.

Когда начали наступать в Белоруссии — там сплошные болота, да еще постоянно шли дожди, — валенками почти не пользовались, и появилась нехватка кожаной обуви — проблема, которую нужно решать, хоть из кожи вон лезь!..

Но проблемы решались, обмундирование вовремя и в нужных количествах ремонтировалось, поставлялось новое, стопроцентное питание наладилось, и доблестная Красная армия больше не отступала, а шла вперед и вперед.

Снова сквозь него проходили ящики и мешки с продовольствием, шинели, штаны и куртки, гимнастерки и шаровары, пилотки, нательные рубахи, кальсоны, полотенца, портянки и обмотки, плащ-палатки и каски, ремни, патронные сумки и вещмешки, котелки и фляги, полушубки, телогрейки, валенки, шапки-ушанки, термосы и брезенты, перчатки и рукавицы... Но теперь не с запада на восток, а с востока на запад, на запад, на запад, все

ближе и ближе к логову ненавистного дракона! И теперь душа очистилась от гари складов, которые больше не приходилось сжигать, отступая.

При всеобщем наступлении на плечи ГИУ легла еще одна тяжелая ноша — пленные. Мало того, что квартирное управление занималось восстановлением и строительством госпиталей, так теперь еще добавились лагеря для военнопленных, которых нужно размещать, кормить, тоже обувать и одевать, потому что обмундирование и обувь у сдавшихся фрицев чаще всего оказывались непригодными для дальнейшей носки. Конечно, выручали захваченные немецкие склады, но они не могли больше чем наполовину покрыть необходимое количество одежды и обуви. Мы же не европейцы, чтобы беспощадно относиться к пленным, это поляки могли не кормить наших ребят в концлагерях после своего чуда на Висле, и из ста тридцати тысяч красноармейцев больше половины умерли от невыносимых условий содержания. Это немцы могли с удовольствием смотреть, как в их концлагерях умирают русские пленные, которые в нацистском понимании ничуть не лучше цыган и евреев. Нам это европейское бесчувствие чуждо, у нас есть совесть, мы помним завет Суворова: «Несдающегося врага добей, сдавшегося — пожалей, обогрей и накорми». И вот после победы под Сталинградом количество лагерей для немецких военнопленных стало расти с каждым месяцем, появлялись они в Подмосковье и Сибири, в Казахстане и Узбекистане, на Дальнем Востоке и Урале, в Удмуртии и Татарии, в Армении и Грузии, в Воронежской, Тамбовской и Горьковской областях, а после снятия блокады Ленинграда — и в Ленинградской. Как только освобождались земли Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, Крыма, там тоже возникали лагеря для пленных немцев, австрийцев, венгров, румын, поляков, финнов, шведов, испанцев, французов, голландцев, хорватов и прочих представителей Европы, явившихся поохотиться на русского медведя, не думая, что медведь — тоже хороший охотник. И наши лагеря ни в какое сравнение не шли с немецкими и польскими, все захваченные в плен европейски жили довольно сносно: от голода и холода не страдали, а если заболели, то их лечили. Работали заключенные не более восьми часов в сутки, получали за это по четыреста граммов хлеба, а после Курской битвы в полтора раза больше, сто граммов рыбы, столько же крупы, полкило овощей и картошки, а также понемногу сахара, соли, перца, муки, чая, растительного масла, уксуса. Можно ли представить, чтобы наш военнопленный где-нибудь в Бухенвальде, Освенциме или Дахау получал все перечисленное, да еще рейхсмарки за свою работу? А в наших лагерях пленные солдаты получали семь рублей в месяц, офицеры — десять, полковники — пятнадцать, генералы — двадцать. И предоставлялась возможность копить полученные суммы в сберегательных кассах. Им выдавали мыло, они писали письма на родину и получали письма от родных и близких. Когда у них изнашивалась одежда и обувь, ведомство Драчёва обязано было выдавать даром телогрейки и штаны, теплые шапки, ботинки, портянки. Наши военнопленные ничего не имели, потому что, видите ли, Сталин не подписал Гаагскую конвенцию, но мы эту конвенцию соблюдали, а ведомство генерала Драчёва несло ответственность за выполнение ее условий.

Павел Иванович чтит завет Суворова, но сердце его стонало оттого, что приходится выделять суммы и средства не для своих солдат и офицеров, а для тех, кто пришел нас грабить, убивать, насиловать, жечь.

Еще вспоминалось, как подло поступили поляки в самый тяжелый момент, накануне Сталинградской битвы. Еще в начале сорок второго договорились с ними о дружбе и помощи, и поначалу они клялись, что

создаваемая ими на нашей территории армия будет воевать рука об руку с нами против немцев на советско-германском фронте, их же премьер-министр в изгнании Сикорский из Англии предлагал польской армии Владислава Андерса, сформированной под Бузулуком, остаться в СССР и здесь сражаться против вермахта, но вдруг армия Андерса заартачилась, командиры объявили, что не будут сражаться рука об руку с русскими, хотят хэнд-ин-хэнд с Англией, потребовали перевода в Иран. Сколько сил и средств понадобилось, чтобы перебросить этих жолнеров из заволжских степей во владения иранского шахиншаха! Ни разу не выстрелив по врагу, сытые, но вечно недовольные поляки уплывали из туркменского порта Красноводск по Каспию к персидским берегам, да еще имели наглость швырять за борт пароходов полученные ими непонятно за какие заслуги советские денежные знаки, а наши ребята с ненавистью смотрели им вслед, видя, как зеленые трехрублевки, синие пятирублевки и розовые тридцатки кружатся в воздухе и сыплются на морскую волну, словно дешевое разноцветное конфетти. Следивший за отправкой поляков Белоусов красочно описал эту подлость, и Драчёв, которому пришлось напрягать финансовое ведомство, чтобы выделить по пятьсот рублей каждому польскому солдату и по тысяче офицеру, возненавидел Польшу. Сколько русских людей нуждались в этих трешках, пятерках да тридцатках, а достались деньги каспийской воде!

Белоусов так эмоционально рассказывал, что Драчёву стало казаться, будто он своими глазами видел разноцветные денежные знаки, мелькающие в воздухе и садающиеся на воду. Ведь они не деньги отшвыривали, а продукты жизнеобеспечения, которые могло Главное интендантское управление на эти деньги купить. Каждая копейка на счету!

Слово «эксплуатация» в документах отчаянно продолжали писать через «о» — «эксплоатация», и сколько бы Драчёв ни твердил, что французское «oi» читается как «уа», в том числе в слове «exploitation», привычное неправильное написание оставалось неизменным, как и применение английских кавычек-лапок вместо твердого знака. И в отчетах ГИУ машинистки продолжали настырно печатать не «объехать», а «об'ехать», не «объявление», а «об'явление». Но если в первые годы войны это его раздражало, то теперь действительность примиряла с упрямством машинисток, потому что показатели «ввода об'ектов строительства в эксплуатацию» радовали, планы перевыполнялись в два, а иногда и в три раза. Новых госпиталей в 1943 году запланировали на 2150 коек, а «сдали в эксплуатацию» на 6850 коек; приспособленных госпиталей вместо запланированных семидесяти восьми тысяч — сто восемнадцать тысяч. Такие же показатели по пищеблокам, баням, дезинфекционным камерам, овощехранилищам и землянкам, которые на передовой служили жилищем вместо палаток. Все это относилось к предметам квартирного довольствия, а также керосиновые лампы, фонари, ламповые горелки и стекла, умывальники, огнетушители, кровати, котлы, печи-временки, походные столы и стулья, вешалки на шесть крючков, топчаны, кипятильники, тазы, ведра... и несть числа всевозможному имуществу, которым война должна располагать так же, как пушками и снарядами. Теперь в достатке имеются даже лилипуты. Они именно так и числятся во всех реестрах. Наташе или Геле, которым когда-то мама и папа читали Свифта, могут представиться маленькие человечки из «Путешествия Гулливера», которые воюют против Блефуску, бойцы их носят в карманах и выпускают в разведывательных целях. Вернувшийся из разведки лилипут согревается в землянке чаем, а то и чем-то покрепче и рассказывает, что ему удалось увидеть в расположении блефускуанцев.

Но на самом деле лилипуты — это особые малоразмерные осветительные приборы шириной и высотой в два спичечных коробка. Используются в разных целях, в том числе сигнальных.

По мере наступления Красной армии на плечи ГИУ ложилось и все трофейное имущество, которое росло как на дрожжах, особенно когда стремительно освобождались все новые и новые территории, два года изнывавшие под игом врага. Приходилось требовать увеличения штата офицеров квартирно-эксплуатационного отдела, чтобы можно было их направлять на освобожденные территории, где они параллельно с восстановлением квартирной службы, учетом фонда и размещением госпиталей занимались сбором, переписью и охраной трофейного имущества. Эти интенданты входили в освобождаемые населенные пункты вместе с передовыми частями армии и погибали наравне с другими бойцами и офицерами.

Легче стало и с обеспечением дровами. Если вокруг Сталинграда из-за отсутствия лесных массивов с древесиной приходилось туго, то, наступая на запад, наши войска входили в обширные леса, где дров можно заготовить достаточно, и планы выполнялись стопроцентно.

В начале войны Красная армия насчитывала три с половиной миллиона человек, а к началу наступления на всех фронтах ее численность увеличилась до девяти миллионов. Соответственно и размеры снабжения стали в три раза больше. А ведь еще понадобилось обеспечивать партизанские отряды, военнопленных, новые иностранные боевые формирования. Пришлось заниматься не только поставками отечественной продукции, но и закупкой импортного имущества у англичан и американцев.

Но Главное интендантское управление генерала Драчёва со всем справлялось, и чем ближе победа, тем все успешнее, работы прибавлялось, но и становилось проще, не горели и не попадали в руки врага склады, наоборот, вражеские склады доставались наступающим победителям. Война добралась до вершины и теперь катилась под гору к своей заветной цели.

Победный май Повелеваныч встречал с чувством выполненного долга, и статистика его не удручала, как в первые два года войны, а наполняла радостью. Приятно брать в руки машинописные листы с отчетами и ласкать глазами цифры. Шинелей, в соответствии с разнарядкой ГКО, положено десять с половиной миллионов, а в наличии на три миллиона больше, гимнастеров х/б полагается одиннадцать миллионов, а числится вдвое больше, нательных рубашек и кальсон нужно по двадцать миллионов, а заготовлено два раза по столько. Вечная головная боль — кожаная обувь, но и ей теперь можно обеспечить еще одну десятиmillionную Красную армию. Стальных шлемов полагается по одной штуке на двоих? А произведено и имеется по три каски на каждого красноармейца. Он может жонглировать ими, как в цирке. Уже и не помнится, как в сорок первом имелось лишь по одной каске на двух бойцов.

Неужели ни в чем нет недостатка? Услышав такой вопрос, главный интендант мог лишь слегка потупить — еще предстоит восполнить нехватку плащ-палаток, котелков и фляг, но дай срок, и с этим справимся, а в остальном имущества в наличии либо столько, сколько положено по разнарядке ГКО, либо в два, а то и в три раза больше.

Не терпелось прийти в кремлевский кабинет и лично доложить руководителю страны о чрезвычайных успехах интендантской службы Красной армии, неслыханных во всей мировой истории. Но Верховный почему-то не звал его больше для приятных бесед. Последняя встреча Повелеваныча со Сталиным в Кремле состоялась в ночь с 26 на 27 мая 1944 года. Тогда по итогам грандиозного зимнего наступления наши войска полностью

разгромили группу армий «Юг» под командованием фельдмаршала Манштейна и группу армий «А» фельдмаршала Клейста, освободили всю Правобережную Украину, до самых Карпат, вошли в Крым и за месяц освободили его. Теперь предстояло освобождать Белоруссию и Прибалтику.

— Какие есть жалобы со стороны красноармейцев в адрес интендантского ведомства? — спросил тогда Сталин.

— Возникла острая необходимость в количестве мыла, товарищ Верховный главнокомандующий, — ответил Драчёв.

— Мыла? А почему мыла?

— Во всех городах, которые мы освобождаем, на солдат и офицеров набрасывается огромное количество женщин, и они оставляют обильные следы губной помады на щеках и гимнастерках.

— Ах, вот оно что, — засмеялся Иосиф Виссарионович. — А кроме шуток?

— Если серьезно, то уровень выполнения Главным интендантским управлением поставленных ГКО задач высокий, и красноармейцам почти не на что жаловаться. Притом что на ГИУ теперь свалилось громадное количество военнопленных немцев, румын, хорват, мадьяр, итальянцев, испанцев и прочей нечисти, явившейся к нам под знаменами Гитлера.

— Вот об этом я и хотел вас спросить. Как вам удается справляться с потоком военнопленных?

— Удастся, товарищ Сталин. Жаль, конечно, тратить на них социалистическое имущество и провизию, но ничего не поделаешь, мы ведь не такие сволочи, как они.

— Мы тут как раз говорили об этом. Товарищи Жуков и Василевский обещают нам, что в ближайшие месяцы пленных станет гораздо больше. И у нас в беседе возникла идея проведения особой спецоперации сугубо пропагандистского характера. Устроить парад военнопленных на улицах Москвы. Пусть наши союзники увидят на кадрах кинохроники, сколько этой, как вы говорите, нечисти оказалось у нас в плену. Может, это подтолкнет их усилить намечаемую десантную операцию по открытию второго фронта. А то, судя по всему, высадка ожидается не столь масштабная, как хотелось бы. Кое-кто даже придумал карикатурное название для данной пропагандистской акции — «Большой вальс».

— Как кинокартина?

— Да, как американская картина.

Ходил слух, будто Сталину очень нравится фильм режиссера Дювивье о похождениях в молодости австрийского композитора Штрауса. Драчёв обвел взором присутствующих, гадая, кто из них мог придумать подобное название для марша военнопленных. В сталинском кабинете собралось немало народу: Молотов, Ворошилов, Берия, Маленков, Булганин, военачальники Жуков, Василевский, Антонов, Штеменко, Рокоссовский, Черняховский, Баграмян, начальник артиллерии Воронов, начальник инженерных войск Воробьёв, нарком Госконтроля Мехлис, нарком коммунального хозяйства Макаров, а вместе с Драчёвым для большей солидности Хрулёв пригласил сотрудников ГИУ Агинского и Колесова. Будь здесь председатель Комитета по делам кино Большаков, человек веселый и остроумный, можно бы не сомневаться, это его выдумка. Остальные вряд ли могли додуматься до такого здорового цинизма. Судя по собранию, разговор шел о грядущем наступлении в Белоруссии, а никак не о тонкостях американского кинематографа.

— «Большой вальс» — превосходное название для задуманной акции, — сказал Павел Иванович. — Полагаю, надо, чтобы военнопленные выглядели сытыми, одетыми, обутыми и жизнерадостными?

— Радостными они вряд ли будут выглядеть, — ответил Сталин. — Но выглядеть должны прилично, а то как наших пленных морить голодом и болезнями — это пожалуйста, а увидят англичане и американцы потёртых немцев и румын, развопятся, что русские варвары неправильно обращаются с бедненькими европейцами.

— Военнопленненькими, — добавил Мехлис. Этот разбитной одессит принимал активное участие в ежовщине, он мог и о репрессированных сказать: «Расстрелненькие». Странно, что по окончании большого террора Берия не отправил его туда же, куда сгинули Ягода и Ежов.

Еще Павел Иванович не до конца понимал, кто такие присутствовавшие здесь Маленков и Булганин, почему они входят в ближний круг Сталина. Главная заслуга первого состояла в совместном с Берией низвержении Ежова, чуть не подошедшего к тому, чтобы арестовать самого хозяина и захватить власть в стране. Второй и вовсе какой-то серый человек, создатель службы инкассации; на войне, где бы он ни появлялся, всюду всем мешал своими, выражаясь деликатно, некомпетентными советами, и в итоге Павлу Ивановичу доводилось слышать, как многие за глаза просто называли его дураком. Тем не менее сей дурак дослужился до звания генерал-полковника, и Сталин намеревался назначить его своим заместителем в Совнарком. Чудны дела Твои, Господи! Но к интендантскому ведомству это отношения не имеет, и лучше не забивать себе голову, кто да почему. Одно можно сказать точно: ни Маленков, ни Булганин по складу ума не способны были придумывать столь остроумные названия, как «Большой вальс».

И пришлось главному интенданту еще и этот танец курировать. Но акция прошла безукоризненно, немецкие военнопленные получили все необходимое — и трофейное обмундирование, чтобы не выглядеть обтрёпашами, и питание. Причем тут-то и сказалось особое коварство русских варваров. Драчёв приказал выдать и без того не голодным военнопленным усиленное питание, вдобавок в местах концентрации участников этого парада — на стадионе «Динамо», выездковом поле кавалерийского полка дивизии имени Дзержинского и на московском ипподроме — немчуру еще раз подкормили кашей и хлебом с салом — ешь сколько хочешь. Не веря своему счастью, фрицы облопались, солоноватое сальце запили огромным количеством воды, и, когда ораву в шестьдесят тысяч человек повели по московским улицам, многим из них довольно быстро захотелось по большой и малой нужде. Малую кое-кто из них умудрялся справлять, внедрившись в середину колонн, а уж с большой — извините, переносных палаточных сортиров ГИУ не предусмотрело, пришлось терпеть, иные и не утерпели, и не напрасно заранее оказались предусмотрены поливальные машины. Они и символически смывали с проезжей части следы фашистской нечисти, и фактически очищали улицы от нечистот, оставленных как грубыми тевтонцами, так и отдельной колонной легкомысленных французов, украшенных элегантными трехцветными кокардами. Проходя мимо грузовика, в котором стоял представитель «Свободной Франции» генерал Пети, его соотечественники кричали ему: «Vive la France!» — мол, они не хотели, на что он только сплюнул и назвал их негодяями: «Sales scélérats!»

Поскольку с генералом Пети главный интендант имел постоянное общение по поводу эскадрильи «Нормандия», так случилось, что Павел Иванович оказался в ту минуту как раз в том кузове грузовика и лично наблюдал красноречивую сцену. Он по-французски сказал дружественному генералу-голлисту:

— Они кричат, что не хотели. Что их насильно мобилизовали.

— Вранье! — ответил Пети. — Никто никого насильно не мобилизовывал. Это добровольцы. Кто не хотел, тот теперь с нами.

В августе точно такой же вальс станцевали в Киеве, а осенью генерал-лейтенант Драчёв получил второй орден Красного Знамени, в том числе и за оснащение операции «Большой вальс». Но в основном, конечно, не за нее. Не было ни одной операции Красной армии, к планированию которой не приложил бы свою руку Повелеваныч. После Москвы, Сталинграда и Курска — прорыв блокады Ленинграда, Корсунь-Шевченковская, Белорусская, Львовско-Сандомирская, Яско-Кишиневская, Берлинская операции. Нигде невозможно было обойтись без подвластного ему ведомства. К кабинету главного интенданта выстраивались в очередь командующие фронтами и армиями, несли свои проблемы к венецианскому окну, в котором за бумажными крестами виднелись собор Василия Блаженного и памятник старосте Минину, призывающему князя Пожарского к спасению Отечества нашего.

Теперь можно было с уверенностью сказать, что Чайковский победил Вагнера и доведет свою могучую музыку до Берлина. Да и коллега антипод Повелеваныча генерал-квартирмейстер Эдуард Вагнер тоже канул в небытие. В июле предпоследнего года войны он участвовал в заговоре против Гитлера, обеспечил самолет главному организатору покушения полковнику Штауффенбергу, чтобы тот мог улизнуть после взрыва. Осознавая, что его арестуют изверги из гестапо, Вагнер-интендант продырявил свою умную голову выстрелом из пистолета.

Участвовал в заговоре против бесноватого фюрера и другой коллега Драчёва — руководитель отдела экономики и вооружения вермахта пехотный генерал Георг Томас, но он не застрелился, а подвергся аресту и отправке в концлагерь Дахау.

Так что отныне на той стороне линии фронта у Повелеваныча не оставалось достойных соперников, и в ближайшее время он будет победителем!

Глава тридцать седьмая **Пир победителей**

Июльской ночью первого года войны немецкий летчик сбросил на Кремль фугасную бомбу весом четверть тонны, начиненную аммоналом. Она пробила крышу и потолочное перекрытие Большого Кремлевского дворца, низверглась на пол в Георгиевском зале, но таинственным образом не взорвалась, а развалилась на куски, оставив на полу воронку, и Сталин то ли в шутку, то ли всерьез назвал это чудом святого Георгия.

Знал бы немецкий ас, что своей бомбой в ту июльскую ночь он обозначил место будущего проведения торжественного приема, устроенного вождем русского народа в честь своих полководцев — спасителей Отечества, одержавших полную и сокрушительную победу над гитлеровской Германией, взявших ее столицу Берлин и заставивших ненавистного врага капитулировать.

Вот они, овеванные порохом своих побед и пока еще чужие для мирной жизни, входят под своды белоснежного величественного зала, в парадных мундирах, сверкая погонами и наградами, взволнованные, будто идут не на пир, а на очередную битву. Многочисленные пышные люстры озаряют огромное пространство, превращая белые стены в белоснежные. Героев встречают длинные столы, накрытые белоснежными скатертями, и они,

как самобранки, быстро накрываются все новыми и новыми блюдами и бутылками, всем тем, что должно приходить не заранее, а прямо к появлению гостей, охлажденным.

Оркестр играет «Вальс цветов» из балета Чайковского. А спасители России все идут и идут, их много, но самое грандиозное помещение Большого Кремлевского дворца призвано вместить всех, кто, не жалея сил и жизни, ковал великую Победу. Впереди идут и занимают свои места за столом маршалы и адмиралы. Их имена прославлены и известны всему народу великой страны. За ними следом — тоже прославленные, но менее известные, и среди них...

Кто этот опрятный и ладный генерал-лейтенант в безукоризненно отутюженном мундире? Ему еще нет пятидесяти, но голова покрыта сединой, как горная вершина снегом, на груди два ордена Ленина, два Красного Знамени, орден Кутузова первой степени, медали «За оборону Москвы» и «XX лет РККА». Он с достоинством, но не выпячиваясь, скромно, но не застенчиво двигается в черед выдающихся полководцев, равный среди равных, зная, что он такой же творец Победы, как и они, внес в дело разгрома врага столько, что невозможно переоценить.

Но в народе о нем не знают, его портреты не мелькают на страницах центральных газет, и если кого-нибудь из прислуги, мельтешащей в огромном зале, спросить, кто это, то едва ли назовут, хотя весь нынешний банкет устроен именно его управлением. Жукова назовут сразу, Будённого — безусловно, Рокоссовского, Малиновского и других, а его — нет.

Такова судьба многих, без кого Родине было бы невыносимо трудно, кто нес стране самое необходимое, кто себя не жалел, отдавая все силы, и всегда оставался незримым.

Он успел занять свое место за праздничным столом рядом с другим таким же высокочинаемым деятелем тыла, снабдившим фронт оружием, боеприпасами, боевыми механизмами, обеспечившим бесперебойную работу транспорта, дослужившимся до звания генерала армии, и у него тоже два ордена Ленина, Красного Знамени не два, а три, медалей ненамного больше и два ордена Суворова первой степени.

Два великих поставщика Победы, начальник тыла и главный интендант РККА, сели на небольшом отдалении от стола президиума, но тотчас встали, чтобы бурными аплодисментами приветствовать руководителей партии и правительства.

Мельком глянув на часы, любящий все фиксировать Павел Иванович отметил: ровно двадцать ноль-ноль. Отменная пунктуальность. А под гулками белыми сводами Георгиевского зала, словно взмывшие в небо галдящие чайки, гремели рукоплескания. Впереди всех шел Верховный главнокомандующий и он же председатель Совета народных комиссаров; по правую руку от него — верный соратник, один из пяти первых маршалов Ворошилов, по левую — народный комиссар иностранных дел Молотов, за ними — председатель Верховного Совета РСФСР Жданов, первый заместитель председателя Совнаркома Каганович, другой заместитель и нарком внешней торговли Микоян, нарком земледелия Андреев и — почему-то тоже среди избранных — первый секретарь Киевского обкома Хрущёв, человек, умеющий вовремя подсуетиться, пролезть в компанию лучших, оказаться в кадре снимаемого кинофильма... Далее шли председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Шверник, нарком внутренних дел Берия, председатель Особого комитета по демонтажу немецкой промышленности Маленков, замнаркома обороны Булганин и председатель Госплана Вознесенский.

Стараясь не рассуждать, кто из них достоин места среди главных людей страны, а кто нет, генерал-лейтенант Драчёв смотрел, как они благосклонно принимают гремящие в их честь рукоплескания и занимают почетные места за столом президиума.

Когда чайки рукоплесканий перестали галдеть, первым взял слово Молотов:

— Товарищи, мне выпала честь выступить на сегодняшнем торжественном мероприятии в качестве распорядителя застолья...

— Тамадой, — поправил его Сталин.

Вячеслав Михайлович захихикал, тотчас напомнило о себе его заикание:

— Да, тэ-тэ-тамадой... — Он вновь приосанился и продолжил: — Предлагаю пэ-пройти в пэ-президиум видным советским военачальникам Великой Отечественной войны: Маршалам Советского Союза Жукову, Коневу, Будённому, Тимошенко, Рокоссовскому, Малиновскому, Толбухину, Говорову, адмиралу флота Кузнецову, главному маршалу артиллерии Воронову, главному маршалу авиации Новикову.

А Фалалеев? Павел Иванович оглянулся по сторонам и увидел маршала авиации Фалалеева, сидящего неподалеку напротив него. Архангел Федор улыбнулся и подмигнул приятелю, поднял бокал, указал на него и кивком головы спросил: что, по-прежнему ни-ни? Драчёв в ответ тоже улыбнулся и покачал головой: ни-ни. И почему всех так остро всегда интересует, не развязал ли трезвенник?

Да, затянулась война на долгих четыре года. После победы под Москвой ждали скорого решительного наступления, потом после Сталинграда, после Курска... А когда вышли к Прибалтике и Восточной Пруссии, к границам Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии, молили Бога и судьбу, только бы в верхах не приняли решение остановиться и заключить мир, только бы дали дойти до Берлина, чтобы там святой Георгий убил страшного змея, питающегося человечиныю.

И вот в Георгиевском зале разгоралось торжество победителей!

Глядя на Молотова, Драчёв думал, что лучше бы сам Сталин вел застолье или бы поручил Левитану произносить заученные речи своим красивым голосом. Недавно Павел Иванович познакомился с тем, кто озвучивал нам эту великую войну, и Юрий Борисович со смехом рассказал, что, после того как он объявил о взятии Берлина, а акт о капитуляции еще не был подписан, на радио стали поступать гневные телефонные звонки и письма: «Почему вы мучаете советских людей и не объявляете о победе?», «Хватит издеваться, объявите наконец: “По-бе-да!”».

Да, уж Левитан бы эффектнее вел этот торжественный прием, а то Молотов заикается, говорит без должного пафоса, который в данном случае был бы вполне уместен.

— Пэ-позвольте мне посвятить первый тост кэ-красноармейцам, кэ-краснофлотцам, офицерам, генералам, адмиралам, Маршалам Советского Союза и прежде всего — Иосифу Виссарионовичу Сталину, который руководил и руководит всей борьбой и привел к великой победе, невиданной в истории.

Как-то это бледно, невыспренне, тогда как сейчас именно и должна звучать выпренность, не в ироничном значении этого слова, а в поистине торжественном. Но у Молотова речь звучит заурадно, будто тост произносится не за величайшую в мировой истории Победу, а за хороший урожай в отдельно взятом колхозе, и Сталин сидит не как великий победитель, а с видом председателя этого колхоза. Драчёву вдруг вспомнилась паника в октябре сорок первого, «Иосик Виссариосик»...

Ждали-ждали эту победу, а теперь все как-то обыденно. Или главному интенданту только кажется? Ну, нет. Зал-то какой! Дух захватывает, как помотришь на его величественные своды. А военачальники наши — орлы, обмундирование на них великолепное, на погонах звезды, ордена и медали сверкают.

А кто разрабатывал это обмундирование, эти погоны, эти ордена и медали? Нет, никто не говорит, что Драчёв лично, но ведь в его ведомстве, в его ГИУ, которым он руководил почти с начала войны, с самого трудного времени, когда гадали, возьмет враг Москву или не возьмет.

Все пьют стоя за первый тост, кто шампанское, кто вино, но в основном — дагестанский коньяк и московскую водку. Еще зубровку. Американским бурбоном даже и не пахнет.

Павел Иванович не хочет раньше времени стать князем Игорем или Индийским гостем, и потому у него в бокале под видом шампанского белый шипучий квас из графина, его он нарочно распорядился приготовить к этому приему, чтобы многие такие же, как он, благоразумные люди могли предотвратить собственное оперное пение или что похуже. Конечно, обеспечением ужина победителей распорядилось Главное интендантское управление Красной армии, кто же еще.

И все-таки почему Сталин сам не взял бразды правления великим застольем, зачем доверил невыразительному наркому иностранных дел? Да он вообще в последнее время как-то даже стесняется, что он Сталин, пытается в шутку делать вид, будто Сталин не он, а кто-то другой, которого показывают в кино, изображают на плакатах, а, мол, его можно попробовать даже обвинить в чем-то, как тогда он предложил жаловаться на него в ЦК.

И теперь, глядя на Сталина, сидящего за столом президиума в сером кителе с маршальскими звездами на погонах и с единственной наградой на груди — звездой Героя Социалистического Труда, Драчёв с усмешкой вспомнил тот разговор двух архангелов, думая теперь, все-таки Опискин или не Опискин. Иной раз Верховный вел себя точь-в-точь как главный персонаж «Села Степанчикова».

Но как бы то ни было, а после того кремлевского разговора начальника тыла и главного интенданта с председателем Совнаркома и Госкомитета по обороне на московском 156-м заводе возобновили работы по опытному самолетостроению, а главным конструктором завода был назначен не кто иной, как архангел Андрей, и с июля началось производство пикирующего бомбардировщика Ту-2С, где «С» означало «серийный». И чудо-машине, доведенной до совершенства, предстояло стать самолетом Победы, бомбить отступающих врагов в Белоруссии, Западной Украине, Прибалтике, Польше, Венгрии, наносить прицельно и точно удары по Берлину.

Второй бокал Молотов поднял за великую партию Ленина—Сталина и за ее штаб — Центральный комитет, в который на Сталина так и не поступило ни одной жалобы. И уж не знали, что делать — поднимать бокалы или аплодировать. Кто-то захлопал в ладоши, кто-то налил себе полную чарку и поднял, произошла сумятица, куда тот, за кого, по сути, снова произнесли тост, не разрешил проблему:

— Не надо хлопать, давайте просто выпьем, товарищи.

— Огонь! — первым нашелся и выкрикнул Фалалеев, и все поддержали, крикнули «ура!» и осушили свои бокалы.

А сын великого авиаконструктора в новогоднюю ночь влюбился в дочь великого интенданта, летом сорок третьего ухаживал за ней в Архангельском и потом продолжал ухаживать, и можно только мечтать, чтобы

они сошлись в браке! Но студентка МАРХИ ну никак не отвечала взаимностью: «Это не тот человек, который мне должен встретиться и стать главным конструктором моей жизни!» — вот и всё, ни в какую! Бедный Алёша. Ну, стало быть, и ему суждено встретить другую архитектуршу его жизни. Не пропадет, парень-то золото.

— Вы готовы произнести слово? — спросил Павла Ивановича Андрей Васильевич, и Драчёв растерялся:

— А что, разве...

— Мало ли, всякое может быть, — пожал плечами Хрулёв.

А тем временем назначенный хозяином застолья тамада уже говорил дальше, и почему-то о поляках:

— ...гостей из Пэ-польши, только что обретшей независимость. Четыре дня назад, товарищи, в Москву прибыл эшелон с углем — пэ-подарок от пэ-польских горняков. Его доставила делегация из двадцати человек, возглавляемая пэ-председателем пэ-профсоюза польских горняков товарищем Щесняком. Я предлагаю выпить за демократическую, дружественную Советскому Союзу Пэ-польшу и хочу высказать пожелание, чтобы советско-польская дружба стала пэ-примером для других славянских народов.

По залу пробежало недоумение, вполне понятное и разделяемое Павлом Ивановичем. При чем здесь Пэ-польша? Разве польские горняки разгромили Гитлера? Конечно, Войско польское участвовало в штурме Берлина, никто не спорит, но поляки пять лет работали на Германию, производили то, что убивало наших граждан. Не в такой мере, как чехи, вдруг тоже ставшие нам друзьями, но тоже немало постарались.

— При чем тут поляки? — спросил расположившийся справа от Драчёва начальник ГОУ — Главного организационного управления — генерал-лейтенант Карпоносов, замначальника Генштаба по оргвопросам, трудолюбивый и застенчивый человек, о котором говорили: «Есть в Генштабе Карпоносов. Есть вопросы? Нет вопросов!»

— Наверное, потому, что с них мировая война началась, — ответил Павел Иванович и, поняв по лицу Карпоносова, что у того остались вопросы, добавил: — Я-то почему знаю, Арон Гершович!

Какие-то невзрачные, не имеющие никакого отношения к нынешнему собранию люди, разодетые, как на ярмарку, в национальные польские костюмы, вдруг оказались возле стола президиума и хором запели что-то крикливое, с гонором, какие-то пшиячиочи, ни в склад ни в лад, но громко и нагло, поглядывая по сторонам так, будто Минин с Пожарским их отсюда, из Кремля, и не прогоняли пинком под зад. И главное, долго и нудно.

— Это что, хор поляков из оперы «Иван Сусанин»? — спросил Драчёв у Карпоносова, и тот на сей раз понял шутку, засмеялся.

Ну, спели один куплет, и достаточно, так нет, они дальше и дальше поют свое никому не понятное, кроме Рокоссовского, и не только у Драчёва, но и у всех собравшихся стало закипать негодование. Неужто мы поляков не знаем? Никогда они не станут нам братьями, их жжет извечная и необъяснимая ненависть ко всему русскому, даже сейчас явились сюда не как народ, освобожденный нами от немецкого рабства, а как шляхтичи — ставить своего круля на Москве.

Какую-то странную политику заигрывания с поляками, финнами, западными украинцами затеял Иосиф Виссариосиф. Говорят, он очень любит украинские и польские песни, ну так и слушай их тихонечко на своем проигрывателе, подаренном Черчиллем, танцуй гопак-краковяк — зачем их сюда приглашать?

Ох и намучился Драчёв с этими внезапными друзьями! Сначала чехословацкий пехотный батальон, потом эскадрилья «Нормандия», ставшая потом «Нормандией–Неман», еще венгерская «Буда», а хуже всех польская и румынская пехотные дивизии, все жилы вытянули из Главного интендантского управления. Корми их, обеспечивай всем нужным и ненужным, обязательным и необязательным, лишь бы только белый польский орел не вернулся под крылья черного немецкого и вечные перевёртыши не стреляли в нас. Ладно, геройские французские летчики, они появились в разгар Сталинградской битвы, когда никто в мире не знал, чья возьмет. А остальные-то оборотни приползли под наши красные знамена уже в сорок четвертом, а кое-кто и в сорок пятом.

Молотова можно понять, почему он так перед ляхами прогибается: хочет свою вину загладить за пакт с Риббентропом. Но, во-первых, за пять лет до Молотова–Риббентропа поляки первыми подписали пакт Пилсудского–Гитлера, а во-вторых, пока мы в сорок первом и сорок втором с поляками тетешкались, полмиллиона их сражалось под знаменами со свастикой против Красной армии. Больше, чем венгров, румын и прочих европейцев. А теперь гляньте на них, поют свое непонятно что, какое-то «бочка ист пилна потшеба». Бочка им потребна, все им мало. Смолкли наконец-то, но не потому, что совестно, а просто длинная песня иссякла. А наш Верховный, поваливший в бездну Адольфа, этого параноика, которого все боялись, гляньте-ка, тронут, чуть не прослезился, встает, протягивая дрожащей рукой бокал с красным вином в сторону пшеков:

— За настоящую, рабочую дружбу, которая сильнее всякой другой дружбы! За горняков наших и ваших!

В самый раз бы ему тот мундир генералиссимуса, который он с негодованием отверг, а зря, поляки любят фанаберию. Кстати, и звание такое же, как у Суворова, уговорил Сталина одобрить поляк Рокоссовский. Но Константин Константинович скорее исключение из общего польского правила, а мундир пошили в мастерской ГИУ пышный, со всякими завитушками и, главное, с круглыми золотыми эполетами, как у военачальников войны с Наполеоном, бахрома свисает, в ней искорки. Смотрелось вполне опереточно, и Сталин с юмором отнесся к такому мундиру: «Я что, румын?»

— Не хотим пить за польскую фальшивую дружбу? — спросил Андрей Васильевич.

— У меня даже квас в горле застрянет, — ответил Павел Иванович, подавляя в себе ненависть и презрение к этим якобы братьям-славянам, пусть они даже самые что ни на есть рабочие и колхозники. Какой огромный кусок хлеба, вместо того чтобы отдать русскому солдату, пришлось выделить этим вертихвостам, зная, что никогда от них не получим благодарности. Стыдно смотреть, как они толпятся у русского стола, не забывая о своем традиционном гоноре, а все равно есть в них что-то жалкое. И Повелеваныч повторил шутку: — А что они пели-то? Хор испуганных поляков, которых Иван Сусанин завел в лес дремучий?

— Оно самое, — засмеялся Андрей Васильевич, коему тоже пришлось в свое время отрывать для шляхтичей кусок от родного военно-промышленного пирога. Армия Андерса через Иран переправилась в Европу и там воевала за англичан, отличилась в битве при Монте-Кассино, потеряв в ней убитыми аж целых три тысячи человек, а всем участникам украсили грудь огромными орденскими крестами. Зато под Сталинградом не полегли в ненавистную русскую землю...

Обласкав ляхов, тамада наконец-то оторвался от них и, глядя, как они с неохотой уходят от стола президиума, продолжил заикаться:

— Тэ-товарищи, сегодня среди нас нет нашего дорогого всесоюзного стэ-старосты Михаила Ивановича Калинина, который должен теперь особенно заботиться о своем здоровье.

— А что с ним? — спросил Драчёв у Карпоносова, будто не зная, и на сей раз тот тоже отшутился:

— Рыжиков переел.

— И я предлагаю, — продолжал зануда-тамада, — выпить за пошатнувшееся здоровье одного из славных пэ-представителей русского народа, старейшего члена Центрального комитета большевистской партии, председателя Пэ-президиума Верховного Совета СССР...

Тут Сталин будто вынырнул из волны своего польского умиления и громко добавил:

— За нашего президента, за Михаила Ивановича Калинина!

— Президента... — сердито фыркнул Хрулёв, и не надо объяснять, что он имел в виду. Мол, как в США Рузвельт, тоже больной. Но Рузвельт, несмотря на свой недуг, в течение всей войны активно работал на посту руководителя государства, всего себя отдавал служению своей американской родине и даже изображал из себя искреннего друга СССР. Что не мешало ему, когда работы над созданием ядерного оружия приблизились к успеху, выступить с предложением бомбить те города Германии, к которым приближается Красная армия, мол, двух зайцев убьем — и немцев, и русских, ибо когда они вступят в город, их будет встречать смертоносная радиация.

Но Рузвельт умер, а Калинин пока жив, еще только подозревают у него рак кишечника. И Михаил Иванович, болея всю войну, меньше принес пользы советскому народу, чем Рузвельт американскому. Его использовали как человека-подпись, чтобы не брать на себя ответственность, все документы несли к нему визировать. Умрет — с него и взятки гладки. Всесоюзный староста... Он что, Минин? Нет, конечно. Кто-то охотно, кто-то равнодушно выпил за человека-подпись, а воскресший Иосиф Виссарионович, перехватив у тамады его обязанности, продолжил, бодрым голосом меняя унылую тональность, заданную Молотовым:

— Товарищи! Президент — это, конечно, хорошо, но я хочу сказать, что хорошая внешняя политика иногда весит больше, чем две-три армии на фронте. Давайте выпьем за здоровье министра иностранных дел — наркома Молотова. За нашего Вячеслава!

— А в пересчете на самолеты? — донеслось до ушей Драчёва с той стороны, где сидел Фалалеев. Архангел Федор пребывал явно в озорном расположении духа.

Повелеваныч посмотрел на него и подмигнул другу.

Во время Сталинградской битвы Федор Яковлевич выступал главным представителем СССР на переговорах по вопросам создания «Нормандии–Неман» и потом взял шефство над этим боевым формированием, постоянно держал связь с Павлом Ивановичем, делал все, чтобы облегчить ему задачи по обеспечению французских летчиков всем необходимым.

Однако сколько французов сражалось за нас и сколько против, несопоставимо. Против нас тысячи: и легион добровольцев по борьбе с большевизмом, и отдельные отряды в составе вермахта, и французская дивизия СС «Шарлемань», целым составом воевавшая на Восточном фронте, а в Берлине с остервенением защищавшая Рейхстаг; за нас — девяносто шесть летчиков и механиков «Нормандии–Неман», героические французские асы сбили около трехсот немецких самолетов, сорок два француза

погибли, но все они хоть немного, но спасли честь Франции, постелившей под Гитлера. Стоило бы позвать сюда сегодня командира «Нормандии–Неман» бригадного генерала авиации Пьера Пуйяда.

И уж никак не поляков, а монголов следовало чествовать третьим тостом, вот уж кто проявил настоящую дружбу, не выставляя никаких условий. Почему не доставили в спешном порядке маршала Чойбалсана? Нужно не в Европе и Америке друзей искать, а в Монголии, Китае, Корее, стать во главе Востока, а не на задворках Европы исполнять все ее капризы, постоянно прощая вероломство и предательство. Почему наши цари и вожди этого не понимали и не понимают? Александр Невский понимал, но о его правильной политике забыли. Даже, казалось бы, мудрый Сталин с надеждой смотрит не туда, откуда солнце восходит, а туда, где оно садится в волны Атлантики. И нарком иностранных дел у нас тоже западник. Чего стоит одно это чествование поляков, не принесших и сотой доли того, что дали нам для великой Победы те же монголы. Ладно, хватит о поляках, забыли. К тому же на сцену выходят следующие действующие лица спектакля.

— Предлагаю поднять бокалы за заслуги командующих войсками Красной армии в годы Великой Отечественной войны, — произнес Сталин. — И прежде всего я хочу назвать командующего Первым Белорусским фронтом маршала Жукова, напомнить о заслугах полководца при защите Москвы, во время обороны Ленинграда. Именно маршал Жуков стал освободителем Варшавы...

Тьфу ты! Дались им эта Варшава, эта Польша! Жуков вместе с Коневым и Чуйковым Берлин взял! Хоть у главного интенданта РККА с Георгием Константиновичем свои счеты, огромного значения маршала для великой Победы Драчёв ни при каком раскладе отрицать не станет.

Сталин словно услышал посланное в космос Повелеванычем негодование, подавился своей Варшавой, закашлялся, начал испуганно запивать Польшу водицей, а вместо него снова заговорил Молотов:

— Все помнят, что под руководством мэ-маршала Жукова наши войска вошли победителями в Берлин. За здоровье маршала Жукова!

Тут все застолье взорвалось дружной овацией, она понеслась под своды Георгиевского зала, как эхо к заснеженным вершинам гор. Драчёв невольно посмотрел вверх, увидел эти белоснежные вершины и понял, что он скажет, доведись ему произносить тост. Хотя вряд ли ему дадут слово. Спасибо, если произнесут здравицу в честь начальника тыла, может, тогда и про него невзначай вспомнят. Но за Жукова он обязательно поднимет бокал с белым квасом и прокричит вместе со всеми: «Ур-р-ра-а-а!»

— Вы бы, генерал-лейтенант, не очень напивались, — с доброй издевкой посоветовал ему Хрулёв. — Нам с вами еще Парад Победы готовить. Особенно вам. Придумали, где будете недостающие немецкие знамена раздобывать?

— Известно где, в музеях, — орлом глянул на него Повелеваныч. — Кто их там отличит, нынешние они или исторические?

— А ведь и впрямь, — удовлетворился ответом Андрей Васильевич. — Ну у вас и голова!

— Можно было бы, конечно, Жукова попросить, чтобы он провел еще одну наступательную операцию, дошел от Берлина до Парижа, тогда бы и набрали себе знамен выше крыши, — пустился в рассуждения главный интендант. — Но мне тут диктор Левитан говорил, что народ очень недоволен был, почему никак не объявляют Победу.

— Левитан? — заинтересовался Карпоносов, выпив за Жукова и жуя расстегай с семгой.

— Да, Юрий Борисович Левитан, — кивнул Драчёв, тоже налегая на закуску, благо нехватки ее на столах не наблюдалось. — Читали, как Суворов ответил, когда ему наши генералы стали жаловаться, что австрийцы воюют мало, а все знамена себе захватывают?

— Если честно, то нет, — признался Арон Гершович. — У меня как-то вообще на книги времени не хватает.

— А у меня всюду есть связи, мне время в тройной порции выдают, могу найти для чтения, — подбоchenился Повелеваныч. — Суворов ответил: «Оставьте им знамена, мы себе еще в бою раздобудем, а им-то, бедным, где взять?»

— Так и сказал? — воскликнул Карпонос и от души рассмеялся.

— Вот это еще попробуйте, — посоветовал ему Драчёв.

— Это что? — заинтересовался начальник тыла.

— Шемай каспийская копченая, — ответил Повелеваныч, гордясь всем, что он сумел обеспечить к столу победителей: икрой зернистой и паюсной, заливной севрюгой, керченской селедкой, тамбовской ветчиной, салатами «Оливье» и «Весна», нельмой в белом вине, каспийской шемаей. — Попробуйте ростбиф. Ни за что не догадаетесь, из какого он мяса.

— Неужели из азовского крокодила? — вскинул брови Хрулёв.

— Нет, — оценив шутку, улыбнулся Драчёв. — Из дзерена.

— Из кого?!

— Дзерен, монгольская антилопа, Чойбалсан прислал специально к сегодняшнему застолью. Повар Протопопов отменно приготовил, устранил жесткость.

— Это который масляный Мавзолей сделал?

— Он самый.

Тридцатилетний Сергей Протопопов считался лучшим шеф-поваром Москвы, с восемнадцати лет руководил рестораном для партийной элиты, носившим скромное определение «Столовая № 21». Однажды искусно вырезал из огромного куса сливочного масла Мавзолей Ленина и украсил им витрину. Тогда как раз только что деревянный заменили на каменный. Даже елочки вылепил из масла, смешав его с измельченным шпинатом. Естественно, нагрянули хинц унд кунц, хотели привлечь за контрреволюцию, но партийная элита заступилась, не дала в обиду искусного повара. История сливочного Мавзолея могла стать трагической, а превратилась в анекдот.

Но главным шеф-поваром сегодняшнего застолья фигурировал не Протопопов, а комиссар госбезопасности третьего ранга красавец грузин Эгнаташвили, начальник хозяйственного отдела НКВД и личный дегустатор Сталина. Этот замечательный человек в юности выступал борцом в цирке, после революции открыл свой ресторан, а когда нэп прихлопнули, то и его прикрыли, посадили в тюрьму. Соотечественники Сталина похлопотали за Александра Яковлевича, и главный советский грузин назначил Сашико заместителем директора партийного санатория в крымском Форосе, потом — директором дома отдыха Верховного Совета в Абхазии, Эгнаташвили стал майором, а во время войны — комиссаром госбезопасности. С этих пор Драчёв тесно сотрудничал с бывшим цирковым борцом, называл его «наш грузинский Поддубный» и доверял Сашико так же, как тому доверял Верховный. Все грузинские блюда к сегодняшнему столу обеспечил Эгнаташвили, а долму и сациви даже приготовил собственноручно.

К готовке привлекли и известного кулинара Ленинских Горок Спиридона Путина, который готовил еще Ленину, потом Крупской, а после ее смерти Спиридон Иванович стал главным поваром пансионата Москов-

ского горкома партии в Ильинском, бывшем имении московского генерал-губернатора Сергея Александровича, дяди последнего царя.

И еще многих отменных кулинаров удостоили чести готовить для пира победителей, но не хватало среди них одного, того, кто должен был приготовить свои знаменитые арбузовские сосиски, которые генерал-лейтенант Драчёв так в жизни ни разу и не попробовал. В первые годы войны для их приготовления не имелось продуктов, а потом не стало и самого Арбузова. Сначала от него перестали приходить весточки, а в сорок третьем году пришло письмо от старшего лейтенанта Зубова, в котором тот написал, что старшина Арбузов завещал ему московский адрес и просил сообщить главному интенданту Драчёву в случае гибели или тяжелого ранения. Увы, немецкая мина угодила в полевую кухню как раз в тот момент, когда Василий Артамонович готовил в ней гороховый суп с копченой грудинкой, и его сразило наповал.

Вспомнив своего друга, Павел Иванович смотрел на маршала Жукова, в честь которого сейчас все поднимали бокалы и пили за его здоровье. Георгий Константинович сиял улыбкой и наградами, теснившимися на его груди: три золотые звезды Героя Советского Союза, три ордена Ленина, два Красного Знамени, многочисленные медали. И два ордена «Победа», который, так же как и орден Отечественной войны, вышел уверенной походкой из стен Главного интендантского управления. Тот же Кузнецов его и разработал, Александр Иванович, старший художник Технического комитета ГИУ РККА.

После коренного перелома в войне у Сталина родилась идея создать отдельный орден для самых крупных полководцев — «За верность Родине». А то всё Ленины да красные знамена, а Родина где? В начале Курской битвы первый эскиз предоставило хрулёвское ведомство, его нарисовал офицер штаба Управления тыла полковник Неелов. Но Сталину нееловский эскиз не пришелся по вкусу, и Верховный вновь обратился к Драчёву в телефонном звонке:

— У вас хорошо работает фантазия, хорошо сделали с орденом Отечественной войны. Сделайте орден, которым мы будем награждать полководцев-победителей.

И Повелеваныч снова запряг Кузнецова. Нееловский проект имел в центре погрудные профильные изображения Ленина и Сталина, избавиться от них Александр Иванович не осмелился, и в конце октября Драчёв принес в кремлевский кабинет Верховного эскиз новый, интересный, но с теми же профилями.

— Опять Ленин, опять Сталин... — поморщился Сталин. — Шаблонно мыслите, товарищи. — Мне, например, очень нравится Спасская башня Кремля с красной звездой на вершине. Когда приезжаю в Кремль, всегда из окна автомобиля ею любуюсь. Нигде в мире такой нет.

— «И звезды наши алые сверкают небывалые...» Отличная идея! — отозвался Драчёв. Он, хоть и удостоился в сентябре сорок третьего высшей награды — ордена Ленина, в глубине души чувствовал, что вождь пролетариата как символ уже малость поднадоел.

— Отличная идея... — проворчал Иосиф Виссарионович. — Прикажете мне зачислиться художником в вашем управлении? Все остальное прекрасно, звезда рубинового цвета, усыпанная, как росой, бриллиантами. Как там поется? «Не счесть алмазов в каменных пещерах...» Надпись «Победа» вместо длинного «За верность Родине» тоже хорошо, лаконично. Может, так и назовем — орден «Победа»? А что, ведь впереди у нас великая Победа, не правда ли? Что скажете, Повелеваныч?

— В этом нет никакого сомнения, товарищ Верховный главнокомандующий.

— Значит, так тому и быть. Но вместо этих двух замечательных людей пусть будет Спасская башня Кремля, а над ней сияет красная звезда. Спасская башня очень красиво будет смотреться. Ведь Спас значит Спаситель.

С этим не поспоришь, Спасскую башню главный интендант постоянно видел из окна своего кабинета и чувствовал исходящую от нее силу, а стрелки на ее циферблате приближали великий день Победы. И андреевские кресты после прекращения бомбежек столицы ушли со стекол.

К двадцать шестой годовщине революции семнадцатого года мастера московской ювелирно-часовой фабрики изготовили семнадцать вариантов ордена. Предполагалось, что Сталин уже седьмого ноября кого-нибудь наградит — героев Курской битвы: Жукова, Ватутина, Катукowa, Конева, Рокоссовского. Но Верховный не спешил. Вызвав Драчёва за месяц до праздника, внимательно осмотрел предложенные на выбор ордена и указал:

— Вот этот. Изготовьте штук двадцать—двадцать пять к Новому году. В этом году, мне кажется, мы еще не добьемся окончательной победы над Гитлером. Так что не спешите, есть время. На Монетном дворе будете изготавливать?

— Никак нет, товарищ Сталин, на московской ювелирно-часовой. Мастер высочайшей квалификации Казённых. На Монетном дворе нет ювелирки.

— Пусть фон сделает не золотистым, а небесно-голубым. Ведь победа знаменует собой наступление чистого мирного неба над головой. Думаю, хорошо будет смотреться. Завтра еще раз ко мне загляните и покажите. Присаживайтесь, чайку попьем, потолкуем.

Сколько Драчёв ни бывал в сталинском кабинете Кремля, ни разу не удавалось уйти быстро. Сталину нравилось спокойствие главного интенданта, свойственное людям, уверенным в том, что они правильно исполняют свой долг и их не в чем упрекнуть.

Казённых исполнил пожелание, и заказчик остался доволен:

— Видите, как чистое голубое небо заиграло? Победа — это мир, счастье, благодать. Помню, в Великом славословии поется: «На земле мир и в человеках благоволение». Запускайте в производство.

В течение месяца изготовили двадцать два ордена Победы, усыпанных бриллиантами из Гохрана, их еще в двадцатые годы извлекли из императорских орденов и других дореволюционных наград. Все-таки подготовились к годовщине Октября. Мало ли что удумает Верховный. После освобождения Орла, Белгорода и Харькова Красная армия провела наступательную операцию «Суворов» по освобождению Смоленска. Вскоре из вражеских когтей вырвали Донбасс и Киев, вот только на Крым не хватило сил.

Зимне-весенняя кампания сорок четвертого оказалась весьма успешной, в результате четырех месяцев наступления Красная армия освободила всю Правобережную Украину и вышла к западным границам СССР. А на северо-западе наши войска захватили Новгород и сняли наконец проклятую блокаду Ленинграда. Началась Крымская наступательная операция, на сей раз ставшая успешной.

В сорок четвертом наконец-то по-настоящему запахло Победой, как в марте еще лежат снега, но уже начинает полноценно ощущаться запах приближающейся русской весны.

Глава тридцать восьмая **Альпийские снега**

Глядя на обилие и великолепие пира победителей, Павел Иванович испытывал странное чувство: ему совсем не хотелось всех этих яств. Ненадолго привлекло блюдо с галантином из зайчатины, в котором так игриво подмигивали ягоды брусники, но отведал маленький квадратик и не стал больше добавлять к себе на тарелку. Безумно вкусно, но ему вдруг захотелось не этого, а тех скудных блюд столовой ГИУ, которыми потчевали в суровые времена начала войны.

На богатом пиршественном столе не хватало свекольной розы, той самой, какую умел приготовить повар Арбузов, имея под рукой всего ничего. И как он умудрялся превратить обычную свеклу в произведение кулинарного искусства? В этом и есть настоящее мастерство, а из зайчатины и осетрины любой сделает вкусное блюдо.

Вдруг Павлу Ивановичу представилось, что раскрываются все двери и в этот пиршественный зал входят другие победители — те, кто остался лежать в белоснежных полях под Москвой, кто не вернулся из свинцовой сталинградской метели, кто сгорел в танках под Прохоровкой, утонул в холодной воде при форсировании Днепра, пропал без вести в белорусских болотах, задремал смертельным сном в зелени полей над Вислой, кого убил европейский эсэсовец, защищавший Рейхстаг и Рейхсканцелярию. Входят те, в кого стреляли из всех видов вооружения в течение всех этих нескончаемых лет войны, кого жгли, душили, морили голодом в лагерях смерти, вешали с табличкой на груди «Партизан», кто падал с небес в горящем пикирующем бомбардировщике... Все те, ради кого он не спал по ночам, мучительно думая о том, чего им сейчас не хватает на передовой. Те, о ком вздыхала верная подруга: «Милый...», о ком плакала дочь: «Папочка...», о ком тосковала мать: «Сыночек, мальчик мой...»

Вот они входят сюда, под торжественные своды Георгиевского зала, такие, какими их застала битва: в белых монгольских дубленках, пробитых пулей, в заколдобившихся от лютого мокрого холода шинелях, в побелевших от степного зноя гимнастерках, в сапогах и валенках, в разболтанных ботинках, над которыми полосками обмотки; входят, закопченные в боях, обмороженные, с запекшимися губами, с бездонными глазами горя, и садятся за эти чистые и обильные столы — но не могут есть, потому что куски в горло не лезут. Сидят, не понимая, зачем они здесь, медленно оттаивают, размягчаются, и голод дает о себе знать. Они заскорузлыми руками берут со стола все, что вмещается в родное слово «еда», уже могут есть, наливают себе в бокалы и рюмки, не глядя выпивают и становятся снова живыми. Они смотрят на главного интенданта и видят в нем своего друга, спасителя, благодаря которому они не замерзли до полного исчезновения, не умерли на фронте от нехватки питания; но он не смог спасти их от пуль и снарядов, да и не мог спасти, потому что на то она и война, чтобы гибнуть.

Он увидел их разом вместо всех генералов, вместо тех в президиуме, в честь кого произносились здравицы.

Генерал Драчёв смотрел на привидевшихся ему и знал, что лично он ни в чем не виноват перед ними...

— О чем задумались, Павел Иванович? — спросил Андрей Васильевич, видя, что его верному соратнику сильно и глубоко взгрустнулось.

— О перчатках, — тихо отозвался главный интендант.

— О перчатках? О каких перчатках? — удивился начальник тыла.

— О белых, — сказал Павел Иванович. — Белых, как снег в Альпах. Чтобы наши солдаты в белоснежных перчатках выносили на Красную площадь вражеские знамена и швыряли их к подножию Кремля, а потом снимали бы их и выбрасывали туда же с брезгливостью. Потому что перчатки станут как бы запачканы, осквернены. Вот подсчитываю, сколько понадобится перчаток для Парада Победы.

— Вы неисправимый трудяга, — с ласковым упреком произнес Хрулёв и чокнулся своей рюмкой водки с бокалом белого кваса.

— Рабочая лошадь, никуда не денешься, — вздохнул Павел Иванович.

Первый орден Победы вручили за год до самой Победы, в апреле сорок четвертого его получил Жуков, а за номером два — начальник Генштаба маршал Василевский. Жуков разгромил японцев на Халхин-Голе, и Япония не решилась потом напасть на СССР вместе с Гитлером, он не дал немцам взять Москву и Ленинград и на протяжении всей войны являлся первым заместителем Верховного главнокомандующего, гнал врага с нашей земли на Украине и в Белоруссии, взял Берлин. Василевский с 1942 года возглавлял Генштаб, и во всех успехах Красной армии его роль не меньшая, чем у Жукова, он покорил Кёнигсберг, и в самый раз поднять следующий тост за Александра Михайловича — но он сегодня отсутствовал, возможно, потому, что уже с головой ушел в подготовку войны с Японией и срочно улетел на Дальний Восток.

Третью «Победу» решили дать самому Верховному, тут не поспоришь, он молодец, и скромность сохранил, не потребовал себе за номером один. Кстати, и за номером три велел вручить ему уже только после Победы, а до той поры никто не знал, что он третий. Следующими ожидали Конев, Рокоссовский, Толбухин и другие маршалы. В глубине души Драчёв надеялся, что хотя бы под номерами двадцать и двадцать один наградят начальника тыла и главного интенданта, но оба пока стояли если не в конце очереди, то в середине. Сначала дали вторую «Победу» Жукову, потом ее получили Конев, Рокоссовский, Малиновский и Толбухин. А больше на пиру победителей никто не сверкал бриллиантами. Сталин еще не был официально награжден «Победой», а из всех наград сегодня ограничился только звездой Героя Соцтруда, единственной, которой он считал себя удостоенным по праву. Год назад, в мае сорок четвертого, когда Павел Иванович в очередной раз получил приглашение в кремлевский кабинет Верховного, тот ему так и сказал:

— Какой я полководец? Я, как и вы, рабочая лошадь. Выносливая и покорная своей судьбе. Вот наградили меня перед войной звездочкой с серпом и молотом — это по заслугам. Больше и не надо.

Молотов поставил здравицы на конвейер: после тоста за Жукова поднимали бокалы за маршалов Конева, Рокоссовского, Говорова, Малиновского, Толбухина, Василевского, хоть он и отсутствовал, за Мерецкова, дошли до генералов армии Баграмяна и Ерёменко.

— Ну, генерал армии Хрулёв, готовьтесь, — легонько толкнул Андрея Васильевича Павел Иванович.

— Да ладно, я не обижусь, — откликнулся начальник всего советского тыла. — Есть особая гордость в том, чтобы значить много и оставаться незаметным, разве не так? — И Хрулёв чокнулся своей водкой с квасом Драчёва, который перешел с белого на брусничный.

— И раствориться в народе, — согласился главный интендант. — Ваше здоровье, дорогой Андрей Васильевич! Мне ни с кем не было так хорошо работать, как с вами.

- А мне с вами.
- Мы как тайное правительство Победы.
- Серые кардиналы, что ли?
- Кардиналы, но не серые.
- А какие?
- Хрулёвые и драчёвые.
- Ну вы и загнули, Павел Иванович! Звучит как-то даже неприлично.

Вы там точно одним кваском пробавляетесь?

Начальник тыла рассмеялся, и главному интенданту тоже стало очень смешно. Он и вправду как будто захмелел от кваса.

А пир победителей тем временем перевалил за десять часов вечера. Молотов продолжал своим скучным голосом:

— Отдав должное пэ-представителям той пэ-плеяды советских полководцев, которая выдвинулась главным образом на полях сражений Великой Отечественной войны, мы, товарищи, не можем оставить без внимания старших по возрасту военачальников Красной армии, пэ-проявивших себя еще в Гражданскую, они были ближайшими соратниками нашего великого вождя. Пэ-предлагаю выпить за них поочередно и начать с товарища Ворошилова.

До чего же люди в основной своей массе не умеют произносить тосты, говорят скучно, без искры, словно спичку чиркают об истершуюся фосфорную полоску — сухо, никакого огня. Сталин умеет говорить с искоркой, но почему-то сегодня отдал бразды правления скучному дипломату. А дипломаты вообще не умеют живо изъясняться, дипломатическая осторожность съедает в них то озорство, которое превращает застолье в праздник, зажигает улыбки на лицах пирующих.

Павлу Ивановичу вспомнился командующий войсками СибВО Гайлит, который нарочно усаживал его за столом рядом с собой, чтобы тот толкал его ногой: «Как только поймете, что я затынул с речью, стукните». Да куда там! Бывало, Драчёв бил его изо всей силы под столом, а тот настолько увлекался словесами, что и не чувствовал. Зато другой начальник самого большого в мире военного округа — Петин, бывало, произносил тосты коротко и с огоньком, так, что успевал в нескольких фразах и настроить на лирический лад, и развеселить. Незабвенный Николай Николаевич! Основатель Инженерного управления РККА и его первый руководитель. Он бы сейчас был здесь самым старшим, всего года на два старше Сталина, и за него бы поднимали тост как за представителя плеяды героев Гражданской войны, проявивших себя и на Великой Отечественной. Да вот горе, унесла комкора Петина ежовщина.

Как-как? Ежовщина? Да нет уж, давайте все называть правильными именами — сталинская ежовщина!

С одной стороны, если бы оставались на плаву Тухачевский и иже с ним, глядишь, и не проявило бы себя созвездие нынешних молодых героев-победителей, таких, как Жуков, Василевский, Рокоссовский, Конев. Но с другой стороны, до чего же не хватало в эти тяжелые четыре года таких, как Петин, Каширин, Сергеев, латыш Лапин... Павел Иванович вспоминал их на пиру победителей и горько вздыхал, и это не осталось незамеченным начальником тыла.

— Что опять вздыхаете, Павел Иванович? Все о белых перчатках думаете?

— А как же мне не думать? Кончится сегодняшний пир, а там и Парад Победы не за горами.

— Подсчитали, сколько перчаток понадобится?

- Конечно, подсчитал. Девять миллионов пар.
- Вы что, всю Красную армию хотите заперчатить?
- А что, я бы всем надел белые победные перчатки.

После Ворошилова пошли тосты за Будённого и Тимошенко. Кстати, и эти двое, подобно Петину, могли бы сейчас отсутствовать по причине пребывания в сырой земле, к обоим в свое время тянулась рука в ежовой рукавице, да судьба оказалась к ним благосклонной, и Будённый доказал, что не зря отстаивал конницу, а Тимошенко выбил фрицев с Кавказа, разгромил румын, после чего Румыния перестала быть союзницей Германии.

— Пэ-прошу налить бокалы полнее, товарищи. Давайте будем чествовать наших доблестных моряков. Хочу предложить здравицу за народного комиссара Военно-Морского флота адмирала флота Кузнецова.

Да, многие могли бы присутствовать на пиру победителей, но не судьба... И не только крупные военачальники, а все, без кого Победа не была бы столь искрометной. Тот же Туполев, например, с его пикирующим бомбардировщиком. А где создатели лучшего танка войны? Куда бы мы без Т-34?! Ну, Кошкин понятно, он еще накануне немецкого вторжения умер от пневмонии, а Морозов? Или Костиков, под руководством которого появились системы бесствольной реактивной артиллерии, проще говоря — катюши? Куда бы мы без катюш?! А между тем и этого героя не обошли вниманием хинц унд кунц: с марта прошлого года создатель грозного оружия почти год находился в тюрьме, и не исключено, что какой-нибудь мелкий бес орал ему: «Слушай сюда!» Лишь в феврале этого победного года следствие признало «отсутствие у Костикова вражеских намерений». Ну как так?!

Да что там Костиков, если один из нынешних главных победителей Рокоссовский перед войной два с половиной года провел в санаториях НКВД, где хинц унд кунц выбивали ему зубы, ломали ребра, топтали ногами, а когда началась война, Константина Константиновича, выпущенного по ходатайству Тимошенко, Сталин спросил: «Где вы были все это время?» — «Сидел», — ответил Рокоссовский, на что получил упрек: «Нашел время сидеть!» Может, это, конечно, и байка, но вполне в духе Иосифа Виссарионовича, если вспомнить, как он спрашивал, почему не жаловались на Сталина в ЦК. А в сорок третьем Верховный пригласил тогда еще не маршала, а генерала армии Рокоссовского к себе на день рождения и сказал: «Крепко мы вас обидели? Бывает... Извините».

Вон он, Берия, пенсне посверкивает. Вроде бы остановил беспощадную ежовщину, но не всех строптивых придурков вычистил из ведомства госбезопасности. Хорошо хоть, что в честь наркома внутренних дел Молотов не произносит здравицу и следом за Кузнецовым пирующие поднимают бокалы за адмирала флота Исакова, за командующего Балтфлотом адмирала Трибуца, Черноморским флотом адмирала Октябрьского, Северным флотом адмирала Головка.

Когда произнесли здравицу в честь командующего Тихоокеанским флотом адмирала Юмашева, Сталин вновь воскрес:

- И желаем ему успеха в возможной войне!

И это пожелание тяжким грузом повисло в душе главного интенданта. Вроде бы и Победа, а война-то не кончилась, и ему теперь все лето снова ни сна, ни отдыха, перебрасывать склады с запада на восток, причем восток — Дальний. А ведь война там и впрямь лишь возможна, еще не определились окончательно с подлыми союзниками, которые вошли в раж и не хотят, чтобы после взятия Берлина наша армия штурмовала

Токио. До самой высадки в Нормандии англосаксы оставались на низком старте, а теперь вдруг решили сами повоевать, а то, не дай бог, весь мир назовет победителями только русских.

— А ведь эту реплику Иосифа Виссарионовича, скорее всего, из газет вычеркнут, — хмыкнул Хрулёв. — Иначе американцы обидятся, мол, и на Тихом океане мы у них хотим отобрать победу.

— Скорее всего, — вздохнул Драчёв, подсчитывая теперь белые перчатки для грядущего разгрома японцев.

Ему, как и многим другим, давно стало жарко в генеральском мундире, а окончание пира победителей еще даже и не брезжило в отдалении. И это он еще одним кваском пробавляется, а каково тем, кого кочегарят горячительные напитки? У него только по вискам капельки стекают, а у пьющих, поди, спины мокрые. И ведь не сбросишь китель на спинку стула.

Вечный трудяга, Павел Иванович не любил долгих застолий. Ну, повеселились часок-другой да пора и честь знать — или бежать к работе, или завалиться спать, чтобы хорошенько выспаться и завтра снова работать.

Пир победителей удлинялся и утяжелялся еще и тем, что между залпами здравниц выступали участники праздничного концерта — лучшие музыканты, певцы, актеры театра и кино. На сцене Георгиевского зала уже выступили солисты Большого театра Масленникова, Иванов, Барсова, Шпиллер, Давыдова, Лепешинская, Уланова. Когда Рейзен исполнил арию Варяжского гостя, Драчёв внутренне поёжился, представив себе, что Сталин вдруг да потребует от него выпить чего-нибудь покрепче кваса. Уж с Марком Рейзеном главному интенданту соревноваться не с руки!

Взяв у Карпоносова программу концерта, Павел Иванович открыл ее и ужаснулся: впереди еще очень много выступлений. Сердце затосковало по жене и дочкам. Ждут не дождутся, когда он вернется домой и расскажет, как все происходило, спать не лягут хоть до утра.

Наташа, которая по документам по-прежнему оставалась Надеждой, из архитектурного перевелась сначала в институт стали и сплавов, а затем в авиационный, куда не преминул поступить и сын Туполева, он снова пытался ухаживать, да безуспешно. В двадцать лет Наталья устроилась на завод ЛОМО, где изготавливала прицелы для бомбардировщиков, в том числе для пикирующих детищ своего несостоявшегося свекра.

Гелия, окончив школу, воспылала желанием стать военкором и уже начала печататься в «Красной звезде». А жена по возвращении из Новосибирска работала в ведомстве мужа — старшим бухгалтером юридической части Управления продовольственного снабжения.

От жары в глазах плыло, не дай бог, снова случится нечто подобное тому, что шандарахнуло его во время парада в сорок первом: острая головная боль, тошнота, обморок, все такое. Капризная особа по имени Гипертония, раз соединившись узами с человеком, больше уже его не бросает и развода не дает. А бабы Доры нет поблизости... Еще в прошлом году захворала добрая фея, и младшая сестра увезла ее к себе в Тобольск; жива или нет лучшая уборщица ГИУ Дорофея Леонидовна Бабочкина, неизвестно, врачи ставили неутешительный диагноз — стенокардия, острая межреберная невралгия. Грустно все это.

И то, что Арбузова так и не наградили знаком «Отличный повар», очень обидно. Драчёв на миг даже увидел его, сидящего за столом напротив, на груди этот знак, Василий Артамонович улыбается, потому что все вокруг в один голос признают его сосиски не в пример лучше микояновских...

Сначала в ГИУ разработали общий знак «Отличник продовольственной службы Красной армии», но Сталин его не утвердил. А вскоре почему-то взял да и утвердил сразу два жетона — «Отличный повар» и «Отличный пекарь». На «Отличном поваре» под звездочкой, серпом и молотом изображение полевой кухни, той самой, в которую угодил немецкий снаряд, когда незабвенный Василий Артамонович готовил гороховый суп с копченой грудинкой.

И вот его нет на свете, и нельзя его наградить отличным знаком. Как сотни тысяч других отличных поваров, пекарей, шоферов, торпедистов, пулеметчиков, минометчиков, снайперов, танкистов, павших от рук врага. И теперь генерал-лейтенант Драчёв, торжествуя вместе со всеми на пиру победителей, ругал себя, что все веселятся, а он грустит.

— Представляете, — обратился он к Карпоносову, — девушка-ефрейтор по фамилии Папочкина сначала служила поваром и получила знак «Отличный повар», а потом стала артиллеристом и получила знак «Отличный артиллерист».

— Наши девушки, они такие, — подмигнул Арон Гершович.

— Что, жарко в кителе? — спросил генерал армии Хрулёв, которого выпитое веселило, и печаль не брала его. — А помните, как вы в опереточном мундире щеголяли? Не прикажете ли сейчас принести?

Очень хорошо помнил Павел Иванович тот день, даже дату хранила память — 29 сентября 1943 года, когда он явился в кремлевский кабинет Сталина в роли манекена, на котором как влитой сидел экспериментальный образец мундира генералиссимуса, с золотыми эполетами и стоячим раззолоченным воротником, — ни дать ни взять вернулись времена фельд-маршала Кутузова, только брюки не белые лосины, а современные, но с позолоченными лампасами. Когда он в таком виде вместе с Хрулёвым вошел в кабинет Верховного, присутствовавшие там Молотов, Маленков, Ворошилов и другие аж рты разинули от удивления. А начальник Главного оперативного управления Генштаба генерал-лейтенант Штеменко даже шепотом ко лбу поднес и чуть не перекрестился:

— Свят, свят, свят!

Сталин в тот момент в кабинете отсутствовал, и Хрулёв сказал:

— Ну что вы так смотрите, товарищи, это опытный образец формы для генералиссимуса. А товарищ Драчёв надел его на себя по той простой причине, что у него все параметры совпадают с параметрами Верховного главнокомандующего. Полковник Легнер даже специально удивлялся, до чего же все тютелька в тютельку совпадает.

Полковник НКВД и по совместительству личный портной Сталина Абрам Легнер и впрямь, как от смущения выразился Андрей Васильевич, «специально удивлялся», вращаясь вокруг главного интенданта с сантиметровой лентой: «Не верую своим глазам! Вас что, с ним по одним лекалам делали? Вы, часом, не брат-близнец?» Но Сталин, вернувшись в кабинет, не перекрестился и не засмеялся, а пришел в негодование:

— От вас, товарищ Драчёв, я такого не ожидал!

— Я тоже, товарищ Сталин, не ожидал от себя такого, — спокойно ответил воспитанник системы Гроссер-Кошкина. — А особенно того, что у нас с вами полностью совпадают размеры, вплоть до миллиметров. Будто мою фигуру с вашей скопировали. Потому-то мне и пришлось выступать в качестве ходячего манекена. А на мне экспериментальный мундир.

— И кого вы собираетесь так одевать?

— Это предполагаемая форма для генералиссимуса, — волнуясь, произнес Хрулёв.

— Для кого?! — еще больше нахмурился Верховный.

— Для вас, товарищ Сталин, — спокойно ответил Павел Иванович.

— Я что, румын из оперетты? Граф Шандор? Товарищ Драчёв, покиньте помещение и возвращайтесь в нормальном советском мундире.

И Павел Иванович в смущении, но не показывая виду, с достоинством, будто он не генерал-лейтенант Драчёв, а фельдмаршал Кутузов, вышел из сталинского кабинета, тщетно пытаясь вспомнить хотя бы одну румынскую оперетту. Венгерские, да, их много, в основном Имре Кальмана, и граф Шандор, кстати, персонаж одной из них — «Дьявольского наездника».

Андрей Васильевич потом рассказал, как, едва он удалился, Сталин устроил всем выволочку, и Хрулёву досталось лично: «Я вам не какой-нибудь кумир Бельведерский! Не потерплю, чтобы создавали культ личности Сталина! Стыдитесь, товарищ Хрулёв. От начальника тыла я никак не ожидал подобного! Да еще такого серьезного человека, генерала Драчёва, впутали в свою авантюру!»

— До сих пор помню, в каком холодном оцепенении я выходил тогда из кабинета Верховного, — вспомнил сейчас Драчёв.

— Но надо отдать должное, вы переоделись и вскоре вернулись в нормальном мундире, как ни в чем не бывало. Всю жизнь завидую вашей выдержке.

— Меня с детства учили: если опростоволосишься, говори: «Во-первых, это не я, а во-вторых, я сделал это совершенно случайно».

— Товарищ Карпонос, — окликнул Хрулёв замначальника Генштаба по оргвопросам, — выпьем за генерал-лейтенанта Драчёва. И заодно за нас с вами. Вряд ли до нас сегодня доберутся с тостами.

Но Андрей Васильевич ошибался, до него добрались. После классических оперных арий и балетных партий на сцене заскакали артисты ансамбля красноармейской песни и пляски Александрова и ансамбля народного танца под руководством Моисеева. И если поначалу концертные номера проходили в промежутках между здравицами, то теперь создавалось впечатление, будто тосты произносились в антрактах между выступлениями артистов.

— Тэ-э-товарищи! — возгласил Молотов, и ему уже приходилось перекрикивать шум и гам победителей, вобравших в себя изрядное количество горяче-смазочных материалов. — Я понимаю ваше ликование, но попрошу набраться терпэ-пения. Давайте поднимем тост за наш доблестный Государственный комитет обороны.

— Неужели сейчас за Берию? — усмехнулся Хрулёв.

Но нет:

— Товарищ Сталин мне пэ-пэ-подсказывает, — продолжал нарком иностранных дел, — что надо выпить...

Сталин не дал ему договорить:

— За руководителей дела снабжения Красной армии во время Великой Отечественной войны. Тем боевым оружием, которым разгромлены на полях сражений враг и его союзники. Я предлагаю здравицу в честь начальника всего нашего тыла — за генерала армии Хрулёва!

— Ох ты! — не ожидал такого поворота Андрей Васильевич и приказал Драчёву: — Следуйте за мной! За снабжение.

— Но я...

И он впервые не послушался начальника тыла. Твердо решил: либо за него произнесут следующий тост отдельно, либо и не надо подходить к столу президиума. Смотрел, как Хрулёв туда подходит, думая: «А, будь что будет, без приглашения не пойду». Но Сталин позвал его:

— Товарищ Драчёв! Разве вы не руководитель снабжения? Подойдите, пожалуйста, выпейте с нами.

И Павел Иванович, чувствуя себя незванным гостем, все же последовал за Андреем Васильевичем. Он готов был от стыда провалиться в пол Георгиевского зала и оставить после себя воронку, как та неразорвавшаяся бомба в сорок первом. А Сталин за столом президиума встречал их обоих:

— За Хрулёва и Драчёва! За наших великих тыловиков! За Великого комбинатора и его друга, главного интенданта Рабоче-крестьянской Красной армии Повелеваныча! Что это у вас в бокале?

— Брусничный квас, товарищ Сталин.

— Так не годится. — Верховный отнял у Драчёва бокал и выплеснул его себе под ноги. — Вина главному интенданту! Полный бокал! — Взял со стола бутылку «Оджалеси» и сам стал наливать. — Вот, другое дело. — Протянул Павлу Ивановичу, и тот с достоинством его взял, глядя на бокал так, будто это был огромный кавказский рог, полный черно-красного вина.

— Благодарю, товарищ генералиссимус.

— Все еще не бросили свою затею с генералиссимусом? — не рассердился, а засмеялся Сталин. — Это Суворов был генералиссимус, а Сталин... Представьте себе, товарищи, мы с генералом Драчёвым полностью совпадаем по всем меркам! Словно братья-близнецы, только у нас головы разные. За ваше здоровье, брат-близнец! Скажите тост. Вы у нас на все руки мастер. И за словом в карман не полезете.

— Что ж, товарищ Сталин, тост так тост. — Павел Иванович набрал полную грудь воздуха. — Вот тут некоторым выдающимся полководцам, — он глянул на Жукова, и тот усмехнулся, — нравится одна байка про Суворова. Будто бы однажды во время перехода через Альпы на привале он взял снежок и дал его первому солдату в строю, чтобы тот передал дальше по шеренге. Когда альпийский снежок дошел до последнего солдата, от него осталась только вода. И Суворов якобы — что, впрочем, нигде не подтверждается — сказал: «Таким же образом все проходит через руки интендантов». Так вот, товарищ Верховный главнокомандующий, я могу со всей ответственностью и с гордостью заявить, что через руки Главного интендантского управления Рабоче-крестьянской Красной армии прошли все альпийские снега. В целости и сохранности! — И Повелеваныч осушил бокал до дна.

Хмель ударил в голову, его качнуло, и он выдохнул, сменяя доброй улыбкой всю тяжелую полноту сказанного:

— Слово русского генерала!

— Прекрасно сказано! — восхитился Сталин. — Молодец, генерал-лейтенант Драчёв!

И даже Жуков одобрительно показал Драчёву большой палец.

Они тотчас вместе с Хрулёвым вернулись за свой стол, и дальше все как-то ускорилося. Словно стоял на море штиль, и вдруг напал ветер, надул паруса, и вот уже корабль бежит по волнам. Память выдала пушкинское: «Плывет. Куда ж нам плыть?»

Молотов продолжал бубнить, предложил здравицу в честь заместителя председателя ГКО, наш Лаврентий Палыч так прекрасно контролировал решения по производству самолетов, моторов к ним, минометов, так здорово формировал авиаполки, так лихо перебрасывал их на фронт, так незабываемо контролировал работу наркоматов угольной промышленности и путей сообщения, нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии, химической, резиновой, бумажно-целлюлозной, по мановению его волшебной палочки работали все электростанции и зарождалась ра-

кетная техника, а сейчас именно он осуществляет самый важный и самый секретный проект...

— Что вы так на меня смотрите? — спросил Драчёв у Карпоносова, который продолжал с аппетитом поедать все, что стояло перед ним на столе: жареную баранину с красной от паприки картошкой, брызжащие соком микояновские сосиски, разделанные куски цыпленка табака. Как только в него все умещалось, непонятно. — Лично у меня к Берии нет никаких нареканий, наше ГИУ всегда с ним работало душа в душу. А ваше ГОУ?

— И наше ГОУ тоже, — едва не поперхнулся куриным хрящиком Арон Гершович. — А смотрю я потому, что вам капля вина на воротничок капнула.

— Ну и что же! — дерзко ответил Драчёв, и в голове у него мелькнуло: «Э, нет, не зря он носит свою фамилию, были в роду забияки и драчуны, вот и теперь ему так и хочется с кем-нибудь подраться. Может, пойти и дать в морду Молотову? Причины? Да их полно. Взять хотя бы то, что он в сороковом году с Гитлером встречался, Адольф его обласкивал, потчевал немецкими и австрийскими блюдами, и нарком индел не придушил гада».

А Молотов тем временем уже перечислял заслуги Кагановича, который столь непревзойденно эвакуировал все предприятия с запада на восток, что немцам ничего не доставалось, а заводы и фабрики на новом месте моментально начинали давать продукцию.

— У нас в ГИУ уборщица была, Дорофея Леонидовна, — признался Павел Иванович Андрею Васильевичу, — так она говорила «эвыковыривал».

— Как-как? — засмеялся Великий комбинатор. — Эх, жаль, что Ильф умер, а Петров погиб смертью храбрых!

Теперь пили за председателя Госплана Вознесенского, который сейчас невероятно ловко вывозит из Германии трофейное заводское оборудование. Павлу Ивановичу вновь показалось, что Карпоносов как-то не так на него смотрит, и он объявил ему с вызовом:

— А я считаю, что надо все из этой проклятой Германии вывезти! Они с нашей территории все до веревочки тащили. Помните, как у Гоголя в «Ревизоре» Осип: «Все пойдет впрок! Веревочка? Подавай и веревочку!» Как же вы не помните, Арон Гершович?

— Да я помню, помню, — пробормотал начальник Главного организационного управления и на всякий случай немного отодвинулся от главного интенданта.

Снова на сцене замелькали краснознаменные песни и пляски, и захотелось тоже плясать и петь, потому что такая радость — Победа!

— Мне бы как-нибудь отвалить незаметно, — жалобно сказал Повелеваныч Великому комбинатору. — А то петь хочется.

— Держитесь, голубчик, — ласково приказал начальник тыла. — Уже недолго осталось. Каких-нибудь полтора-два часа — и вместе отвалим.

— За нас ведь уже выпили.

— Тем более неудобно. Скажут, за них выпили, они и свалили.

И пришлось снова слушать зануду Молотова, а он все-таки тогда смалодушничал, не придушил гада Гитлера. Малодушно не придушил! Смешно. Произносили здравицу в честь Микояна.

— О! — воскликнул Драчёв. — Анастас Иваныч! Это такой человек! Он так понимает нашего брата интенданта! А вам что, не нравится слово «интендант»? — воззрился он на Карпоносова, который никак не заслуживал порицаний со стороны Повелеваныча, разве только за то, что ел и ел безостановочно, ну так для того и наготовили. — Кушайте, кушайте,

Арон Гершович, приятного аппетита, мы старались, лично для вас в том числе. А вы знаете, что Суворов начинал в качестве интенданта? Не знаете. Напрасно. Эх, скинуть бы китель к чертовой матери! Жарко. А за вас, генерал-лейтенант Карпоносов, тоже надо всем выпить. Я знаю, как вы планировали укомплектование фронтов, готовность резервов, как досконально вели учет потерь. Но вы невезучий. Есть такие люди. Каждый их промах замечают, а достижения не видят. За вас! Мне бы еще бокал вина, да врачи запрещают: гипертония, сволочь. А почему не произносят тост за погибших?

Бедный непьющий Повелеваныч захмелел с одного бокала полусладкого «Оджалеши» и мечтал, чтобы щелкнуть эдак волшебными пальцами и оказаться в объятиях жены и дочек, дома, подальше от людских глаз.

Он вдруг увидел, что Сталин стоит как-то выше и впереди всех в этом мире, поднимает бокал и что-то говорит с пафосом. До слуха донеслось: «...русского народа!»

— Ух ты! — восхитился Драчёв. — Неужели? Это надо внимательнее послушать.

И в его уши потекли, будто сделавшись громче, дальнейшие слова Верховного:

— Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне и раньше заслужил звание, если хотите, руководящей силы нашего Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Если хотите... Да, хотим!

«Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется здравый смысл, общеполитический здравый смысл и терпение.

«Вот именно! Глубокий здравый смысл и терпение!» — так и подмывало Драчёва комментировать произносимые слова Сталина, но он держал себя в руках.

— У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в сорок первом и сорок втором годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода.

«Да уж, как вспомнишь, так вздрогнешь!»

— Какой-нибудь другой народ мог сказать: вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Это могло случиться, имейте в виду.

«Могло ли? Да нет, едва ли. Царя скинули, а Сталина бы ни в жизнь. Русские не сдаются!»

— Но русский народ на это не пошел, русский народ не пошел на компромисс, он оказал безграничное доверие нашему правительству.

«Да уж, наш народ доверчив. Зачастую излишне доверчив».

— Повторяю, у нас были ошибки, первые два года наша армия вынуждена была отступать, выходило так, что не овладели событиями, не совладали с создавшимся положением.

«Да уж, точно, не овладели и не совладали!» — И Павел Иванович горестно усмехнулся.

— Однако русский народ верил, терпел, выжидал и надеялся, что мы все-таки с событиями справимся.

— Это точно! — все-таки произнес Драчёв вслух.

— Вот за это доверие нашему правительству, которое русский народ нам оказал, спасибо ему великое!

— Молодец Иосиф Виссарионович! Огонь! — Главный интендант РККА поднял бокал с брусничным квасом, но пить квас за русский народ — это ли не квасной патриотизм? И он поставил бокал на место, чтобы освободить руки для аплодисментов.

— За здоровье русского народа! — громогласно объявил Сталин почему-то голосом Левитана, и все захлопали в ладоши, а Драчёв сильнее и громче всех. И услышал, как кто-то рядом запел его голосом:

— Славься, славься, наш русский народ! Славься, великий наш русский народ!

И вдруг он оказался в машине, на переднем сиденье. Слева от него сидел водитель, и не кто-нибудь... Постойте! Да это же сам Удалов! Персональный шофер Сталина. Тот самый, который «Палосич привез» — «Палосич увез» — и можно по домам. Только теперь он везет не Верховного главнокомандующего, а главного интенданта. Неужели перепутали из-за одинаковых параметров? Тела одинаковые, а головы-то разные! Прав был Сталин, что мы не застрахованы от ошибок.

— Палосич, это вы?

— Я.

— А я кто? Вы понимаете, что я не он?

— Конечно, понимаю, товарищ генерал-лейтенант интендантских войск. Я — Павел Осипович, вы — Павел Иванович.

— А, то есть не перепутали. Это хорошо. А кто же его отвезет?

— Не беспокойтесь, я вас отвезу и вернусь в Кремль.

— Отлично! Славься, славься, ты Русь моя! Славься, родимая наша земля! Какой тост! За русский народ! Палосич, голубчик, вот здесь направо в переулок.

— Да не волнуйтесь, я все знаю. Четвертая Тверская-Ямская, десять.

— Отлично, вот он, мой дом, приехали.

— Дойдете или проводить?

— Дойду. До Победы дошел, а уж до дома... Сколько-сколько? Два часа ночи? Ого!

Гулкий подъезд огласился арией Индийского гостя:

— Не счесть алмазов в каменных пещерах! Не счесть жемчужин в море полуденном...

Вдруг ужаснулся: а что, если, как тогда, в начале войны, он придет, а дома пусто? Или спят. Но, несмотря на позднее время, дома конечно же никто не спал. Павел Иванович шагнул в распахнувшуюся перед ним дверь и оказался в объятиях любимой женщины и двух любимых девушек. И снова запел:

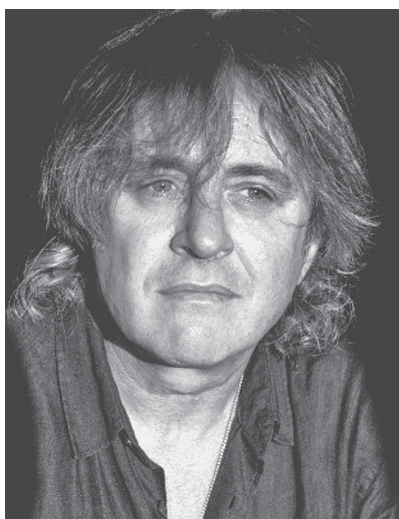
— Далекой Индии чудес!

— Вернулся, наш долгожданный Индийский гость!

— Вернулся с Победой! Даю честное генеральское слово!

АЛЕКСАНДР ШАГАНОВ

ПАПА

Александр Алексеевич Шаганов родился в 1965 году в Москве. Окончил Московский электротехнический институт связи. Поэт-песенник.

Работал инженером связи, звукорежиссером. С 2020 года в качестве хобби проводит экскурсии по центру Москвы.

Известность пришла в 1985 году вместе с песней «Владимирская Русь» на музыку Д.Варшавского в исполнении группы «Черный кофе». Наиболее плодотворное сотрудничество сложилось с группой «Любэ». Вместе с композитором И.Матвиенко он написал для нее более ста песен.

Печатался в журнале «Юность».

Удостоен национальной премии «Овация» (1992), премии имени В.Катаева журнала «Юность» (1996) и др.

Член Союза писателей Москвы. Живет в Москве.

РАССКАЗ

Вот один из первых оттисков в моей памяти.

Мне лет пять. Я безудержный сладкоежка, за что меня домашние частенько поругивают. Ужинаю с папой вдвоем. Картошка-пюре и котлетки пожарские, магазинные. «Пожарные», — думаю я.

А если их размять в картофеле, как у нас принято в семье, то это уже «по-флотски», как говорит папа.

Пока он дожаривает, возится со сковородой, я за его спиной обильно посыпаю свой картофан сахаром. Пробую. Есть невозможно.

— Почему без аппетита? Невкусно? Дай-ка отведаю, — говорит папа.

Я вцепляюсь в тарелку обеими руками, отодвигаю в сторону. Давясь, через не могу жую. Я не хочу в глазах папы быть хитрованцем. И сластеной.

А через год учудил и поболее того. Как вспомнишь, так вздрогнешь.

Аккурат перед первым классом, подначиваемый шпанистым соседским мальчишкой, что постарше, я утащил рублей сто, наверно, из семейного тайника, что был упрятан меж чистым бельем в шкафу, в сумочке женской послевоенной — видимо, из маминой юности. Новые купюры фиолетового цвета со строгим обликом дедушки Ленина. Украл, получается.

Весь подъезд, все школяры были укомплектованы от той суммы детским игрушечным оружием. Современного на тот момент образца, с пистонами в неограниченном количестве. Когда вскрылось сие деяние, со мной случилась истерика. Родители других детишек приходили к нам возвращать накупленное, говоря за разом раз в подробностях про мой ужасный поступок. Куча пластмассовых пистолетов и автоматов росла в коридоре. Я закрылся на щеколду в детской комнате, открыл окно и, рыдая, влез на подоконник двенадцатого этажа. Мама вовремя вскрыла дверь.

Больше всего мне было стыдно за свой криминальный талант перед папой. Он должен был прийти совсем скоро, и меня ждал вечерний разговор. Слез уже не осталось, я только всхлипывал.

— Саша... — Папа устало вздохнул после трудовой смены. — Саша, — повторил он взволнованным голосом, — успокойся для начала. И мне, и маме приходится много работать, чтобы и у тебя, и у твоего брата Юры и твоей сестры Ларисы все было, что положено детям. Мы не всегда бываем дома. Пообещай мне, что ты так больше не будешь. И давай об этом забудем. Но чтобы больше такого не повторилось. Договорились?

— Папа, я больше так не буду.

У меня глаза снова были на мокром месте. Но я уже не плакал, ведь папа простил.

Никаких других нравоучений на этот счет не последовало. И никто никогда не укорял происшедшим.

Маме раздраженно было сказано ответственнее хранить деньги, оружие раздать обратно.

Папа всегда отдавал зарплату жене. Как было принято в ту эпоху. Я — нет.

У папы было всего шесть классов образования. Потом ФЗО (фабрично-заводское обучение) в Коврове, очень суровом городе в ту пору. Потом служба на Балтийском флоте, четыре года. Потом работа. «По малярке», как говорил папа. Раньше, когда краски делали из натуральных веществ, век маляра был долгим, а при синтетических красителях не очень. Так вот, с шестого моего класса папа, вполне осознанно и прилюдно сказав о том, разрешил мне расписываться за него в дневнике за недельные оценки.

— Надеюсь, там не будет двоек. Если будут «лебеди» (как он их именовал) — приноси дневник мне на подпись.

Двоек у меня в школе не случалось.

Папа не был в восторге, когда я записался в детскую футбольную секцию. «Тебе там все ноги отобьют» — его фраза. Но и не отговаривал. А когда надо было, пошел со мной в комиссионный магазин и оплатил мои первые более-менее профессиональные бутсы.

— Маме не говори, сколько они стоят, — подбодрил меня, упаковывая ботинки.

Долго не посещал мои соревнования. Но однажды в выходной совершенно неожиданно для меня пришел на матч, где я, уже будучи капитаном, выводил на поле свою юношескую команду «Москвич» автозавода имени Ленинского комсомола. Я был смущен и всю игру краем глаза смотрел на трибуну, где был папа. По-моему, он был счастлив. И на все другие уже, последующие матчи приходил, не пропускал. И не один, а со своими братьями — моими дядями Василием и Виктором. И с друзьями тоже.

Папа никогда дома не ругался матом. Вне дома, полагаю, тоже. Однажды, когда я вернулся после тренировки в спортивной секции, что-то проскочило из бранных слов в моем разгоряченном повествовании двенадцатилетнего мальчика. У нас были гости. Папа отвел меня в другую комнату:

— Зачем ты сейчас ругнулся матом?

— Я не ругался матом.

— Ты слышал, чтобы твой дед, чтобы я говорили такими словами?

— Нет...

— А знаешь, для чего нужны матерные слова?

— Нет... Для чего?

— Вот станешь ты большой, женишься, и если ты в семье каждый день ругаешься матом, то когда надо будет — что же ты скажешь своей жене, чтобы она сразу тебя поняла? И то их можно сказать всего раза два за всю жизнь.

А дружить, повторюсь, он умел. Не отказывался помочь никому. Любил дарить рубашки. От души.

Соседка, тетя Галя, гражданка веселая, но безалаберная, захлопнула дверь, ключ оставила дома, говорит мне:

— Саш, перелезь через балкон. Форточка открыта, помоги.

А этаж двенадцатый, тот же самый. Перемычки бетонные, не ухватишься.

— Да не-е, тетя Галь, я не полезу. Опасно. Не смогу. Ждите, когда супруг ваш вернется.

— А вот папа твой мог, перелезал.

Когда я папе о просьбе тети Гали поведал, он только и сказал:

— Она что, с ума сошла? Пойду с ней поговорю.

— Пап, а ты перелезал?

— Гм, перелезал... Не вздумай повторять!

Сослуживцы его по Балтфлоту пошли дальше по морской стезе. Они встречались. Наведывались и к нам в столицу, и папа ездил к ним. В Ленинград. Дружили и вот вместе вынашивали планы отправить меня в Нахимовское училище. По своим морским связям договорились, чуть ли не билет уже мне покупали, но мама отстояла.

— Лёша, ну зачем? Саша хорошо учится. Другой город, я не отпущу. Я категорически против!

Увлекаясь с юности поэзией, я смотрел на мир созерцательными глазами. Откладывал все на потом, на завтра.

— Саша, — недоумевал папа, наблюдая за моей отрешенностью, — такое ощущение, что у тебя фамилия Завтракин, — когда паспорт выправлять пойдешь? Опять завтра? — И улыбался.

А я не хотел быть «Завтракиным». Я хотел быть как папа — Шагановым. Шел и делал что велено.

Легко поступил в институт. Наверно, он был горд за меня. Однажды увидел, как я, первокурсник, курю. Другой бы устроил разнос, а он только и обронил:

— Знаешь, а я думал, что ты у меня никогда не закуришь...

Я до сих пор помню его слова и корю себя за то, что покуриваю.

И тоже про сигареты, я уже смолил не таясь постарше:

— Ты знаешь, сколько они стоят? — разглядывая мою прифранчённую пачку «Космоса», поверчивая ее в руках.

— Семьдесят копеек.

— Практически столько, сколько я трачу на обед на работе, имей в виду.

На работу папа ходил всегда в галстук и шляпе. Уважительно отмечал все праздники: революционные и христианские. Воспитал троих детей.

Моя любовь к песне во многом и от него. От его любимых пластинок — Зыкиной, Утёсова, Бернеса, Мордасовой, Шульженко. Не будучи меломаном, эти записи он был готов прослушивать каждый выходной. Ну и те песни, что транслировал, что предлагал ему приемничек «ВЭФ». Когда служил матросом, видимо, как презентабельному внешне, ему до-

верили преподнести букет Клавдии Шульженко во время ее концерта на палубе их корабля. Понятно, что она стала его любимой певицей.

Болея за футбольный клуб «Торпедо» (Москва). Я тоже.

Последний раз в кино мы вместе смотрели в кинотеатре «Энтузиаст» фильм «Зимний вечер в Гаграх». Папа уже чувствовал себя неважно, был в раздумьях. Но главный герой Алексей Беглов в исполнении Евгения Евстигнеева подарил ему минуты радости. Папа улыбался, как и прежде. Теперь если я случайно натыкаюсь в телеэфире на эту картину, то смотрю до окончания, с любого места.

Я никогда не называл его отцом, батей. Просто так получилось. По времени. Его не стало майским днем 1986 года. Когда мне был двадцать один год. За месяц до выхода первой пластинки с моими песнями и с нашей фамилией на обложке. Майским днем в россыпи сирени. В тот год она зацвела раньше.

И вот теперь, на этих днях праздничной недели, по возрасту я становлюсь старше папиных лет.

Это с трудом укладывается в голове, сами понимаете.

Я становлюсь по возрасту старше его, но никогда не мудрее, не отзывчивей, не великодушнее, чем он.

Это мое огромное личное счастье, что я его сын.

Спасибо, папа.

Пасхальная неделя. И печаль моя светла.

Берегите родителей.

АНТОН КАРПОВ

**Я ПОМНЮ
ЭТОТ ДЕНЬ...**

ПУБЛИЦИСТИКА

Позывной Шило

На СВО я с сентября 2022 года. Шли штурмовые действия на Курском направлении. Началось все с обеда. Мои ребята пошли в атаку. Обстановка была тяжелая, и приняли решение откатиться назад. Когда все выходили, наш один был без ноги. Позывной Боцман. Тяжелое ранение, истекал кровью. Когда стемнело, я пошел его вытаскивать. В темноте намного опаснее: у «птичек» ты как на ладони. Но вытаскивать надо было срочно. В итоге я нашел его, начал вытаскивать. Парень не маленький — было очень тяжело. Полпути его протащил, ко мне в помощь пришел еще боец. В этот момент нас обнаружила «Баба-Яга» и стала скидывать на нас по пять снарядов сразу. Я ему уже кричу в шутку: «Давай вставай, беги!» В итоге спрятались под деревом. Минут сорок там ползали.

Когда она улетела на перезарядку, мы начали двигаться. Сил уже просто не было. Через какое-то время «Баба-Яга» снова вернулась. Она скинула четыре снаряда. Мы по опыту уже знали, что будет пятый. В этот момент мимо пробегают пацаны, и я кричу ему: «Пока!» Делаю рывок из последних сил, два-три метра пробегаю, и в этот момент сзади падает пятый снаряд. Этот рывок меня спас.

Окончание. Начало — № 7, 8.

В итоге там парни перехватили раненого. Спасли его. Звонил позже, благодарил.

Февраль 2025

Позывной Скала

Я родом из Чечни. Нахожусь здесь уже три года, как началось СВО, с первых дней. В принципе ничего из головы не выходит, все, что видели, все, что прошли, — все это помним. Очень много парней, друзей, братьев потеряли, но что поделать, война есть война, но мы должны стойко стоять на ногах и идти дальше к своей цели. Варяг родом из Рязани. С Варягом мы знакомы еще с 2022 года, с апреля месяца, потом, в 2023 году, он в Луганске в группе быстрого реагирования работал. Что сказать, царство ему небесное, очень хороший, надежный товарищ, хороший друг, хорошим братом был и немало повидал на своем пути. Прошли через все это, но видишь, так получилось, сейчас есть, потом нет человека. Я на данный момент водитель роты. В то утро, в тот день, я их отвез на БЗ, они были такие радостные, такие довольные, а потом, уже на второй день, ближе к

вечеру, к 5 часам, уже нет человека. Что поделать... Все живут в наших сердцах, всех будем помнить. Просто знаешь, хотелось бы, чтобы такие парни, такие ребята, чтобы их не забывали и помнили годами, годами, годами, чтобы вообще не забывали. Один раз поговорить, потом забыть их... Нет, надо, чтобы еще наши дети, внуки знали таких героев. Что я могу сказать... Они настоящие герои, настоящие мужчины. Вот некоторые люди думают и говорят: «Зачем? Если бы сидели дома, не погибли бы!» Хорошо, я дома посижу, остальные все посидят дома... Это же не в мой дом, не в мои двери постучала война. Это же у нас матушка-Россия! Если мы не будем защищать свою Родину, свою страну, кто будет? Или они хотят, чтобы враги прошли маршем и постоянно делали то, что хотели? Нет, друзья, извините. Нас не так воспитали, нас не так вырастили. Если мы не можем дать отпор сегодня, что будет завтра? Ничего не будет. Эта Европа, ЛГБТ¹ будут делать все, что захотят, а пока мы живы, мы им этого не дадим. Да, они погибли не зря, как бы это грустно ни звучало, но это факт.

Некоторые думают, что эти ребята не хотели бы тоже на дорогих машинах кататься, целый день спать, вечером выйти на танцы, на дискотеки? Все хотят! Никто не хочет смерти. Если честно сказать. Умирать не хочется, когда враги остаются еще. Но если надо умереть, мы готовы, мы знаем, что назад пути у нас нет. Мы с первого дня это осознаем. С первого дня. Больше одного раза все равно не убьют тебя, но — умирай достойно, с честью, с пользой, чтобы твои дети, внуки гордились тобой, чтоб вся страна гордилась тобой, а не как-нибудь из-за передозировки или где-то там собачьей смертью. Лучше умереть достойно, с честью в бою. Мы всегда молимся, всегда говорим: «Дай нам Бог достойную смерть». Задают вопросы: «А ты не боишься смерти?» Я говорю,

¹ Признано Минюстом РФ экстремистской организацией.

что не боюсь. Мы один раз родились, один раз и умрем, защищая свою страну, своих отцов, матерей, сестер, детей, внуков — это одно, а на танцплощадке от передозировки — это большая разница.

Да, видели мы очень много, прошли мы через многое, но один момент не уходит из памяти. Это было в Мариуполе. Противник из гражданских людей сделал щит, а мы не могли ответку дать им, потому что там были старики, женщины, дети. Обошли мы их, но опоздали, минут на десять опоздали. Когда мы ворвались, они уже успели расстрелять этих заложников, и картина, которую я увидел, у меня до сих пор вызывает дрожь. Да, я заплакал, все пацаны заплакали там. Ладно женщин, стариков, но грудному ребенку контрольный выстрел в голову сделать — я такое нигде не видел. Если все досконально рассказать, это... Я не буду все это рассказывать, если честно. Этот момент у меня вообще не выходит из головы. Грудному ребенку. Еще дополнительно контрольный выстрел в голову...

Я благодарю Всевышнего, хвала Всевышнему, что дал мне здоровье, возможность участвовать в этой войне. Да, некоторые мусульмане говорят, что это не наша война, это не война на джихад¹, вы зачем участвуете там? Просто хочу сказать и донести до этих людей: вот страна, где ты живешь, не препятствует твоей религии, дают тебе делать намаз, поститься в священный месяц Рамадан, дают тебе ходить в мечеть, дают тебе изучать Коран; когда в эту страну пришла беда, там не надо различать, газават, не газават², ты просто обязан выйти на защиту родины, этой страны, это твоя родина, твой дом, твоя земля.

Март 2025

Позывной Багдан

Я родом с Кубани. На СВО нахожусь с февраля 2023 года. До Курска я был в Лисичанске, Белогоровское направление. Расскажу о случае с последнего «наката», 5–6 января 2025 года, когда враг заходил на Бердин.

Мы выдвинулись последней группой, противник нас отрезал. Нас было пять человек. Шкипер был командиром. Ночью натиск удержали, а утром начали их штурмовать. Получилось так: из дома, который мы штурмовали, противник крикнул: «А-а-а-а, ты из “Ахмата”?» — и кинул гранату. Через несколько дней я его встретил. Он попал в плен. Я проходил мимо, когда он давал показания, и узнал его по голосу. Тогда я зашел и сказал: «Какой же ты повар? (Он так утверждал) — Ты же в меня гранату кидал!»

Тогда у меня ребята спрашивали: «Ну что, ты бы хотел его убить?» А я так подумал, у меня и злости к нему нет. Когда он вот так сидит — беззащитный и безоружный.

Главное — всегда оставаться людьми.

Февраль 2025

¹ *Джихад* — в узком смысле — это священная война для защиты родной земли от агрессора.

² *Газават* — война мусульман за веру.

Позывной Буруль

Я из Калмыкии. На СВО с 2022 года. Самое яркое воспоминание — это ранение было. Декабрь 2022 года. Мы зашли на позиции, закрепились с пацанами. Парни вышли на разведку, а я пока поставил котелок с кофе. Прошло время, ребята вернулись. Зовут меня по позывному, говорят, что котелок кипит. Я забегаю в блиндаж, снимаю котелок — и в этот момент прилет с танчика... Серьезный был блиндаж — три наката, земля... А когда уже пришел в себя, то увидел небо над головой. Пацаны «двухсотые» все... Я один остался. Это вот был один из первых боев. Под Курдюмовкой, когда Бахмут окружали. Ранило прилично — в позвонок, компрессионный перелом, осколки... Дали больничный на полгода, а я уже через три месяца приехал назад.

Февраль 2025

Позывной Бек

Сам я родом из Таджикистана, по национальности узбек. Воюю за Россию. Потому что Россия с 1992-го много чего для Таджикистана сделала, чтобы мир там наступил. Это мой долг. Я работал телохранителем министра обороны Таджикистана, работал начальником охраны Александра Чубарова¹ — он еще потом в фильме «Черная акула» снимался. У меня всегда вокруг были русские. Пограничные войска российские, когда Хаттаб² зашел, 12-я московская погранзаства против него работала. Это вообще не их война была, но они принесли мир. Братская республика.

Когда началась СВО, я в военкомат звонил, в «Вагнер». Взяли в «Ахмат». На СВО у меня уже второй контракт. Был случай, когда потребовалось заве-

¹ Александр Сергеевич Чубаров — советский и российский офицер военной разведки, генерал-майор спецназа ГРУ в отставке.

² Хаттаб (1969–2002) — арабский террорист, наемник, полевой командир.

сти на позиции группу из семи человек. Я впереди был. Нас атаковали «комики»¹. Я сбил один из ружья, но осколки все равно долетели до нашего связиста. Ранен был легко, сам вышел. Я ребят предупредил: в случае чего — сразу за дерево прячьтесь, падайте на землю. Через какое-то время прилетел второй «комик», тоже сбил. Небольшой осколок все же до бойца долетел — в ногу. Но легкое ранение. Третий «комик» сбил уже без проблем.

В итоге довел группу до точки. Мы забрали нашего бойца Гектора, он «двухсотым» был. Пять дней вытаскать не могли.

И вот еще один случай тоже запомнился... Когда накат был недавний, у нас пацан на трубе сидел, позывной Шрам. Он два дня был в окружении, вызвал огонь на себя. Он стоял до конца... Погиб... Мы потом поехали его искать со связистом, позывной Ватсон. У танка вражеского смотрели, у «Урала». Когда нашли, сначала не поняли, что наш боец: он обгорел сильно. Ну а рядом каска вражеская лежала, рюкзаки. А потом я уже цепочку с жетоном вытащил с шеи, смотрю — наш, ахматовский. Такая вот история.

Февраль 2025

Позывной Самурай

Была у нас одна история. Ноябрь 2024 года. Нас заходило на позиции

¹ «Комик» — коптер-камикадзе.

25 человек. Только мы заходим, начинается бомбежка с воздуха. Я приехал с одноклассником, его позывной Алга. Слышу по радию, что он «трехсотый». Искал его до утра. Нашел уже «двухсотым». В итоге от отряда нас осталось только четверо. Мы оставались на позициях до конца. Вытаскивали всех «двухсотых» и «трехсотых». Вышли оттуда только спустя неделю. За нами приехали три «буханки», в итоге заняли только половину одной... четверо нас всего выжило.

У меня скоро дембель... Я приехал с одноклассником, но вернуться с ним уже не могу.

Как вернусь, буду помогать его семье, как обещал...

Февраль 2025

Позывной Дарг

Я родом из Дагестана. На СВО с 2022 года. Но я бы хотел рассказать историю, которая мне врезалась в память...

Это был 1999 год. Вторая чеченская кампания. Я служил в 106-й тульской ВДД¹. Мы ехали колонной, остановились переночевать. Шелковской район. Воды не было, нашли небольшое болотце. Набирали в нем воду, кидали туда таблетки, кипятили, чтобы только попить. Запомнилось, как в эту ночь проезжали псковские десантники, а через несколько дней мы узнаем, что они попали в окружение на той высоте². Мы все думали потом, что было бы с нами, если бы мы первые отправились,

¹ ВДД — воздушно-десантная дивизия.

² Бой у высоты 776 — эпизод второй чеченской войны.

если бы не остановились переночевать. То же было бы и с нами. Тогда десантников всегда первых направляли — штурмовые отряды.

Мы всегда рвались в бой, были молодые: 19–20 лет. Но тогда Бог нас отвел.

В 2023 году я заходил с 1-й танковой армией. 2-я Таманская дивизия, там в основном мобилизованные. Нас, контрактников, было всего процентов пять. Честно говоря, мобилизованные такой героизм проявляли... Сами рвались в бой. К сожалению, много «трехсотых», погибшие есть. Мои друзья... Четырех тогда похоронил.

С парнем были в блиндаже — мы семья были, братья. Ничего не жалели друг для друга... Тяжело терять братьев. Но это война...

Победа будет за нами! Враг не пройдет!

Февраль 2025

Позывной Моко

Я родом из Санкт-Петербурга. Пошел добровольцем в 18 лет. Вот в январе исполнилось 19. Я работал менеджером по продаже автозапчастей в Санкт-Петербурге. И в какой-то момент я понял, что моя жизнь стала «днем сурка». И вот решил все поменять кардинально. Мы с моим дядей

одновременно подписали контракт. Только он в Минобороны, я в спецназе «Ахмат». И вот эти решения привели меня сюда.

Запомнилось первое боевое задание. 5–6 января ВСУ пошли на Бердин. Нас туда отправили поддержать нашу оборону. Мы сидели в доме с Аферистом, мимо нас промчался вражеский БТР. Аферист стрелял в него из гранатомета, но, к сожалению, подбить его не смог. БТР закрепился в начале деревни. У нас были перерезаны пути эвакуации: по бокам дома идут, дорога, поле — некуда было бежать. В итоге к нам пара групп выдвинулась, смогли отбить. Тогда мы смогли выйти из Бердина.

Помню, ночью сидим, ко мне Аферист подходит и говорит: «Прости меня за все». Я смеюсь и говорю ему: «Да ты тоже!» Прощались уже. Я тогда подумал, что первое боевое задание, а я даже до девятнадцати лет не доживу.

Февраль 2025

Позывной Лунь

Родом я из Питера. Самая запоминающаяся история, когда мы были в окружении в Бердине. Когда пошел прорыв, мое подразделение начало откатываться. Я вызвался прикрыть пацанов. Получилось так, что на меня

вышел противник в количестве трех человек. Пришлось их отработать.

Нас оставалось все меньше и меньше. Мы с командиром приняли решение отбивать прорыв и пойти в контр-наступление. Мы пошли отбивать этот поселок. Добрались до наших позиций, где находились ребята. Смогли там закрепиться. И случилось так, что один враг пытался откатываться через поле. Он меня не видел. И такая взяла злоба за всех убитых наших пацанов... Я подкрался и убил его ножом.

Что я почувствовал? Мне стало немного легче, потому что я отомстил за ребят, которые погибли, когда эти мрази заходили.

Февраль 2025

Позывной Ястреб

Запоминающийся день был в первую командировку. Когда мы вытаскивали «трехсотых», я был в группе эвакуации. Забирая раненых, попали в окружение «птиц». Они начали на нас боеприпасы скидывать. Раненые были в овраге, было тяжело их оттуда вытащить — очень большой склон.

Спустились к ним, оказали помощь, стали выносить на носилках и снова попали в окружение всевозможных «птиц». В тот момент подумал, что тут мы все и поляжем.

Накрылся носилками, оборонял своего брата, который тоже там был, его позывной Кабай. Мы вдвоем были с ним. Думали в тот момент, что это по-

следний день. Встал парень на колени, начал молиться, читал «Отче наш». И каким-то чудом птицы ушли. Быстро начали эвакуироваться. Вообще, из этого оврага минут десять вылезать, мы же вылезли за полторы минуты. Всех раненых вытащили. И после этого только в овраге начались взрывы.

Какое-то чудо произошло. Молитва она и есть молитва. Это было при мне. Я сначала как бы ухмыльнулся, где-то, может, посмеялся. Но это сработало, я потом понял, что молитва — это сильно и Бог есть!

Но потом трагическая ситуация случилась с моим товарищем. Ребята, когда пошли показывать дорогу, неверным путем двинулись, не туда свернули. Они подорвались втроем. Погиб мой товарищ. Было тяжело. Прошли с ним всю командировку. До дома оставалось три недели...

Февраль 2025

Позывной Аферист

В Гудермесе меня так прозвали сослуживцы, даже не знаю почему.

История с первого контракта. Заходили в Волчанск, и была сильная атака дронов. Нас с товарищем зацепило. Он был тяжелый «трехсотый» — в живот, в ногу. У меня только нога. Откатились буквально метров на сто оттуда. Дроны нас окружили, начали сбрасывать. Я уж думал — ну все, там и поляжем. Но повезло, что там пролетала «Баба-Яга» и нас не заметила. Потом еще на километр откатились. Там 138-я бригада сидела. Я бойца на

плечи себе закинул. Он одной ногой, я одной ногой, так и двигались весь маршрут. Выжили! Наутро эвакуационная группа приехала, нас забрали.

Это было в конце мая 2024 года.

Февраль 2025

Позывной Маяс

У нас была боевая задача, выполнение которой с самого начала пошло не очень хорошо. Еще на подъезде к позициям нас начал преследовать дрон-камикадзе. Нас было пять стволов, из кузова удалось его сбить, и благополучно добрались. Там нас сразу определили в штурм. Мы штурмовали так называемую трубу. Успешно продвинулись до цели, от которой должны были пойти в деревню, но там все пошло не так. Нас накрыла артиллерия, накрыли «птички», и нам с товарищем пришлось забиться в «лисью нору»¹. Его ранило в спину, он еле шевелился, из-за чего мы не могли откатиться сразу. Ночь нам пришлось провести в «лисьей норе», на земле, в холоде. Была середина ноября, а мы были одеты легко, так как шли в штурм.

Ночь была длинная. Мы не спали, слушали «птичек», «Бабу-Ягу», ну и чтобы к нам не подобрался враг. Наутро, по серости, мы уловили момент и смогли все-таки выйти к точке эвакуации. Его эвакуировали, а меня

¹ «Лисья нора» — яма в окопе, предназначенная для укрытия от массированных ударов.

направили на вторую волну штурма. Там уже «затрехсотило» и меня. Тоже эвакуировали.

Февраль 2025

Позывной Закат Штурмовой медик

Я из Адыгеи. На СВО нахожусь полтора года. До СВО я работал фельдшером бригады скорой помощи. Тоже посмотрелся всякого, более-менее закаленный был. Но вот помню историю 6 июня 2024 года. Шли на БЗ, видел, как лежат погибшие бойцы, разбитые все. Я думал, что закаленный, но... Запомнил уставшие, вымотанные лица. Боец сидит чай пьет, а рядом погибшие лежат. Он на меня смотрит и спрашивает: «Ты новый? Ну, удачи тебе. Я вот домой уже скоро уйду. Ты теперь вместо меня». Это были ребята из 1102-го полка с позывными Кабарда, Казань, Пророк, Малой, Мох, Добрый и Восток. В моей памяти, в моем сердце эти ребята будут жить всегда.

Я захожу — и почему-то запомнил именно это: что люди такие вымотанные и уставшие, что им все равно, что происходит. Он сидит ест, пьет... Я спрашиваю его: «Вон там погибшие лежат?» На что он говорит: «Мы сейчас перекусим, чуть отдохнем и дальше будем их выносить». Я им помогал тогда. Там было трое «двухсотых». Я помогал им загружать их. И тогда пой-

мал себя на мысли, что на их месте мы можем быть. Это была группа эвакуации союзников. Их там разнесло.

Я всю ночь тогда не мог уснуть, мысли эти прокручивал в голове: куда я пришел?

Еще одно яркое воспоминание — это очень тяжелый «трехсотый». 17 июля 2024 года. Отпечаталось в памяти. Тогда пришлось оказывать полный объем помощи: катетеры, тампонировал, жгутовал. «Полька»¹ прилетела рядом с ним, его жестко побил. Большая кровопотеря. Реанимационные мероприятия проводил в дренажной трубе. Было две клинические смерти. Я его качал-качал. Он ожил. Ноги-руки спасли ему тоже. Одна рука только плохо работает. Часа полтора-два реанимировал. Очень сильно порвало, даже где-то подшивать приходилось, чтобы просто была возможность скомпоновать.

Я это запомнил особенно, потому что мне звонила потом его мама. Не знаю, откуда она мой номер нашла. Она позвонила и очень благодарила, что спас его. В такие моменты ты понимаешь, что дело сделал настоящее.

Кстати, боец этот рвется сюда, назад, но ВВК² не пропускает.

Мы очень стараемся. Командир всегда меня спрашивает, что нужно, чего не хватает, о дополнительном оборудовании медицинском. Я получаю все, что требуется. Отдельный упор он делает на эвакуацию раненых: группа эвакуации, работа медиков. На новых позициях у нас всегда в первую очередь выстраиваются точки эвакуации и только потом проводятся другие мероприятия. Транспорт, носилки — все готовится заранее. К нам зачастую союзники с просьбой об эвакуации обращаются.

У нас из «трехсотых» ни один не перешел в «двухсотые». Это знают все.

Ну и еще история была. 4 июня 2024 года, где-то под Белогоровкой. В

¹ «Полька» — бесшумная мина, выпущенная из польского миномета.

² ВВК — военно-врачебная комиссия.

общем, у нас был штурм, причем такой жесткий, и нужен заградительный огонь, чтобы раненые откатились. А я сижу на КМП¹ на «Байкале»², еще Волк, царство ему небесное, жив был, царь леса. Он там рулил и руководил. Ну и минометчиков наших спалили, вот Баркаса и его расчет. Полетела обратка, его «затрехсотило», руку порвало осколком, прям жестко, раскрыло до кости прям. Что делать? Что делать? Короче, слышу, Баркас «трехсотый», а я только пришел, слабо познакомились, просто знал, что Баркас полужемляк, Краснодарский край. Я прям в шлепках побежал туда. Оказалось, по минному полю. Я пробежал, и мне осталось где-то метров двадцать до них. Помню, Коба вылезает и кричит: «Осторожно, стой!» Я смотрю вниз, а там ПМНки³, все поле в них. Меня как сковало, но Коба пришел, меня за руку взял. Там тропинка была, он провел меня. Как я не подорвался — не знаю. Спускаюсь — и такая картина: Баркас мину берет, зажигательную причем, у него по этой мине кровь стекает, и он ее кидает... пу-у-ум... улетел рубль двадцать, он попадает в цель. Не просто в нужный дом, но и еще в два дома по сторонам, он их поджигает. Три дома за выстрел! Ну и летит обратка, туда-сюда, Баркаса в блиндаж. Одну «кассету», помню, положили и прям 120-миллиметровый, блиндаж дрогнул, я Баркаса мотаю, мотаю, трамбу, в чувства привел, и Святой сидит и слышим: ты-ты-ты... — бомбежка идет. Святой говорит: «“Урал” едет», а я говорю: «Какой “Урал”?» Он говорит: «Турист походу БК везет». Святой выбегает и кричит Туристу: «Уходи, убегай, разворачивайся!» А он сидит: «Что? А?» И тут метрах в тридцати от него 120-миллиметровый прилетает, разрыв жесткий. Он глушит мотор, подходит, говорит, мол, что такое? Итог: он БК сгружает, уезжает, и это все под артой. Мы си-

¹ КМП — командный мобильный пункт.

² «Байкал» — автоматизированная система управления действиями ПВО.

³ ПМН — противопехотная мина нажимная.

дим. Арта начала по квадрату работать, потому что наш РЭБ задушил их «глазкí». И они уже вдали от нас, метрах в ста минометы работают. Буквально минут пять проходит, и тут один 152-миллиметровый как прилетит — прям рядом! Благо мы вышли, там блиндаж такой был и Г-образный окоп-отход, и мы все в этом окопчике сидели, «птичку» слушали. И как только все в блиндаж забежали, дверь за собой закрыты не успели — бу-у-ух! 150-миллиметровый. И еще раз... Святой выбегает, говорит: «Турист приехал, а до этого куда он поехал, туда «кассетами» бомбили». Я подумал, может, его «затрехсотило» и он вернулся. Сразу с сумкой к нему. Турист же машину заглушил, открывает переднее сиденье, а там мешок с хлебом. Несет и говорит: «Я хлеб отдать забыл». Разворачивается и уезжает.

Февраль–апрель 2025

Позывной Бисмарк Штурмовой медик

Я из Башкирии. На СВО с 1 марта 2023 года. В июне 2024 года штурм был. Парня спас, он мне потом из госпиталя привет передавал. Ему ногу оторвало. Он лежал, и никто не мог помощь оказать ему. Мы с Касаткой — наш ротный — были, оттащили его в

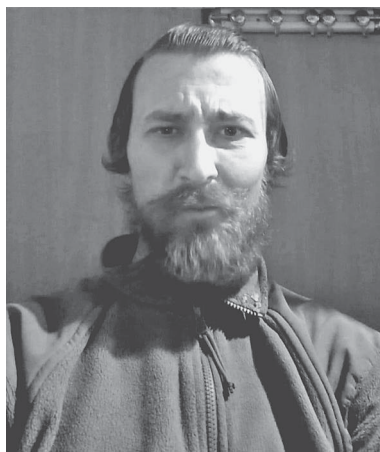
подвал. Он уже вытекал сильно. Я его перевязал, у меня последний физраствор был, поставил его внутривенно.

Добежал до их связистов и сказал им: «Если в ближайший час вы не эвакуируете бойца, то он отойдет в мир иной». В итоге забрали.

Парень выжил, правда, без ноги.

Февраль 2025

Позывной Бронсон

На СВО с конца марта 2023 года. Был в отпуске, сейчас вот вернулся, на год заключился. Эта история произошла в апреле 2024 года. Было это в ЛНР, под Белогоровкой. Послали нас в серую зону занять позицию. Известно было, есть ли там противник. В итоге позицию заняли, нас было трое. В какой-то момент пришли два хохла. Мы их убили. Потом нас начали закидывать сбросами. Все оружие было в меле, не могли стрелять. У меня и у товарища ранения рук, у третьего — обе ноги.

Под утро пришли еще два противника. Их наша «Рапира»¹ положила. Один сразу погиб, второй долго крутился и тоже умер. Наша «птичка» корректировала огонь. В итоге арта нас спасла.

Февраль 2025

¹ «Рапира» — 100-миллиметровая противотанковая пушка МТ-12.

¹ «Глаз» — дрон-наблюдатель.

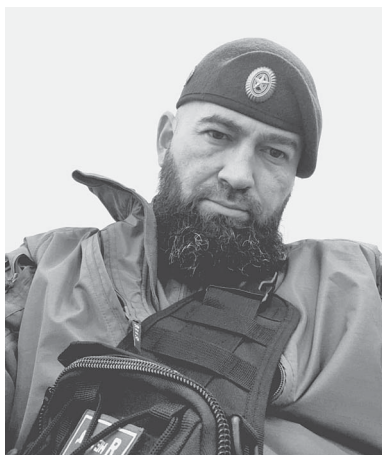

* * *

Про Арчи пару слов скажу отдельно. Отложилось в памяти одно небольшое событие, но ведь из мелочей жизнь и состоит. Особенно на войне. После очередного выхода на позиции мы прибыли на ПВД. Сил хватило только доползти до спального места. Одежда и спальника не было, а искать их решительно не хватало энергии. Так и стал засыпать. И сквозь сон увидел, как Арчи (тогда мы еще не были знакомы) укрыл меня своим спальником.

Как уже после он мне объяснил, на моем месте иногда бывал сквозняк, а на его месте не дуло. Я даже не знаю, почему именно это мне так запомнилось. Но, видимо, так оно и выглядит — боевое братство!

Позывной Арчи

Я из Башкирии. На СВО с 21 октября 2024 года. В Курской области с 28 октября 2024 года. А чуть позже нас закатили на ноль в качестве эвакуации и «ножек» — людей, которые носят провизию ребятам на позициях непосредственно возле ЛБС. Нас было двое — я и Кощей. У меня это первый контракт, он уже был в Курдюме. Опытные ребята учили меня, как различать звук пролета — снарядов, дронов.

Почти месяц мы там пробыли, обосновались. Приноровились работать. Потом на ПВД¹, мы отдохнули

дня три-четыре, а утром нас собрали командиры. У меня тогда был командир Щербак, он сейчас на другом направлении. Объявили: «Желающие идти в штурм?» Нас набралось 35 человек. Первые 10 человек выехали 20 ноября в отряд Хохла — нынешний мой командир. А мы на следующий день, 25 человек, поехали к Каштану. Приехали мы на ноль, нас проинструктировали. Сбили в пятерки, назначили старших, и на автомобиле мы выехали в сторону населенного пункта Бахтинка. Там в блиндажах переночевали. Поутру, в 10–11 часов, на коробочке выехали на косу. Задача состояла в том, чтобы пройти через лесополку, открытку метров сто, и там уже были укроповские блиндажи, которые надо было занять. По косе мы двигались двойками, потому что «Баба-Яга» там работала. Сбросы несработавшие лежали на косе. Знающие люди нас провожали.

В один момент мы шли с товарищем, Пчеловодом, замыкающими. Нас встретил Патрик, провожал всех по двойкам. Кто-то крикнул: «Крыло!» Мы все замерли, спрятались под дерево. «Глаз» летал, контролил. Раздались крики, что кто-то из Минобороны идет по открытке. И крыло скорректировало по нам артиллерию. По нам сработали кассетными зарядами. Когда начались разрывы, я, как обучали опытные бойцы, положение занял более-менее безопасное и услышал крик Пчеловода: «Я триста!» Рядом был боец опытный, дал приказ откатываться назад. Мы добрались до «блинчика»¹ стабилизации. Когда было затишье и хотели снова выдвинуться вперед, услышали звук «Бабы-Яги». Это был для нас нонсенс, что такой дрон работает среди бела дня. Тем более бензиновый. К нашему сожалению, их было две — пока одна разгружалась, уже прилетала вторая.

По времени я не ориентировался, на часы не смотрел. Уже серость спу-

¹ ПВД — пункт временной дислокации.

¹ «Блинчик» — яма в окопе, то же что «лисья нора».

скалась. Все затихло. Мы сидели с Патриком. Пчеловода эвакуировали, у него было ранение в левое плечо. Я услышал голос по радиации — это Мурыч был. Он был назначен старшим пятерки. Он нас забрал из блиндажа, и мы побежали в сторону лесополки. Там еще было двое бойцов, позывных которых я не помню. Они впереди бежали, мы с Патриком сзади. Когда бежали в лесополку, мы не различали ни грязи, ни веток, увидели наших ребят — уже «двухсотыми» лежали. Кто конкретно, невозможно было разглядеть. Мы бежали быстро, плюс еще серость. В какой-то момент мы с Патриком отстали. Интервал с Патриком держали метров десять, не кучковались. И в один момент слышим звук мины 120-миллиметровой. По нам работает миномет. Патрик в «Вагнере» работал, опытный. Кричит мне: «Ложись!» Я лег, разрыв был метрах в десяти от нас.

Начался хаос, для меня это была страшная картина. Я первый раз столкнулся с таким. Непосредственно по нашей пятерке работал миномет. Разрывы учащались. Нам не давали ни вперед идти, ни назад. Уложили в шахматном порядке. В один момент мы рванули назад, пробежали метров десять. Нам опять начали накидывать. Я увидел дерево, лег. Как нам говорили в отряде у Каштана — зарывайтесь в землю насколько можно глубоко, старайтесь слиться с землей.

Последний разрыв мины был позади меня, почувствовал сильный удар по ногам. Затем разрывы вроде стихли, услышал крики — кого-то ранило. Страшные крики. У меня у самого страх и паника. Страх сковал движения. И самое жуткое, когда я услышал звук «Бабы-Яги» над головой. Сбросник завис надо мной. Минометы отработали — видимо, решили добить. Помню первый сброс — меня накрыло землей. Удар такой сильный был, словно меня тяжелым чем-то приложили. Словно машина сбила. Удар по корпусу такой, как придавило. Полный рот земли был. Было больно зубам, потому что, когда падал, затвор

автомата оказался прямо во рту. Сначала оглушило меня, а когда прояснилось, я услышал щелчок от сбросника. Все звуки отошли на другой фон. И чувствую острую боль в руке и плече. Затем какая-то тишина, в глазах побелело, потом потемнело. Звон в ушах. Ощущения страшные. Первое впечатление, что я уже на том свете. Я тогда еще подумал, что если я на том свете, то не очень-то и комфортно там. В ушах стоял гул и звон. Я попытался подняться, но на правую руку не мог опереться. Острая боль была. Поднялся с помощью левой руки, дышать было тяжело.

Я не понял, как на шее перекутило автомат. Весь разодранный, шум в ушах, темно вокруг. Куда идти, я не знаю. Машинально повернулся и пошел куда глаза глядят. Все на ощупь. Периодически разрывы слышны.

Вдруг резко падаю вниз. Я сам удивился, откуда внутри лесополки ров или яма. Резкий спуск был. А еще был дождь, снег — слякоть такая. Я скатился с горочки, влетел в коряжник. Попытался выбраться, цеплялся левой рукой, правая не слушалась: прилетело в плечо, руку перебило. Попытался выбраться и услышал крик. Кто-то кого-то звал по позывному. Я сориентировался, от меня это было слева. Когда выбрался из этой ямы, туда и двинулся. Встал в полный рост и — никогда это не забуду, дай Бог, Иншалла, своим внукам буду рассказывать, если поверят, — я увидел белого кота. Белый пушистый кот, я увидел его в лесополке, в темноте. Метрах в трех-четырех от меня. Я к нему, он от меня. Отбегает и ждет меня. И вот так потихонечку я двигался и... увидел огоньки от сигарет. Я начал кричать, что я с «Ахмата», отряд Щербака, свой позывной называл. На удивление, мне сразу ответил один боец: «Арчи, это ты, что ли?» Его слова меня тогда в шок повергли — по радиостанции сказали, что я «двухсотый». А у меня радиостанции не было, выйти на связь со своими не получалось. Только вот так вот откатываться.

В общем, направил он меня в блиндаж стабилизации. Прежде чем войти, я обозначил, что это я. Там

был медик, позывной Эхо. Он тоже удивился, что я жив. Осмотрели меня, обработали, перевязали. Ночь там провели. Не спали совсем, на корточках сидели. Блиндаж на четыре лежащих места, а нас 11 человек было. Сыро. Мокро. Пить хочется все время. А уже утром нас эвакуировали. С нами был парень, позывной Союз, у него огнестрельное ранение было в ногу. И вот мы с ним вдвоем вышли на точку эвакуации, откуда нас коробочка забрала. Привезли в отряд, там небольшой медпункт, перевязали, обезболили и направили в областную больницу Курска. Там уже госпитализировали.

Февраль 2025

Позывной Тимоха

Я родом с Мурманска. На СВО с начала февраля 2024 года. Запомнилось, когда первый раз заходил, это ощущение, что попал на войну. Практически сразу попали под артобстрел. Это было в Лисичанске. Перебегали большую открытку. Первую командировку работал на миномете — «Васильке-82». Добежали до позиций, попали в обозрение дронов. Начался

обстрел. По одному проходили по окопам. Союзники, мобилизованные ребята, накопили хорошие окопы. Помню тогда много адреналина, немного страх. Потом уже со временем к этому привыкаешь.

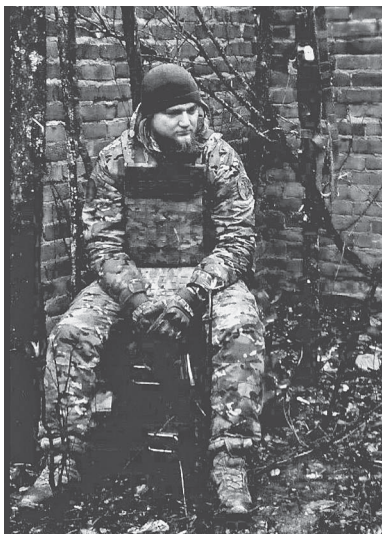
Однажды, перед туманом, выходил в тыл за провизией. Когда возвращался, перед позициями метров триста открытка. Там лесок небольшой. Я остановился, прислушался. Вроде бы нигде не жужжит, небо чистое. Только пробежал открытку, забежал в позицию. Тут надо сказать вот что: окапываться там было очень тяжело, везде грунтовые воды. По лету еще можно было окопаться нормально, а ближе к зиме — максимум в штык, сразу вода идет. Сверху накладывали бревна, таким образом позиции «поднимали». И только вот я залез в свой блиндаж, «птичка» прилетела — спалили. И прилетает камикадзе. А у нас в «блине» накатов нет — ветки, тряпки и земля. Спасли ветки, которые лежали ёжиком. Второй прилетел прямо через минуту — ветки защитили.

На следующий день туман был. Я решил выйти, собрать запчасти от дронов, ребятам отнести. Только вышел — снайпер начал отрабатывать. Снайпер, видимо, стажер был. Было слышно, как пули рядом пролетают. В этот же день в тумане вражеский танк заехал. Прямо напротив нас, метров пятьсот. Туман спал, и он начал работать. Целый час работал. К счастью, не по нам.

Потом уже позицию начала «Баба-Яга» отрабатывать. Мы под деревом были. Она скидывала 82-миллиметровые мины. Один раз крышу снесло на позициях, всех оглушило. Выползли и на ощупь в темноте до леса ползли. На другие позиции переместились, от старых ничего не осталось. Ну и постоянно били по нам 120-миллиметровые. Каждую ночь, в одно время. Кочующий миномет на «Урале».

Март 2025

Позывной Якудза

Вот такая история. В 2022 году, когда начался набор в спецназ «Ахмат», меня друг позвал. Я не знал о наборе, а он говорит: «Пошли Родину защищать, что делать, тут такой беспредел творится, геноцид». Он позволил, все узнал, уехал в Грозный, подписал контракт на первые три месяца. Ну и всё, приехал сюда, в ЛНР, занимались всем подряд: и разведка, и группы штурмовые, и группа быстрого реагирования. Ну все не буду рассказывать, очень много всяких задач было: и сопровождение, и тому подобное. Потом контракт закончился, поехал домой. Дома устал. Месяц побыл или два даже, полтора где-то, и поехал сюда подписывать на год контракт, в основную часть «Ахмата», со своими братьями. Приехали, подписали контракты, началась служба. Тут встретил любовь всей своей жизни, свою будущую жену, ну настоящую жену. У нас с ней такая история была. Она даже не верила, что я приеду к ней, думала, обманываю. Ну вот приехал, завертелось у нас, очень красивая девушка. Стала моей женой. Она у меня украинка. Очень любим друг друга, у нас двое красивых детей.

Продолжал я службу штабистом, был и на полигоне. Потом под Курск попал, к Хохлу. Пошел в штурмовую группу на Русское Поречное. Сложное

было первое задание очень, столько дронов никогда в жизни не видал, но мы воины, живем вечно. Выполняли свою работу, спасали Минобороны, защищали наши границы, наши земли. Со мной друг, который тоже с 2022 года здесь, также у Хохла, позывной Барс. С ним вместе пошли на Русское Поречное. Вытащили всю группу эвакуации союзников, потому что их всех там раздолбили. Ну а потом перевели нас в минометчик. В минометке, конечно, все поинтереснее. Не знаешь, куда бьешь, ну, знаешь, куда бьешь, но не видишь, что ты натворил. Очень много задач было, много поставленных задач, которые выполняются и должны были выполняться, даже иногда самостоятельность была, но не приветствовалась. Помогали парням как могли, при штурмах очень эффективно помогали. Потом прилетела «Баба-Яга», сожгла нас. Я пробыл в госпитале, пролечился. Ну как пролечился? Ничего мне не вылечили. Приехал вот назад к Хохлу и до сих пор продолжаю службу до конца СВО, пока не закончится. Вот такая моя маленькая история. С 2022 года по 2025 год. Много-много чего нельзя рассказывать, секретность.

Ну а так все обычно — русский парень из Сибирского округа, Алтайского края, города Рубцовска. Ничем не приметливый такой, бывший военный, решил пойти защищать Родину. За все это время силы исходят. Чем дольше война, тем меньше сил, как у любого военного. Очень поддерживает меня моя семья, моя любимая жена. И лишь благодаря ей я нахожу силы ради своих детей, ради своей семьи. И держусь до последнего. Она моя большая опора. Ну и мой стимул возвращаться домой живым, целым и невредимым.

Мы потомки своих прадедов. Мой прадед воевал во Вторую мировую против фашистов. И я, его внук, воюю сейчас против фашистов. Победа всегда будет за нами. Нам есть к чему стремиться. Наша земля, и мы не позволим фашизму гулять по ней. И все вернемся домой. Быть воином — жить вечно!

Апрель 2025

Позывной Ясс

Я из Северной Осетии. Сентябрь 2024 года. Мы доходим до ноля, ротация не удалась, потому что на ту территорию, которую мы отбили, снова начал затекать враг. Нас сразу разворачивают, возвращают на тот же рубеж. Снова принять бой. Тут проходит информация, что группа противника зашла в лесополку — мы прозвали ее «детским лагерем» — и немного дотуда не дошла. Командир принимает решение: нужно отправить на доразведку две подгруппы по три человека — перепроверить информацию, поскольку было удивительно, что враг так быстро вернулся назад.

Я шел в головном дозоре. Заходим в этот «лагерь», разделяемся по три человека и начинаем проводить досмотр. Там у нас стояли «Нива» и «стволка», еще от предыдущих бойцов, которые держали эти позиции ранее. Нужно еще добавить, что до этого по посадкам отработали минометы, кругом валялись ветки. Мы пытались двигаться максимально тихо. Как выяснилось, хохлы уже успели там снова закрепиться и устроить нам засаду. Тут я наступаю на ветку, она хрустит, и в этот момент со всех сторон начинается стрельба. Я сразу падаю, лежу и пытаюсь понять, откуда стреляют. Все было очень близко, нас подпустили максимально, но, видимо, труханули, когда я наступил на ветку. Плюс там еще ребята спорили, что нехорошо идти по открытке и

надо зайти в лес. Противник это тоже слышал. В общем, я падаю, одной рукой оттягиваюсь назад, другой стреляю. Мы противника не видели: там лес, да и они успели окопаться.

Мы оттянулись, выстроились в одну линию и начинаем плотно от них отстреливаться. Понимаем, что их там больше. Нас шесть стволов, а по нам человек пятнадцать работало. Там вообще так было: два лесных массива, между ними дорога. Они закрепились в одном леске и в другом тоже, стреляют с одного леса, стреляют с другого и начинают нас обходить. Мы понимаем сложившуюся ситуацию, понимаем, что можем попасть в клещи. Начинаем оттягиваться. Повезло — отошли без потерь, без «трехсотых». Доложили информацию. Позже заходили туда в полном составе — нам еще десантников придали. Они очень нам помогли, закатили туда на бэхе, с тяжеляка¹ поработали. Отработали хорошо — у противника девять человек «двухсотых», остальные успели убежать. К сожалению, у десантников один погиб. Позиции в итоге отбили.

Ошибка изначальная была в том, что тероборона там не закрепилась, после того как мы отбили позиции.

Февраль 2025

Позывной Верох

Я из Архангельска. На СВО с начала 2023 года. Попал на Бахмут. Особенно запомнился тот день, когда меня

¹ Тяжелаяк — пушка крупного калибра.

«затрехсотило». Это было под конец самого Бахмута, когда к воинской части подходили. У нас был прилет по позициям. Снаряд залетел внутрь здания. К тому моменту из нашей пятерки оставалось только трое: я, медик, гранатометчик и командир группы. В результате погиб командир группы, а гранатометчику посекло обе руки и ноги. Я отделался легким испугом — у меня было касательное в голень левой ноги.

Вообще, изначально день ничего не предвещал. Утром враг начал разбирать нашу первоначальную позицию. Нам была дана команда перебазироваться на другую точку, рядом. Мы перешли туда, нашли кое-какие запасы: плитка, газовые баллоны, немного провизии. Укрепились, приготовили макароншек. А потом начались прилеты рядом, в огород. Спустя несколько секунд прилет к нам в здание. В этот момент мы сидели с командиром группы на кухне, а в соседней комнате сидел гранатометчик, у него там был сектор обстрела. Как правило, своего прилета не слышишь. Начал рушиться потолок, здание глиняное, меня немного им накрыло. Я на табуретке сидел, табуретка из-под меня ушла. Открываю глаза, очухиваюсь — вокруг пыль, огонь. Ползу до командира группы. У него полчерепа снесено... «двухсотый». Тут слышу, подает признаки жизни гранатометчик. Мой медицинский рюкзак засыпало. Я ползу к нему, бегло осматриваю — у него открытый перелом руки, вторая рука посечена, ноги тоже. Я начал жгутовать — у него на броне два жгута, у меня тоже один остался. Перемотал ноги, руку. Вторую руку перематывал хлястиком от спальника. В Бахмуте подвалы во дворе хорошие такие, бетонные. Метрах в десяти от дома такой был. Я доложил по рации своим, что у нас один «двухсотый» и мы «трехсотые». Нам дали команду найти укрытие, мы в этот подвал и полезли. Там я уже по-хорошему его осмотрел, провел ревизию жгутов. Пришла группа эвакуации, гранатометчика на носилках унесли. Я остался на позиции с одним автоматом, остальное оружие засыпало. Позже вернулись за мной, помогли дойти до точки.

Этот день запомнился. Правда, еще ночь была долгая. Когда в темноте шли до точки подвоза, меня проводник сопровождал. Я отказался от эвакуации. Там хохлы «люстры»¹ постоянно вешали, непрекращающийся артогонь шел, «мавики» летали. В итоге приняли решение, что меня своим ходом доведет проводник. Эти парни там в темноте хорошо ориентируются, прямо по шагам четко — столько шагов туда, столько направо, столько налево. Но по дороге нас спалил «мавик». Повезло, что мы тогда были в углубленном месте. Прилет метрах в пяти, осколки прошли над нами. Вторую небольшую контузию тогда получил.

Февраль 2025

Позывной Кавани

На СВО я с 2022 года. Был в «Вагнере». Был в Бахмуте полгода. Как штурмовики, мы всегда должны были идти вперед. За полгода мы отдали только одну позицию, и то ее вернули на следующий день. Я был в 1-м ШО², у Ратибора, 4-й взвод у Питерского.

¹ «Люстра» — осветительный снаряд. Применяется для освещения местности в ночное время суток.

² ШО — штурмовой отряд.

Это было на Новый год, рядом с деревней Подгорное. Там есть лес. Нужно было идти на штурм. В пять утра первого января. Мы обычно штурмовали или перед рассветом, или когда уже начинало темнеть. В общем, вшестером пошли на штурм. Я попал в первую тройку. Мы штурмовали позицию, до сих пор помню, РОК-67. Целый день штурмовали. Хохлы нам дали приблизиться и за сто метров начали нас обкладывать минометом, АГСом и «полькой», которую не слышно. Назад пойти я не мог, потому что мы шли сверху вниз, и вперед пойти не мог тоже. Спрятался под бревном. Вечером другая группа, 3-й взвод Раптора, пошла штурмом слева. Враг переключился туда, и мы уже давили их. В итоге у хохлов погиб только один, остальные успели эвакуироваться — к ним прямо в посадку бэха-эвакуация приехала.

Командир сказал в хохляцких окопах не сидеть. «Делайте рядом, у вас вся ночь впереди». Мы вшестером начали копать. Трое в одном месте, трое в другом. Там был я, Узбек и пулеметчик, он с Сирии вернулся, Пироженик его позывной. До утра копали.

Утром уже сидим на вырытых позициях, варим кофе. На нас по рации выходит Питерский и говорит, чтобы я приехал в Покровку. Это между Попасной и Бахмутом. Я в радейку говорю: «Командир, можно чуть попозже, кофе только допью?» Он мне отвечает, что нужно прямо сейчас. Там нужно идти от Бахмута пешком километров двенадцать–пятнадцать. Ну я сразу собрался и выдвинулся. А у нас так принято было, что если я ухожу с позиции, то меня сразу меняют. Меня сменили, иду до следующей позиции и слышу по радейке, что прилетело из миномета 120-миллиметрового на РОК-67, прямо в окоп. Это спустя буквально пять–семь минут. Это был прилет в мой окоп. Тот пацан, что меня менял, погиб. Узбек тоже тогда умер. Пироженик погиб уже спустя какое-то время. Если бы я тогда остался допить кофе, то сейчас бы тут не сидел...

Я командиру это не рассказывал, но очень ему благодарен. Мы его по-

баивались, и его приказы нужно было сразу выполнять. Я не мог тогда не послушаться и допить кофе. А если бы допил, то это был бы мой последний кофе. Слишком дорогой кофе...

Февраль 2025

Позывной Тартуга

На СВО с 2022 года. 24 ноября 2022 года, город Соледар. Был ранен. У нас намечался штурм. В назначенный день ждем команду. К нам должна была выдвинуться группа союзного подразделения, но она где-то между наших точек затерялась. На меня выходит командир и спрашивает: «Группа прибыла?» Я говорю: «Еще нет». А времени уже прошло достаточно. Потом прибежал один из них, они то ли заблудились, то ли что-то еще. А наши позиции тогда постоянно артиллерийским огнем обстреливали. Они спрятались в каком-то доме и боялись выйти. На меня насаждает командир, потому что мы срываем штурм, нам нужно двигаться дальше, а они там как ключевое звено — это группа должна была быть. Я беру с собой товарища, мы идем их искать. Начинаем сопровождать до наших позиций. Товарища поставил вперед, а сам пошел последний. Он показывал дорогу, а я следил, чтобы из них никто не потерялся.

Когда мы двигались, по нам начал работать АГС. И так как я шел самый последний, мне больше всех и досталось. Мне в лицо прилетел ВОГ, каким-то чудом отрикошетил — не сработал. Меня секунд на десять отрубил. Потом я очнулся, кровь из головы,

изо всех щелей бежит. Я начал уползать, а АГС еще продолжал работать.

Не помню, почему я тогда пошел без радиостанции. После я узнал, что группы добрались до точки и штурм пошел дальше. Суматоха, никто не заметил, что меня нет. Мои ребята тогда подумали, что я стал руководить штурмом этой группы, которую привели.

В итоге я тогда заполз в подвал какого-то здания и там сидел шесть часов. Ждал, когда стемнеет. Мне тогда не только по лицу прилетело, мне осколками все ноги посеколо. Я ходить не мог, ползал там. Ждал, когда начнет сереть, чтоб как-то выползти к своим. Потом посерело, я пополз к своим, и навстречу наши вышли. Они за боеприпасами пошли и нашли меня.

Февраль 2025

Позывной Космодей

Я хочу рассказать про главную ошибку, которую совершают парни, находящиеся на войне. Самое серьезное, что можно совершить из ошибок, — завести близких друзей на войне, а еще хуже — с ними приехать. Тяжелее всего не получать ранения и даже не видеть, как парни гибнут, — это издержки нашей работы. Самое тяжелое — наблюдать, как гибнет твой близкий друг.

Нас приехало много. Мы общались давно и были вместе еще с Бахмута. Именно война показывает людей с той

стороны, с которой не покажет другая жизнь. Потому что здесь все бояться и здесь показывают настоящие лица. Нет присказки красивой, потому что каждый здесь может погибнуть в любой момент.

И вот товарищ, друг, можно сказать, родной человек... Позывной Дантес. Жизнерадостный, с легким отношением к нашей работе, мы не называем ее службой, в экстренных ситуациях у нас нет паники. Защитная реакция у нас — это смех. Можно сказать, что он заигрался с судьбой. Он три года не отмечал дома Новый год. Мы говорили в общем кругу, поговорили с командованием, чтобы его отпустить. И вот однажды на позициях с утра проснулись, и он говорит: «Я первый ходить не буду». Мы: «Почему?» Оказывается, ему приснилось, что у него оторвало конечность, и он погиб. Потом начинается реальный штурм и... так и происходит. А ведь мы просто ногами его выпихивали в отпуск. А он не пошел. Можно сказать, только из-за того, что подумал, что мы его засмеем. У нас юмор специфический, но мы действительно только шутили. Мы всеми силами пытались его отправить, но он сказал: «Нет. Схожу в штурм, задачу выполню и только потом пойду в отпуск».

На самом деле с судьбой заигрывать нельзя. Если выпадает шанс, то лучше его использовать. Многие, приходя на войну, игнорируют фразу «Не спеши воевать, война все равно тебя найдет». Если предлагают какую-то должность, где ты будешь подальше, то лучше прими это предложение. Никто тебя осуждать не будет. Ты можешь приносить пользу и в тылу, например работая в госпиталях. Не нужно сразу рваться на передний край, насмотревшись мотивационных роликов или излишне поверив в себя. Мы воюем против таких людей, которых тоже нужно уважать, — они тоже воины.

Февраль 2025

Позывной Орел

Группа эвакуации

История такова. 1 сентября 2023 года мы заходили вместе с Лешим. Был огромный штурм на Марьинке, били со всех стволов, наших было пять минометов, плюс «Солнцебеки»¹. Первое сентября как-то пережили, бой был тяжелый, танковый бой. Вывел Лешего и остался доделать дела, нужно было кое-что завершить. Второго сентября у союзников 103-го полка была очень серьезная эвакуация, людей не хватало, очень много было раненых, и я запрыгнул на МТЛБ. Я видел тот камикадзе, который уже шел на разворот, чтобы подбить нас. Видел и понимал, что удар будет. Все равно сел на эту мотолыгу и поехал. Первый камикадзе попал под гусанку, мне под ноги, еле успел их поднять вверх. Сверху была клетка, мангал так называемый. Мы мчали дальше, наверху на мотолыге были я и тяжелораненый парень из группы эвакуации 103-го полка. Проехали буквально пару поворотов, пару улиц. Опять удар. Теряю сознание. Очухиваюсь в своей крови, катаюсь, ору, начинаю выпрыгивать. Наверное, самое эпичное — цепляюсь рюкзаком за верх мангала, вишу, понимаю, что оба уха не слышат, абсолютно всё вдали. Вишу и понимаю, что, наверное, это конец. Каким-то образом умудряюсь отцепиться. В этот момент начинают вокруг падать мины, летят еще камикадзе. Я отбегаю, вижу, как экипаж выпрыгива-

ет из горящей мотолыги. Разбегаемся в разные стороны. И вот, наверно, суть всей истории, как я полз. Я полз не туда, куда все побегут, а в другую сторону — в сторону передка. Знал там один подвал, где союзники, думал добраться до него. Уши не слышали, так как перепонки, как оказалось в последующем, лопнули. А в этот момент со всех сторон били мины и камикадзе, нас искали, разносили весь квадрат.

Я полз и помню, когда я переходил ущелье, там, где в стороне понтонный мост, подумал, что сейчас еще должна змея укусить меня. Но никто меня не укусил, спокойно перебрался.

Я терял силы, была перемотана рука, перемотана нога, терял абсолютно все силы свои, уже выкинул каску, выкинул все вещи, которые только можно, отцепил одну сторону броника, на вторую сил не хватило. Я брел уже просто бессознательно. И откуда-то вновь и вновь появлялись силы. В итоге добрался... Там уже парни меня перемотали. Вся спина была в осколках, перепонки не было. В таком очень тяжелом, плачевном состоянии меня вывезли уже поздно вечером. Ехали в сторону госпиталя. Включил телефон, пишет мама: «Ты давно не был на связи!» Я отвечаю: «Мамуль, все хорошо, все замечательно, все прекрасно, просто не было связи». Она в ответ: «У меня был очень тяжелый день, давай вечером созвонимся». Потом мне уже сообщают: эвакуация на «большую землю». Я понимаю, что маме придется сказать. Звоню и говорю: было вот так и так, я ранен. Она говорит: «Весь день такой сложный был, я никогда такого состояния не испытывала, я теряла свои силы прямо по секундам». А я говорю: «Наверно, ты их мне отдавала, потому что у меня они откуда-то появлялись вновь и вновь».

Эта история о том, что связь поколений, связь родителей и детей незблемая, она никуда не уйдет, и надо ценить своих родителей, потому что иногда приходится даже у них брать силы. Мама мне потом сказала: «Сколько нужно сил — бери, сынок!»

¹ «Солнцебек» — тяжелая огнеметная система, реактивная система залпового огня.

ГАЛИНА ДЕРБИНА

БУЛГАКОВСКИЕ ШАРАДЫ

ЛИТЕРАТУРНОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ

КУЛЬТУРА

Глава 7

Нет пророка в своем отечестве

Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе?

Филип говорит ему: пойд и посмотри.

Евангелие от Иоанна 1, 46

В каком городе родился Иешуа, герой романа «Мастер и Маргарита»? Большинство не задумываясь ответят: он родился в Гамале. И будут правы. Пилат спросил Га-Ноцри: «Откуда ты родом?» — «Из города Гамалы», — отвечал арестант, головой показывая, что там, где-то далеко, направо от него, на севере, есть город Гамала».

Однако известная киевская булгаковед Лидия Яновская, исследуя этот вопрос, пришла к выводу, что Иешуа появился на свет в Назарете. Она пишет: «Гамалу Булгаков сделает местом рождения своего Иешуа. И кажется, будет все-таки сомневаться в этом. Ибо выпишет (со ссылкой на старого знакомого Фаррара) название Эн-Сарид — как другое, из Ветхого Завета, название Назарет». В заключение размышлений Яновская добавляет: «Из Назарета все-таки... Еще один таинственный след не сведенных воедино нитей. Впрочем, читатели этого не замечают. Очень уж непохоже слово Эн-Сарид на традиционный Назарет»*. Действительно, совсем непохоже, но тем не менее Эн-Сарид — это всего лишь арабский перевод названия города Назарета.

Согласно Большой российской энциклопедии, Назарет, или Эн-Сарид, — город со знаменитой библейской историей, он находится в Галилее, на севере Израиля**. Здесь архан-

---

* Яновская Л.М. Творческий путь Михаила Булгакова. М.: Сов. писатель, 1983. С. 253.

** Время возникновения Назарета точно не известно. Согласно Евангелиям, это место проживания родителей Иисуса Христа и Его Самого до тридцатилетнего возраста.

Продолжение. Начало — № 3–8.

гел Гавриил сообщил Марии о непорочном зачатии, здесь прошли детство и юность Иисуса. Словом, Назарет — город юности Спасителя. До сего времени в нем все дышит воспоминаниями об Иисусе, Который, как все христиане знают, родился в Вифлееме. Напомню, что ко времени появления на свет Христа императором Августом была объявлена перепись населения, согласно которой каждый житель должен был явиться в населенный пункт по месту своего рождения. Поэтому Иосиф, как потомок Давида, вместе с беременной Марией, которая тоже принадлежала к потомству Давида, отправился в Вифлеем, где у них и появился на свет младенец Иисус (Лк. 2).

На иврите Назарет звучит как Нацерат или Нацрат. А если сказать «житель города Назарета», то прозвучит как «а-Ноцри». Согласитесь, это очень похоже на Га-Ноцри. (Допускаю, что слог «Га» в прозвище Иешуа появился от названия города Гамала.) Таким образом, можно смело сказать, что Иешуа житель Назарета. Полагаю, что в данном случае Яновская ошиблась, все нити у писателя сведены, прозвище Га-Ноцри, в полном соответствии с библейской традицией, означает прямую принадлежность Иешуа к Назарету как городу его проживания. Остается вопрос: почему Булгаков придумал Иешуа именно это прозвище? Какой смысл был в этом выборе? Оказывается, все просто. Дело в том, что Назарет имеет косвенное отношение к Воланду.

Как известно, сатана отвергает все, что возвещает Христос. Что же он может отрицать в таком безобидном селении, как Назарет? На этот раз Воланду не пришлось применять свои темные силы. Оказывается, Назарет — место, где впервые было отвергнуто учение Христа, причем отрицали его жители городка еще при жизни Иисуса. Случилось это в синагоге, когда Христос впервые решил сообщить народу о Своем мессианстве. «Услышав это, все в синагоге исполнились ярости и, встав, выгнали Его (Христа) вон из города и по-

вели на вершину горы, на которой город их был построен, чтобы свергнуть Его» (Лк. 4, 28–29). Им это не удалось, незамеченным прошел Иисус сквозь их строй, но с той поры родилась и существует поныне поговорка: «Нет пророка в своем отечестве». Допускаю, что по воле писателя эта история доставила море удовольствия его дьяволу и последний в память о своей неожиданной радости довольно остроумно придумал прозвище герою — Га-Ноцри. Иными словами, Иешуа проживал в Назарете, откуда соотечественники выгнали Христа, не признав в Нем Мессию. Собственно, именно это доказывает булгаковский сатана в своем «Евангелии от Воланда», подменяя все мессианские обетования, воплотившиеся в биографии Иисуса, на фальшивые, выстраивая биографию Иешуа на лживый лад.

Теперь немного о Гамале. О ней, к сожалению, мало известно, но кое-что мы и о ней знаем. Этот город был основан в 81 году до н.э. в составе Хасмонейского царства*. Судя по древней карте, Иешуа правильно сориентировал Пилата, Гамала действительно находилась на севере от Иерусалима, за Галилейским морем, в 18 километрах северо-восточнее озера Кинерет. В древности город активно развивался и был известен производством высококачественного оливкового масла, особенно в правление Ирода Великого.

Но в нашем расследовании интересным является не сам город, а его название. Оно происходит от внешней похожести Гамалы на одногорбого верблюда. «Верблюд» на иврите звучит как «гамаль». Гора, на вершине которой стояла Гамала, действительно походит на одногорбого верблюда, и даже многие века не смогли свести на нет это сходство. В свое время эта гора-верблюд была обнесена стенами и представляла собой мирную, но

---

* Основными источниками о Гамале для меня послужили сочинения древнееврейского историка Иосифа Флавия, на которого ссылался М.Берлиоз.

труднодоступную крепость. Словом, это был милый городок... Однако! Гамала, хотя и косвенным образом, имела отношение к Воланду, так как «гамаль», будь он одногорбым или двухгорбым, у многих народов считается нечистым животным. Древние иудеи верили, что у змея, искушавшего Еву, была верблюжья голова. Это существо называлось крылатым верблюдом. По другой версии, змей с верблюжьей головой был атрибутом демона Самуэла, который прилетел на нем в рай, чтобы соблазнить Еву.

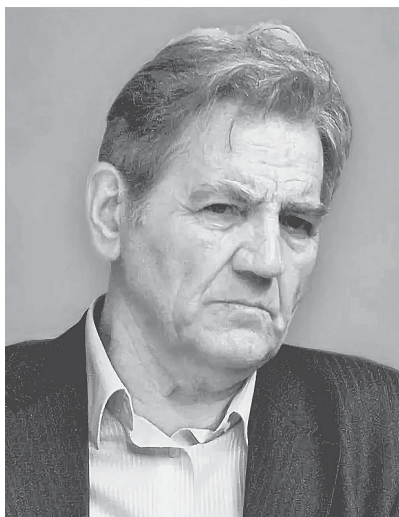
Одновременно с этим с давних времен некоторые народы характеризовали верблюда с положительной стороны и называли это неприхотливое животное кораблем пустыни. Правда, его образ испокон веку считался символом неприхотливости, флегматичности, но чаще ассоциировался с надменностью, своенравностью и даже леностью. У восточных народов верблюд, наслаждающийся питьем воды из реки, которую сам же мутит своим копытом, — аллегория любителя создавать себе трудности.

Одним словом, со временем в народных преданиях традиционным отрицательным зооморфным образом стал верблюд. Например, в поминальных песнях, связанных с узбекскими погребальными обрядами, часто встречается образ белого верблюда, а в турецком фольклоре, наоборот, черного. Черный верблюд ассоциируется

со смертью, которая топчется возле дверей каждого человека, ожидая своего часа. В Европе за верблюдом закрепился устойчивый образ нечистого животного, тесно связанного с чертом. Так, не кто иной, как черт воплощался в огромного верблюда, навьюченного разными яствами, чтобы ввергнуть в тревогу святого Макария Александрийского, когда он постился в пустыне.

Известна популярная в свое время испанская повесть «Влюбленный дьявол», ее в XVIII веке написал Жак Казот. Нам этот роман интересен тем, что дьявол появляется пред главным героем Доном Альваром в виде огромной бесформенной головы верблюда. Но прежде Альвар исполнил все мистические предписания и трижды назвал имя Вельзевула. После этого раздался страшный грохот, распахнулось окно, в которое хлынул ослепительный свет, и показалась мерзкая голова верблюда почему-то с огромными ушами. Потом этот, как замечает автор, отвратительный верблюд выплюнул собачку, а она впоследствии превратилась в пажу. Напомню, что булгаковский Бегемот, будучи котом, в последней сцене полета тоже превратился в пажу. Словом, образы Гамалы и Назарета—Эн-Сарида не случайно внесены Булгаковым в биографию Иешуа и отражают принадлежность этого героя к Воланду.

ВАЛЕРИЙ КУЗНЕЦОВ

СЛУЖА ТАИНСТВЕННОЙ ОТЧИЗНЕ...

Валерий Николаевич Кузнецов родился в 1941 году в городе Чкалове (ныне это Оренбург). Окончил Киевский топографический техникум и Литературный институт имени А.М. Горького.

Печатался в журналах «Урал», «Смена», «Москва».

Автор нескольких книг стихотворений, книги очерков русской словесности «Я посетил места...», литературной обработки и подготовки к изданию рукописи исторического романа участника Гражданской войны Ивана Веневцева «Урал — быстра река».

Лауреат Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» за книгу стихов «Преображение» (2010), региональных литературных премий имени П.И. Рычкова (2014, 2018) и др.

*Член Союза писателей России.
Живет в Оренбурге.*

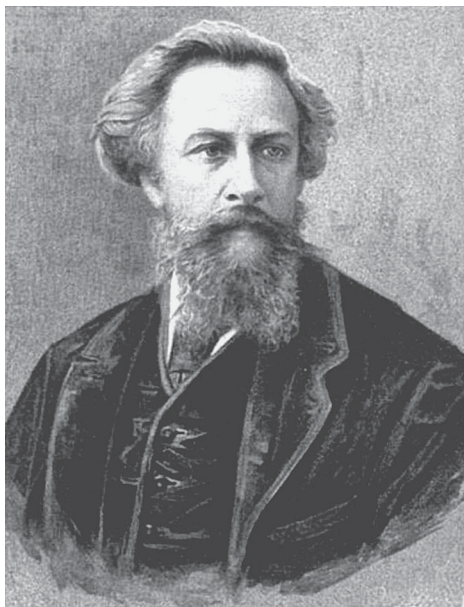
КУЛЬТУРА

**К 150-летию со дня смерти
А.К. Толстого**

С 1853 года в российских столичных журналах начали появляться стихи, подписанные именем «Граф Толстой». Вот и в 1856 году читатели «Отечественных записок» увидели в пятом номере стихотворение с начальной строкой: «Средь шумного бала, случайно...», обратившее на себя всеобщее внимание. Незадолго до этого публицист А.И. Кошелев писал исторiku А.Н. Попову: «Мы все в восторге от стихов графа Толстого... Как его зовут? Кто он такой? Стихи его, помещенные в “Современнике”, просто чудо. Хомяков, Аксаков (Константин, старший сын С.Т. Аксакова. — В.К.) их все наизусть знают. Хомяков <...> говорит: “После Пушкина мы таких стихов не читали...”»

На далекой окраине империи у читающих обитателей Оренбурга, отделенных от столицы «дорогами, превосходящими все самое чудовищное, что может создать самое горячее воображение», были свои основания заинтересоваться публикациями. В 1842 году они впервые увидели это имя под очерком «Два дня в киргизской степи», со страниц которого пахло кизячным дымком степных просторов, экзотикой Востока — неведомой для остальной России жизнью, открытой недавно в журнальной периодике Владимиром Далем. За год до того военный губернатор В.А. Перовский, завершая свое первое правление краем, пригласил к себе на кочевку — летнюю резиденцию на речке Белгуш (ныне Саракташский район Оренбуржья. — В.К.) — своего племянника по родной сестре Анне Алексеевне, тогда двадцатитрехлетнего чиновника Собственной Его Императорского Величества канцелярии Алексея Толстого, «любезного хашку, милого ханчика», как звал воспитанника другой дядя, Алексей Перовский.

Приехавший из Оренбурга в июне 1841 года гость написал своему сослуживцу по канцелярии (приведенные выше проклятия дорогам — из этого

*Алексей Константинович Толстой
(1817–1875). Портрет по фотографии
60-х годов XIX столетия*

письма): «Моего дядю (В.А. Перовского. — В.К.) я нашел в состоянии худшем, чем ожидал. Так как опухоль не вскрывалась, то он очень мучается, и врач, доктор Эверсман, которого он выписал из Казани, сказал мне, что операции не избежать. Я сделаю решительно все, чтобы пробыть здесь несколько дней и уехать, не теряя времени, но так как я уже предвижу, что не могу не запоздать, то умоляю Вас, дорогой друг, извинить меня перед моими начальниками, если мое отсутствие будет замечено».

Вывод о служебном рвении автора письма, как будто очевидный, мягко говоря, не соответствовал бы действительности. Вот другие, исповедальные строки того же автора: «Не хочется мне теперь о себе говорить, а когда-нибудь я тебе расскажу, как мало я рожден для служебной жизни и как мало я могу принести ей пользы... Вообще вся наша администрация и общий строй — явный неприятель всему, что есть художество, начиная с поэзии и до устройства улиц... Так знай же, что я не чиновник, а художник».

Нет, он не спешил покидать госпитальную кочевку, превращенную прихотливым Перовским в степной

вариант рая. Об этом говорит начало его очерка: «Уже около месяца жили мы на кочевке, верстах в полуторах от Оренбурга. Кочевка расположена между высокими холмами, составляющими начало Уральского хребта и покрытыми дубняком и березняком... Почти все они имеют ту же оригинальную форму, почти все они увенчаны стенообразным гребнем сланцевого камня, и в каждой долине протекает небольшой ручей, с обеих сторон скрытый кустарником. Долины эти изобилуют разными ягодами, а более всего особенным родом диких вишен, растущих в высоком ковыле едва приметными кустами. Им-то, кажется, должно приписать неимоверное множество тетеревей, водящихся в этих местах...»

Уже на закате дней, признаваясь в юношеской эстетической «тоске по родине — по Италии», поэт говорит и о другой страсти — к охоте: «С двадцатого года моей жизни она стала во мне так сильна и я предавался ей с таким жаром, что отдавал ей все время, которым мог располагать. В ту пору я состоял при дворе императора Николая (в 1843 году А.К. Толстой получил придворное звание камер-юнкера. — В.К.) и вел весьма светскую жизнь... тем не менее часто убегал от нее и целые недели проводил в лесу, часто с товарищами, но обычно один». Да, богатыря Толстого, который завязывал узлом серебряные ложки, винтом скручивал кочергу, один ходил на медведя, не могла устроить такая охота: «В течение часа мы однажды втроем убили шестьдесят три штуки... Тетеревиная стрельба наша напоминала мне кровопролитные охоты в немецких парках — охоты, которых, откровенно сказать, я терпеть не могу».

Понятен поэтому поворот очерка: «Легко себе можно представить, как я обрадовался, когда пришло на кочевку известие, что за Уралом, в Киргизской степи, показались сайгаки. Я вспомнил об описаниях этого животного в натуральных историях, где о нем всегда говорится как об одной из быстрейших и недоступнейших антилоп. Некоторые

из охотников, бывшие в хивинской экспедиции (военном походе В.А. Перовского в 1839 году. — В.К.), рассказывали нам, как на возвратном пути, весной, им случалось встретить сайгаков и как они тщетно старались догнать их наилучшими скакунами... Я горел нетерпением увидеть сайгака, почти не смея надеяться на удачу охоты».

Мир в глазах рассказчика словно только что сотворен, и он, художник, видит и передает его со всей свежестью первооткрытия — это под силу только лирическому поэту:

«От кочевки до Сухореченской крепости, где нам надлежало ночевать, а потом переехать через Урал, было верст двести. Езда в Оренбургской губернии необыкновенно быстра, степные дороги гладки, как паркет, а башкирские лошади неутомимы. Часов в четырнадцать мы в двух тарантасах проскакали двухсотверстное пространство и еще нашли время выкупаться в Сакмаре и пообедать в одной из линейных станиц. Места, через которые мы проезжали, были очень разнообразны и живописны: сначала такие же холмы, как на кочевке, потом широкие долины. Сакмара, отсвечивающая сквозь лес серебристых тополей, цветущая степь, а вдали — голубые Губерлинские горы... Часов в девять вечера мы приехали в Сухореченскую крепость и остановились у станичного атамана. Перед его домом казаки забавлялись стрельбей в цель... Настрелявшись с ними вдоволь и выкупавшись в Урале, мы легли на дворе на свежем сене и заснули под говор атамана, рассказывающего нам, как его взяли в плен киргизы и как он от них убежал.

Солнце едва начинало всходить, а тарантас наш уже ехал по берегу Урала, окруженный конвоем башкирцев. Переезд через реку был как нельзя более живописен. Крутые берега утеса, тарантас, до половины колес погруженный в воду, прыгающие лошади, башкирцы, вооруженные луками, наши ружья и сверкающие кинжалы — все это, освещенное восходящим солнцем, составляло прекрасную и оригинальную картину. Урал в этом месте (Коктугайский брод. — В.К.) не

широк, но так быстр, что нас едва не унесло течением.

На другой стороне степь приняла совершенно иной вид. Дорога скоро исчезла, и мы ехали целиком по крепкой глинистой почве, едва покрытой сожженной солнцем травой. Степь рисовалась перед нами во всем своем необъятном величии, подобная слегка взволнованному морю. Вдруг один башкирец остановил коня и протянул руку. Последовав глазами направлению его пальца, я увидел несколько светло-желтых точек, движущихся на горизонте: то были сайгаки. Один из нас сел на башкирскую лошадь, в надежде, что успеет как-нибудь к ним подъехать, но едва сайгаки увидели эти приготовления, как пустились бежать, несмотря, что нас разделяло несколько верст...»

Охотники разбили стан у подножия высокого, протяженного, сложенного из яшмы утеса Кук-Таш (Синий Камень). В полуденную жару поэт наблюдал, как сайгаки «бежали к ручью огромными стадами. Чем более я всматривался в даль, тем более открывал их на горизонте: они тянулись отовсюду. Вся степь, исключая какого-нибудь десятиверстного пространства вокруг нас, была ими покрыта. Я думаю, тут было несколько тысяч».

Это была уже другая охота. Несмотря на скорость бега и чуткость животных, в первый день сорок охотников убили более пятидесяти сайгаков, на второй день — более ста, и нескольких — сам рассказчик. «Обед наш состоял большей частью из сайгачины». После обеда башкирцы соревновались в стрельбе из лука, борьбе и «пробовании силы». Здесь Толстой несколько раз выходил победителем, получив от башкир «имя джигита».

Лирическое окончание очерка близко к поэзии в прозе:

«Когда настала ночь, мы все вместе направились верхами в Сухореченскую крепость. Казаки затянули песню, и голоса их терялись в необъятном пространстве, не повторяемые ни одним отголоском... Песни эти отзывались то глубоким унынием, то отчаянной удалью и время от времени были

приправляемы такими энергическими словами, каких нельзя и повторить. Поезд этот запечатлелся в моей памяти со всеми его подробностями. Как теперь вижу я небо, усеянное звездами, и степь, похожую на открытое море; как теперь слышу слова:

Дай нам Бог, казаченькам, пожить
да послужить,
На своей сторонущке головки
положить...»

Ни это путешествие, ни проба пера не были первыми для Толстого. Он родился в Санкт-Петербурге 24 августа (5 сентября) 1817 года. После рождения сына мать разошлась с мужем, графом К.П. Толстым. Алёшу воспитывал ее брат Алексей Перовский, писатель, публиковавшийся под псевдонимом Антоний Погорельский, автор известной детской сказки «Черная курица, или Подземные жители». Мало-россию (Украину), где поэт провел счастливые детские годы, он считал «своей настоящей родиной». Подростком он был представлен будущему императору Александру II, своему ровеснику, допущен в круг его детских общений. В десятилетнем возрасте мать с дядей взяли его в Германию, где в Веймаре очень юный поэт («с шестилетнего возраста я начал мараить бумагу и писать стихи») сидел на коленях у Гёте, переводами из которого отозвался через сорок лет.

Тринадцатилетним Алексей Толстой с матерью и дядей путешествовал по Италии. Это были два феерических месяца! Живое знакомство с греческой и римской историей, древностями искусства — на открытом воздухе и в музеях, посещения всемирно известных галерей живописи и мастерских художников, общение с друзьями Пушкина — Соболевским, Шевыревым, Карлом Брюлловым... Весной 1831 года он как бы прошел университетский курс и в дневнике, неожиданно зрелом, показал, что умеет смотреть, чувствовать и мыслить.

Он уже тогда знал, что «нет другой такой вещи, для которой стоило бы жить, кроме искусства».

Из письма Толстого к будущей жене Софье Андреевне Миллер: «Во мне есть постоянная грусть каждого мгновения; никогда с тех пор, как я стал мыслить, а началось это в ранней юности, я не был в согласии с самим собой...» Да, его творчество полно драматизма жизни, но в быту, в дружеской переписке «бьет фонтан» юмора, иронии, остроумной веселости до озорства. Он объяснял это так: «Я понимаю, отчего натуры такие глубоко печальные, как Мольер и Гоголь, могли быть такими комиками. Чтобы хорошо передать что-нибудь... нужно быть вне этого, так же как надо выйти из дому, чтобы срисовать фасад здания». Отсюда на противоположном от его «серьезных жанров» полюсе — уникальное явление Козьмы Пруткова, чьи афоризмы в начале ХХI века с рекламным отсутствием меры прокатывало современное радио.

Миф Козьмы Пруткова родился в шумных дружеских сходках молодых, даровитых и фрондирующих аристократов братьев Жемчужниковых — Алексея и Владимира (иногда к ним присоединялся третий брат, Александр) и их двоюродного брата Алексея Толстого. Владимир Жемчужников, составивший «Полное собрание сочинений» Козьмы Пруткова, первое издание которого вышло в 1884 году, а двенадцатое (!) в 1916-м, объяснял, что их герой «художнически создавался» в той эпохе, «когда всякий, без малейшей подготовки, брал на себя всевозможные обязанности (как это знакомо! — В.К.), если Начальство на него их налагало». Девиз одного из таких высокопоставленных чиновников — Клейнмихеля — «Усердие все превозмогает» они сделали афоризмом своего подопечного.

Дух Пруткова витал где хотел, во всей литературе послепушкинских 40–50-х годов. Все, к чему прикасался он, «разрабатывая темы» оригинальной и подражательной поэзии, вульгарного романтизма, модного культа поэзии Гейне, культа Греции и Испании, обретало выражение «гениального идиотизма». Создатели Пруткова знали тайны соседства великого и смешного.

В 2015 году в Архангельске, напротив здания Литературного музея на улице Чумбарова-Лучинского, открыли памятник знаменитому литературному персонажу, уроженцу Архангельской области Козьме Пруткову

Да, «эолова арфа», отзывающаяся на все, но — безнадежно расстроенная...

Отзываясь на всё и всё доводя до абсурда, Козьма Прутков, по замыслу «отцов-создателей», оставался самым собой: отставным гусаром, пожизненным директором Пробирной палатки, действительным статским советником со Св. Станиславом I степени, тщеславным и самодовольным, самоуверенным до грубости. В горделивой позе его портрета можно усмотреть доведенные до предела самонадеянной ограниченности черты пародируемого романтического поэта Бенедиктова. Не стареет один из «прутковских ше-

девров», вышедший из-под пера Толстого:

«Вы любите ли сыр?» —
спросили раз ханжу,
«Люблю, — он отвечал, —
я вкус в нем нахожу».

К «прутковкиане» тяготеет толстовская озорная сатира: «Сон Попова», «История Государства Российского от Гостомысла до Тимашева»...

Время несло и свои печали. В декабре 1857 года окончился земной путь пламенного Перовского, дважды управлявшего Оренбургским краем. Современник писал: «Он скончался в Ореанде, императорской вилле, на Южном берегу Крыма, и похоронен в церкви монастыря Святого Георгия (близ Севастополя. — В.К.). Умер он как герой и как философ: своему врачу... велел... сказать час или по крайней мере день смерти, заранее заказал гроб... сделал все распоряжения относительно наследства и скромных похорон и спокойно испустил дух».

Толстой — Софье Миллер: «...сегодня мы отнесли дядю в церковь; мы несли его на руках; дорога была покрыта зеленью — лавровые ветки, ветки розмарина в цвету... Сад полон птицами, которые щебечут, особенно много дроздов. В лучах солнца пляшут мириады мушек...»

Жизнь, как всегда, спорила с тлением... С дядей он хоронил, может быть, самое противоречивое из поколений России. Монархисты без страха и упрёка, герои-победители в Отечественной войне 1812 года, они, возвращаясь из побежденной либеральной Франции, принесли в душах семена грядущих поражений. Чуткий художник Толстой, на которого время часто смотрело глазами братьев Перовских, был во многом сыном этих противоречий. Он публиковал свои былины в «Вестнике Европы» западника Стасюлевича, он отстаивал европейский путь развития России, иронизировал над «кучерской одеждой, в которой щеголяли... Константин Аксаков и Хомяков» — славянофилы, но был ли он западником? С 1857 года он перестал

надцать языков, бегло, безукоризненно переводила «с листа», знала мировую историю, литературу, искусство, была незаурядно музыкально образована — низкие, мягкие, сочные тона ее голоса волновали не только Толстого. Состояние, близкое к влюбленности в нее и полному доверию, испытывали многие из окружения поэта. Она не была красивой — качества ума, доброта, грация делали ее прекрасной.

У них была почти невозможная между мужчиной и женщиной любовь-дружба: «Я ощущаю такую потребность говорить с тобой о искусстве, о поэзии, поделиться с тобой всеми моими мыслями...» Главный мотив его писем в их громадной по объему переписке один: «Я все отношу к тебе: славу, счастье, существование, без тебя ничего не останется, и я себе сделаю отвратительным».

И тем не менее одна женщина испытывала непреодолимую неприязнь к Софье Миллер — мать Толстого, которая и слышать не могла об этом браке сына. Поэт любил их обеих, и душа его, по свидетельству Владимира Жемчужникова, «разрывалась на части».

В Крымскую войну, в 1855 году, Толстой в чине майора направился в действующую армию. Под Одессой, из-за отсутствия докторов ухаживая за тифозными однополчанами, заразился сам. Болезнь выкосила полторы тысячи из состава полка — больше половины, «без ухода» умирали «по 20 зараз». Приехавшая в полк, несмотря на светские условности и двусмысленность их положения, Софья Андреевна выходила больного.

Вскоре после смерти матери Толстого закончилось мучительное противостояние троих, но узаконить брак любящие смогли только весной 1863 года. Наконец-то стало возможным «больше не держать в тайне... женитьбу на Софье Андреевне». Через четыре года выйдет его единственный прижизненный сборник стихов, где почти вся любовная лирика вызвана ею и посвящена ей.

Стихия любви — мелодичная стихия; больше половины его стихов положено на музыку, зачастую по нескольку раз, Чайковским, Римским-Корсаковым, Мусоргским, Балакиревым, Танеевым, Рахманиновым и еще многими композиторами. Будет в этом сборнике и ставшее песней хрестоматийное стихотворение «Колокольчики мои...» с явными следами оренбургских впечатлений. В Оренбурге он еще побывал дважды: зимой 1851/52 года и летом 1852-го.

В последние годы он тяжело болел, в поисках лечения много ездил: Англия, Франция, Италия, Германия, — но душа была на месте только в родном Красном Рого. Он любил одиночество в весенних лесах — при свете костра и полной луны, и как «потом все просыпается, журавли трубят в горн, утки дуют в трубы, дрозды играют на гобоях, а соловьи — на флейтах».

Богатырь духа, как и его герои, он в своей «таинственной Отчизне» жил любовью: «Думая о тебе, я в твоём образе не вижу ни одной тени, ни одной, всё лишь свет и счастье...» Великий современник философ Карлейль назвал бы его жизнь героической, и это так. Жизнь героя-писателя состоялась.

Светлана Владимировна Василенко родилась в городе Капустин Яр Астраханской области. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького и Высшие сценарные и режиссерские курсы при Госкино.

Первая публикация — рассказ «За сайгаками» («Литературная учеба», 1982). Критики отметили тогда этот рассказ как «лучшее произведение года». Печаталась в коллективных литературных сборниках, в журналах «Юность», «Знамя», «Новый мир», «Работница» и др.

Рассказы и романы переводились на многие иностранные языки и издавались за рубежом.

Лауреат различных литературных премий.

Член Русского ПЕН-клуба, Союза кинематографистов России (гильдия кинодраматургов), Союза журналистов России. С 1996 года первый секретарь Союза российских писателей. Живет в Москве.

ДВЕНАДЦАТЬ ВОПРОСОВ ВАСИЛЕНКО

*Беседа Михаила ПОПОВА
с первым секретарем Союза российских писателей
Светланой ВАСИЛЕНКО*

Михаил Попов. Вообще-то я знаю, как было дело, но нашему читателю было бы интересно прочитать, как пришла в литературу прозаик Светлана Василенко.

Светлана Василенко. Писателем я хотела стать с самого детства.

Я родилась в Астраханской области, в сверхсекретном ракетном городе Капустин Яр. Он был окружен колючей проволокой, его название нельзя было никому говорить, на географической карте его не было. Имя свое он получил от близлежащего большого старинного села. Мой отец был офицером, мама работала инженером. В 1962 году, когда мне было 6 лет, случился Карибский кризис. Мог начаться атомный апокалипсис для всего человечества. Нас, детей, вывезли из города, чтобы спасти от ядерного удара американских ракет. Всю ту критическую ночь мы провели в холодной осенней степи, ожидая смерти. Наша воспитательница говорила нам, что мы все погибнем, но станем героями, как пионеры, ставшие героями во время войны: Володя Дубинин, Лёня Голиков и Валя Котик. Вот, наверное, именно там, в ожидании своей смерти и смерти всего человечества, я и стала писателем, хотя еще не умела писать. Но тот душевный и духовный переворот, который со мной произошел, я запомнила на всю жизнь и в своей прозе потом старалась передать, рассказать о нем.

Во втором классе, уже научившись читать и писать, я сочинила стихотворение. Я шла в школу — и вдруг передо мной ударил словно бы огненный столп, и тут же, вместе с ним, мгновенно пришло стихотворение. Этот мощнейший удар с неба я запомнила и всегда обхожу это место стороной. Естественней для меня было писать рассказы. С детства мама читала мне взрослые книги вслух. Книги она приносила из библиотеки. Помню хорошо, что мама читала мне, ребенку,

«Анну Каренину». Папа нас к тому моменту уже бросил, и мы, читая, обливались слезами: Анна Каренина была похожа на мою маму, а Вронский в офицерской шинели — на папу (главы про счастливую семейную жизнь Левина мама пропускала, и я с удивлением нашла их в романе уже в зрелом возрасте). Я завела себе тетрадку, в которой тоже начала писать роман. Причем с собственными иллюстрациями. Мои сочинения на свободную тему учителя оставляли себе, чтобы потом читать их ученикам в других классах. Рассказы я отсылала в детские радиопередачи, газеты и журналы.

Однажды по радио прочитали мой рассказ, где был указан город. Меня вызвали в горком комсомола и попросили больше про наш город ничего не писать и не указывать его название. Это секрет.

В десятом классе я написала стихотворение, причем верлибр, и поспорила с одноклассницей, что его напечатают в «Комсомольской правде», на странице старшеклассников «Алый парус». Там тогда работал легендарный журналист Юрий Щекочихин, а отделом поэзии ведал поэт-фронтовик Борис Слуцкий. Через две недели я проснулась знаменитой: мое стихотворение напечатали! Мне пришлось десять тысяч писем, и поскольку я указала не город, а село Капустин Яр, то мне из села в город почтальонша, ругаясь, приносила эти письма мешками.

Эта публикация стала поворотным моментом. Я решила ехать в Москву и поступать на психологический факультет МГУ, чтобы изучить психологию человека и стать писателем. Как Достоевский. Это я все изложила на собеседовании в приемной комиссии психфака. И получила очень ценный совет: поступать в Литературный институт имени А.М. Горького, где и учат на «писателя». Дали адрес: «Тверской бульвар, 25». Сказали, здесь близко.

И я пошла. Во двор Литинститута я зайти не решилась, стояла у чугунной ограды и с восхищением смотрела на счастливчиков — студентов Литинститута, куривших у памятника Герцену. От выпешедшего из ворот института молодого человека узнала, что для поступления в Литинститут нужен трудовой стаж два года — и лучше, если проработаешь на заводе или фабрике. И я поехала в город Волжский Волгоградской области, поступила на работу на завод синтетического волокна. Потом работала на почте. Потом вышла замуж. Потом родила сына. И только после этого поступила в Литературный институт, на отделение прозы, — не только с трудовым стажем, но и с большим человеческим и жизненным опытом. Так это начиналось.

М.П. Вы учились в семинаре у Григория Бакланова, потом у Александра Проханова. Несколько моментов из того времени.

С.В. Время, проведенное в Литературном институте, — самое счастливое время моей жизни, а вторник, когда проходили наши творческие семинары, где мастера разбирали наши рассказы, — самый любимый день недели. В свой семинар в Литинституте меня отобрал Григорий Бакланов, известный писатель-фронтовик, представитель «лейтенантской прозы», автор таких книг о Великой Отечественной войне, как «Пядь земли», «Навеки девятнадцатилетние», «Июль 41 года». Высокий, с военной выправкой, строгий, язвительный, он учил нас правде — в сюжете, характерах героев, в деталях. Перед ним мы благоговели.

Однажды он привел себе в помощь молодого писателя из плеяды «сорокалетних» — Александра Проханова. Проханов был эмоциональным, страстно говорящим, его восхищало все технократическое и космическое. С его приходом семинары стали похожи на бурный поток. С ним можно было спорить. Бакланов считался тогда консерваторм, а Проханов — новатором. В годы перестройки все перевернулось: Бакланов стал главным редактором демократического журнала «Знамя», а Проханов создал патриотическую газету «Завтра». Был еще третий руководитель семинара — Василий Субботин, писатель-

фронтовик. Он учил нас чистому письму, стилистике, пунктуации, всему такому словесному, чтобы текст был ясным и прозрачным. Всем мастерам я очень благодарна.

В Литинституте был также очень сильный профессорско-преподавательский состав: А.А. Тахо-Годи, М.П. Ерёмин, Е.Н. Лебедев, К.А. Кедров, В.В. Основин, С.Б. Джимбинов, И.И. Карабутенко, В.П. Смирнов, Ю.В. Томашевский... Они читали нам блестящие лекции по античной литературе, русской и зарубежной литературе, фольклору, стилистике, истории. Был еще любимый нами предмет «текущая литература», где мы разбирали произведения, только что появившиеся в «толстых» журналах: Валентина Распутина, Андрея Битова, Виктора Астафьева, Владимира Маканина, Юрия Трифонова, Юрия Казакова, Георгия Семёнова, Юрия Нагибина... Был спецкурс по киноискусству, который вел старейший и известнейший кинорежиссер Леонид Трауберг.

Мы учились не только у мастеров, но и друг у друга. Наш курс был курсом будущих классиков. На нем учились поэт и прозаик Михаил Попов, одно время учился с нами и король поэтов Александр Ерёмченко, поэты Юрий Кабанков, Илья Кутик, Умка (Анна Герасимова), Игорь Винов, Владимир Коробов, Людмила Абаева, Александр Логинов, Игорь Булкаты, драматурги Нина Садур, Валентина Кизило, Лелдэ Стумбре (Латвия), Юрий Байгузин (Марий Эл), прозаики Валерия Нарбикова, Сергей Казначеев, Михаил Иманов, переводчики Томас Чепайтис, Ирэна Аляксайте... Было у кого учиться.

На четвертом курсе я написала рассказ «За сайгаками». Его я писала ночами на кухне, в общей тетради, старалась рассказать о себе все, что сама о себе знаю. Думала, что никто не поймет меня, но мне это было важно написать: о своем городе, о любви, о своей астраханской степи... К удивлению, мой рассказ на семинаре понравился. Я отнесла его в журнал «Литературная учеба», и его там напечатали. Критики назвали его лучшим рассказом года.

М.П. Журнал «Литературная учеба». Вы дебютировали в нем с блистательным рассказом «За сайгаками». Есть ли сейчас нужда в таком издании?

С.В. Журнал «Литературная учеба» придумал Максим Горький. А все, что придумал и создал Горький, все живо: Литературный институт, журнал «Литературная учеба», Союз писателей СССР, Литфонд с творческими мастерскими в Переделкине и литфондовской поликлиникой, Институт мировой литературы, издательства «Советский писатель», «Детиздат», Книжная лавка писателей... Поскольку Горький мыслил системно: дети учатся на книгах — значит, нужен «Детиздат», затем дети вырастают и начинают писать сами — в помощь им Литературный институт и «Литературная учеба», потом становятся писателями — для их социальных нужд необходимы СП СССР и Литфонд, для издания книг писателей — издательства «Совпис» и опять же «Детиздат», а изучит их творчество Институт мировой литературы... Даже Книжная лавка писателей придумана на Первом съезде СП СССР, а значит, опять же Горьким. Чтобы можно было книги писателей реализовать. Круг замкнулся.

В этой системе журналу «Литературная учеба» Горький придавал большое значение. Он его создал, став главным редактором, и возглавлял его до самой смерти. Изначально журнал был такой своеобразной азбукой для начинающих литераторов из рабочих и крестьян. Журнал то выходил, то закрывался, то вновь открывался. В 1978 году его возглавил Александр Михайлов, известный литературный критик, литературовед, руководитель одного из легендарных семинаров поэзии Литинститута, он вел его вместе с Галиной Седых. Высокий дух Литературного института и литературной учебы он воссоздал в журнале. Печатали в основном студентов Литературного института и других творческих вузов. Разбирали произведения молодых писателей известные критики, поэты, прозаики. В редакции журнала работали в разное время и Владислав Артёмов, и Михаил Попов, и Лариса Баранова-Гонченко, и Владимир Ерёмченко, Лола Зво-

нарёва и Сергей Чупринин... Журнал приобрел свой голос, ни на кого не похожий. Его полюбили читатели. Печататься в нем стало престижно. Думаю, что и сейчас такой журнал необходим пишущей и читающей молодежи как воздух.

М.П. Разделение Союзов. Вы стояли у истоков первого, еще перестроечного. Пару моментов из того времени. Как все начиналось, с чего?

С.В. С 1989 года я состояла в Союзе писателей СССР, поэтому все происходившее разворачивалось на моих глазах. Летом 1991 года демократически настроенные писатели из-за идеологических разногласий стали выходить из своих региональных организаций СП СССР и создавать новые организации. Так возникли СП Москвы, СП Санкт-Петербурга, Красноярская, Иркутская, Екатеринбургская, Калининградская организации. Все они существовали еще в рамках СП СССР. Потом, после августовского путча 1991 года, эти организации скоординировались и решили создать Союз российских писателей. Исторический съезд прошел в октябре 1991 года в конференц-зале СП СССР, что на улице Поварской, 52. Его основали Евгений Евтушенко, академик Дмитрий Лихачёв, Виктор Астафьев, Юрий Нагибин, Роман Солнцев, Фазиль Искандер, Кирилл Ковальджи и другие. На съезде был избран Координационный совет, сопредседатели и правление. Первым секретарем правления был избран уральский писатель Александр Иванченко. Я была избрана первым секретарем правления Союза российских писателей через пять лет, в 1996 году.

М.П. Я специально начал разговор с истории с Союзом писателей. Вы снова у истоков большой пертурбации. Как вам новый Союз? Как вам в нем?

С.В. С чем пришлось столкнуться всем союзам писателей? Когда писатели выходили из общего Союза и создавали новые, они не думали тогда о правопреемстве, о писательской собственности. Революции делают романтики, а потом приходят циники и забирают все, что плохо лежит. Так ушла знаменитая поликлиника Литфонда, так были уведены у писателей дома творчества, издательство «Советский писатель», несколько «толстых» журналов и остальное имущество Союза писателей СССР и Литфонда. Разделившись, писатели потеряли и правопреемство СП СССР, а вместе с ним и право на творческий стаж для пенсии и другие социальные блага. По сути, СПР и СРП вот уже 34-й год выживают. Было несколько попыток объединить СП России и СРП. Для того чтобы получить правопреемство. Мы вместе с В.Н. Ганичевым создавали общую ассоциацию, которую должен был возглавить Сергей Лыкошин, но после его смерти она оказалась нежизнеспособной.

Но мы не теряли надежды. В нашем Союзе российских писателей работает приемная комиссия, к нам приходят писатели, вступают, создают в регионах отделения и представительства СРП, мы проводим совещания и семинары молодых писателей во всех федеральных округах России, литературные фестивали, конкурсы, встречи, вечера, на гранты Министерства культуры и Минсвязи издаем книги, альманахи, сборники, помогаем больным писателям...

Пять лет назад была создана Ассоциация союзов писателей и издателей России (АСПИР), куда вошли все союзы, созданные в рамках СП СССР: СПР, СРП, СП Москвы, СП Санкт-Петербурга, — и примкнувший к ним Книжный союз. Возглавил ее молодой талантливый писатель, депутат Государственной думы Сергей Шаргунов. Ассоциация очень хорошо работала по всем направлениям: социальная комиссия помогала писателям-инвалидам, молодежная проводила совещания молодых писателей, издательская издавала переводные книги с языков народов России, проводились литературные вечера, резиденции, писатели участвовали в книжных ярмарках и ездили в командировки по стране.

Но теперь наступила пора вернуть всю собственность СП СССР. Для этого, по сути, создан новый союз со старым названием Союз писателей России, которому даны полномочия с этим вопросом разобраться.

В перечне поручений президента РФ Союз писателей России определен основной организацией, осуществляющей консолидацию сообществ писателей, драматургов и сценаристов.

Для этого писателям, состоящим в других союзах, предложено вступать в СПР. Но на общих основаниях, как бы впервые, как молодому писателю с двумя книжками. Так сказано в Уставе СПР. Но ситуация чрезвычайная, поэтому правление Союза российских писателей предложило руководству СПР проект упрощенного приема в СПР четырех тысяч членов тех союзов (СРП, СП Москвы, СП Санкт-Петербурга), которые были созданы в рамках СП СССР. В наших союзах приемной комиссией проводилась та же процедура приема, что и в СП СССР, и в СП России. Поэтому надеемся быть услышанными. Иначе огромное количество профессиональных писателей останется без государственной поддержки и помощи.

М.П. Я знаю тех, кто считает последний съезд рейдерским захватом, и знаю других, кто считает его концом литсвободы. Ваше мнение?

С.В. Рейдерским захватом это нельзя назвать, поскольку вся писательская собственность принадлежит Росимуществу, то есть государству. А уже оно дает Союзу писателей России по договору эту собственность в пользование. В пользовании у писателей и здание на Комсомольском проспекте, и здание на улице Поварской, и творческие мастерские в Переделкине. Росимущество всегда может эту собственность забрать. Так же как оно сначала дало АСПИРу в пользование здание на Поварской, а потом забрало. Бог дал, Бог взял.

Конец литературной свободы тоже пока не наблюдаю. Никому не возбраняется писать.

Думаю, что руководство обновленного Союза писателей пытается воссоздать Союз писателей СССР с его собственностью, домами творчества, творческими мастерскими, издательствами, книжными магазинами, социальными гарантиями для писателей. То, что Горький, о котором мы говорили вначале, придумал и что работало как часы несколько десятков лет, вернуть. Попытка построить среди бушующего моря капитализма советский остров Союза писателей. Утопия ли это? Посмотрим.

М.П. Вы, наверное, много переводились на языки мира. Как вам эта позиция в жизни нового Союза?

С.В. Мои книги, рассказы, повести и романы переведены в Армении, Германии, Польше, Чехии, США, Индии, Китае, Японии, Италии, Исландии, Голландии, Франции, Узбекистане, Болгарии, Сербии. Все эти переводы осуществлялись в этих странах.

Но есть и другой путь — когда государство само заинтересовано в продвижении каких-то произведений или писателей и предлагает зарубежному издательству грант на перевод и издание этих произведений. Часто это происходит перед зарубежными книжными ярмарками. Знаю несколько российских организаций, которые так работают. Если этим будет заниматься Союз писателей России, то это можно только приветствовать. Но есть один нюанс. Когда твое произведение берется переводить и издавать зарубежное издательство, оно сначала просчитывает все риски: купят или нет эту книгу, окупит ли она себя? Так как перевести и издать книгу сейчас легко, а вот реализовать трудно. С этим может столкнуться Союз. Тут нужны опытные и грамотные люди.

М.П. Как вы относитесь к литрелокантам? Возможно ли их возвращение на родину?

С.В. Я отношусь к литрелокантам так же, как и к другим писателям. Литрелокантом был и Бунин, и Алексей Толстой, и Куприн, и Бродский. Кто-то из них вернулся, кто-то нет. Я вообще против того, чтобы писатели судили писателей.

Иначе вместе с собственностью Союза писателей СССР вернутся и проработки неугодного писателя на писательских собраниях.

М.П. Не следует ли нам что-то позаимствовать на Западе из издательской культуры? Например, институт литагентов.

С.В. Знаю, что и в нашей стране есть литературные агентства. Например, Литагентство Натальи Рубановой. Успешно работает как литературный агент Ирина Горюнова. Горюнова открыла в свое время Сашу Николаенко и помогла ей издать книгу, которая потом получила «Русского Букера». Кстати, и Горюнова, и Рубанова сами являются прекрасными писателями. Но я пока не вижу перспектив у литагентств: работа эта довольно тяжелая — походи-ка по редакциям, — а оплата труда литагента обычно определяется в процентах от гонорара писателя. Гонорары же у писателей минимальные. Значит, агент получает минимум от минимального. То есть копейки. Если повысятся гонорары у писателей, то тогда можно будет говорить серьезно и об институте литагентов.

М.П. Что вы скажете о таком пугале, как искусственный интеллект?

С.В. Угроза эта реальна. Я по роду своей работы в Союзе писателей много читаю рукописей неизвестных мне писателей. Молодых и не очень. И с некоторых пор стала замечать, что попадаются такие ровные тексты — именно тексты, — очень грамотные, ни одной ошибки. Читаешь, и тебе вроде бы нравится, но когда прочитаешь, тут же забываешь, о чем это. Видимо, написан этот текст искусственным интеллектом. Но ИИ быстро развивается. И сегодня он бесчувственный, а завтра научится любить и страдать и напишет об этом. И сможем ли мы отличить это произведение от других? Не уверена.

А если он вдруг напишет гениальный роман (а это вполне возможно, ведь ИИ придумал человеческий интеллект, он вложил в машину свою душу), то не будет ли нам все равно, написал этот гениальный роман писатель Вася Пупкин или чистый, непорочный разум?

Но думаю, что до этого еще далеко. ИИ сейчас будут применять там, где это выгодно, в том, что хорошо продается: фэнтези, фантастика, детективы, то есть в жанровых видах литературы. Вот там он может просто завалить уже сегодня своими текстами книжный рынок, потому что ИИ работает быстро, не спит, не ест, не пьет и не курит.

М.П. Как вам литературная молодежь? Она глупее нас или талантливее?

С.В. Мне очень нравится работать с молодежью. Люблю ездить на семинары и совещания молодых писателей, вести там семинары прозы. В Союзе российских писателей мы проводим много совещаний молодых писателей, одно из них, самое масштабное, «Мы выросли в России», проводится во всех федеральных округах. Очень много талантливых произведений, много молодых талантливых прозаиков. Но вот что я заметила. Они ездят с одного совещания на другое, часто с одним и тем же рассказом, собирая мнения руководителей семинаров, не пытаясь печататься. Им интересно просто тусоваться, быть в обойме. Результат не важен. Я их учу: мыслите книгами, издавайте книги, книги — это и есть ваш рост как писателей. Так, как от других остаются дома, картины, музыка, а от нас, писателей, остаются книги, только книги...

**АСТЬЕР БАЗИЛИО ДА СИЛЬВА ЛИМА,
ИЛЬЯ ОГАНДЖАНОВ**

«СТИХОТВОРЕНИЕ, СУРОВОЕ, КАК САМА ВОЙНА»

**КАК «ЖДИ МЕНЯ» СИМОНОВА
ЗАВОЕВАЛО СЕРДЦА
БРАЗИЛЬЦЕВ**

Астьер Базилио да Сильва Лима родился в 1978 году в Бразилии. Окончил магистратуру в Государственном институте имени А.С. Пушкина с красным дипломом. Аспирант Литературного института имени А.М. Горького. Переводчик, поэт, драматург, журналист. Издал 14 книг стихов, прозы и пьес.

Илья Александрович Оганджанов родился в 1971 году в Москве. Поэт, прозаик, переводчик, сценарист. Публиковался во многих журналах и альманахах. Автор поэтических книг «Вполголоса» (2002), «Тропинка в облаках» (2019), «Бесконечный горизонт» (2020), а также романа в рассказах «Человек ФИО» (2020). Лауреат литературных премий. Живет в Москве.

КУЛЬТУРА

Кажется, об этом знаменитом стихотворении Константина Симонова известно все. И даже более того. Однако история перевода «Жди меня» на португальский и последующая его популярность у бразильских военных заставляет усомниться в этом тезисе.

Бразилия была единственной страной Южной Америки, которая принимала непосредственное участие в боевых действиях во время Второй мировой: Бразильский экспедиционный корпус численностью более 25 тысяч человек сражался с гитлеровцами в Италии.

В войну Бразилия вступила 22 августа 1942 года. Поводом стала атака немцев на бразильские гражданские суда, в результате которой погибли 1074 человека, в том числе женщины и дети. Фотографии погибших печатали все газеты и журналы страны, и граждане требовали отмщения. В июле 1944-го первые бразильские военные прибыли в Неаполь.

На этом фоне и появилось в бразильской печати стихотворение Симонова в переводе на португальский.

Впервые перевод «Жди меня» был напечатан в газете «Южный Крест» (аналог нашей «Красной звезды») 7 января 1945 года, во втором номере. Автор неизвестен. Публикация сопровождалась преамбулой, больше смахивающей на рекламное объявление:

ЭТО СТИХОТВОРЕНИЕ БУДУТ ПОВТОРЯТЬ ВСЕ

Константин Симонов — известный советский поэт, военный корреспондент газеты «Красная звезда». Его стихотворение было положено на музыку пятью композиторами, и теперь тысячи солдат и членов их семей повторяют его по всей России. Разве это не то, о чем нам стоит узнать и повторять это всем?

Откуда авторы этого «вступления» узнали про композиторов, выяснить не удалось. На самом деле мелодий на стихи «Жди меня» было написано гораздо больше — около 20, их создавали профессиональные музыканты и любители. Но наиболее известные принадлежат двум композиторам: Крюкову и Блантеру.

UM POEMA QUE TODOS REPETIRÃO

Simonov é um conhecido poeta soviético, hoje correspondente de guerra da «Batalha Vermelha». Este seu poema foi musicado por cinco compositores e milhares de soldados e famílias repetem-no na Rússia. Não é mesmo alguma coisa que merece ser conhecida e repetida por todos nós?

ESPERE POR MIM

*Espera por mim, que voltarei!
Mas é preciso que espere com fé e de todo o coração!
Espera por mim
na tristeza infundável dos dias de chuva.
Espera por mim
nas horas vivantes em que a neve cai.
Espera por mim
na ânsia sufocante que vem do calor.
Espera por mim
mesmo que todas as outras
que esperam por outros
já tenham cessado de esperar...
Espera por mim.
Espera, sim,
que hei de enfrentar a morte... mas voltarei!*

SIMONOV

Первый перевод стихотворения

Первый перевод на португальский был опубликован в сильно сокращенном варианте: всего 13 строк из 28. Он был сделан без рифмы и соблюдения размера, верлибром. И более того — это, с большой долей вероятности, перевод с английского. На английский «Жди меня», скорее всего, было переведено американскими солдатами. Об этом писали в одном из предисловий к очередной публикации перевода: «Симонов — русский поэт написал это. Американцы перевели и распространили. Союзные солдаты постоянно повторяют эти строки. Весь мир знает их». Удивляться тут нечему — есть свидетельства, что это стихотворение Симонова, переведенное на немецкий, находили даже в карманах убитых офицеров вермахта. Такой силой воздействия оно обладало.

Что же сохранилось в переводе из оригинального текста? Переводчик сфокусировался в основном на первой части стихотворения. Однако многое упростил, а отдельные темы и вовсе выкинул. При этом кое-что добавил от себя. Неизменным осталось только звучащее как заклинание «жди меня».

Подсчитаем поэтические «потери». Из перевода исчезли мотивы отсутствия писем с фронта («Жди, когда из дальних мест / Писем не придет») и усталости от ожидания («Пусть поверят сын и мать / В то, что нет меня, / Пусть друзья устанут ждать»). Пропали поминки с горьким вином («Выпьют горькое вино / На помин души...») —

это сокращение можно оправдать тем, что в бразильской традиции нет поминок. Пройгнорировал переводчик и чудо выживания благодаря ожиданию («Как среди огня / Ожиданием своим / Ты спасла меня»). И наконец, пропала кода стихотворения («Просто ты умела ждать, / Как никто другой»). Таким образом, из перевода были удалены наиболее экзистенциальные и драматичные строки.

Однако переводчик не только сократил текст, кое-что он умудрился добавить. Так, в бразильском варианте появился отсутствующий в оригинале мотив веры: «Нужно, чтоб ты верила и ждала от всего сердца». Любопытно, что «жару» оригинала переводчик заменил «удушающим зноем», видимо, посчитав, что для бразильских читателей жара дело обычное и требуется нечто более существенное. У Симонова многократно повторяется анафорическое «жди меня», в переводе на португальский автор позволил себе под конец сделать усиление: «Жди, да», причем использовал разговорную языковую конструкцию, отсутствующую в оригинале. Симоновское «всем смертям назло» переводчик переиначил несколько прямолинейным образом: «Я встречаюсь со смертью... но вернусь».

Все нововведения неизвестного переводчика делают текст более лиричным, интимным и эмоциональным, смягчая строгий, сдержанный, почти стоический тон оригинала. Перевод напоминает скорее письмо любимой, чем призыв-заклинание бойца ждать его, и, в отличие от оригинала, написан в несколько романтическом ключе, что вполне укладывается в традицию бразильской поэзии о войне.

Приведем подстрочник португальского перевода «Жди меня», впервые напечатанного в Бразилии. Делать художественный обратный перевод этого текста, как нам представляется, не имеет смысла.

ЖДИ МЕНЯ

Жди меня — я вернусь,
но нужно, чтоб ты верила и ждала
от всего сердца.

Жди меня
в бесконечной печали дождливых
дней.

Жди меня
в зимы, когда падает снег.
Жди меня
в тревоге удушающих знойных дней.
Жди меня,
даже если все другие
ждущие своих
уже перестали ждать...
Жди меня...
Жди, да,
я встречу со смертью... но вернусь.

Об ошеломляющей популярности этого стихотворения у советских военных хорошо известно. Но поразительно, что даже в таком усеченном виде, прошедшее с потерями и добавлениями через сито двух переводов, оно не утратило силы своего эмоционального воздействия и стало невероятно популярным у бойцов, воевавших в составе Бразильского экспедиционного корпуса в Италии. Стихотворение заучивали наизусть, вырезали из газеты, переписывали...

После первой публикации и огромного читательского успеха стихотворение по многочисленным просьбам солдат и офицеров снова напечатали в «Южном Кресте». В этот раз его опубликовали вместе с рисунком, выполненным бразильским добровольцем, — иллюстрацией к «Жди меня».

В июле 1945 года стихотворение было переведено полностью — снова верлибром, с измененным названием («Ожидание») — и напечатано в бразильской прессе. Однако популярностью пользовался первый вариант перевода.

Всего за время войны «Жди меня» на португальском печаталось в бразильских газетах и журналах около десяти раз.

Популярность стихотворения была огромна, ему посвятили целую статью в газете «Южный Крест». Автор отметил универсальность произведения Симонова для всех народов. По его мнению, это стихотворение о том, как солдат скучает по своей девушке. «Как будто это стихотворение написа-

но именно для тебя, от тебя — ей». В статье говорилось, что многие солдаты цитировали это стихотворение в своих письмах домой. И в подтверждение было приведено одно из таких писем.

Публикация стихотворения в газете «Южный Крест» с рисунком добровольца

«Журнал «Планалту» из Сан-Паулу публикует в апрельском номере несколько писем, которые военнотружущий экспедиционного корпуса адресовал своей семье. Из этой семейной переписки вырисовывается суровый пейзаж Италии, марш союзных солдат через горы — все аспекты великой и кровопролитной драмы».

Это было письмо лейтенанта Франсиску Г. да Силвы Прадо, которое он «среди снарядов и бомбежек» отпра-

вил домой под Рождество. И в строках, адресованных любимой, он процитировал «“Жди меня” — стихотворение русского Симонова». «Стихотворение без украшений, суровое, как сама война. Но стихотворение, полное надежды», — пишет автор статьи.

В послевоенные годы «Жди меня» переводили на португальский один раз, и снова верлибром. Оно вышло в антологии 1973 года в Португалии.

Новый перевод, выполненный по всем канонам — с рифмой и сохранением размера, был сделан совсем недавно — в 2025 году Астьером Базилио и опубликован, что весьма символично, 9 мая в бразильском журнале «Paparote» («Щелчок»).

Премьера чтения этого перевода автором состоялась дважды в рамках представления проекта журнала «Москва» онлайн-шествие «Бессмертный полк военных поэтов»: сначала на Московской книжной ярмарке «Наши герои» на ВДНХ и затем (в онлайн-формате) в Санкт-Петербурге, на «Книжном салоне — 2025».

В заключение приводим текст перевода:

ESPERE POR MIM

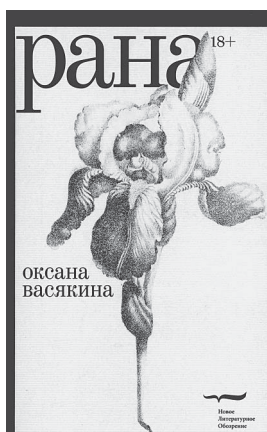
Espera por mim que eu vou voltar,
Ainda que eu demore, me espera
Espera quando um amarelo ar

Caia por chuvas em série.
Espera, quando a neve dilacera
Espera, quando o calor fustiga
Espera, quando ninguém mais espera
Pela noite antiga.
Espera quando não houver chance
Da longínqua carta ser assunto.
Espera quando todo mundo canse
De esperar junto.

Espera por mim que eu vou voltar,
Não fique à mercê
De quem repete sem parar:
É hora de esquecer.
A mãe e o filho decretaram
Minha hora derradeira.
Os amigos de me esperar cansaram
Ao lado da fogueira.
Bebem um vinho amargurado
à minha alma, numa prece.
Espera. Junto deles, fique ao lado,
mas em beber não se apresse.

Espera por mim que eu vou voltar,
Não dê atenção a tanta morte.
Quem não me esperou, é quem dirá
Que foi sorte.
Não sabe o impaciente
Como entre um fogo sem fim
Com tua espera permanente
Tu salvaste a mim
Como eu sobrevivi, apenas saberá
A gente. Porque tu, meu bem,
Somente tu soubeste esperar
Como mais ninguém.

МОСКОВСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Оксана ВАСЯКИНА. *Рана*

«Рана» Оксаны Васякиной, вышедшая в 2021 году, позиционируется как значимый текст современной русской литературы, но, увы, не оправдывает ожиданий. Роман, заявленный как автобиографическое исследование утраты и идентичности, тонет в избыточной рефлексии и структурном хаосе. История путешествия героини с прахом матери из Сибири в Москву могла бы стать мощной метафорой, но вместо этого превращается в набор разрозненных эпизодов, которые утомляют своей претенциозностью.

Васякина явно пытается перенести поэтический стиль в прозу, но результат скорее раздражает, чем восхищает. Текст перегружен литературоведческими вставками и метафорами, которые выглядят искусственными.

Стилистически «Рана» производит впечатление текста, который слишком старается быть значительным. Васякина полагается на поэтическую образность, но ее метафоры часто кажутся натянутыми или банальными; бесконечные сравнения с телесностью, природой и болью быстро теряют силу из-за повторяемости. Проза, которая могла бы быть лиричной, становится монотонной, как будто автор не доверяет читателю и пережевывает эмоции за него.

Структура романа только усугубляет проблему. Фрагментарность, возможно, задумывалась как отражение хаотичной природы памяти, но на деле воспринимается стилистической неравномерностью. Воспоминания, размышления об идентичности и философские отступления перескакивают друг на друга без внятной логики, заставляя читателя пробираться через текст в поисках смысла. Это не мозаика, а скорее свалка идей, где важные моменты теряются в потоке избыточных деталей. Отсутствие ритма и динамики делает чтение похожим на бесконечное погружение в однообразную тоску.

Тематика «Раны» — утрата, квир-идентичность, социальные контрасты — звучит многообещающе, но ее реализация разочаровывает. Тема смерти матери, центральная для романа, тонет в избыточной саморефлексии. Васякина так сосредоточена на своих переживаниях, что мать как персонаж остается скорее символом, чем живым человеком. Ее образ — больной, строгой, отстраненной — не получает глубины, а воспоминания о ней повторяются без развития, вызывая скорее отторжение, чем сочувствие.

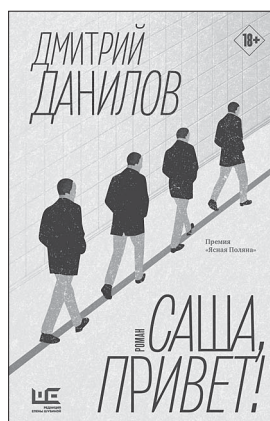
Квир-идентичность, заявленная как важная часть повествования, кажется скорее декларацией, чем органичной частью истории. Васякина поднимает тему маргинализации, но ее размышления остаются поверхностными, не добавляя ничего нового к разговору о квир-опыте. Социальный контекст — бедность, сибирская глубинка — подается как экзотический фон, но не анализируется, а лишь эксплуатируется для усиления драматизма.

Другие персонажи в романе практически отсутствуют, что делает текст еще более замкнутым. Героиня, по сути, монологизирует, но ее внутренний мир, несмотря на обилие слов, не раскрывается достаточно, чтобы вызвать эмпатию. Читатель остается отстраненным наблюдателем, а не участником.

Эмоционально «Рана» оставляет чувство опустошения, но не в катарсическом смысле, а из-за монотонной тоски, которая пропитывает текст. Васякина явно стремится к честности, но ее откровения воспринимаются как демонстративные, почти навязчивые. Тяжелые сцены — болезнь матери, воспоминания о конфликтах — не вызывают сопереживания, так как тонут в многословных размышлениях, которые кажутся скорее упражнением в самоанализе, выпячиванием своей литературоведческой осведомленности, чем историей для других.

В итоге «Рана» — это амбициозный, но неудачный эксперимент. Роман пытается быть всем сразу: автобиографией, манифестом квир-идентичности, социальной драмой, но не справляется ни с одной задачей. Перегруженный стиль, бесструктурность и отсутствие эмоциональной связи с читателем делают книгу утомительной. Возможно, она найдет отклик у тех, кто готов терпеливо разбираться в ее хаотичных образах, но все же это остается текстом, который обещает больше, чем дает.

Роман «Рана» Оксаны Васякиной — пример того, как поэтическая чувствительность может обернуться литературной слабостью. Васякина хотела создать пронзительный роман, но вместо этого запуталась в собственных метафорах, оставив читателя в недоумении.

Дмитрий ДАНИЛОВ. Саша, привет!

Интерпретаций этого романа может быть очень много. Я выделила две: социальную и экзистенциальную.

Социальная

Представьте роман, действие которого разворачивается в условном настоящем — мире, где царит показной гуманизм, но за тонкой завесой скрывается нечто иное. Это не будущее, ведь трудно представить, что спустя годы люди все еще утопают в бюрократии, спорят о набивших оскомину проблемах, а интернет-комментаторы с легкостью возносят тебя до небес или низвергают в ад. В этом метафоричном мире смерть подстерегает повсюду, но не только физическая, обусловленная физиологией человека, но и другая — духовная, социальная. В большом городе действует негласное правило: «Ни вы здесь никому не интересны, ни вам никто здесь не должен быть интересен. Мы тут уже все умерли, поэтому не надо излишне докучать местным обывателям».

Герой, Фролов, следует этим правилам: он не бунтует, не оспаривает несправедливость. Он лишь тихо просит о разумности в мире, где царят молчание и замалчивание.

Антиутопические оттенки в роман привносят не тирания или хаос, а равнодушные люди, которые с холодным спокойствием принимают все, что происходит. Если государство велит назвать расстрел гуманным — они покорно соглашаются. Если нужно бесконечно существовать в серой рутине — они соглашаются. Однако это не классическая антиутопия с диктатурой или вседозволенностью в центре. У Данилова в основе — псевдогуманизм, который медленно отрывает человека от его сути, при этом убаюкивая его словами о добре и справедливости. Духовная смерть здесь наступает не только от этого, но и от согласия играть по абсурдным правилам, молчать и не сопротивляться.

Экзистенциальная

«То, что происходит с Сергеем, происходит с каждым из нас, мы просто об этом редко задумываемся...»

Большинство людей — это такие *покойники в отпуске*. Смещая в тексте акценты, обнажая повторяющуюся абсурдность человеческой жизни, Данилов намекает, **что и как** можно прожить по-настоящему. И здесь центром возникает само понятие смерти и мысль о ней. В романе общество разделено на тех, кто умалчивает о смерти, и тех, кто о ней не умалчивает.

Жизнь обычного человека, не знающего, когда пробьет его час, и старающегося об этом не думать, и жизнь Сергея, точно знающего, что время его отмерено, и час рано или поздно пробьет: Данилов показывает, насколько сильно такие два состояния разделяет непреодолимая пропасть. То есть насколько смерть неизбежная, но абстрактная и смерть неизбежная, но конкретная не похожи друг на друга. И если абстрактная смерть объединяет людей своей фигурой умолчания, то конкретная смерть — разъединяет, даже с самыми близкими (*если нет любви*), **и человек остается один**.

«Ты для меня умер уже. Тебя нет, и тебя сложно теперь любить. Ты вроде живешь, а вроде уже и не живешь», — говорит Сергею жена. И тут возникает вопрос о том, какое состояние является движением в сторону Истины, какое состояние является спасительным, а какое — убивающим все живое.

Я думаю, что любовь и осознание смерти — два ключевых прозрения, формирующих судьбу человека. Без них человечество не достигло бы нынешних высот: не возникли бы ни религии, ни искусство, ни бурный прогресс науки, ни духовное развитие. Осознание собственной смертности выступает одним из главных двигателей личностного роста. Каждому важно в какой-то момент признать в себе «мертвеца» — понять конечность бытия.

Память о смерти — это спасительный переход, связывающий наш мир с чем-то вечным. Мысль эту можно даже не докручивать до понятий религии и Бога: в тексте Данилова даже большинство священников остаются ни с чем, когда непосредственно сталкиваются с человеком на грани смерти. Но важно осознавать, что смерть несет спасение, потому что лишь она способна отрезвить суетливого человека. Суетливого — то есть рассеянного, лишённого сосредоточенности, растрчивающего себя на пустяки. Смерть — это своего рода чудо, которое борется с душевной бесчувственностью, пробуждает изумление и заставляет человека задуматься, возвращая его к реальности.

И если постоянно умалчивать о смерти, то жизнь практически полностью превратится в небытие, в автоматическое существование, духовное поражение.

Можно рассматривать весь роман как большую метафору пути, начинающегося, когда человек наконец нашел в себе силы признать реальное существование своей смерти (в таком случае мы полностью отклоняем реальность госаппарата и тюрьмы, представленных в тексте), прочувствовать ее здесь и сейчас, не забывать о ней перед каждым действием, перед каждой условной прогулкой. Данилов показывает эти стадии принятия человеком собственной смерти от отрицания к ярости и отчаянию, к обращению к ней лицом к лицу, к некоему разговору с ней. И именно поэтому автор оставляет концовку открытой. Концовку, которую можно интерпретировать также двумя (или более) способами.

1. Когда Сергей наконец соединился со своей душой, с некоторым вечным в себе, автомату смерти, Саше, нечего уже расстреливать, потому что тело не имеет никакого смысла, а душа остается в этой вечности. Он расстреливает пустоту, а пустотой является физическое обличье человека. То есть мы смотрим на смерть Сергея глазами вечности.

2. Сергей не обрел этой самой вечности и как был пустотой, так ею и остался: то есть это уже взгляд со стороны привычной реальности. И так как чувство смерти и состояние телесной постсмерти очень индивидуальное и личное, то Данилов намеренно не дает конкретный рецепт, как пройти этот самый путь,

потому что каждый должен прожить осознание своей смерти сам и справиться либо не справиться с ним.

Сам Данилов в одном интервью говорит о смерти так, и мне показалось важным учитывать его отношение для более полного раскрытия этого романа: «Чувство смерти оно индивидуальное. Кто жил в 90-е, помнит, что можно было выйти во двор, а там перестрелка и пуля могла тебе прилететь в лоб. А это парадоксальным образом не давало ощущение близости смерти. Ты просто: “О, вот щас повезло!” — и дальше живешь. А можно жить в мире, где ничего не происходит, где все безопасно и спокойно, а ты пропитан чувством смерти. Чувство смерти — это вообще такой дар. Это может быть тяжелым даром, а может быть импульсом к более яркой, более интенсивной жизни. Чувство смерти это как дар, и оно никак не зависит от эпохи».

Выше я выделила два главных чувства в жизни человека, и второе из них — **любовь**. Это важный элемент романа, потому что в тех местах, где мы даже ожидаем очевидного проявления любви, ее нет. Например, нет любви в отношениях между Сергеем и женой, нет любви между Сергеем и его студенткой, нет любви между Сергеем и его матерью, нет любви между женой Сергея и писателем с пляжа, нет любви между преподавателем и студентами, нет любви между гуляющими в парке. Мы нигде не находим любви, **любовь здесь везде испугана**, и персонажи испуганы возможностью ее проявления и необходимостью ее проявления. Ведь чтобы принять любовь и достичь ее, необходимо быть открытым ко множеству этапов, к ней приводящим, а в персонажах романа даже сам путь к этим этапам забыт и проигнорирован. И вроде все всё понимают (понимают некоторую запредельность положения Сергея и потому заинтересованы, понимают неполноту языка, и потому речь их иронична), но понимание и рационализация это всегда недостаточность.

Закончу свою рецензию словами раввина из текста: «Почему же все так, Господи, почему же все так, Господи?» Это, наверное, те слова, с которых и начинается путь, а чем он заканчивается — не знает никто, даже Дмитрий Данилов.

Екатерина КИНЧЕВСКАЯ

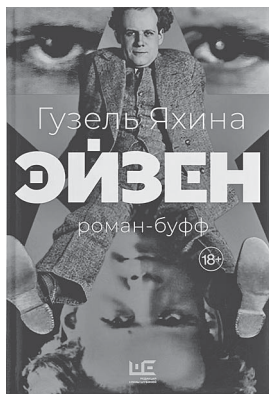
Захар ПРИЛЕПИН. Собаки и другие люди

Люди делятся на четыре категории: собачники, кошатники, аллергики и эгоисты. Захар Прилепин попытался привязать последних к кому-то, кроме себя, но у него это, к сожалению, удалось лишь отчасти. «Собаки и другие люди» — сборник из тринадцати рассказов, объединенных общей темой: человек и собаки, собаки и люди. В нем рассказывается о жизни семьи в деревне и о ситуациях, которые сближают людей с животными и другими людьми, а также о случаях, когда люди от людей отдаляются. По мере прочтения можно познакомиться с рядом удивительных характеров, как человеческих, так и собачьих. Прежде чем продолжить рассуждать об этой книге, хочу назвать одну причину, по которой стоит прочитать ее хотя бы частично, и две — по которым время, потраченное на этот сборник, не равноценно сеансам его прочтения.

Почему читать стоит. В книге есть прекрасный пес по кличке Шмель. Он не просто собака — он тот самый персонаж, ради которого стоит потратить время на пару страниц сборника. Его образ наполнен живостью и достоверностью, он как будто выходит за пределы страницы, и ты начинаешь ощущать его присутствие даже тогда, когда книга лежит закрытой на столе. Тексты, связанные с ним, напол-

нены не только мастерством, но и трогательной искренностью, которой не хватает другим рассказам сборника. Шмель — это тот персонаж, которого любишь. Трудно не заметить, что когда текст фокусируется на Шмеле, он, кажется, обретает особую динамику. Шмель — образ, который мог бы вырасти в нечто великое, если бы Прилепин уделил больше времени и пространства для его развития. Как бы странно это ни звучало, но читать сборник стоит для того, чтобы понять, что значит выражение «упущенная возможность» в контексте литературного произведения.

Почему читать не стоит. Прежде всего неинтересна природная лирика, щедро одобренная разговорами «за жизнь». Прилепин подает это блюдо органично, с апломбом, но, честно говоря, нет ничего более бессодержательного, чем слова, которые пытаются быть содержательными. С момента, как я прослушал сборник, прошло несколько месяцев — и ничего из того, что вроде бы должно было пронзить душу или застрять в памяти, в них не осталось. Почему? Потому что Бианки, Паустовский и Пришвин справлялись с этой задачей тогда, когда я учился в начальной школе. Они научили воспринимать русскую природу определенным образом. Зачем мне повторяет азы Захар Прилепин? Его полувывмышленные дневниковые записи прогулок по лесам и озерам должны были лечь в стол, а не пойти в печать.

Гузель ЯХИНА. Эйзен

Хочется заранее сказать, что автор этой рецензии — человек, который не вчитывается в книги. Я ребенок 2000-х, поэтому времени мне хватает только на прокрастинацию и аудиоформат литературных произведений. Отсюда вытекают следующие критерии оценки любой литературы: она должна смешить — чтобы мое расконцентрированное Интернетом внимание пребывало в тонусе, заставлять задуматься — чтобы я казался умнее окружающих и (главное!) самого себя, и не принуждать углубляться — чтобы я не бросил все это дело на второй день. Во всех этих смыслах «Эйзен» — отличная книга. В трех пунктах — в дополнение к тем, что можно выделить из текста выше, — я объясню, почему ее полезно слушать или читать. И да, три пункта я выбрал не произвольно, а так, чтобы каждый современный человек понял, зачем же ему оплачивать подписку на сервис аудиокниг.

1. Послушайте эту книгу, чтобы узнать, как воздействовать на чувства других людей. Это поможет вам манипулировать эмоциями окружающих или, по крайней мере, понять, что это не так уж и сложно. Надеюсь, вы будете использовать это в благих целях — например, в маркетинге.

2. Послушайте эту книгу, чтобы не казаться себе человеком, который не может связать пару слов. Она красноречива и остроумна. Это поможет вам разморозить свой закорстевевший язык и начать умно шутить среди коллег. Может быть, вас даже повысят.

3. Послушайте эту книгу, чтобы с удовольствием открывать приложение «Яндекс Музыка», подписку на которое вы и оформили ради этой книги, и наслаждаться эстетичным интерфейсом. Это поможет вам чувствовать себя стильнее и современнее. На этом можно было бы и закончить — миссию по продвижению произведения я выполнил и теперь могу ожидать заслуженную оплату труда. Но начинается другой формат рецензии. Следующий текст можно не брать в поле зрения, если литература для вас дело несерьезное. Как, например, для меня. Но если вдруг вам важно знать мнение другого человека, которым вы при случае заместите свое собственное, — пожалуйста. И да, коммерческой выгоды от всех

похвал в адрес книги я, к сожалению, не имею, поэтому выше написал свои искренние мысли. Начнем с того, что «Эйзен» — роман-буфф; говоря проще — текст с юмором. И правда, перед нами произведение, в котором серьезный мужчина с большой буквы (или букв) — Советский Режиссер — представлен как вечный задорный мальчуган с неисчерпаемым перфекционизмом и легким демонизмом.

Нужно сразу обозначить: Эйзенштейн в романе — персонаж или, даже вернее, идеал. Типичный гений, к ногам которого должен лечь мир в процессе создания чего-то нового. Он будет мучить людей ради кадра, ловить пот с морды бульдога ради визуальной метафоры, заставлять взрослых мужчин трясти младенцев за пятки — и все это ради своего кино.

Опять же субъективно — я не могу не выразить полного согласия с такой романтизацией Сергея Михайловича Эйзенштейна. Именно так скучно он назывался бы в какой-нибудь серии «ЖЗЛ», но не у Гузели Яхиной. Эйзен — это твой друг, твой образец для подражания, твой пик продуктивности, твоё вдохновение, твои амбиции покорить мир и поставить жирную точку после слова «УСПЕХ». Вот об этом всё хочется думать и мечтать, узнавая Эйзена в «Эйзене» Гузели Яхиной, а не какого-нибудь там сухо биографического Сергея Михайловича.

Итак, к тем пунктам, которые я уже обозначил как причины для прочтения или прослушивания книги, добавляется еще один — самый важный: перед нами книга — культ личности. Личности отчасти выдуманной, как выдуман Илон Маск для персонификации инженерной и бизнес-мощи Америки. Личности грандиозной, ведь Эйзенштейн в романе не просто снимает кино — он творит представление о советской революции, а значит — творит советское мироздание, а значит — формирует ум и разум целого поколения! И самое главное — личности вдохновляющей!

Во всем этом важно и то, что «Эйзен» — история о демиурге, который манит читателя своим величием, но при этом не отталкивает идеальность. Его харизма и интеллект — явный контрудар низкому росту и далеко не выдающейся внешности, аутистические черты — причина формальной материнской любви, амбиции и стремление к признанию — следствия все той же семейной мелодрамы. Идолу нужны слабости, чтобы его не захотели свергнуть за его идеальность. Соблюсти такой баланс при создании образа гения было важно, чтобы не лишиться его связи с читателем.

Перечисляя эти слабости творца, невольно думаешь: ««Эйзена» было бы здорово экранизировать». Уверен, молодой аудитории подобный продукт точно бы понравился, то есть Эйзенштейн — как продукт вымысла, как персонаж — был бы принят на ура. Патологический перфекционист, Стив Джобс советского кино, который не швыряет стулья в сотрудников, но требует, чтобы табуретки ломали под нужным углом и с нужной скоростью, — та живость, целеустремленность и напор, которые подбодряют всех тех, кто сейчас в возрасте, когда поднимаются по карьерной лестнице или грызут гранит науки, чтобы потом не грызть локти от нереализованности в жизни. Не любимый матерью сын, который на публике ведет с ней милые беседы, а внутри — дальше от нее, чем технологии того времени от цифровых камер, — конфликт, который напомним юношам и девушкам о взаимном недопонимании с родителями и еще крепче свяжет их узами «психологического» родства с Эйзенштейном. Мужчина, добивающийся внимания харизмой и интеллектом, — незакрытый комплекс неполноценности, который посадит рядом 20–30-летних с Эйзенштейном на сеансе у психолога.

Все это складывается в образ героя, который был бы понят, принят и любим публикой (простите, подписчиками тех сервисов, где выйдет сериал). Представьте, как органично было бы нарезать такой фильм на короткие ролики с эксцентризмом Эйзенштейном и пустить все это по соцсетям! Как легко бы продавались сумки, значки, худи и прочий мерч с режиссером. Какой формат, какой коммерческий потенциал, какой знакомый всем в себе герой — но пока есть только книга. Увы.

Подводя итоги, хочется, не задумываясь, повторить: «Эйзен» — отличная вещь. Даже если вы ее не прочтаете, обложка произведения уместно встанет на полке вашей модной студии на 23-м этаже. Не стыдно будет перед людьми,

которые подойдут к стеллажу и пробегутся глазами по корешкам. «Человек со вкусом», — скажут они. Потому что уже видели «Эйзена» в рекламе «Яндекса». А ассоциация с «Яндексом» автоматически повышает общественную значимость любой вещи — и ее владельца — в несколько раз.

Марк РАТНИКОВ

Ирина ШАТЫРЁНОК. Неизвестные автографы белорусских писателей-партизан

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Анна Ахматова. Реквием

В год 80-летия Великой Победы над фашизмом все острее ощущается необходимость сохранения исторической правды о прошлом, защиты ее от фальсификации и искажения. Писатель из города Гродно, публицист, автор пятнадцати книг, в том числе документально-художественных, лауреат международных, всероссийских и республиканских литературных премий Ирина Сергеевна Шатырёнок создает свою новую книгу «Неизвестные автографы белорусских писателей-партизан» (Минск, 2025).

«Неизвестные автографы...» Ирины Шатырёнок вмещают в себя и литературно-художественные очерки, и публицистические, и документальные заметки — своего рода синтез различных жанров, основанный на обработке огромного объема архивного военного материала, воспоминаний ветеранов и их близких, большого массива справочных, а также литературных источников. Весьма интересно сама идея книги, в которой крепко и навсегда соединяются судьбы, творчество, жизнь писателей-партизан, фронтовиков, свидетелей войны.

Предваряя очерки о белорусских писателях-партизанах, Ирина Шатырёнок абсолютно обоснованно высвечивает личность Павла Арсеньевича Железняковича, который, по ее мнению, «был своеобразным магнитом притяжения для боевых товарищей». Подполье, польская тюрьма, а для Павла Железняковича — пожизненное заключение и знакомство с молодым героем Сергеем Притыцким. Тринадцать мрачных лет тюрьмы, практически инвалид — казалось бы, достаточно для одного человека, тем не менее Железнякович возвращается в родные края, уже в БССР, и в новом советском государстве занимает должность секретаря райисполкома Мирского совета депутатов. Великая Отечественная война: Москва, школа минеров, Павел Арсеньевич обучается минно-подрывному делу. Особый Белорусский сбор, 1942 год, тот же Сергей Притыцкий находился в Центральном штабе партизанского движения. И Железнякович принимает участие в марш-броске по оккупированной территории, более 600 километров, 40-километровый разрыв на линии фронта — «Витебские ворота», где действовала расширенная партизанская зона. Налибокская пуца: диверсионная группа совершала неимоверно сложный зимний переход и параллельно выполняла боевые операции. Настоящий подвиг и «железная сила воли» Железняковича, инструктора минно-подрывного дела, комиссара партизанского отряда, участвовавшего в боях с вермахтом, очевидны и убедительны.

Суровое поколение, честное и совестливое. После войны оно восстанавливало страну. Пожалуй, впервые Ирина Шатырёнок представляет жизнь и творчество белорусских писателей-партизан не только в общем литературном контексте, но и прежде всего с позиций духовности, с позиций сохранения исторической памяти.

Партизанская эпопея живет в произведениях белорусских классиков как часть их собственной биографии. Стоит учесть реальный факт: именно Павел Железнякович объединял писателей-воинов в прочный союз единомышленников.

Мы имеем богатое наследие правдивой литературы о минувшей войне. И в книге имен немало. Обратимся к ним.

Максим Танк, подпольщик, прошедший через «горемычное военное беженство». Обнаруживаются любопытные детали. «Автографы писателей — особый литературный жанр, они могут о многом рассказать. Прежде всего о личных отношениях», — погружает нас в увлекательный литературный мир Ирина Шатырёнок. Например, автографы Максима Танка, которые он оставил для Павла Железняковича, отражают мягкую ироничность, тонкий юмор.

Бесспорно, борьба с врагом — ключевой и ведущий момент. Отсюда крайне важно отыскать материалы, свидетельствующие о партизанской биографии писателей.

Ежегодно писатели-партизаны встречались у Павла Железняковича в Кореличах. И Владимир Колесник, оставляя боевому товарищу свой книжный автограф, подчеркнет в нем и главное качество верного друга — его «редкую человеческую дружбу».

Литература о Великой Отечественной войне — литература короткого периода, насыщенного событиями и взлетами духа в жизни и творчестве. И в новом сборнике «Неизвестные автографы белорусских писателей-партизан» автором решается проблема героического: мужество и подвиг народа, который противостоит гитлеровцам и предателям. Реальная история борьбы с фашизмом стала основой произведений белорусских писателей, изображающих реальных людей, реальные факты истории, подчас горькую и кровавую правду о войне.

Одна из наиболее ярких фигур в белорусской литературе XX столетия, несомненно, привлекающая наше внимание в повествовании, — это фигура Владимира Короткевича. Ему не пришлось воевать, он принадлежал к младшему поколению. Совсем не случайно писателя-историка притягивал партизанский край, Кореличи, восхищала легендарная личность Железняковича. «На добры успамін» — такие светлые слова-автографы Короткевич дарил партизану. На долгую память сделал надпись в романтической книге-поэме «Чазенія». Воспоминания о нем как о добром, сердечном человеке можно увидеть и в его книге «Зямля пад белымі крыламі». Друзей нерушимо сплачивали «общие писательские интересы на военные темы», — справедливо заключает Ирина Шатырёнок.

Вместе с тем здесь нашла свое продолжение и довольно заметная книга в творчестве гродненского автора «Командир» — страницы о писателе-партизане Евгении Кремко. Сколько параллелей и пересечений! Этот человек также был родом из деревни Бережно, на краю Налибокской пущи, заместитель командира разведки партизанского отряда «Комсомольский», после войны — редактор районных газет, сотрудник Литературного музея имени Янки Купалы.

Военная тематика взывает к откровенной, обнаженной истине. Взгляд в лицо смерти, скорбная память о военном лихолетье трех писателей, трех партизан: Алесея Адамовича, Владимира Колесника, Янки Брыля — документальная книга, незабываемый исторический документ «Я з вогненнай вёскі...» (1970–1973).

Документальная трагедия всего белорусского народа, увы, катастрофичная в своих экзистенциальных проявлениях нравственного и психологического порядка.

Листаем дальше наши «Неизвестные автографы...». Кому не знакомо имя популярного писателя Беларуси Ивана Шамякина? Что примечательно: на помощь автору откликнулась дочь белорусского классика — ученый, литературовед Татьяна Шамякина. Автографы Шамякина-фронтовика, оставленные в подарок Железняковичу, как раз отражают целую эпоху, включая в себя нравственное историческое измерение. Разумеется, Ирина Шатырёнок не могла на страницах книги не упомянуть и о замечательном классике Иване Мележе. Автор значимой трилогии «Полеская хроніка», фронтовик, коммунист часто бывал в Кореличах, встречался с Железняковичем.

Как видим, белорусские писатели-партизаны продолжали славянское ратоборство своих русских коллег по творческому цеху: В.Кондратьева, В.Некрасова, Г.Бакланова, К.Симонова, Ю.Бондарева, К.Воробьёва, Б.Васильева и многих-многих других. Великая Отечественная война — высочайший пример высочайшего народного самопожертвования, сопряженного с нечеловеческой самоотдачей. Под одной обложкой в книге Ирины Шатырёнок объединилось немало подобных, сильных волей и духом, героев. Историческая смерть, забвение — не для них, и автор хочет сберечь для читателя живую память, пронзительную правду о каждом из них.

Женщины, сражаясь наравне с мужчинами, оставили неизгладимый след в истории той войны. Пройдя дорогами войны, они конечно же мечтали о мирной и светлой жизни. Вырисовывается интереснейший феномен исследования — фотография на фоне литературы. На старых фото есть глубина ушедшего и настоящего времени. Нечто похожее, исключительно редкий фотоснимок, получила Ирина Шатырёнок от сына Павла Железняковича — фото, датированное 1961 годом. В кругу белорусских писателей незнакомая женщина, но лишь отчасти, на первый взгляд. Место действия на снимке — Гродненщина, в БССР шла Неделя русской культуры. Республика-партизанка радушно встречала дорогих гостей — русских соратников по творческому цеху.

Связующие нити событий вели к Юлии Друниной. Случайная находка, вот она! В 16 лет будущая поэтесса ушла на фронт. В составе делегации был и советский писатель, военный корреспондент Леонид Соболев, капитан 1-го ранга, большой русский поэт Владимир Костров, прозаик, историк Сергей Смирнов, хорошо известный по своей популярной книге «Брестская крепость» (1957), рассказывающей о подвиге защитников бессмертной цитадели.

Отдельные очерки Ирина Шатырёнок посвящает партизанским женам. Военные письма — довольно мало исследуемый жанр. Хотя, считает автор, это очень «редкое и богатое наследие». Перед нами выразительные и неординарные фрагменты писем Веры Одынец, спасшей жизнь Павлу Железняковичу. При чтении письма партизанки поражает то, что эти люди ничего ни у кого не просили, а наоборот — чувствовали свой индивидуальный долг перед Родиной.

Женщины-фронтовички. Одна из таких героинь очерка Ирины Шатырёнок — Валентина Петровна Баранова, легенда города Гродно. Участница Великой Отечественной войны недавно отметила 100-летний юбилей! Вспоминая то время, время потерь и обретений, Валентина Баранова рассказывает собственную историю первой любви на фронте — тогда еще Вали Сычевой, телеграфистки штабной роты, и гвардейского младшего лейтенанта Коли Орлова. Тут привлекают и личные фото, и прежде всего сделанные к ним вдохновенные надписи, раскрывающие характер, образ мыслей, состояние души самих адресатов. В какой-то мере жанр фотоискусства и жанр эпистолярный в своей лаконичности и яркости прекрасно дополняют друг друга.

Разве военное и антивоенное искусство слова, соединяясь воедино, не все-сильно, уж если оно не бессмертно? Ирина Шатырёнок доказывает это в каждой своей публикации, постоянно удивляя нас все новыми и новыми находками и фактами. Убеждаешься, что не только ратным подвигом, героическим трудом, но и великой духовностью победил наш народ. Красота и высота человеческого духа! Вот так спустя десятилетия, преодолевая пространство и время, вдруг могут заговорить бережно хранящиеся годами старые письма и фото... Но стоит, дорогой читатель, прочесть всю книгу, от начала и до конца, в ней еще немало увлекательных жизненных историй и человеческих судеб!

Ирина Шатырёнок показала взаимодействие белорусской и русской военной прозы и поэзии, взаимодействие яркое и эффективное, еще раз подтверждающее то, что литература с ее гениальными произведениями — тоже вклад в спасение мира, потому что в ней истинная мера большой правды, красоты и силы, нравственного, духовного мира.

Людмила ВОРОБЬЁВА (Минск)

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

АЛЕКСАНДР ВАСЬКИН

ЛЕГЕНДЫ АРБАТА. «КРУГЛЫЙ ДОМ» КОНСТАНТИНА МЕЛЬНИКОВА

В Сростках, во Всероссийском мемориальном музее-заповеднике Василия Шукшина, хранится уникальная фотография — «Василий Макарович Шукшин у архитектора Константина Степановича Мельникова». Фото сделано в доме № 10 в Кривоарбатском переулке в 1973 году. Кинооператор Анатолий Заболоцкий запечатлел беседующих и крайне интересных друг другу выдающихся современников. Мельников, сидя в кресле, что-то рассказывает Шукшину, стул которого повернут в другую сторону, но сам он всей своей фигурой полностью обращен к хозяину дома, внимательно слушая. Что-то очень любопытное говорит старый архитектор — его гость весь во внимании. Этот визит Василия Макаровича к Константину Степановичу оказался настолько плодотворным, что Шукшин задумал делать фотопробы для фильма о Степане Разине не где-нибудь, а именно в этом доме в Кривоарбатском переулке...

Беседа К.С. Мельникова и В.М. Шукшина в доме в Кривоарбатском переулке. Из личного фотоархива А.Д. Заболоцкого. 1973 год

Шестьдесят лет назад, в 1965 году, в Центральном доме архитектора в Москве открылась ретроспективная выставка архитектурных проектов и живописи Константина Мельникова, посвященная его 75-летию. Каталог выставки «Константин Степанович Мельников. Архитектура. Рисунок. Живопись» стал сегодня библиографической редкостью, в Российском государственном архиве литературы и искусства сохранился один из редких его экземпляров, убеждающий нас в том, насколько широким был диапазон творческих исканий зодчего. Поражены были и посетители выставки. Один из «собственных корреспондентов» крупной иностранной газеты все пытался собрать воспоминания о юбилея-

*Константин Степанович Мельников
(1890–1974)*

ре: каким он был в жизни, о чем мечтал, что не успел сделать. И каково же было удивление молодого французского журналиста, услышавшего неожиданный ответ на свой вопрос: «Да вы у него самого спросите!» «А разве господин Мельников жив?» Да, Константин Степанович Мельников (1890–1974) встречал свой юбилей в здравом уме и ясной памяти в собственном доме в Кривоарбатском переулке. В 1965 году, минуя защиту диссертации, ему к 75-летию присвоили ученую степень доктора архитектуры, а за два года до смерти, в 1972 году, наградили званием заслуженного архитектора РСФСР... В России надо жить долго. Звание дали, вот бы еще здоровьем кто поделился. А силы и творческие помыслы остались в далеком, довоенном прошлом.

В этом необычном доме, не имеющем внешних углов и построенном в виде циф-

ры восемь, Константин Мельников поселился чуть меньше столетия назад. И считался он в ту пору архитектором номер один. Было это в те благословенные времена, когда самым современным и продвинутым стилем в искусстве считался конструктивизм. Это был авангард мировой культуры, зародившийся в нашей стране после октября 1917 года. Потому Мельникова и зовут сегодня ни много ни мало гением русского авангарда. Гаражи, клубы и дом Мельникова в Кривоарбатском переулке — ныне памятники архитектуры.

Биография Константина Степановича состоит словно из двух частей: признание, успех, слава и... забвение. А прожил он немало — 84 года! Появился на свет будущий «гуру конструктивизма» 3 августа 1890 года в бывшем пригороде Москвы, который сегодня известен благодаря своему прекрасному названию — Соломенная Сторожка (от которой ни пучка соломы сегодня не осталось, а только улица). Родился Мельников в простой семье с крестьянскими нижегородскими корнями. Отец его, строитель, трудился на ремонте дорог на землях Петровской сельскохозяйственной академии. Интересно, конечно, другое — само название родного для Мельникова дома, выстроенного не из кирпича или дерева, а глинобитного, с добавлением соломы, потому так и прозванного. А поначалу кажется, что крыша у домика была соломенной, на самом же деле он был покрыт черепицей. Да еще и имя архитектора сей сторожки что-то тоже значит — Николай Бенуа, представитель известнейшего творческого клана. Короче говоря, сама судьба уготовила младенцу из Соломенной Сторожки блестящее архитектурное будущее. Детство его прошло в подмосковных Лихоборах.

Еще в церковно-приходской школе Константин Мельников выделялся среди сверстников как хороший рисовальщик, что неудивительно — многие выдающиеся зодчие таким образом впервые и проявляли свое дарование. После окончания школы в 1903 году родители ненадолго устроили его учеником в иконописную мастерскую, что была в Марьиной Роще. Удачей для небогатой семьи Мельниковых стало знакомство с известным ученым и инженером Владимиром Михайловичем Чаплиным, разглядевшим в Константине художественные способности, требовавшие дальнейшего развития. Чаплин нанял ему репетитора для поступления в Московское училище живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой. В итоге в 1905 году Мельников, сдав вступительные экзамены, становится студентом общеобразовательного отделения училища. Позднее он писал:

«Мое имя стояло в числе одиннадцати счастливчиков, среди 270 претендентов. Конкуренты мои носили усы и даже бороду — возраст служения Искусству не ограничивался». Ему было всего пятнадцать лет.

В стенах училища Константин Мельников провел двенадцать лет, получив к 1910 году общее базовое образование, что позволило ему в дальнейшем учиться еще и на отделениях живописи и архитектуры. Среди учителей живописи были весьма авторитетные художники: Константин Коровин, Абрам Архипов, Сергей Малютин, архитектуру преподавали Иван Жолтовский, Илларион Иванов-Шиц. Особенно увлекательно было в мастерской Жолтовского, где царила атмосфера необычная. Архитектор С. Чернышев, вспоминая о Щусеве, говорил: «Приходя к Алексею Викторовичу, я всегда чувствовал атмосферу такого высокого артистизма, большого художника». Так же мог сказать и Мельников, не только открытый новаторским идеям, но и готовый впитывать в себя бесценный опыт и щедрую мудрость учителей. Иван Жолтовский сразу оценил своеобразный талант Мельникова: «Неизменный успех его оригинального творчества объясняется исключительным дарованием К.С. Мельникова к пластическому искусству».

Студентом Мельников проходит столь необходимую ему практику. Какое счастье, что можно прийти и посмотреть на одно из первых зданий, к которому он приложил руку, несмотря на то что ныне от завода имени Лихачёва (ЗИЛа) осталось лишь название. Более века назад Константину Мельникову поручили заказ — разработку фасадов зданий автомобильного завода АМО. Завод строился на деньги братьев Рябушинских по проекту А. Кузнецова и А. Лолейта. Мельников создал проекты фасадов для заводоуправления, кузнечного, литейного и прессового цехов. Заводоуправление сохранилось. «Симметричное, с невысоким куполом в центре, кирпичное с немногими белыми деталями, оно характеризуется монументальностью и простотой. Здание вызывает ассоциации с постройками русских зодчих начала XIX века — О.И. Бове, Д.И. Жилярди и других, но в его больших проемах, в обновленной трактовке традиционных форм как бы осуждается новое время: это произведение Мельникова представляет собой выразительный пример московского архитектурного неоклассицизма 10-х годов», — особо подчеркивается в исследованиях творчества архитектора.

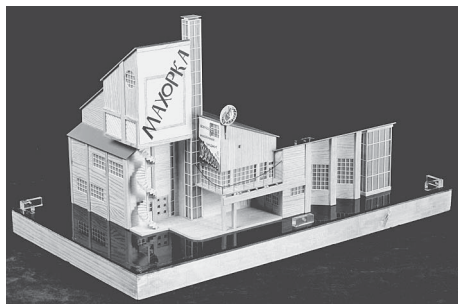
Работая в 1916–1917 годах над выполнением заказа для АМО, Мельников живет неподалеку, на казенной квартире, куда переезжает и его семья. Ведь он уже отец двоих детей — Виктора (1914) и Людмилы (1913), которых родила ему жена (с 1912), Анна Гавриловна Яблокова. А семью надо кормить.

Как удачно закончил он учебу в Московском училище живописи, ваяния и зодчества — в 1917 году. Новой эпохе — социалистической — требовались и новаторы, нестандартно мыслящие творцы. Молодые архитекторы, художники, скульпторы создавали и новую эстетику. Кроме того, масса нерешенных проблем, препятствовавшая развитию Москвы как современного города, создавала огромное поле для деятельности и зодчих, и строителей. Обилие трущоб и ночлежек, отсутствие комфортабельного жилья для небогатых слоев населения, слабый уровень организации транспортного движения, несоответствие системы жизнеобеспечения современным требованиям — застарелость этих проблем характеризовала жизнь Москвы начала XX столетия. Российская столица сто лет назад явно не справлялась с огромным потоком рабочей силы, хлынувшей в нее в том числе и для работы на заводах и фабриках. И кажется непростым совпадением, что первый проект Мельникова был выполнен для АМО — в дальнейшем именно представители победившего рабочего класса будут основной аудиторией, для которой он будет проектировать свои клубы и жилые дома.

Мельников оказался в числе самых востребованных зодчих, участвуя в осуществлении грандиозной реконструкции Москвы на новых социальных основах. Генеральный план развития столицы получил название «Новая Москва», в

его рамках Мельников занимается перепланировкой Бутырского района и Ходынского поля. Среди многих его проектов этого времени — реконструкция Советской площади, поселок при Алексеевской больнице, Народный дом, жилые дома, крематорий. Начинается и его преподавательская деятельность: с 1920 года

*Макет павильона «Махорка»
на Всероссийской сельскохозяйственной
и кустарно-промышленной выставке
в Москве. 1923 год*

Константин Степанович профессор архитектурного факультета Вхутемаса.

А когда в 1923 году было принято решение о создании Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки на месте существовавшей с конца XIX века городской свалки, Мельников, будучи одним из самых молодых архитекторов, создает проект павильона — легендарной «Махорки», ставшей первой «конструктивистской ласточкой». Уже само название указывало на скромность замысла организаторов: все же «Махорка» это не «Машиностроение» — иначе говоря, незначительная отрасль,

успехи которой следует продемонстрировать. Но Мельников интерпретировал это на свой лад, что принесло ему и громкий успех, и столь же оглушительную критику. Прошли десятилетия, и критика забылась. Теперь «Махорку» трактуют как образец стиля.

Когда на месте выставки решено было разбить парк культуры и отдыха, ее прежнюю планировку, спроектированную Иваном Жолтовским, призвана была заменить новая планировка — Константина Мельникова, главного архитектора будущего парка (с 1928 года), частично сохранившаяся и донныне. Конструктивист Мельников спроектировал партер парка с фонтаном по центру, в котором «архитектура формировалась струями самой воды». Однако проект полностью реализован не был по причине кардинального изменения художественной политики в СССР.

После «Махорки» Мельников стал работать очень активно. Среди его проектов — первый саркофаг для мавзолея Ленина (1924), павильон СССР на парижской Международной выставке современных декоративных и промышленных искусств (1925), на Международной выставке в Салониках, Международной выставке «Век машин» в Нью-Йорке (1927) и др. А в 1933 году состоялась персональная выставка проектов Мельникова на V Миланской триеннале (1933).

Но больше всего Константин Степанович проектировал для Москвы. Это такие проекты, как Ново-Сухаревский рынок (1924, не сохранился), гараж на Бахметьевской улице (1929), гараж на Новорязанской улице (1929), Дом культуры имени И.В. Русакова на Стромынке (1929), клуб со столовой завода имени М.В. Фрунзе на Бережковской набережной (1929), Дом культуры завода «Каучук» на Плющихе (1929), клуб фабрики «Свобода» на Вятской улице (1929), клуб фабрики «Буревестник» на 3-й Рыбинской улице (1930), гараж Интуриста на Сущевском Валу (1934), гараж для Госплана на Авиамоторной (1936). Клубы Мельникова создали ему мировую славу — ни в одной другой столице мира не было сосредоточено столько интереснейших и оригинальных конструктивистских зданий, уникальных по своей архитектуре. Но дело не только в этом — клуб стал абсолютно новым общественным явлением в сфере массового досуга и просвещения. Каким должен быть социалистический клуб? На этот вопрос и дал ответ Константин Мельников. И недаром до сих пор его клубы изучают на всех архитектурных факультетах крупнейших университетов мира — настолько они оригинальны и индивидуальны. Каждому он нашел неповторимый облик.

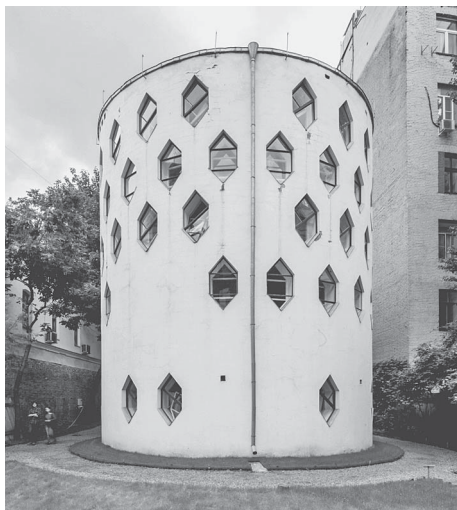

*Примеры зданий в Москве, выполненных по проектам К.С. Мельникова:
а — гараж Госплана СССР, б — гараж Интуриста, в — клуб фабрики «Свобода»,
г — Бахметьевский гараж*

А самое главное наследство Мельникова — это собственный дом в Кривоарбатском переулке (1927–1929), ибо здесь он выступал в двух и даже трех лицах: заказчика, архитектора и жителя. Это, наверное, было и просто, и трудно одновременно. Тот факт, что Мельников жил в спроектированном им же доме, не редкость даже для Москвы, ибо это считалось даже в порядке вещей. Взять хотя бы знаменитого Федора Шехтеля, который вполне мог позволить себе подобное — жить в своем же доме. Но это было до 1917 года, когда право частной собственности никто не отменял. В советское же время подавляющее большинство зодчих могло рассчитывать на всего лишь квартиру, например, в высотном доме, ими же спроектированном (например, Дмитрий Чечулин жил в сталинской высотке на Котельнической набережной), но Мельников-то получил право выстроить личный дом. Как же это стало возможным?

Еще в пору учебы в училище Константин Мельников задумался о своем собственном доме, удобном и уютном, где можно было бы совмещать и повседневную жизнь, и работу, для чего стоило предусмотреть и мастерскую. В голове у зодчего возникали самые разные формы и конфигурации будущего ковчега: квадрат, пирамида, овал. На смену одному начерченному проекту приходил другой. Мастер искал идеальную форму. И в конце концов нашел ее — дуэт двух цилиндров, как он обозначит ее сам. Скорее всего, дом в Кривоарбатском стал результатом нереализованности проекта другого здания — клуба имени Зуева, в конкурсе на который Мельников принял участие в 1927 году. Тогда победил проект Ильи Голосова. «Нас — претендентов — было двое, и два объекта, и решили в проект Голосова ввести цилиндр, который и сейчас одиноко звучит декоративным соло. Так поступили люди, хорошие люди, но Архитектура не простила им растерзанной идеи и вернулась ко мне в блестящем дуэте нашего дома», — вспоминал Мельников.

Землей в столице ведал Моссовет, в который и стекались немногочисленные просьбы от организаций выделить участок под строительство кооперативного дома для своих сотрудников. Конец 20-х годов — это как раз время на исходе НЭПа, когда в Москве начали возводить первые кооперативы, в основном для

*Собственный дом К.С. Мельникова
в Кривоарбатском переулке*

творческой интеллигенции. Среди подобных просьб явно выделялось ходатайство, поданное Мельниковым. Тем более дом-то был экспериментальный! Другими словами, архитектор поначалу хотел сам пожить в круглом здании, а затем уже распространить этот опыт на других. Так почему бы не пойти ему навстречу? «В 1927 году участки для застройки раздавал от Моссовета тов. Домарев. Увидя макет нашего дома, он решительно отказал всем конкурентам от госучреждений, заявив, что легче найти участки, чем построить такой архитектуры дом. “Отдать Мельникову участок”. Он не был архитектором и едва ли имел образование, он был просто рабочий» — так рассказывал Константин Степанович.

Имя его в те годы гремело, потому и доверяли проектировать советские павильоны за рубежом. Кто ни попадя вряд ли мог рассчитывать на личный участок в Приарбатье. А Мельникову — пожалуйста! Это отражало его творческий вес и признание. Не будем забывать и о том, что Мельников спроектировал ленинскую гробницу — саркофаг. Это также кое-что значило. В начале 60-х годов именно эта его работа позволила сохранить дом в Кривоарбатском переулке — его планировали снести для постройки комфортабельной номенклатурной высотки. Константин Степанович написал письмо «наверх», подписавшись как «автор первого саркофага» вождя. И от дома отстали.

Еще один актуальный вопрос, способный взволновать современную аудиторию: а разве тогда давали ипотеку? На какие, собственно, средства возводился дом? Обилие заказов позволяло Константину Степановичу жить на широкую ногу. Архитекторы считались вполне себе обеспеченными людьми, но не настолько же... Архивные данные говорят о том, что общая стоимость строительства с материалами составила почти 38 тысяч рублей, из которых более четверти Мельников внес из своих средств. На остальную сумму он взял ссуду, пояснив: «Отсутствие у нас средств заменилось обилием архитектурной фантазии, независимое чувство уничтожило какую-либо зависимость от осторожности; интимность темы открыла грандиозные перспективы нерешенных проблем жизни; действительно реальная экономия делала девятиметровый пролет таким же опасным и не менее новым, каким была в свое время громада Флорентийского собора». Налоги с экспериментального дома также не стали брать.

Сколько этажей в доме? Сам автор остроумно посулил премию тому, кто подсчитает. Исходя из планировки, вроде как три. На первом этаже архитектор спланировал переднюю, кухню со столовой, санузел, комнаты для жены и детей, гардеробную. Второй этаж поделен на гостиную и спальню. А мастерскую Мельников разместил на третьем, где предусмотрел и открытую террасу. Чтобы не бегать туда-сюда по каждому поводу, архитектор придумал встроить в стену так называемый воздушный телефон — металлическую трубу для связи мастерской с возможными гостями, что стучатся в калитку. Прообраз домофона! А вот что на самом деле нуждается в подсчете, так это количество окон — более 130, из которых к нынешнему времени уцелели не все.

Дом занимает далеко не всю площадь участка, выделенного Мельникову Моссоветом, из-за чего на земле нашлось место и объектам благоустройства — палисаднику с березами и черемухой (любимое дерево архитектора), а также ла-

вочке со столом, площадке для городков и волейбола, огородику и небольшому саду. Ну разве плохо? Каждый, наверное, хотел бы хоть денек-другой провести в этом райском месте. Многие не скрывали восхищения его талантом, так же как и зависти к дерзкому зодчему, придумавшему для своего дома шестиугольные окна. В частности, Игорь Грабарь признавался в 1933 году: «Никогда не завидую, но, уходя отсюда, поймал себя на чувстве зависти: хотелось бы так пожить». Но это была белая зависть.

Не в пример Грабарю некоторые коллеги Мельникова буквально исходили злобой, в чем только не обвиняя его: в творческой беспринципности, в намеренном создании «конструктивных головоломок» и даже в классовой враждебности проекта — дескать, чуждо все это победившему пролетариату. А как же? Ведь свой дом — это самый настоящий капиталистический пережиток. В то время, когда советские люди (исключая вождей и культурно-научную прослойку) ютятся в коммуналках и бараках, строя светлое будущее, Мельников предлагает «жилую буржуазную ячейку». В общем, не архитектура это, а «оперирование всечёрными цилиндрами и игра “чистых” конструкций, идейно выхолощенная и тем самым толкающая к формалистски-эстетическому созерцанию», и не место таким домам в социалистических городах будущего с их массовым жилым строительством.

А для семьи Мельниковых это был прежде всего жилой дом, причем одно-квартирный, что не раз подчеркивалось. Только квартира эта была необычной, не соответствующей принятым стандартам и устоям. Удивление непривычной формой здания — это было лишь начало трудного смыслового процесса. Еще большее изумление охватывало переступавших порог. «Дом необычен не величиной, а сочетанием совершенно разных по форме, размерам, характеру освещения помещений. Здесь создан особый пространственный мир. Попавшему сюда человеку вдруг раскрывается, сколь чудесными и постоянно изменчивыми качествами может обладать окружающее его сложное жилое пространство. “Странный” снаружи, дом оказывается внутри еще более необычным, но при этом глубоко человеческим, уютным и удобным. Архитектура здесь вступает в непрерывный активный контакт с живущими в ней, несет особую духовность, радуется никогда не исчерпывающимся, но неназойливым чередованием находящихся перед взором картин», — свидетельствуют посетители ныне закрытого на ремонт дома.

А чтобы изумленные гости все же не забыли, кто явился автором столь затейливого здания, над огромным окном, захватившим собой второй этаж, автор поместил рельефную надпись: «КОНСТАНТИН МЕЛЬНИКОВ АРХИТЕКТОР». Назвав свой дом экспериментальным, новатор Константин Мельников не лукавил. Он продолжал думать, усовершенствовать, развивать, размышляя о том, как сделать жизнь человека в городе еще более удобной и красивой. Ибо круглая форма здания предоставляет архитектору массу новых возможностей для проектирования нового содержания, то есть жилого пространства. «Не в перекор и не в угоду укладу, составившему общую одинаковую жизнь для всех, я создал в 1927 году в центре Москвы, лично для себя, дом, настойчиво оповещающий о высоком значении каждого из нас» — так сформулировал автор значение воплощенной им гуманистической идеи, обозначенной как модульная система архитектора Мельникова из цилиндров.

Такой бы идее — широкий размах, международное применение, но... со второй половины 30-х годов интенсивность творческой деятельности Константина Мельникова внезапно снижается. Но отнюдь не иссякший внезапно талант или болезнь прервали блестящий творческий взлет зодчего (словно выстрел охотника!), а события совсем иного порядка. В начале 30-х годов происходит резкое изменение культурной политики в СССР, начинается ее огосударствление, что выразилось в централизации всех творческих союзов. Вместо независимых в суждениях и творчестве многочисленных ассоциаций и объединений художни-

ков, музыкантов, писателей учреждаются соответствующие союзы (постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 года). Был среди них и Союз советских архитекторов, основанный в июле 1932 года.

Еще в 20-е годы Москва воспринималась за рубежом как один из центров мировой архитектуры, прежде всего благодаря активно развивавшемуся в тот период конструктивизму. Отныне конструктивизм был объявлен вредным течением — формализмом. А его лучшие представители, такие, как Константин Мельников, подверглись остракизму и порицанию, да еще и в самых оскорбительных выражениях. Его творения называют «уродством, где все человеческие представления об архитектуре поставлены вверх ногами». А более всего возмущаются домом в Кривоарбатском переулке. «Этот каменный цилиндр может быть местом принудительного заключения, силосной башней, всем, чем угодно, только не домом, в котором добровольно могут селиться люди» — так писала газета «Правда» в статьях «Архитектурные уроды» от 3 февраля 1936 года и «Какофония в архитектуре» от 20 февраля 1936 года, обещая Мельникову помочь вернуться на верный путь «передового советского архитектора».

В результате его отлучили от практической работы. А последним реализованным проектом стал гараж Госплана в 1936 году. Мельников не находит себе места в новой культурной реальности. Ошибок он не осознает, несмотря на «помощь» — вал безудержной критики, оскорблений и травли. И как только сердце выдержало... Ему бы выйти на трибуну Первого съезда Союза советских архитекторов в 1937 году, покаяться со слезами на глазах, как его некоторые беспринципные коллеги. Но верность однажды избранному пути в искусстве оказалась сильнее желания практической работы. Константин Степанович не мог не понимать — творить ему не дадут, как бы спихнув на обочину.

Так и вышло. Из Московского архитектурного института его увольняют, как и из расформированной архитектурной мастерской № 7 Моссовета, которой Мельников руководил в 1933–1938 годах. В ряде источников указывается, что он, «полгода проработав в мастерской № 2 Моссовета у А.В. Щусева, уволился и вышел на пенсию». Но Щусева самого отлучили от профессии в 1937 году, отобрав мастерскую. Так что вряд ли Мельников мог рассчитывать на его помощь. А вот дом в Кривоарбатском переулке не отобрали и не снесли. Хотя в 1941 году во время немецкой бомбежки Арбата повыбивало стекла в знаменитых шестигранных окнах. Благо там имелось и свое собственное бомбоубежище — подвал. «Во время войны дом не отапливался, и первую печку мы с дедушкой складывали, когда мне было три года, — я ему кирпичики подавала», — вспоминает внучка архитектора Екатерина Каринская. Небольшая печка ныне сохранилась в гостиной, форма ее также необычна — напоминает башню (почему-то не круглая!).

Отставленный от профессии, Константин Степанович нашел себя в живописи — недаром еще в детстве его хвалили! Лишь в 1949 году он получает возможность вернуться к преподавательской работе. Но не в Москве (это было бы слишком в период борьбы с космополитизмом), а в Саратове, в местном автодорожном институте, на архитектурной кафедре. В это время он участвует в конкурсе на создание интерьера Центрального универмага, и мельниковский проект оказался частично осуществленным, что следует воспринимать как чудо.

С 1951 года Мельников преподает в Московском инженерно-строительном институте, а с 1958 года во Всесоюзном заочном инженерно-строительном институте. Участвует он в 50-е годы и в конкурсах: на монумент в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией в Москве, на Пантеон выдающихся деятелей государства, на проект Дворца Советов в Москве. Но безуспешно.

Дом Мельникова в Кривоарбатском стал для его архитектора в эти трудные годы своего рода крепостью, защитившей его от куда больших невзгод, хотя кажется, что может быть трагичнее для зодчего, чем отлучение от работы. Если

писателя не печатают, он пишет «в стол». Как Михаил Булгаков, создававший свой роман «Мастер и Маргарита» в обстановке такой же травли. Умирая, Булгаков взял слово со своей жены, что книга будет издана. Так и вышло, но автор этого уже не увидел. Если травят художника, отказываясь выставлять его картины, то, по крайней мере, рисовать ему не могут помешать. Так было, например, с Робертом Фальком. Когда запрещают исполнять музыку в концертных залах, композитор, сев за рояль, может сыграть ее кому угодно в своей квартире. А вот архитектор, ему как жить? В надежде, что после его смерти отвергнутый проект воплотят? Но кто это сделает? Жена, дети? Драма зодчего в том, что он работает не для себя, а для людей — им жить в его зданиях. И время здесь главный попутчик. Оно очень быстро проходит, ибо запросы населения, будь они неладны, растут, подстегивая смену архитектурных стилей. И потому запрещенному архитектору суждено доживать век среди его бумажных проектов.

И все же Мельников счастливый человек, несмотря ни на что. Он построил свой дом и много лет жил в нем. Почти три десятка лет спустя после начала травли о нем вспомнили. «Я один, но не одинок: укрытому от шума миллионного города открываются внутренние просторы человека. Сейчас мне семьдесят семь лет, нахожусь в своем доме, завоеванная им тишина сохраняет мне прозрачность до глубин далекого прошлого», — писал Мельников, автор дома-памятника. Другой памятник — надгробный — стоит на Введенском кладбище, где нашел свой покой Константин Степанович Мельников в ноябре 1974 года.

Незадолго до ухода в мир иной судьба и свела его с Василием Шукшиным. Сблизил их Анатолий Заболоцкий, рассказавший подробности о том, как сам впервые попал в этот чудо-дом с одним из своих коллег: «Константин Степанович встретил нас радушно, как принимал всяких датских, бельгийских и прочих людей, которые толпами к нему приезжали. Старик удивительно коммуникбельный, рассказал, показал весь дом... Мельников говорил, что его опекал Николай Александрович Булганин. Он часто приезжал в этот дом, ему все нравилось. В конце 40-х годов Мельников уехал преподавать в Саратов, и, как считал сам Константин Степанович, этим назначением Булганин сохранил архитектора после войны. Мельников показал нам всё: и архитектурную мастерскую, и круглую спальню. Потом мы пообедали у него».

Мельников предломок Заболоцкому снять документальный фильм о нем: «Хочу исповедаться на пленку о своем житье-бытье». Просто так в СССР нельзя было взять и начать снимать фильм, нужно было получать разрешение, и Заболоцкий пошел в Госкино, в документальный отдел: «Там сказали: “Сначала сделайте фильм об архитекторе Посохине. А потом дадим о Мельникове”. А я, дурак, сразу же ответил: “О Посохине сами снимайте. Я хочу про Мельникова только”. И в документальном отделе так обиделись на меня за это, что все мои заявки стали выкидывать. Вот эта дурость, слова непродуманные часто лишают вообще возможности двигаться...» Выдающийся кинооператор до сих пор переживает, что не удалось тогда осуществить замысел фильма о Мельникове.

Но зато удалось познакомить Мельникова с Шукшиным, так и появилась та самая фотография. Судьба архитектора и его проектов настолько сильно заинтересовала, захватила Василия Макаровича, что, когда речь зашла о будущем фильме про Степана Разина, он сказал: «Мы сделаем так: пробы будем снимать не в павильоне, а в доме Мельникова. Мне много актерских проб не надо, всех актеров я и так знаю, а на пленку, положенную на пробы, ты снимешь Мельникова». Дело в том, что пленка была импортная — «Кодак», дефицитная, вот Шукшин и придумал ловкий ход: и пробы сделать, и запечатлеть Мельникова для истории.

Что подкупило Шукшина в Мельникове? «Конструктивистов, к которым причисляли Мельникова, Шукшин не принимал, как и большинство людей, считал Мельникова уже давно в прошлом. Встретившись с Константином Степановичем, которому было уже за восемьдесят, Шукшин увидел перед собой

матерого крестьянина, сохранившего ясную память и скопленные знания. Они пламенно проговорили несколько часов, пока супруга не попросила пощады. Прощались друзьями», — вспоминает Анатолий Заболоцкий. Шукшин загорелся, захотев написать о Мельникове.

А чем Шукшин так заинтересовал Мельникова? «Люблю личность, уважаю личность и услаждаю личность», — сказал однажды архитектор. И этим многое объясняется. Смотришь на их совместное фото и думаешь: как поздно все же судьбе было угодно свести двух больших художников. Василий Макарович ушел из жизни почти на два месяца раньше Константина Степановича. А ведь разница в возрасте у них была немногим меньше сорока лет!

Если бы существовал пантеон великих архитекторов — нашему Мельникову обязательно нашлось бы в нем почетное и законное место. Время — единственный объективный арбитр — логично расставило многое по своим местам. Где сегодня та орда критиканов и обличителей, боровшихся с архитектором и его творениями? Если их имена и вспомнят, то исключительно в связи с тем, что они нападали на него. А вот среди памятников, оставшихся в наследство от советской архитектуры, дома архитектора Константина Мельникова привлекают к себе наибольшее внимание, чем еще раз подчеркивается необходимость бережного к ним отношения.

Непривычная форма дома в Кривоарбатском переулке навевала современникам порой диаметрально противоположные ассоциации. Милее всего она оказалась поэтам, что вполне укладывается в своеобразную логику мышления творческих людей. Особенно таких же авангардистов, как и сам Мельников, но в своем жанре. Например, Андрея Вознесенского; выпускник Московского архитектурного института и поэт по призванию, автор многих причудливых рифм, он и в кривоарбатском доме почувствовал поэзию:

Душа стремится к консерватизму —
вернемся к Мельникову Константину,
двое любовников кривоарбатских
двойною башенкой слились в объятьях.
Плащом покрытые ромбовидным,
не реагируя на брань обидную,
застыньте, лунные, останьтесь, двое,
особняком от людского воя.
Как он любил вас, Анна Гавриловна!

Анна Гавриловна — любимая супруга Константина Степановича, его муза, можно сказать. О ней сохранились любопытные воспоминания: «Когда 70-летнему архитектору захотелось уехать с внучкой на Волгу отдыхать, ему пришлось тайком от жены, в одной пижаме выбираться из здания, взяв с собой маленький рюкзачок, в котором были лишь сапоги, смена белья, подушка-думка и пачка геркулеса. Анна Гавриловна не была красива, но считала себя красавицей. Лицо у нее было привлекательным, но низ — тяжелым и грузным. Рассказывают такую историю. Однажды Константин Степанович вышел из дома по делам; проходя по Арбату, увидел, что в магазине продают какой-то нужный продукт, и занял очередь, после чего сказал людям, что пойдет по делам, а вместо него придет его жена. “А как же мы ее узнаем?” — зароптал народ. “Она... — Мельников задумался. — Совершенно необыкновенная женщина!” И вот минут через десять входит в магазин Анна Гавриловна. Оглядывается по сторонам. “Вам сюда!” — практически хором говорят все люди, стоящие в очереди: перепутать ее с кем-то иным было невозможно». Анна Гавриловна пережила супруга на три года, скончавшись в 1977 году.

Хранителем наследия зодчего стал его сын Виктор Константинович (1914–2006), избравший стезю живописца, работавшего в различных направлениях.

Некоторые работы его хранятся в Третьяковской галерее. Изучая древнерусскую живопись, Мельников-младший был и прекрасным копиистом, создав в 50-е годы копии фресок Ферапонтова монастыря. Не менее важным делом своей жизни Виктор Мельников считал сохранение в неприкосновенности и во всей его подлинности дома своего отца. Главной мечтой наследников стало создание в доме музея. Много различных препон возникло на этом пути, пока в 2014 году не было озвучено долгожданное и многострадальное решение о новом московском музее. Государственный музей Константина и Виктора Мельниковых стал филиалом Музея архитектуры имени Щусева. И это оказалось идеальным вариантом, устроившим и наследников зодчего, и музейщиков.

Кстати, внучка зодчего Екатерина Каринская вспоминала: «В детстве я очень рефлексировала по поводу нашего дома, мало того, что носила очки, но ведь еще и жила в здании, которое иначе как “силосной башней” и “консервной банкой” никто из моих одноклассников не называл. Я ходила в школу мимо Морозовского особняка и считала его завитушки высшим проявлением красоты. И вот когда была в третьем классе, собралась с духом и высказала деду все, что накопилось у меня в душе: “Ну и зачем ты это построил? Хотя бы ракушек каких-нибудь для красоты прикрепил!” Если бы это услышал отец, он бы меня просто выпорол, но дед только потрепал ласково по голове: “Ну подожди, внучонок, деньжатами разживемся и прилепим...”». Архитектуру Константин Степанович боготворил, называя ее «моя Красавица».

Учреждение музея позволило провести и первое масштабное исследование дома и участка. Выяснилось, что здание находится в «ограниченно работоспособном состоянии», то есть и фундаменты, и стены, и столбы признаны работоспособными. Тщательное обследование позволило обнаружить не только всякого рода трещины, но и... дневники Константина Мельникова. Это стало новостью номер один. О дневниках никто не знал и раньше не слышал. Это стало огромным подспорьем и для ученых, и для будущих реставраторов, ибо архитектор подробно задокументировал ход проектирования и строительства здания. В 2022 году дом закрыли на реставрацию.

А рассказ о выдающемся памятнике русского авангарда закономерно было бы закончить словами Константина Мельникова: «В наш век появления Конструктивизма, Рационализма, Функционализма и АРХИТЕКТУРЫ не стало... Что касается меня, я знал другое, и это другое — не один конструктивизм... Каждую догму в своем творчестве я считал врагом, однако конструктивисты все в целом не достигли той остроты конструктивных возможностей, которые предвосхитил я на 100 лет». И с этим трудно не согласиться.

Дискутировать можно по другому поводу. В 2016 году на карте столицы, на территории бывшего ЗИЛа, появилась улица Архитектора Мельникова. И это хорошо, но почему в названии улицы присутствует не имя, а профессия? Все очень просто: одна улица Мельникова в Москве уже есть, с 1967 года, у Симонковского Вала. Я бы в связи с этим вот что сделал: пусть будут две улицы: 1-я улица Мельникова и 2-я улица Мельникова. Тогда уж точно не перепутать...

Священник Георгий СЕЛИН

ЦАРСТВО АНТИХРИСТА ВНУТРЬ ВАС ЕСТЬ

Зверь = образ зверя

В Откровении Иоанна Богослова можно прочесть такие слова: «И видел я как бы стеклянное море, смешанное с огнем; и победившие зверя и образ его, и начертание его и число имени его, стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии, и поют песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца...» (Откр. 15, 2–3).

Держат гусли и поют песнь победившие не только зверя, но и образ его. Что же такое «образ зверя»? И как можно его победить, если он — образ, то есть картинка, символ, знак, фактически — ничто? В чем же тогда заключается победа над образом? Неужели в одном только несмотрении на него? Но ведь образ, не имея видимых очертаний, непременно становится не просто зрительным, но мысленным. Образ также может быть и словесным: художественная литература тем и занимается, что творит словесные образы. Образ может быть научным, музыкальным, танцевальным и даже вкусовым*. Да мало ли каким может быть образ. На то он и образ, чтобы не иметь сущности в самом себе, но изображать ее.

Каким из неисчислимого количества образов, им же имя легион, может быть образ зверя?

Каким бы он ни был, во всех встреченных мною в Апокалипсисе стихах, где есть выражение «образ зверя», подразумевается полное равенство действий в отношении как самого зверя, так и образа его. Перечитаем стихи, чтобы убедиться в этом:

«...кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое, или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией...» (Откр. 14, 9–10);

«...и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его» (Откр. 14, 11);

«...сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертание зверя и поклоняющихся образу его...» (Откр. 16, 2);

«И схвачен был зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса пред ним, которыми он обольстил принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению» (Откр. 19, 20);

---

* Говорят, что ученые разрабатывают способы передачи запаха, чтобы одновременно с видео- и звукорядом дать зрителю возможность обонять ароматы показываемых на экране предметов.

«...которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет» (Откр. 20, 4).

Оставим богословам споры о дефинициях, то есть о греческих словах «ла-трéво» и «проскинéо», переводимых одним русским словом «поклоняюсь», и греческих «схима», «икона», «морфí», переводимых словом «образ». Мне кажется, что без богословских доказательств каждый православный христианин, воспитанный на догматах иконопочитания, согласится с тем, что **поклонение образу зверя равносильно поклонению самому зверю**.

Кланяющийся образу зверя подвергается равному наказанию с тем, кто кланяется ему самому. Что же остается думать? Остается думать, что и за зверем, и за образом зверя стоит примеряющий их, словно маски, первообраз. Кланяющийся зверю и образу зверя кланяется на самом деле ширмам, за которыми стоит тот, кто называется в Апокалипсисе драконом. «И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?» (Откр. 13, 3–4). Но кого Иоанн Богослов назвал в этом стихе «драконом»? Почему дракон дал власть зверю? Почему он сам ею не пользуется?

Дракон — это дьявол. «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаной» (Откр. 12, 9). Зверь же в данном контексте это антихрист. «Воплощается» ли дракон в звере, или «воплощается» он в образе зверя — все равно, по той причине, что однозначно равны как поклонение зверю, так и поклонение образу его, потому что в обоих случаях совершается поклонение дьяволу. Из этого вывода следует, что никак нельзя христианам успокаивать себя мыслью о том, что раз антихриста нет, значит, можно спать спокойно. Ничего подобного. Можно поклоняться антихристу даже в его отсутствие.

Но вопрос стоит гораздо шире: а может, и сам дьявол это маска? Может, и дьявол это всего лишь образ?

Грехов повинник

Обратимся к книге В.Н. Лосского «Мистическое богословие». Там, в главе «Первородный грех», начинающейся словами «Проблема зла — проблема по существу своему христианская», есть такие слова: «В аспекте сущностном отцы считают, что зла не существует, что оно есть только лишение бытия <...>. Зло, конечно, не имеет места среди сущностей, но оно не только “недостаточность”, в нем есть активность. Зло не есть природа, но состояние природы, и в этом высказывании отцов заключается большая глубина. Таким образом, оно есть как бы болезнь, как бы паразит, существующий только за счет той природы, на которой паразитирует. Точнее, зло есть определенное состояние воли этой природы; это воля ложная по отношению к Богу. Зло есть бунт против Бога, то есть позиция личностная. Таким образом, зло относится к перспективе не сущностной, а личностной. “Мир во зле лежит”, — говорит Иоанн Богослов, зло — это состояние, в котором пребывают природы личных существ, отвернувшихся от Бога. Итак, начало зла коренится в свободе твари. Вот почему оно непростительно; зло рождается только от свободы существа, которое его творит. “Зло — не есть; или, вернее, оно есть лишь в тот момент, когда его совершают”, — пишет Диадок Фотикийский, а Григорий Нисский подчеркивает парадоксальность того, кто подчиняется злу: он существует в несуществующем».

Первое, что вспоминается из Священного Писания в подтверждение данных слов современного богослова, это Послание апостола Иакова: «В искуше-

нии никто не говорит: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью» (Иак. 1, 13–14).

Апостол решительно отвергает мысль о Боге как виновнике искушений и вовсе не упоминает о дьяволе как необходимой их принадлежности, но говорит, что каждый искушается *собственной похотью*. Причем апостол описывает последовательность грехопадения точно так, как ее впоследствии более подробно опишут святые отцы — например, преподобный Исихий: «Первое есть прилог; второе — сочетание, когда наши помыслы и помыслы лукавых демонов смешиваются; третье — сосложение, когда обоего рода помыслы сговорятся на зло и порешат между собою, как ему быть; четвертое же есть чувственное деяние или грех»*.

Описанная преподобным Исихием последовательность рождения греха совершенно согласна с описанием апостола Иакова, только последний в прилоге видит «собственную похоть». По слову апостола, каждый прежде *искушается* собственной похотью; потом, *увлекаясь*, сочетается с ней; и наконец, *обольщаясь*, попадает в сосложение, или пленение своей же похоти. Далее грех совершается действием, а именно: «Похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть» (Иак. 1, 15). Вот ведущие ко греху ступени, называемые святыми отцами как прилог, сочетание и пленение**. Только непривычно слышать, что человек искушается от собственной похоти, так как принято считать главным искушителем — беса***. Почему же он не упоминается апостолом Иаковом?

В первом грехопадении бес не мог участвовать. Никто не искушал самого близкого к Богу ангела, когда тот решил противопоставить себя Богу. Поэтому описанная апостолом последовательность совершения греха, начинаемая не от брошенного бесом помысла-прилога, но от собственной похоти, есть первейшая и изначальная последовательность, подтверждающая, **что зла как такового нет, что зло творит сам человек**.

Что же тогда творит дьявол? Помогает. Но даже после того, как дьявол стал помогать человеку искушаться собственной похотью, вся вина за совершенный грех ложится не на дьявола, а на человека, так как, чтобы согрешить и перейти от Бога на сторону дьявола, человеку нужно самостоятельно, без всякой посторонней помощи преодолеть свою благую, сотворенную Богом природу. В.Н. Лосский говорит об этом так: «Правда, человек, по природе располо-

* *Святитель Макарий Коринфский*. Добротолюбие, доп.: В 5 т. / В русском переводе святителя Феофана, Затворника Вышенского. Т. 2. Кн. 2. М.: Сибирская Благовонница, 2010. С. 84.

Вообще говоря, Святые Отцы выделяют четыре ступени развития помысла.

1. Прилог, или удар, помысла по уму; это ступень безгрешная.

2. Сосложение (сочетание), когда мысль начинает сочетаться с помыслом, вступая с ним в разговор; это ступень, на которой грех начинается.

3. Пленение, при котором помысел становится собственным желанием души.

4. И наконец, совершение греха действием.

** Там же.

*** Считать беса виновником грехов стало настолько привычно, что слова молитвы ко Пресвятой Богородице «да мя не явиши бесом радование, иже многим грехом повинника» понимаются молящимися совершенно превратно. В молитве написано, что виновником грехов является сам молящийся, мы же читаем: бес — грехов повинник. На самом же деле местоимение «иже» относится не к бесам, но к молящемуся, так как стоит в единственном числе, о чем свидетельствует его острое ударение. И слово «повинник», стоящее в единственном числе, тоже относится к молящемуся, а не к бесам. Слово же «бесом» стоит здесь во множественном числе, что подчеркивается омегой. И потому смысл выражения таков: да мя, повинного во многих грехах, не явиши бесам радование.

женный к познанию Бога и любви к Нему, выбрал зло потому, что оно было ему подсказано: в этом — вся роль змия. Зло в человеке, а через человека и в земном космосе, представляется, таким образом, связанным с заражением, в котором нет, однако, ничего автоматического: оно могло распространяться только с свободного согласия человеческой воли. Человек согласился на это господство над собой».

Однако не технологическая цепочка грехопадений нас сейчас интересует и не вопрос «кто виноват?». Данная цитата из Священного Писания приведена лишь в подтверждение правильности мыслей Владимира Николаевича. Нас интересует дьявол.

Всегда быть в маске судьба его

Природа дьявола, сотворенная Богом, добра, почему же он зол? Почему то, что не имеет места среди сущностей, а именно, зло, может подчинить себе саму сущность, то есть добро?

В процитированных выше словах В.Н. Лосского заменим слово «зло» словом «образ». «“Зло — не есть; или, вернее, оно есть лишь в тот момент, когда его совершают”, — пишет Диадок Фотикийский, а Григорий Нисский подчеркивает парадоксальность того, кто подчиняется злу: он существует в несуществующем». Образ — не есть; или, вернее, он есть лишь в тот момент, когда на него обращают внимание. Можно подчеркнуть парадоксальность того, кто обольщен каким-либо образом: он существует в несуществующем.

Действительно, что такое телевизор? По сути своей ничто. Звучащие цветные пятна. Выключи телевизор — и нет его, даже работающий телевизор нельзя назвать чем-то существующим, если не обращать на него внимания. Сущности, как и всякий образ, телевизионное изображение не имеет. Но через образ всегда действует личность, которая этот образ создает. Какова эта личность? Чего она хочет? Чему она учит через образ, который создает по своему образу (прошу прощения за «масло масляное»)?

Необходимо подчеркнуть, что во всех перечисленных выше случаях речь идет об образе с буквы маленькой. Но есть и другой Образ, которому мы научены поклоняться Седьмым Вселенским Собором. Этот Образ принципиально отличен от образа, поскольку он пронизан нетварным Божиим Светом. Здесь я имею в виду не одну только православную икону. Этот Образ запечатлен в не замутненном дьявольским дыханием богоданном мире. Этот Образ был разлит в мире до того, как его коснулась смерть. Этот Образ отражен в Священном Писании и в Церковном Предании. Через этот Образ мы видим Свет Неприступный. Этот Образ не создается, но дается свыше, потому что этого Образа никто, кроме Бога, создать не может.

Продолжая далее сравнение Образа и образа, можно сказать, что тварь не способна к созданию образов, но создает только образы. Сотворить образ Образом может только Бог, если тварь Его об этом просит. Тварь способна лишь подражать Образам, хотя образы она способна творить самостоятельно. У образов есть только два способа существования: либо образы соделываются Образами благодатью Божией, либо образы **паразитируют** на Образах.

Почему дьявол зол? Потому что он паразит. Почему зло пересиливает добро? Потому что оно паразитирует на добре. Что же значит вести жизнь паразита? Это значит, например, превращать материальные блага из средств жизни в самостоятельную ее цель. Это значит саму жизнь, дарованную нам для стяжания вечного блаженства, превращать в самодовлеющего идола, то есть в жизнь ради жизни, а не ради Бога. А поскольку «идол в мире ничто» и «что

нет иного Бога, кроме Единого» (1 Кор. 8, 4), паразитическая жизнь оказывается прожитой впустую. Концом же паразитического образа жизни является «огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его» (Мф. 25, 41).

Это все старые как мир истины. Однако они и есть те главные примеры, которые можно привести, чтобы наполнить содержанием рассматриваемую нами категорию «образа». Но только ли в уготованной ему геенне беда паразита? Кстати сказать, многие из верующих, вернее, из называющих себя верующими перестали верить в существование геенны, говоря, что Бог по Своему благоутробию не допустит вечного мучения созданных Им людей. Что им отвечать?

Бог, может, и не допустил бы вечного мучения твари, но иная тварь сама себя готова вечно мучить, лишь бы только не общаться с Богом. В том и заключается **зло зла**, что живущий в нем сам для себя оказывается мучителем. Это удивительно, но это так. Весь ужас положения паразита в том, что при всем желании простить его — простить его невозможно. Почему? Потому что зла как такового нет. Зло творит сам человек, значит, и палачом за содеянное зло он будет сам себе. Наказание паразита — в нем самом. Злодей сам себя рано или поздно накажет.

Кто был первым злодеем и, стало быть, оказался первым паразитом и собственноручным мучителем? Дьявол. Выходит, дьявол — первомученик, вернее сказать, первый самим собой мучимый грешник? Что ж, можно и так сказать, привлекая греческий смысл слова «мученик» (мученик) — свидетель. Дьявол — первый свидетель геенны. Но свое мученичество за нее, вернее сказать, мученичество в ней он, разумеется, скрывает, потому что явись он в истинном растерзанном обличье своим клиентам, они в ужасе разбегутся. Поэтому свое лицо, свидетельствующее о геенне, он тщательно скрывает под различными личинами. Поэтому он всегда — в маске.

Дьявол, конечно, не маска, он — личность, но он должен устраивать маскарад, чтобы скрыть о себе правду.

ОАО «Антихрист и Ко»

Допустим, что все это так. Но если дьявол всегда в маске, то как его узнать? Как определить: он это или не он? Способен ли дьявол материализоваться? Как существует то, что не сотворено Богом, то есть зло? Как, наконец, произойдет «воплощение» мирового зла — антихриста?

Все это произойдет и происходит паразитически. Приведем простые житейские примеры. Если до покупки мобильного телефона я грешил пустословием, так сказать, неприметным образом, то теперь за всякое праздное слово, сказанное по телефону, я расплачиваюсь своими деньгами и к грядущему Божьему наказанию — ибо «за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» (Мф. 12, 36) — добавляю свои деньги. Куда они идут? На материализацию греха пустословия. То же с кино. За каждый просмотренный фильм я плачу деньги: либо за TV, либо за DVD, либо за билет. Куда они идут? На материальное совершенствование искушающего меня образа и на мое постепенное низведение по ступеням соблазна. Со ступени прилога на ступень сочетания, далее на ступень сосложения и, наконец, на ступень совершения греха делом — поклонением образу зверя.

Интересно знать, каким он будет. Но почему будет? Может, он уже есть? Может, поклонение образу зверя давно совершается в моем уме, то есть зверя еще нет, а образ его действует? Но как такое может быть? Как может существовать образ того, кого нет в действительности? Очень просто. Поскольку зверь и его образ — равны, то не важно, есть ли на самом деле зверь или нет, потому что живет и действует дьявол, для которого как зверь, так и его образ

являются одинаково масками. А с другой стороны, поскольку поклонение звелю и поклонение его образу, по сути, тождественны, то не важно, кому из них мы кланяемся. В обоих случаях мы кланяемся — дьяволу.

И в завершение статьи обратимся к ее заголовку. Это переименованные слова из Евангелия от Луки. «Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 20).

Господь не сказал фарисеям того, что сказал Своим ученикам, а именно: «как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день Свой» (Лк. 17, 24). Почему же Господь не открыл фарисеям видимого знака Своего второго пришествия, то есть начала Царства Божия, самым явным образом, как Он открыл его апостолам? Потому что, не различив начала Царствия Божия внутри себя, человек не различит и внешнего Царствия Божьего. Потому что, не поверив в Небесное Царство и не ощутив его прихода в себе, нельзя поверить и в приход Сына Человеческого, «яко бо молния блистающися». Потому что, наконец, никогда не начнется для человека Царствие Божие вне его, если оно прежде не началось внутри его.

Не та же ли картина вырисовывается с антихристовым царством?

Первое. Не придет царство антихриста приметным образом, прежде чем не начнется оно внутри человека.

Второе. Не понимающий того, что образы зверя равнодейственны самому зверю, живет в прелести.

И *третье*. Если не допускать образов зверя внутрь себя до степени **сложения** с ними, то можно не опасаться внешних насильственных действий зверя на тело: принести вреда душе они не могут.

О царстве антихриста было сказано почти 2000 лет назад. «А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире» (1 Ин. 4, 3). Каковы устремления этого духа? Чего он, мятежный, хочет? Бури? Мирового пожара? Он хочет «воплощения» и воцарения на всемирном престоле вместо Бога. И если дух антихриста не материализовался до сих пор, то лишь потому, что не хватает денег.

У кого не хватает денег? У духа? Что за дикое сочетание вечного духа с тленными деньгами?

Сочетание не совсем дикое, потому что деньги на самом деле — это избирательные бюллетени. Человек думает, что он деньгами покупает себе ту или иную вещь, а в действительности он ими голосует за тот или иной дух. Царство антихриста лучше назвать не царством, но ОАО «Антихрист и Ко». Это акционерное общество открылось 2000 лет назад, но не придет оно «приметным образом» (Лк. 17, 20) до тех пор, пока жители земли не внесут в него большинство имеющихся у них денег.

Возрастающие в количестве и размерах телеэкраны делают «воплощение» антихриста все более приметным. А для того, кто без телевизора жить уже не может, дух антихриста можно считать материализовавшимся.

«Итак, бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать пред Сына Человеческого» (Лк. 21, 36).

ДОБРЫЙ БОГ И СМЕРТЬ

Сегодня шестая заповедь очень часто вспоминается как в церковной среде, так и в светском дискурсе. Звучит она как приказ: «Не убий», — и многие не понимают, как можно совместить эту заповедь и нынешнюю войну.

Предлагаю на ваш суд некоторые мои мысли по этому поводу.

Многие знают, что десять заповедей, в том числе и шестую, Моисей получил от Бога на горе Синай. А знаете, каким было одно из первых дел Моисея после получения заповедей откровения?

Цитата:

«И стал Моисей в воротах стана и сказал: кто Господень, [иди] ко Мне! И собрались к Нему все сыны Левиины.

И Он сказал им: так говорит Господь Бог Израилев: возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждого брата своего, каждого друга своего, каждого ближнего своего.

И сделали сыны Левиины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек» (Исх. 32, 26–28).

Три тысячи окровавленных трупов безоружных людей — братьев, друзей и близких, которых убили по приказу Моисея с благословения Бога Израилева... Вы можете представить это количество мертвых тел в одном месте? А сколько вдов, потерявших мужей? А сколько еврейских детей остались сиротами? И что, это такой добрый и любящий Бог?! Это что, справедливость такая?!

Согласен, для неподготовленного сознания это шок.

Так в чем же дело? Почему Моисей моментально нарушает Божью заповедь «Не убий» и мало того что не несет за это ответственность — он еще и поощряется Богом на это зверство? Может, все дело в том, что это было во времена Ветхого Завета, а с приходом в мир Христа все эти ужасы утратили свою актуальность?

Нет. Не утратили.

«Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены». Это цитата из апостола Иакова (Иак. 1, 17). Как видите, в Боге нет перемены. Бог Тот же, Который говорил с Моисеем на Синае.

Да и Сам Христос подтверждает актуальность ветхозаветных текстов:

«Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить.

Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» (Мф. 5, 17–18).

Господь Тот же, и Новый Завет не изменил Его природы.

Тогда как же Его милосердие и благодать? Где же Его добро и сочувствие? Где же Его всеобъемлющая любовь?!

Спокойно. Всё это никуда не делось, и я постараюсь объяснить это, чуть позже, буквально через пару абзацев.

А для начала важная вводная. Я хочу обратить ваше внимание, что в своде Синайских заповедей откровения заповедь «Не убий» только шестая в рейтинге. И это неспроста. А что же в топ-3 рейтинга?

«Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства, да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.

Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.

Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исх. 20, 2–7).

Так вот, именно потому, что евреи нарушили вторую заповедь, Господь пускает это убийство с одной целью: по молитвам Моисея спасти весь остальной народ Израиля от самого страшного — исчезновения не только из этой физической жизни, но и из Книги Жизни как некоего измерения, в котором существуют наши бессмертные души.

«Господь сказал Моисею: того, кто согрешил предо Мною, изглажу из книги Моей» (Исх. 32, 33).

И на фоне этой тотальной угрозы биологическая смерть человека несоизмеримо меньшее зло в сравнении с идолопоклонством или кошунством, которые приводят к полному исчезновению души из любых возможных форм существования.

Что же касается самого факта лишения биологической жизни, то на это отвечает Сам Христос: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20, 38).

Это для нас с вами, для людей постсоветского модерна, смерть — это нечто невообразимо страшное. XX век превратил гуманизм из набора правил человеческого общежития в богоборческую религию, в которой нет места не только для Бога, но и даже для нашей с вами неизбежной смерти. Смерть табуирована в современном светском обществе. Но для Бога биологическая смерть человека — это как для внимательной хозяйки пересадка подросшего цветка из меньшей кадки в большую. Да, меньшая кадка осталась пустой, но это не значит, что цветок пропал. Наоборот, он получил новое пространство для роста.

Для Бога большей трагедией является добровольный уход человека от Него к идолам, поскольку это приводит к полному исчезновению души из Книги Жизни, а для нас, маловерных, большей трагедией является наше бездыханное тело, поскольку в большинстве своем мы не понимаем, насколько это опасно — «играться» в идолов и кумиров. Именно поэтому первые три заповеди важнее, чем шестая.

Кроме того, все вышесказанное указывает на то, что нельзя относиться к священным текстам как к инструкции по эксплуатации швейной машинки. Моисей, как духовный человек, не занимался буквоедством. Его Богом просвещенная душа легко ориентировалась в вопросах применения Божьих откровений. Нужно знать, когда и как применять заповеди Бога. Это как с бактерицидным пластырем. Если вы пластырем защищаете рану пациента, вы занимаетесь лечением, а если вы этим пластырем заклеите ему рот и нос, ваше «лечение» приведет к тому, что пациент умрет. Пластырь здесь ни при чем, виноват тот, кто неправильно его применяет. Наша православная вера учит нас не буквоедству, чем часто грешат наши братья протестанты, — она нас учит поиску истины более в духе священных текстов, нежели в букве. Духовно опасно выдергивать цитату из всего контекста Писаний и игнорировать весь остальной массив: можно быстро встать на путь еретиков.

Завершая этот текст, хочу еще обратить ваше внимание на мнение известного режиссера всевозможных триллеров и фильмов ужасов Стивена Спилберга. Он как-то сказал, что человека больше всего пугает не вид ужасного монстра и не шокирующая пасть тигровой акулы. Нет, человека больше всего пугает неизвестность.

Почему мы боимся думать о нашей собственной смерти? Нас пугает неизвестность этого феномена. Но ведь эта сфера человеческого опыта на фоне успехов реанимационной медицины уже давно не является абсолютной терра

инкогнита. Существует масса вполне научных исследований в этой области. Можно изучить эту часть нашей физиологии, для того чтобы иметь хотя бы начальное представление о том, что нас ждет за гробом.

И для первого знакомства с этой темой я рекомендую очень хорошего автора, нашего современника, американского ученого, впоследствии ставшего православным монахом, Серафима (Роуза) и его финальную книгу «Душа после смерти».

Для знакомства приведу несколько цитат из этой книги.

«...Согласно рассказам, первое, что происходит с умершим, — это то, что он выходит из тела и существует совершенно отдельно от него, не теряя при этом сознания. Он часто способен видеть все окружающее, включая собственное мертвое тело и попытки его оживления; он ощущает, что находится в состоянии безболезненной теплоты и легкости, как если бы он плавал; он совершенно не в состоянии воздействовать на свое окружение речью или прикосновением и поэтому часто сильно ощущает одиночество; его мыслительные процессы обычно становятся намного быстрее, чем когда он был в теле. Вот несколько кратких отрывков из описания таких опытов: “День был пронзительно холодный, но, пока я был в этой черноте, я ощущал лишь теплоту и предельное спокойствие, какое я когда-либо испытывал... Помнится, я подумал: «Должно быть, я умер»”».

«У меня появились великолепнейшие ощущения. Я не чувствовал ничего, кроме мира, спокойствия, легкости, — просто покой».

«Я видел, как меня оживляли, это было действительно странно. Я был не очень высоко, как будто бы на каком-то возвышении, немного выше их; просто, возможно, смотрел вверх их. Я пытался говорить с ними, но никто меня не слышал, никто бы и не услышал меня».

«Со всех сторон люди шли к месту аварии... Когда они подходили совсем близко, я пытался увернуться, чтобы сойти с их пути, но они просто проходили сквозь меня».

«Я не мог ни к чему притронуться, не мог общаться ни с кем из окружающих меня. Это жуткое ощущение одиночества, ощущение полной изоляции. Я знал, что совершенно один, наедине с собой».

«Православного христианина ничто тут не должно удивлять, ибо описанный здесь опыт — это то, что христианам известно как отделение души от тела в момент смерти. Для нашего времени безверия характерно, что люди редко прибегают к христианскому словарю или осознают, что это их душа отделилась от тела и теперь переживает все это; обычно они просто бывают озадачены тем состоянием, в котором оказываются».

В заключение перечислю три главные мысли, исходя из всего вышесказанного.

1. Нельзя одним или двумя эпизодами из священных текстов описывать все текущие события, связанные с войной на Украине. На текущую войну нужно смотреть через весь массив Писания.

2. Биологическая смерть человека — это не самое главное и страшное в контексте священных текстов. Есть вещи гораздо важнее, чем смерть наших с вами физических тел.

3. Перед каждым живущим в этом мире стоит задача впустить в свою ежедневную бытовую жизнь мысли о своей собственной смерти и найти время познакомиться с этим феноменом. На самом деле нет ничего более важного, чем это знакомство. Любая деятельность человека измеряется ее итогом, будь то спорт, искусство или бизнес, и мне трудно понять, почему самый главный критерий итога всей нашей жизни — наша смерть для большинства из нас лежит за пределами нашего внимания.

19 июля 2022 года
Каховка

